

Федеральное агентство по образованию
Байкальский государственный университет экономики и права

Ю.М. БЕРЁЗКИН

**СЕМЬ
ПРИКОСНОВЕНИЙ
К
МЕТОДОЛОГИИ**

Иркутск
Издательство БГУЭП
2010

УДК 161/162
ББК 87.4
Б 48

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета экономики и права

Рецензенты

участник методологического движения с 1978 г.
доктор исторических наук, профессор М. Г. Меерович

доктор философских наук, профессор А. А. Атанов

Берёзкин Ю. М.

**Б 48 СЕМЬ ПРИКОСНОВЕНИЙ К МЕТОДОЛОГИИ / Ю.М. Берёзкин –
Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2010. – 257 с.**

ISBN 978-5-7253-2088-6

Книга содержит живую и в то же время наглядную попытку освоения не-большой части мыслительного наследия Московского методологического кружка (ММК) непосредственно в процессе работы факультативного методологического семинара, который несколько лет действует в Байкальском государственном университете экономики и права под руководством автора.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов и всех, кто интересуется проблемами мышления.

ББК 87.4

ISBN 978-5-7253-2088-6

© Берёзкин Ю.М., 2010

© Издательство БГУЭП, 2010

Содержание

Предисловие	4
Прикосновение первое: методологическая рефлексия, её отличия от философского и теоретического аналогов, ортогональные пространства мыследеятельности, функционализация и перефункционализация мыслительных средств, логическая структура принципа, рамки способов работы, рефлексивная организация места практического действия, системная интерпретация инвестиционно процесса, полисистемная организация.....	5
Прикосновение второе: рефлексивное обобщение системной логики, упражнения в функционализации средств мысли в процессах действия, предельные системные планы, место функционального плана в системной организации, псевдосистемные представления, примеры системной и несистемной организации, институционализация системных процессов, отличие социальных организмов от систем деятельности, рефлексивное подведение итогов и направления будущих обсуждений	41
Прикосновение третье: попытки поставить проблему ветхого жилья, отличия понятий «жильё» и «жилище», коннотации понятий «жильё» и «жилище», «хозяйство» и «производство» - их связи с обсуждаемой проблемой, структура акта производственной деятельности, культура и её связь с проблемой жилья, понятийный «кристалл» жилья, проблема как отсутствие понятийной культуры, рефлексивное возвращение к проблеме средстваальности мышления и деятельности людей.....	70
Прикосновение четвертое: обсуждение понятия «бизнес», оппозиции понятия «бизнес», типы бизнесов, отличия «бизнеса» от «предпринимательства», принципиальная структура понятия «бизнес», предпринимательский бизнес и бизнес-предпринимательство, схема финансирования предпринимательской деятельности, примеры вертикально-интегрированных бизнесов и предпринимательского механизма Microsoft'a, диверсификация бизнеса.....	109
Прикосновение пятое: попытка рефлексивного разбора инструментов предыдущих обсуждений, процедуры распредмечивания и опредмечивания, схема отражения Локка и примеры её неработоспособности, культура и её роль в механизмах опредмечивания и распредмечивания, различения «предмета» и «объекта», отличия мышления от индивидуального думанья, отличия западной и восточной культур, категории как основания мышления, мышление и свобода, речь и язык.....	131
Прикосновение шестое: рефлексия обсуждения проблемы ветхого жилья, переход от предметного жилья к распредмеченному понятию «жильё», разбор текста Гриднева о жильё, понятие «хозяйство» и его разновидности, простейшая структура хозяйства, жильё как один из результатов ведения хозяйства, трёхслойная структура хозяйства, типология форм организации хозяйства, место жилья в разных хозяйственных укладах, постановка проблемы жилья, организационные основания сегодняшней проблемной ситуации с жильём, мыслительный инструментарий, задействованный в обсуждении, трёхмерное пространство мыследеятельностных переходов (по Малиновскому)	151
Прикосновение седьмое: обсуждение методологической схематизации, предметный и методологический заходы на обсуждение схем, отличия традиционных научных схем от методологических, примеры методологических схем, назначение методологических схем, условия возникновения мышления, свойства методологических схем, схема как средство мышления и деятельности, китайские стратагемы и их схематизация, схемная организация мыследеятельности, роль схематизмов сознания (по Канту), пример разворачивания схемы демократического государства, институциональный механизм суда, способы построения схем, рефлексия обсуждения схематизации.....	199
Послесловие в стиле английской поговорки: «Если вы такие умные, то почему строем не ходите?».....	245
Рекомендуемая литература	256

Предисловие

Дорогой читатель, перед тобой необычная книга. Её нельзя назвать научным трактатом, хотя то, что в ней обсуждается, не менее серьёзно и строго, чем в любой научной работе. Это – не философское эссе, хотя в ней упомянуты едва ли ни все великие философы мира. То, что находится за обложками данной книги, является осторожным и крайне почтительным прикосновением, с моей точки зрения, к одному из величайших достижений человеческого Духа – методологическому мышлению, разработанному отечественной методологической школой, основателем и признанным лидером которой был и остаётся (даже после своей смерти) Георгий Петрович Щедровицкий.

Книга – учебная. Но это – не лекции и, отнюдь, не скучный пересказ достижений классиков мысли. В ней читатель найдёт живую и в то же время наглядную попытку освоения мыслительного наследия Московского методологического кружка (ММК) непосредственно в процессе работы факультативного методологического семинара, который я веду в Байкальском государственном университете экономики и права. Участники и главные действующие лица – наиболее «продвинутые» студенты и аспиранты университета. В книге – стенограммы всего лишь семи обсуждений разных тем (достаточно случайно выбранных из большого множества, накопившегося за три года), интересовавших самих участников семинара. Но обязательным требованием работы семинара было и остаётся одно: что бы ни обсуждалось, всё должно рассматриваться под методологическим «углом зрения», а именно – с осмысленным применением инструментов мысли. Это – демонстрация почти героических попыток участников семинара хотя бы чуть-чуть освоить самый сложный инструментальный методологический мышления и выращивания на себе хотя бы некоторых конструктивно-мыслительных способов практической работы, изобретенных и отточенных до виртуозности за полвека работы ММК.

Мне представляется, что любознательному читателю будет интересно не только познакомиться с тем, что пока (!) не преподают в вузах, но и буквально понаблюдать, как быстро могут меняться люди, едва только прикоснувшись к сокровищнице методологии.

Данная серия обсуждений проходила весной 2007 года. В ней принимали участие: Долгополова Юлия Федоровна (в тексте – Д.Ю.), Алексеев Денис (А.Д.), Гриднев Алексей (Г.А.), Иванкин Сергей (И.С.), Парчакова Ольга (П.О.), Даржаев Тимур (Д.Т.), Бурштык Олеся (Б.О.), Сурмаажав Ганбаяр (С.Г.) и другие.

Все упомянутые действующие лица – подлинны соавторы данной книги. Особая благодарность – моей любимой жене Каницкой Людмиле Васильевне, взявшей на себя огромный труд по расшифровке магнитофонных записей наших обсуждений.

Желаю всем получить удовольствие от прикосновений к методологии.

Ю.М. Берёзкин
участник методологического движения с 1988 г.
доктор экономических наук, профессор

Прикосновение первое

Берёзкин Ю.М. – Мы с вами на предыдущем семинаре обсуждали рефлексию как один из важнейших механизмов, используемых мышлением. В методологии рефлексия играет очень важную роль. С рефлексии начинается какая-то мысль, на рефлексии и заканчивается. Мне представляется, что обзор того, кто, где и как понимал рефлексию, который я делал прошлый раз, недостаточен, поскольку он не был доведен до соответствующих техник. Может быть, вот в этом направлении появились какие-то вопросы или суждения?

Д.Ю. – Вопросы появятся, когда начнем обсуждать техники.

Берёзкин Ю.М. – Ну, давайте так: прежде чем перейдем к техникам рефлексии, сначала обсудим, что было неясно? Или, может быть, вы как-то по-другому представляете? Или что-то не стыковалось у вас?

Д.Ю. – Мне было не понятно, зачем нужно столько разных представлений о рефлексии? Почему у разных философов были разные трактовки рефлексии?

Берёзкин Ю.М. – Нет, а Вас не удивляет то, что существует много разных философских концепций устройства мира? Механизм, называемый «рефлексия», по-разному представлялся разными философами, потому что у каждого был свой тип работы. В разных типах работы и рефлексия разная.

Д.Ю. – Потому что он устроен по-разному?

Берёзкин Ю.М. – Да. Ну, вот, как некоторые методологи говорят: каждая философская концепция – это «консервная банка». Там обязательно всё законсервировано и запечатано. И в каждой такой «консервной банке» – свой способ рефлексивной работы. Ну, а у методологов – там, соответственно, свой приём, свой изгиб. И особенность методологической рефлексии состоит в том, что рефлексия всегда движется либо к средствам, либо средства переносит, либо их перефункционализирует, либо ещё что-то подобное. Всё время работает со средствами мышления и деятельности. Чего, например, у разных философов этого просто нет. Любая философская концепция (как, впрочем, и научная) работает с наполненным материалом миром. У них у всех – разные представления о том, как мир устроен, но этот мир всегда наполнен. Всегда имеются определенные сущности. Всегда эти сущности как-то друг с другом соотносятся. И рефлексия у них всегда является механизмом либо соотношения этих сущностей, либо – их выявления, либо – ещё что-либо.

У методологов, в этом смысле, совсем другой заход. Методология работает с пустыми функциональными местами. Если не удастся на нашем семинаре у вас оторвать материальное наполнение от функциональных мест, то это значит, что вся наша работа будет впустую.

Д.Ю. – А как это проверить?

Берёзкин Ю.М. – Как я проверю? Ну, как говорят: истина – очевидна. Как только рот откроете, так сразу будет видно. И если это не будет прорезаться, хотя бы изредка, то получается, что... если и не зря потрачено время, то, во всяком случае, не очень эффективно потрачено.

Знаете, когда в методологии речь заходит о средствах работы, то сознание обычного человека (не только русскоязычного, западные, в этом смысле, точно

такие же) сразу начинает представлять это средство в материале. Или, хотя бы, в образе. И вот это – самая тяжёлая вещь. Для методологии это – просто убийство. Методологи говорят так: как только речь заходит о средствах, сознание человеку тут же пытается подsunуть «трупик». Поскольку наше человеческое сознание устроено так, чтобы обязательно видеть перед собой нечто фиксированное. Если метафорически выразиться – «трупик»: либо знание (это – уже умерщвлённая мысль), либо предмет какой-то (а это – уже умерщвлённая деятельность), либо – ещё что-то. Но всегда – «трупик» перед глазами.

Это касается, буквально, всего на свете. Когда, например, говорят: «писать нужно на белой доске с помощью фломастера», обычное научное или философское сознание обязательно должно спросить: «что писать?» – А что угодно! Речь шла о средствах, с помощью которых можно осуществить написание любого текста, любой графемы и всего остального. И если вы будете способны расслоить вот это функциональное место, способное осуществлять действие, наполнение этого места и тот результат, который получается в итоге этого действия, тогда можно будет говорить о том, что есть какие-то продвижения. А если этого нет, если вам говорят, что средством является ложка, а вы в ответ спрашиваете: «что есть ложкой?», то вся наша работа будет впустую, поскольку ложкой, как средством, есть можно всё, что угодно. Не понятно?

А.Д. – Т.е. нам должно быть важно, какие это конкретные средства?

Берёзкин Ю.М. – Да, эти конкретные средства появляются после, на втором шаге. Т.е. мы сначала должны понимать, что есть руками – не очень эстетично, гигиенично и т.д. – какие-то другие цели не достигаются (ну, например, просто заболеть можно). И нужно есть чем-то таким, что чище, чем руки. А уж потом это у разных народов нашло разное воплощение: кто-то, там, палочки стал использовать, а кто-то стал из чурок выстругивать ложки (видимо, потому что более типичной была жидкая пища, чем, например, у китайцев, которым было удобней всяких «тараканчиков» брать тонкими палочками). Но изначально речь должна идти о пустом функциональном месте, которое должно осуществлять какой-то ход, или действие, или какой-то способ работы. И если человек не начинает мыслить такими пустыми функциональными местами, а сразу хватается за наполнение этих мест, то появляется такое безобразие, в котором мы всё время живём.

Если речь заходит о дорогах, то первым делом ищут, где асфальт производят. А, может быть, эту дорогу не из асфальта нужно делать. Нужно сначала выяснить, какую она функцию должна нести. И какие требования к этой функции. А уже потом выяснять: тот асфальтовый завод, который есть? Он способен эти требования обеспечить? Ну, и т.д.

Там, где начинают с идеальных пустых мест и с конструирования из чистых функций, там получают «Мерседесы», а где наоборот, то – наоборот: получают «Жигули».

А.Д. – Проектный тип мышления так работает?

Берёзкин Ю.М. – Да, и проектный, и конструкторский типы мышления работают с пустыми функциональными местами. А потом, к примеру, когда уже определили, что на космическом корабле должно делаться в принципе,

только потом начинают думать: а как эти функциональные места можно наполнить? И каким материалом можно наполнить? А до этого ещё выясняют, какие требования к материалу должны выполняться? Ну, и т.д.

И за это всё, весь этот процесс, и отвечает механизм, называемый методологической рефлексией. Рефлексия всё время должна быть нацелена на то, что потом будет использовано для чего-то. А, во-вторых, рефлексия должна отсекаать преждевременное материальное наполнение. Материальное наполнение должно производиться в самую последнюю очередь. То, что в системном анализе называется «морфологией материала», т.е. вещное наполнение. Например, сначала нужно придумать «парту» как функциональное место, которое должно иметь определенные деятельностные характеристики, а потом уже думать: из чего эту парту делать.

Д.Ю. – В методологии функциональные места рассматриваются в онтологии деятельности?...

Берёзкин Ю.М. – Ну, конечно. Речь идёт о местах как чистых действиях.

Д.Ю. – А в философии?

Берёзкин Ю.М. – А философия всегда говорит, как мир устроен. Там онтология есть, но она всегда наполнена. Онтология в методологическом направлении, в методологическом мышлении имеет, как бы, другой статус, нежели у Гегеля или любого другого философа. У философа онтология показывает, как мир устроен «на самом деле». А у методолога онтология – это принципиальная возможность двигаться и чего-то делать.

Можно сказать так. В методологии онтология занимает такое, интересное, положение. Если есть человек, или какая-то группа лиц, или деятельностная структура, без разницы, и есть какая-то цель, и возникает такая растяжка – ты хочешь двигаться к этой цели, но у тебя нет того, с помощью чего ты можешь двигаться к цели, т.е. средств, позволяющих осуществить движение к цели...

Так вот, отсутствие этих средств в методологии называется «проблемой». «Проблема» – не в вещах. Она на человеке «сидит». Она человеку не даёт двигаться. И для того, чтобы требуемые средства появились, нужна такая, промежуточная, вещь, которая называется объектно-онтологической «доской». В кавычках. «Доска» – это метафора, просто, название, по способу графического изображения. Не более того. А если точнее выразиться, то это – некое мыслительное пространство, в котором можно осуществлять совершенно особый способ работы. Прежде чем осуществить шаг в направлении к цели, мы должны сделать совершенно другое действие, результатом которого стало бы появление в этом объектно-онтологическом пространстве некоего «объекта».

«Объект», который появляется на объектно-онтологической «доске» методолога, это совсем не тот объект, который у философа, и который ему говорит, как мир устроен «на самом деле», или «истина». Нет, это то, что потом будет из объектно-онтологической «доски» вытащено, вот сюда – в оргдеятельностное пространство (т.е. пространство организованного движения и действия) вставлено, и там использовано в качестве принципиального средства.

Ну, грубо говоря, если взять пример с едой, который я только что приводил, то там это всё можно легко увидеть. Предположим, у меня есть цель «по-

есть». Тут, первым делом, надо понимать, что цели тоже должны формулироваться в деятельностной манере. Не так, как Вы говорили прошлый раз, пытаюсь сформулировать цель: «хочу стать президентом». Это не деятельностная формулировка цели. А, например, так: «хочу иметь возможность осуществлять власть». Или что-то подобное. И чтобы получить такую возможность («осуществлять высшую власть»), должны быть средства достижения цели. А поскольку, чаще всего, когда подобные цели ставятся, соответствующих средств нет, движение должно осуществляться по шагам. Сначала нужно поставить ближайшую цель: что нужно сделать, чтобы продвинуться хотя бы на шаг к отдаленной цели? И Вы должны сделать нечто, результатом чего станет некий «объект», который вы затем используете как средство (рамку, условие) для следующего шага. Потом в результате следующего шага-действия появится новый объект-средство третьего шага. И т.д., пока не откроется рамка-средство для достижения конечной цели. Пока не войдешь в пространство, где станет практически возможным «осуществлять власть».

Эта работа сильно отличается от работы в научной ориентации, или – в научном залоге, где объекты всегда предполагаются уже существующими. Наука первым шагом исходит из предположения, что уже существует объективный мир, в котором существуют объекты, подлежащие изучению: рассмотреть эти объекты со всех сторон, представить в знании и т.д.

Так вот, в отличие от такого «объективистского» захода, где априорно считается, что объекты существуют сами по себе, методология предполагает совершенно другое. Она исходит из посылки, что самих по себе объектов нет. Даже в таких простейших случаях: выезжаешь на Байкал, в Листвянку, смотришь – горы на той стороне, в сиянии солнца, в снегу и т.д. Объективистское сознание автоматически считает, что эти горы существуют сами по себе, без нашего участия. Методология в этой ситуации делает, казалось бы, нелепый ход: она считает, что самих по себе объектов, называемых «горы», не существует. Есть некий природный материал. А чтобы из этого природного материала вычленил «горы», нужна специальная работа нашего сознания и мышления.

Ну, например, мы должны себя представлять такими маленькими, по сравнению с большой горой. Что для нас ходить по ровной местности – это совсем не то же самое, что ходить по пересеченной местности, а тем более – по крутым горным склонам. И если бы мы (мыслящие существа) были устроены по-другому, например, как какие-нибудь ползучие твари (типа змей), для которых без разницы, где ползать – по ровной поверхности или по почти отвесной, то наши нынешние горы – совсем не факт, что были бы теми же «горами».

Или для мухи. Или, например, для орла, который летает над горами. Со всем не факт, что то, что мы вычленим в своем сознании как «горы», с его точки зрения – тоже горы, поскольку ему без разницы, где летать, и где садиться – вверху или внизу.

В этом смысле, любой «объект», который мы выделяем (неважно, для чего? – чтобы его исследовать или для того, чтобы продвинуться к своей цели), есть результат работы человека – его сознания, его мышления, его действия.

Я понятно говорю? Или не очень?

Д.Ю. – Можно, я пример приведу?

Берёзкин Ю.М. – Да.

Д.Ю. – В науке цель ставится так: «хочу стать президентом». Правильно? А в методологии...

Берёзкин Ю.М. – В науке, Юля, не может быть такой постановки вопроса. В науке по-другому будут ставиться вопросы: что такое – властная позиция президента? Какими характеристиками она описывается? Или – может быть описана. Они изначально предполагают, что объект – «позиция президента» существует сама по себе. Как Луна, которая каждый вечер появляется на небе.

Д.Ю. – И там существует естественный закон становления президента?

Берёзкин Ю.М. – Ну, не знаю. Вряд ли, это будет «естественный закон становления президента», поскольку «процесс становления» наукой не описывается. Любая наука всегда предполагает, что объект должен быть неизменным. Либо – изменчивым, но по заранее известному закону. И если этот закон неизвестен, наука, опять же, оказывается бессильной.

Д.Ю. – В методологии «объект» всегда нематериально-предметный?

Берёзкин Ю.М. – Нет, «объект» в методологии – это результат каких-то действий. Вот, мы что-то делаем и результатом становится «объект». Если мне нужно поесть, и я понимаю, что грязными руками есть, вообще-то, вредно, то, прежде чем есть, я должен найти специальное место (ну, например, верстак), взять какую-нибудь чурку и из неё выстрогать ложку. И ложка станет результатом моих действий, и «объектом». Но она («объект») для меня не сама по себе нужна, а нужна для того, чтобы «перебросить» совсем на другую «доску», где я буду двигаться в соответствии с требованием этого средства.

Д.Ю. – Т.е. перейти в мышление?

Берёзкин Ю.М. – Нет, и то, и другое находится в мышлении. Та и другая «доска» – это всего лишь модусы мышления. Это – как бы, разные способы мыслительной работы. Эта «доска» (показывает на горизонтальную плоскость на рис. 1) называется «объектно-онтологической», куда мы кладём (прорисовываем) «объекты», выделенные с помощью каких-то действий. Например, с помощью работы своего сознания выделяем и говорим: это – дерево, это – гора, это – тарта... Хотя совсем не факт, что другие существа точно так же будут выделять.

Но это нам нужно не само по себе. На объектной «доске» нет людей. Нет, вообще, человеческой активности. Поэтому это нужно нам для того, чтобы выделенное перебросить на другую «доску», где есть мы – действующие. Т.е. перетащить наш «объект» в другое пространство (модус) мыслительной работы, где он стал бы «средством» для нашего следующего движения-действия. И эта «доска» называется «оргдеятельностной», где я буду осуществлять свои действия, организованные полученными на предыдущем шаге средствами (рис. 1).

И у меня эта «объектно-онтологическая доска» будет, как бы, постоянно сдвигаться. Например, если я получил в качестве средства для еды ложку, то затем выяснится, что чтобы есть, кроме ложки, нужны ещё и другие средства, к примеру, тарелка. Поскольку из ладоней ложкой есть тоже не очень удобно. Тогда я должен сделать новый шаг по получению нужного объекта, чтобы за-

тем его использовать как средство. Для этого я должен выделить пустое функциональное место, определить, каким требованиям (чтобы из него есть) оно должно обладать? Найти подходящий материал для наполнения этого места. В результате я изготовлю то, из чего можно черпать ложкой.

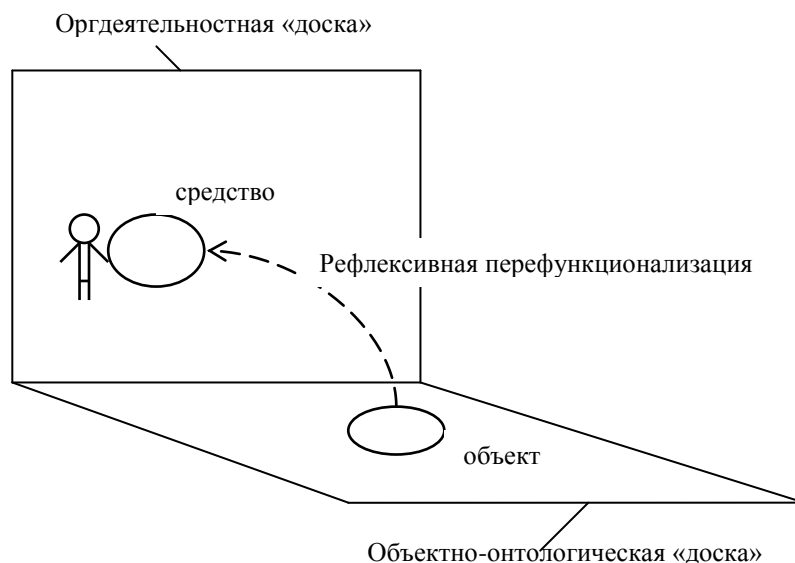

Рис. 1. Ортогональные «доски» мышления

Соответственно, на объектно-онтологической «доске» появится новый объект – тарелка, которая затем будет использована в качестве ещё одного средства в процессе еды. Потом выяснится, что тарелку ещё нужно на что-то ставить, поскольку на полу есть тоже неудобно. Чтобы есть, нужен стол. И он должен быть сначала изготовлен как объект, а потом задействован как средство.

П.О. – То, что Вы рассказываете, это можно считать рефлексией?

Берёзкин Ю.М. – Нет, рефлексия всё время делает эти переходы и перефункционализации (на рис. 1 пунктирная стрелка). С одной стороны, в рефлексии я всё время должен отдавать себе отчёт: где я нахожусь? И в каком способе работаю? Движение у меня всё время такое: туда – сюда. Как утка ходит. Сначала я должен сделать движение, чтобы на объектной «доске» что-то появилось. Потом я с помощью рефлексии должен перенести то, что я сделал, на другую «доску», перефункционализировать «объект» в «средство». Затем это средство я на себя «одеваю» и делаю следующий шаг на оргдеятельностной «доске» в направлении поставленной цели.

Вот эти переходы – туда-сюда – обеспечивает методологическая рефлексия. И на любом шаге, если возникает проблема, я должен строить для себя средства. Проблема – не вещественный характер носит. Ну, как говорят: «денег нет – проблема!». Проблема возникает тогда, когда я не могу двигаться к чему-то.

И это всё исходит из базового предположения методологии, что «мир – это мышление и деятельность людей». А всё, что нас окружает – это результат этого мышления и деятельности. Вплоть до Природы, которая тоже за счёт мышления устроена. Но не надо это понимать так, что и природный материал – дело рук человека. Человек – не Господь Бог. Но человек берёт этот природный ма-

териал и превращает его в приспособленные для жизни людей вещи. А затем – в разного рода средства.

Д.Ю. – А как он средства придумывает?

Берёзкин Ю.М. – Смотрите: и здесь ложка (показывает на одну «доску»), и здесь ложка (показывает на другую «доску», рис. 1). В морфологическом, материальном смысле она не отличается на разных «досках». В материальном плане «средство» и «объект» – одно и то же. Это было объектом, когда он делался кем-то, а потом мне его «перебросили», и я его стал использовать как средство. И если Вы будете всё время удерживать эту вещную, материальную составляющую, Вы не сможете работать на этих двух «досках». С материальной точки зрения, разницы никакой нет. Вот эта парта была объектом, когда её изготавливали на мебельной фабрике. А потом – раз! – «перебросили» в университет, и парта-объект превратилась в парту-средство написания студентами конспектов лекций.

Это вот, к Вашей, Юля, проблеме инвестиций, просто, впрямую относится.

А.Д. – Можно сказать, что это всё было получено в рефлексии?

Берёзкин Ю.М. – Нет, рефлексии в материальном смысле – не существует. Рефлексия – это осмысленное движение по перефункционализации и «переброске» средств мышления и деятельности. Например, вот я держу в руках материальный предмет – фломастер. Но у меня в мысли есть его мыслительный аналог – идеальный объект с тем же названием. Если я его изготовил как объект, то должен найти способ, как «перебросить» его туда и тому, где и для кого он стал бы средством писать на белой доске. И сначала я в мысли все эти переходы и перебросы делаю, т.е. строю путь мысли – метод, который предусмотрит все возможности, и тогда материальная действительность становится сама собой разумеющейся.

А.Д. – Ведь, если осуществляется какая-то деятельность, она же может сначала неосознанно осуществляться, а потом в рефлексии...

Берёзкин Ю.М. – Нет, Денис. «Неосознанной деятельности» не бывает. Только судороги бывают неосознанными. Вот, когда ножками сучишь и не знаешь, в какую сторону бежать и за что хвататься, это деятельностью быть не может. Когда кишки бурлят от того, что съел плохую пищу, это тоже нельзя называть деятельностью. Хотя некоторые биологи говорят: «деятельность пищеварения». К деятельности это не имеет отношения. Деятельность, во-первых, всегда целенаправленна. Когда ты вот этого хочешь достичь, и тебе что-то мешает. А во-вторых – рефлексивно осмысленна.

Д.Ю. – Методология – это разработка средств?

Берёзкин Ю.М. – Да, методология – это разработка средств. Методология – это разработка мыслительных средств, чтобы снова (на следующем шаге) можно было двигаться и действовать. И, смотрите, мышление появляется только тогда, когда появляется такая проблемная ситуация. Когда возникает разрыв между отсутствием средств и той целью, которую ты хочешь достичь. Если у тебя такого разрыва нет, проблемы нет, и мышление там не нужно. Там обычного рассудка вполне достаточно.

Д.Ю. – А средства как разрабатываются?

Берёзкин Ю.М. – Средства так и разрабатываются. Нужно начать двигаться в каком-то направлении и выяснится, что тебе чего-то не хватает: каких-то понятий, условий или ещё чего-то. Говорится простая вещь: тебя посадили в тюрьму, ты хочешь вырваться. Спрашивается: каким способом? За счёт каких средств? И начинаешь, соответственно, соображать. Почитайте книгу «Граф Монте-Кристо».

Д.Ю. – Воображение нужно?

Берёзкин Ю.М. – Вот! Как говорил Кант, без продуктивного воображения здесь вообще ничего не сделаешь. С.В. Попов, один из самых крупных современных методологов, например, говорит про себя так (я сам от него это слышал). Я, говорит, человек – механический. Когда мне какой-то вопрос задают, первое, что я должен сделать – представить это буквально как механическую конструкцию: из чего это должно состоять? Что с чем должно быть скреплено? Что к чему «припаяно»? И т.д. И как только я это пойму, что сначала, что – потом, я уже знаю, как решать поставленную задачу.

Ну, точно так же, как автомобиль на конвейере собирают. Там же не с любого момента можно собирать. Сначала остов собирают, потом к нему что-то привинчивают, потом – третье и т.д.

Точно так же и здесь, с деятельностными конструкциями.

Из зала – Где про это прочитать можно?

Берёзкин Ю.М. – Вы всё время про книги. Книга – вещь хорошая, но вредная (в методологическом смысле). Поскольку она перед вами лежит как некий предмет, а, во-вторых, она и вас заставляет всё время осуществлять эту процедуру предметизации. Т.е. **пред** собой нечто **метить**, или **пред**-ставлять. А средства предполагают, что вы это не перед собой должны положить, а на себя «одеть» и начать двигаться в соответствии с тем, что средствами диктуется.

Когда Вы, Юля, учились ездить на автомобиле, для Вас автомобиль не был средством. Он для Вас был объектом. Вам гаишник или кто-то другой показывал, что надо делать, чтобы поехать на автомобиле, а Вы с большой осторожностью то за одно дёрнете, то на другое надавите. Автомобиль Вас плохо слушался, и получалось всё как-то не так, как хотелось. А когда он для Вас стал средством, Вы в него садитесь и, просто, едете. Не управляете, а, просто, едете. Он стал Вашим продолжением, а Вы – подчиняете свои движения тому, что предопределено этим средством.

И так – с любым средством. Ложку Вы точно так же на себя «одеваете». Хотя кажется, что она (материальная) у Вас в руках. Поскольку есть понятие ложки, Вы в него входите и действуете в соответствии с тем, что предписывает это понятие. Вот, я, например, в понятие «китайские палочки» войти не могу. Сколько раз ни пытался, не получается. Хотя мне много раз показывали и рассказывали, как этот палец ставить, как этот. А вот, не работает! Палочки отдельно, а мои действия – отдельно.

А.Д. – Объект.

Берёзкин Ю.М. – Да, палочки для меня, в этом смысле, объект.

П.О. – То, что Вы рассказывали про рефлексию, это должно быть в человеке от рождения или этому учатся?

Берёзкин Ю.М. – Нет, конечно, этому учатся. Вообще, человек рождается кусочком мяса, который ничего не умеет. И всё, что он приобретает, это всё ему вменяют.

П.О. – Нам в школе преподавали «Способы изобретения», ТРИЗ. Это похоже на методологию?

Берёзкин Ю.М. – «Способы изобретения» – это другое. Я слышал про этот ТРИЗ. Но...

Д.Ю. – Там – типа того, что если с одним материалом не получается, попробуй с другим...

Берёзкин Ю.М. – Вот, Вы сами и ответили на вопрос, почему методология не очень хорошо относится к подобному «изобретательству», ТРИЗу. Потому что там на первом месте – работа с материалом. А в методологии материал – в последнюю очередь. В методологии на первом месте – работа с пустыми функциональными местами. Ты должен сначала построить конструкцию из чистых функций. Сказать: вот здесь у меня будет ложка, и я, прежде чем есть, каким-то образом должен получить ложку. Либо я её должен сам изготовить, либо найти способ, где её взять. Но в последнем случае этот вопрос всё равно у кого-то вставал – ведь кто-то же её изготовил. В другом пустом месте у меня должна быть чашка. В следующем пустом месте должен быть стол и т.д. И каждый раз проверять: работает конструкция – не работает? Процесс еды возможен – не возможен? Если не возможен, то что ещё мешает? Если не можете достичь цели, то выделяете новый разрыв, или – отсутствие ещё каких-то средств. И на каждом шаге должен быть этот момент проблематизации. Когда конструкция, с помощью которой вы обедаете, будет построена, потом появится проблема следующего уровня: окажется, что всё это куда-то должно быть помещено – в более широкую рамку: квартира с кухней нужна или столовая, где этот стол должен стоять. И нужны будут другого уровня средства.

И Ваша цель будет всё время отодвигаться. Вы, как бы, «кусочек» проблемы отламываете, превращаете в задачу. Иначе говоря, Вы этого уже можете достичь (т.е. действовать определённым способом). Когда Вы поймёте, что можете ложку купить, чашку купить, стол, выяснится, что Вам это всё надо куда-то ставить. Перед Вами встанет следующего уровня проблема: Вам нужно где-то это средство взять – купить квартиру, построить дом или выйти замуж за человека с квартирой. И у Вас появится в Вашей конструкции новая объемлющая рамка.

А начинать реализовывать нужно с конца: сначала создать условия, чтобы был дом или квартира, а потом – то, что должно быть на кухне, вплоть до ложки. И так – задним ходом – раз, раз, раз! – и цель будет достигнута. Появится возможность «есть по-человечески». Можно садиться и есть.

Онтология здесь появляется как предельная рамка-средство стягивания целевой организации действий и проблемности движения. Если нет целевой организации, если Вы не движетесь, а, просто, сидите и медитируете, или просто думаете, то этого ничего не надо делать.

В результате получается, что эти отдельные «досочки», то есть – ваши шаги по обустройству того процесса, в направлении которого вы собираетесь дви-

гаться, носят название «частные онтологии», или в методологии это получило название «онтика». Онтика – это частный срез предельной онтологии, которой является онтология деятельности. Это – частные срезы, которые укладываются в одну общую рамку деятельности (рис. 2).

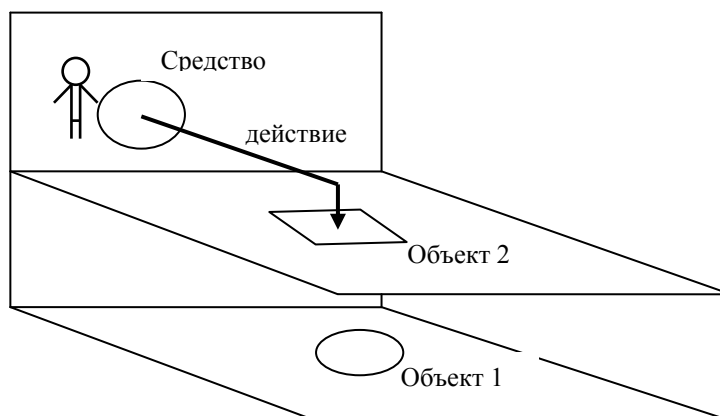

Рис. 2. Частные онтические представления

Д.Ю. – Это у Вас нарисованы «онтика 1», «онтика 2»?...

Берёзкин Ю.М. – Совершенно верно: Объект 1 – это онтика 1, объект 2 – онтика 2 и т.д. И получается такая «лестница» из «досок». Но, ещё раз повторяю, «доска» – это метафора. Это последовательность разных способов работы, организующих ваше движение к цели. Вы себя, свои действия с помощью каких-то средств организуете. И у Вас получатся правильно организованное пошаговое движение на оргдеятельностной «доске». Одновременно, на другой «доске» – объектно-онтологической – будут последовательно прорисовываться всё более широкие «объекты». Они будут в себя включать то, что Вы последовательно, в ходе своего движения, использовали (на другой «доске») в качестве средств. И так – до тех пор, пока Вы не достигнете некой целостной конструкции, которая Вам позволит (т.е. даст принципиальную возможность) реализовать Вашу деятельностную цель – действовать определенным образом.

Рефлексия – это как раз тот механизм, который позволяет делать все эти осмысленные шаги по переходам от одной «доски» к другой и по перефункционализации объектов в средства, организующие, обустройствающие Ваши действия и движение. Но если Вы будете просто сидеть и представлять, как, например, инвестиционная система должна быть устроена, у Вас всё это схлопнется, и у Вас появится какое-то натурализованное представление. У разных людей – они разные. И Вам будут постоянно задавать всякие глупые вопросы, которые Вам, Юля, задавали недавно на Вашем докладе. Поскольку у них (задававших вопросы) – одни представления, а Вы говорили про другое. И одно с другим не склеивалось.

Д.Ю. – Когда я изготовила ложку, я должна её попробовать использовать как средство?

Берёзкин Ю.М. – Конечно. И мышление – это всегда итеративные и разнонаправленные движения. Если продолжать пример с ложкой, то после её изготовления, выяснится, что её ещё нужно полировать, поскольку занозы могут в язык воткнуться, и возникнет уже совсем другая проблема – как вылечиться?

В конце концов, выяснится, что каждое Ваше функциональное место, с помощью которого Вы описываете свой процесс, окажется наложением многих других функциональных мест, таких – узлов функциональных.

Д.Ю. – А Попов это всё сам может продумывать?

Берёзкин Ю.М. – Продумать можно и самому. Но только тогда, когда, как тот же Попов говорит, лет 30 только в этом варишься, думаешь всё время про одно и то же. Тогда у тебя некоторые вещи – просто, на автомате. У него-то этот процесс уже давно технологизировался. А у нас речь идёт пока совсем о другом. Нам же пока хотя бы понять надо, как это, в принципе, всё движется. Но чем больше Вы в этом направлении будете работать, тем быстрее...

Д.Ю. – Т.е. всё время пробовать, что получается?

Берёзкин Ю.М. – Ну, да. Только надо различать «действия человека» и «человеческую деятельность». Утверждается простая вещь: жизни одного человека слишком мало, чтобы увидеть как человеческая деятельность (не деятельность отдельного человека, а человеческая деятельность) преобразуется и развивается. Люди рождаются – умирают, рождаются – умирают... Ну, как говорил Гегель, очень жёстко, но, видимо, правильно: «люди – навоз Истории». А Деятельность, глядишь, лет за 300 маленький шажочек в развитии сделает.

Итак, СМД-методология в качестве одного из важнейших принципов своей работы имеет вот такое, ортогональное сочленение «досок», или принципиально разных мыслительных пространств. Другими словами – два независимых друг от друга способа работы: работа по выделению (или созданию, конструированию) объектов, и работа по использованию средств, в которые мы эти объекты превращаем.

Когда объект «вываливается» на объектно-онтологическую доску, то его уже можно описывать научными методами. А когда объект за счёт рефлексии перефункционализируется и «перебрасывается» в пространство практического движения (действия), где он становится средством работы, наука становится бессильной. Там мы сами должны в это средство войти и посмотреть: работает или не работает? Если не работает, то что мешает, что не позволяет работать?

Д.Ю. – Когда мы ложку делаем, она должна содержать функцию своего изготовления?

Берёзкин Ю.М. – Нет, ложку мы должны изготовить с помощью других средств и, соответственно, с помощью другого способа работы. Ложка должна содержать не способ изготовления, а способ употребления. Ложку мы должны делать с помощью других средств. И может оказаться так, что мы ложку не можем использовать, потому что у нас нет нужных средств, и сразу мы её изготовить не можем. Тогда, прежде чем заняться едой, мы должны придумать инструмент, или приспособить уже имеющийся, для того, чтобы сначала изготовить средства изготовления самой ложки. Потом выяснится, что мы и того инструмента не имеем. Да? И так дойдем до... каменного топора. А если двигаться в обратную сторону по реконструкции истории средств деятельности, то будем иметь сначала каменный топор, потом металлические инструменты, потом – механические и т.д., в конце концов, дойдём до современного компьютера.

А.Д. – Эти объемлющие рамки – это то, где могут существовать объекты?

Берёзкин Ю.М. – Ну, да. Рамка – и есть тот способ работы, который позволяет нам получить (иметь) тот или иной объект. Мы в мысли абстрагируемся от всего на свете, удерживая лишь вот этот способ действия, особую операторику, благодаря осуществлению которой у нас появляется требуемый нам объект. И каждая рамка – такая промежуточная цель, достижение которой нам нужно только для того, чтобы достичь потом более отдаленной цели. Промежуточная же цель нам нужна не сама по себе, а для того, чтобы на себя «одеть» полученное средство и сделать следующий шаг. Это – своеобразная опора.

Методология – это совершенно особый «поворот мозгов». Если говорить грубо: весь человеческий мир состоит вот из этих движений мысли и действий. Поскольку то, что мы можем в мысли расчленивать, расслоить и расставить по разным функциональным местам, мы с помощью действий можем реализовать. А то, что мы не можем с помощью мысли расчленивать, мы и реализовать не сможем. И если у нас мысль схлопнута, одни образы в сознании существуют, мы ничего сделать не можем. Ну, даже в поговорке говорится: «машина в руках дикаря – кусок железа». Если ты – дикарь и твоё сознание не расчленено так, что ты можешь взять и превратить машину в средство своей работы, она для тебя – кусок железа.

И так – по поводу чего угодно. Современный человек обставлен со всех сторон просто гигантским количеством инструментов и средств.

Д.Ю. – Дети это легко делают, превращая разные вещи в свои игрушки.

Берёзкин Ю.М. – Да, они легко перефункционализируют, что угодно. Берёт ребенок прутик, вставил между ног и у него – уже «лошадь». И он к этому прутику относится совершенно точно так же, как к лошади, на которой можно скакать. Но при этом не теряет и объектных представлений реальности.

Это всё Георгий Петрович подробно описывает. Он когда-то несколько лет работал в Академии педагогических наук и там занимался со своими коллегами экспериментами по изучению детского развития и обучения. И он пишет: мальчик скачет на прутике. Я, говорю, его спрашиваю: «Что делаешь?». А тот: «Я с конницей Буденного Варшаву беру». А ГП: «Ты что, на самом деле скачешь на лошади?» Мальчик на него посмотрел и говорит: «Ты что, дурак, что ли?» ГП опять: «А что же ты делаешь?» Тот: «Я же тебе сказал – в коннице Буденного...»

Т.е. он постоянно реальность держит отдельно, а игровую перефункционализацию – отдельно. И у него это не склеивается. А потом, когда в школу попадает, все эти рефлексивные расклейки напрочь убиваются. Рефлексия нужна человеку, чтобы всё на свете расслаивать... Ну, как луковицу: берём и расслаиваем. Рефлексия – это механизм, который отвечает за разное, не даёт разному склеиться в единое месиво. И чем больше развит человек, тем больше у него способностей к различительности. Если у него рефлексия отработана, то у него есть возможности по-разному смотреть на одно и то же, и иметь (в качестве освоенных) много разных способов действия с одним и тем же.

П.О. – Как, например, актеры в театре: сыграли, а потом вышли из роли?

Берёзкин Ю.М. – Да, их этому специально обучают. Более того, актеров, в отличие от обычных людей, ещё обучают рефлексивной перестройке самой че-

ловеческой морфологии, т.е. организма. Например, их обучают следующему: в тебя выстрелили, а ты должен проимитировать, что ты – труп. У тебя всё должно подкоситься и ты должен упасть. И если ты этому не натренирован, то фильма не получится. Мы будем смотреть, и говорить: картонка.

Поэтому у актеров это рефлексивное расслоение должно быть хорошо поставлено. И чем крупнее актер, тем, соответственно, точнее.

Гимнасты, например, и другие спортсмены, вообще, могут мыслить своим телом. А, допустим, музыканты мыслят звуками. В этом смысле, морфология здесь – ни причём. Т.е. само материальное наполнение того, с помощью чего осуществляется мышление, это – вторичная вещь. Везде самым главным является рефлексия. Например, что такое «разбор полётов» после соревнований? Чем занимается любой тренер? Его основная функция – рефлексивный расклад всего того, что было во время соревнования. По полочкам. «Здесь, в этой ситуации надо было сделать так, а ты сделал вот так». И причины ошибок выявляются: функциональная подготовка не очень хорошая или ещё что-то.

В этом смысле, в любой области всё, практически, то же самое. Когда ГП пригласили работать в оргкомитет по подготовке советских спортсменов к олимпиаде 1980 года (он там года полтора работал), он учил тренеров рефлексии. И эффект, говорят, был очень серьёзный. Про ту олимпиаду, конечно, трудно говорить, более-менее, однозначно, поскольку там очень многих крупных спортсменов (по политическим соображениям) не было – американцев и других. Но продвижение у советских спортсменов было очень серьёзным. И после этого ГП утверждал (на ОД-играх и в своих лекциях; я сам слышал от него это): проблема наших спортсменов вовсе не в их физической подготовке. Они нисколько не слабее, чем американцы и другие. И, вообще, спортсмены определенного уровня все, примерно, в одной физической кондиции находятся. Проблема только в том, умеешь ты быстро рефлексировать, что с тобой происходит, или не умеешь? Или ты о рефлексии даже никогда не слышал? Если не слышал, то шансов у тебя, просто, никаких нет. Даже в первую мировую сотню спортсменов попасть не сможешь. Но если у тебя рефлексия поставлена, ты даже при относительно слабой физической подготовке можешь выиграть. В этом смысле, рефлексивные механизмы – одно из самых мощных средств, которое придумало человечество. Ну, может, не придумало, а отработало.

А.Д. – Методология занимается описанием рефлексии?

Берёзкин Ю.М. – Нет, нет. Денис, следите (рефлексивно) за своей фразеологией, которую Вы употребляете. Вы говорите: «методология занимается тем, что *описывает...*» Методология вообще ничего не описывает, поскольку описать можно только то, что вне тебя находится. Или ты представил, что это – вне тебя. И тогда ты можешь смотреть и описывать. Этим занимается наука. Любая. Она всегда ставит объект перед собой и какую-нибудь одну сторону описывает. Эту сторону вместе с описанием называют «предметом». А методология вырабатывает способы самоорганизации для достижения тех или иных проблемных целей. Как только нащупывается область, где неизвестно, как это сделать (не описать, а именно *сделать*), достичь, это становится предметом

рассмотрения. Но *рассмотрения* не в научном, описательном залоге, а ставится задача разработки средств достижения поставленной цели.

И когда говорят (это сейчас к слову пришлось): «принцип – такой-то», чаще всего это всё бессмысленно и не осознанно употребляется. Особенно – научными учеными. «Принцип» – это всегда чей-то принцип, который лично человек «на себя одевает» в качестве установки, или максимы, или средства организации себя, и начинает ему следовать. В науке очень часто описывают разные «принципы для других». И в этом смысле, это – никакие не принципы. А просто, при-говоры какие-то. При-говаривания, точнее. С одной стороны, это должна быть обязательно чья-то установка для действий. С другой стороны, принцип обязательно должен что-то принципиально решать. Решать по принципу. Принцип – это всегда *стяжка* (за счёт механизма рефлексии) того, что на объектной «доске» находится, с тем, что непосредственно используется на оргдеятельностной.

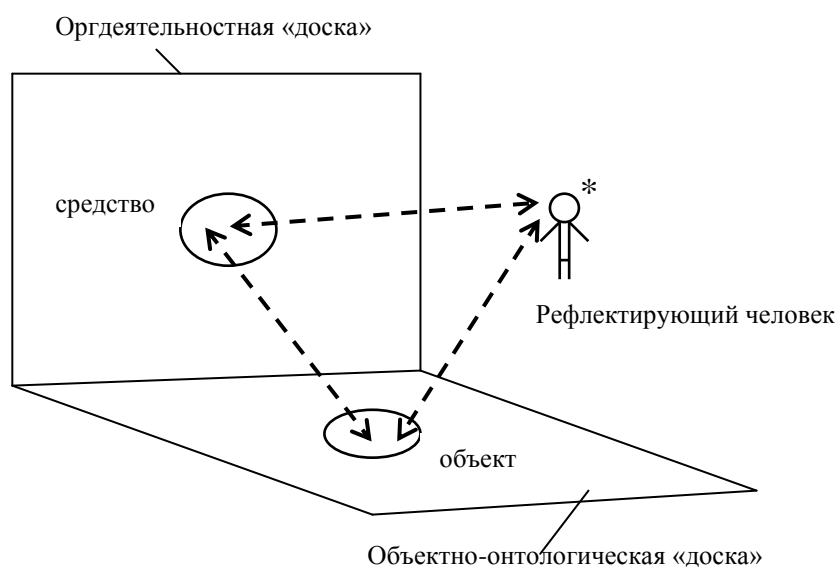

Рис. 3. Структура принципа

Д.Ю. – Принцип – это средство?

Берёзкин Ю.М. – Принцип – это вот эта стяжка (показывает на «треугольник» из двусторонних стрелок на рис. 3). Любой принцип – это рефлексивная стяжка какого-то объекта и способа работы с этим объектом. Он всегда указывает, что мы получим в результате, и с помощью чего получим. Это всегда такая трехсторонняя вещь: одна точка на объектной «доске», одна – на оргдеятельностной, и сам человек, который рефлексивно следует принципу, когда движется (на схемах рефлексивная позиция обычно помечается звездочкой). Структура принципа – это всегда такой «треугольник», если хотите. Если человек говорит: «у меня – такие принципы», это значит, он сам должен жить в соответствии с этими принципами. А если у него сегодня одни, а завтра другие «принципы», то это вовсе никакие не принципы. И не просто жить в соответствии с принципами, а принцип (любой) ещё должен всегда решать какую-то принципиальную проблему. Например, ложка, способ еды и человек, который его на себе осуществляет...

Д.Ю. – Это – принцип?

Берёзкин Ю.М. – Это есть некая принципиальная деятельностная конструкция.

Если, например, говорят о «принципах Адама Смита» по поводу налогообложения: «налогообложение должно быть эффективным», «государство не должно вмешиваться» и т.д. – то, что это такое? Если мы это отстранённо описываем, то это никакие не принципы. Но если налоговики говорят: «У нас – такие-то принципы, и мы им следуем. Ни на йоту – туда или сюда. И мы при этом решаем вот такую проблему». Тогда это – принципы. В этом смысле, те же «принципы А.Смита» стали принципами налоговых органов некоторых государств только лет через 100 после того, как он их сформулировал. А до этого они были некими гипотезами Адама Смита.

Ведь, почему государство не должно вмешиваться в это дело? Потому что, если будет вмешиваться, то там дальше возникают разные нехорошие вещи. Налог превращается в побор или ещё во что-то. Или, например, говорят: «финансовая система (в частности, налоговая система) была ещё при императоре Тите в Римской империи». И легко показать, что не было там никакой «финансовой системы». Тем более, не было «налогов» во времена какого-нибудь татаро-монгольского нашествия. Когда в любой момент мог приехать отряд татар и всё забрать, что только под руку подвернётся.

А.Д. – Вот такой вопрос. Методолог Ю. Громыко пишет по поводу категорий, например, «форма – содержание». И он говорит, что мышление ещё древних греков организовывалось с помощью этих категорий. Но при этом он говорит, что только категория «форма – материал» была впервые описана Аристотелем. А о связке «форма – содержание» ни Сократ, ни Платон не знали.

Берёзкин Ю.М. – Они, просто, работали так. Это можно делать и без всякого знания.

А.Д. – Он говорит, что эти категории были описаны позднее.

Берёзкин Ю.М. – Конечно.

А.Д. – Он говорит, что знание об этом было наработано позднее, и это знание теперь... (я не знаю, как правильно сказать) транслируется на предыдущие поколения.

Берёзкин Ю.М. – Ну, да. Но от того, что их потом назвали «форма – содержание», это не значит, что они, категории, при этом изменились. Способ-то работы, задаваемый этими категориями, всё равно был тот же самый. Даже если человек не знает, как называется то, что он ест ложкой, это не значит, что он не действует таким образом. Маленький ребенок ещё может никаких слов не произносить, ничего не знать, но уже различать ложку и ей пытаться есть. А когда я говорю, что во времена татаро-монгольского нашествия налогов, в принципе, быть не могло, я имею в виду следующее. Почему не могло? Потому что, во-первых, не было зафиксировано, что такое «налог». Это тогда было совершенно произвольным действием, сопровождающимся прямым насилием. Налоговая же система предполагает, что это должно быть законодательно установлено, не должно произвольно меняться, и должно осуществляться без применения насилия и т.д.

Из зала – Налог же – принудителен.

Берёзкин Ю.М. – Но принуждение принуждению – рознь. Когда бандиты приходят на рынок и говорят: «Мы – твоя «крыша», плати». Тогда, если считать налогом ясак, который собирали татары, то бандитские поборы – тоже такой же «налог». Да? Мы должны будем, по логике вещей, и на это распространить понятие «налог». Но тогда теряется всякая различительность между государством и бандитизмом.

Д.Ю. – Налог появился вместе с государством?

Берёзкин Ю.М. – Не просто «вместе с государством», а вместе с цивилизованным государством. Это уже XVIII век. И говорить о «финансовой системе» до этого века – это пустой звук. Просто, пустой звук! Это всё равно, что говорить, что в Римской империи были какие-нибудь «классы». Или ещё что-нибудь подобное.

Д.Ю. – Это значит, что у меня всё это уже должно быть в голове?

Берёзкин Ю.М. – Это значит, что в Вашем сознании есть функциональное место, отвечающее за то, что Вы делаете, и как Вы делаете; и есть место, которое отвечает за то, что Вы видите, что Вы перед собой имеете, что Вы можете разглядывать. Когда Вы едите ложкой, Вы сам процесс еды ложкой видеть не можете. Вы в него включены. А когда Вы ложку покупаете или изготавливаете, Вы её можете разглядеть: она, там, красивая, никелированная, золотая или ещё какая-нибудь.

Д.Ю. – Когда мы её видим, мы её берём как объект?

Берёзкин Ю.М. – Конечно. Переход в своём сознании из одного места в другое, это и есть рефлексивная перефункционализация. Это то же самое, как и то, что Маркс описывает в «Капитале»: сапожник произвёл сапоги, сам на себя надел, это – «продукт»; взял сапоги, перенёс в другое место, положил на прилавок. С самими сапогами ведь ничего не случилось, с морфологией, с самой вещью. Но сапоги перефункционализировались, поскольку попали в другое место. Сапоги стали «товаром».

Д.Ю. – А если перефункционализировать нельзя...

Берёзкин Ю.М. – Если перефункционализировать нельзя, значит, у Вас, просто, нет мышления. Для меня фломастер, если я работаю в методологической установке, не является какой-то натуральной вещью. Натуральная вещь – вторична.

Д.Ю. – Я же не могу фломастер вместо стола поставить.

Берёзкин Ю.М. – Нет, конечно. Морфология всегда создаётся (или подбирается, если вещь природного происхождения) сообразно функции самой вещи. А функция задаётся процессом, в который вещь включена.

Фломастер всегда включён в определённую деятельностьную ситуацию, где есть я, пишущий, где есть доска... Кстати, если бы доска не была пластиковой, белой, а была бы другой, то фломастер был бы такой пластмассовой безделушкой, которая как средство не могла бы быть использована...

Д.Ю. – Мы же не можем перефункционализировать фломастер.

А.Д. – Имеется в виду, что перефункционализируется всё, что угодно...

Д.Ю. – Я не поняла.

Берёзкин Ю.М. – Ещё раз повторяю. Это – совершенно принципиальный момент. Сначала в мысли должна появиться растяжка (разрыв) между тем, куда собираешься двигаться, и отсутствием средств, позволяющих двигаться. Или – отсутствием способа движения. Если такого разрыва нет, то мысль не включается. И ты видишь перед собой только натуральные предметы. Вот сказали тебе, что это – «фломастер», ну, и будешь считать, что это «всегда фломастер». Хотя он в одном месте (в одном способе работы) – фломастер, в другом – не фломастер.

Д.Ю. – Если я его не могу где-то использовать, то он перестаёт быть фломастером?

Берёзкин Ю.М. – Ну, конечно. И Вы с этим, наверняка, реально сталкивались в жизни...

Д.Ю. – В этом случае я его перефункционализировать не могу? Или что?

Берёзкин Ю.М. – Как Вы понимаете слово «перефункционализировать»? «Перефункционализировать» – это значит, «использовать в другой функции».

Д.Ю. – Да.

Берёзкин Ю.М. – Предположим, такую ситуацию. Такое, конечно, не случится, но, допустим, я стану супер великим, тогда, вполне возможно, вот эту вещь, которая у меня в руках, поместят в музей, перефункционализируют и напишут: такой-то тогда-то им пользовался во время занятий.

Д.Ю. – «Путин провёл время на Байкале...»

Берёзкин Ю.М. – Вот, вот. Это из той же серии. Такое у нас сплошь да рядом. Шапка Мономаха, например. Сколько лет прошло. Она уже перефункционализировалась, совсем в другом месте лежит. Более того, даже руками трогать не разрешают, не то, что на голове носить. Это – перефункционализация. У неё появилась другая функция. Она попала в другое пространство. Там совершенно другой способ работы. Она теперь не от холода должна спасать, а что-то совсем другое демонстрировать: например, быть символом. Или демонстрировать, какое богатство было у Ивана Грозного. Или ещё что-то.

Д.Ю. – Перефункционализация предмета или объекта? Шапка – это что?

Берёзкин Ю.М. – Подождите, подождите. Вы всё время пытаетесь натурализовать это дело. Ещё раз повторяю: любой «объект» – это эманация мысли. Если хотите, для грудного ребёнка всё, что он вокруг видит, – вообще, не различимо. Ну, это всё равно, что если Вас завезти в дебри какой-нибудь Папуасии, где любой, даже малолетний папуас может насчитать миллион разных вещей, деревьев, животных и всего остального. А Вы и малой части этого всего многообразия даже не увидите. Он видит не то, что Вы будете видеть. У него, просто, другая различительность.

Любые «объекты» – это всегда результаты работы мысли людей. Т.е. сначала человек работой мысли выхватывает из «пустого», неразличимого пространства нечто и превращает (т.е. функционализирует) во что-то. Например, в «объект». А потом он берёт этот мыслимый «объект», и за счёт рефлексии «перебрасывает» в другую различительность, в другое пространство, в котором это же мыслимое «место» (смотрите, не натуральное дерево, не натуральный фло-

мастер, а «функциональное место») я буду использовать по-другому. Буду в нём работать по-другому.

И методология имеет два таких, принципиально разных, плана: с одной стороны, то, что я вычлению и делаю, что является результатом моего делания; а с другой – то, что я сделал или вычленил из внешней среды, «одеваю» на себя, превращаю в средство, и делаю что-то следующее. Т.е. либо я нечто перед собой держу и это то, что есть результат моего предыдущего действия или то, во что упёрся мой взгляд. Ну, боксер ударил по носу, результат – разбитая физиономия. Это результат этого действия. И любой объект, например, синяк под глазом, сам по себе не появляется. А является прямым результатом чьего-то действия.

А.Д. – Можно сказать, что есть «объекты», которые уже имеют материальное наполнение, например, дерево, которое мы видим, а есть «объекты» как некая возможность, которую мы потом можем наполнить материалом.

Берёзкин Ю.М. – Нет. Смотрите. Человек же – тоже дуален. С одной стороны, он – телесное существо, которое живёт в вещном мире, в материальном мире. А с другой стороны, человек не заканчивается телом. У него есть сознание, и есть мышление. Во всяком случае, потенция к мышлению. Если ты что-то смог вычленишь в мышлении, то ты сможешь реализовать и на материале. Реализация (от латинского «геа» – «вещь») – это всегда какая-то идея, посаженная на материал, или «овеществление идеи». И если ты не сможешь эту идею мыслью вытащить, ты не сможешь это и реализовать. У тебя материал – так и останется материалом.

В этом смысле всё то, что мы можем помыслить, расчленив на шажочки, вот на эти онтические представления, мы сможем их перефункционализировать и реализовать в действиях. И это уже будет на материале.

А.Д. – «Объект», он – идеален изначально?

Берёзкин Ю.М. – Конечно. Берём, «вырезаем» в мысли, а потом говорим: то, что помыслили, называется вот так-то. Ещё раз повторяю: для какой-нибудь змеи какой-нибудь Хамар-Дабан не является горой. Для неё это – ровный стол. Или для мухи. У неё нет ни потолка, ни стен. Она может и здесь ползать, там ползать, и по полу ползать. И везде одно и то же.

Д.Ю. – Ещё раз – к той картинке (рис. 1). Там нарисовано место – «Объект». Перефункционализация этого места имеется в виду? Или для этого другое место должно быть?

Берёзкин Ю.М. – Смотрите. Я беру и фиксирую это место, каким-то образом его обозначаю. Ну, например, «фломастер». А потом беру тот материал, который наполняет место «фломастер», и перебрасываю в другое место (на другой «доске»). Но для этого я должен сначала подготовить новое пространство, куда я его буду перебрасывать. Например, ложка не везде является ложкой. Извините, в туалете это – не ложка. Эта вещь там другую функцию должна выполнять. А ложке там делать нечего. И мы перед тем, как перебрасывать, должны подготовить новое пространство, где бы у этого предмета появилась функция ложки. Мы должны это место подготовить. Ну, например, выделить место, где люди едят. В предельном случае, надо будет, например, скатерть на поляне

раскинуть (во время пикника) и сказать: здесь у нас – место для еды. Но это место всё равно обозначается. И оно тоже должно быть определённым образом обустроено. В самом крайнем случае, алкаши берут и газетку стелют. Но всё равно это место обозначается, куда можно эту ложку класть. И там она превращается в средство другого деятельностного процесса, в данном случае, еды. Здесь, откуда перебрасывали, ложка была объектом, а здесь, куда перебрасываем, она становится средством.

Д.Ю. – А «функциональное место» где?

Берёзкин Ю.М. – И там, и там. Там одно место, а там – другое. Там и там – функциональные места, и они должны быть обустроены по-разному. Разное обустройство и задаёт разные функции. Т.е. разное использование одного и того же материала. В одном случае это была какая-нибудь столярная мастерская, в которой эта ложка была выстругана. Или – кузница, где эту ложку можно выковать. Но там она – результат действий, совершенно, определённых. Кто-то должен в этом пространстве её изготовить.

А.Д. – Другое место для того же материала появляется?

Берёзкин Ю.М. – Да, место другое. Просто, нужно на разных листочках это всё раскладывать, а потом смотреть, как они стыкуются. Пальчиком водить и смотреть: ага, а вот здесь «утечка», здесь что-то не получается. Вы же, когда гостей приглашаете, Вы же осматриваетесь и говорите: «Это я сделала, а это ещё не сделала. А прежде ещё вот это нужно сделать. А перед этим ещё нужно в магазин сбегать. А перед этим ещё нужно квартиру помыть». Да?

Так это всё и наслаивается друг на друга. В обычной жизни это всё люди почти на автомате делают. А как только сталкиваемся с более-менее серьёзными вещами, так – сразу затык.

П.О. – Т.е. в другом месте я эту же вещь буду просто по-другому использовать?

Берёзкин Ю.М. – Конечно. Как граф Монте-Кристо: ложку наточил и стал использовать в качестве ножичка или средства для подпиливания. Это – прямое её перефункционализирование.

А.Д. – Ещё вот такой вопрос. *Стоит*, например, проблема. И средства для её решения могут привлекаться какие-то известные, либо это могут быть какие-то ещё не созданные? И их ещё нужно заново создавать?

Берёзкин Ю.М. – Конечно. Поэтому и говорят: должен быть «арсенал» уже накопленных средств. И как некоторые методологи говорят, например, Пётр Щедровицкий: «Сделал объект, и побыстрее его оттуда!» А это место пустым должно остаться. Туда его, в «арсенал». Потом, когда начнёшь двигаться, ты смотришь: что там у тебя на «складе»? Идёшь в «кладовку» или «мастерскую» и смотришь: ага, «напильник» есть, «молоток» есть, а вот «дрели» нет. А тебе нужно дырки сверлить.

А.Д. – Объектно-онтологическая «доска» нужна для накапливания средств?

Берёзкин Ю.М. – Она нужна для наработки принципиальных способов работы, которые на объектно-онтологической «доске» будут для тебя некой внешней конструкцией, или – объектом. Потом «перебрасываешь» эту конст-

рукцию-объект на оргдеятельностную «доску», а там у тебя должно быть место, обозначенное «арсенал», или «склад готовых средств». И внешняя конструкция превращается в потенциальный и принципиальный способ работы в определенной деятельностной ситуации.

Пётр Щедровицкий говорит, что он в методологии насчитывает 35 принципов. Это вот такие средства, которые уже наработаны. Я, правда, не пытался их все перебирать, но, в принципе, можно попробовать. Это такие, готовые, «маленькие», принципиальные способы: для одной работы мысли – одно годится, для другой – другое. Где-то «топику» используют, где-то – «дискурсивное мышление», где-то – вот эти ортогональные «доски», где-то – ещё что-то.

Существуют вот эти заготовки. Но наталкиваешься на какую-нибудь проблему, а средств в «арсенале» для её решения нет. И тогда нужно опять браться за их разработку.

Д.Ю. – А Попов ушёл из СМД-методологии, потому что он считает, что деятельность уже обустроена средствами? Или почему?

Берёзкин Ю.М. – Ну, в каком-то смысле, да. Он считает, что методология деятельности уже настолько избыточна по сравнению с тем, что из её наработанных средств востребовано практикой, что дальнейшее наращивание её «арсенала» потеряло всякий смысл. Нарботано уже столько, что хватило бы и малой доли, чтобы решить нынешние, не решаемые десятилетиями практические проблемы. Проблема в людях, которые эти идеальные вещи не воспринимают. Не могут с этим как со средством работать. А поэтому Попов спустил планку чуть-чуть пониже и работает с тем человеческим материалом, который способен какие-то средства воспринимать хотя бы «на уровне смыслов» (если так можно выразиться), но не может делать, например, перефункционализацию зафиксированных идеальных объектов...

А.Д. – Не могут работать с использованием категорий типа «единое – многое» и других...

Берёзкин Ю.М. – Ну, в общем, да.

А.Д. – Нужно уметь удерживать дихотомию?

Берёзкин Ю.М. – Да, в том числе. Это и многое другое подобное обязательно нужно уметь удерживать своим сознанием. Если, например, сказал, что «объект науки должен быть неизменным», ты должен это дело как принцип держать. И если ты сталкиваешься с изменяющимся объектом, ты должен честно себе и другим сказать, что такой объект не может быть объектом научного исследования, потому что здесь средства науки не работают. А не делать вид, что наука может всё на свете. Ты должен сказать: «Здесь наука не работает». А наша наука говорит: «Наука может всё!» И сразу всё заканчивается на этом. Но наука не всё может.

Так же, впрочем, как и методология не всё может. Необходимость методологии возникает тогда, когда возникает проблемная ситуация. И проблемная ситуация трактуется тоже, совершенно, однозначно: когда есть деятельностная целевая ориентация, которую нужно реализовать, и нет способов, или средств достижения стоящей цели. Во всех других случаях методология не нужна. Просто, не нужна! Даже, может быть, вредна. Забивает голову, а толку никакого.

Д.Ю. – В каких ситуациях не работает?

Берёзкин Ю.М. – Ну, в обычных, бытовых, когда ты знаешь, как и с помощью чего действовать. Приходишь домой и знаешь, что ложки лежат в этом месте, а всё остальное – в других. Да, и вообще, в любой задачной ситуации она не нужна, когда средства-способы решения принципиально (а не кому-то, конкретно) известны. Ты, просто, берёшь и начинаешь их применять. И получаешь требуемый результат. А если конкретно ты не знаком с ними, то это – вопрос твоей грамотности, а вовсе не проблема.

Итак, это был один – очень важный момент. Он связан с деятельностными представлениями и с деятельностью. С разворачиванием деятельности за счёт рефлексии. Теперь немного о другом.

Я, Юлия Федоровна, размышлял над тем, как Вы в своём недавнем докладе на конференции рисовали инвестиционно-финансовую систему. И пришёл к выводу, что рисовали Вы её неправильно. Так Вы не сможете сочленить разные процессы, которые у Вас рассматриваются. Нужно – по-другому. Нужно взять сначала одно функциональное место, где должны, например, аккумулироваться денежные средства. Заимствовать эту позицию («войти» в неё) и восстановить те способы работы, которые в этом месте должны осуществляться. Что там должно делаться, благодаря чему деньги начинают накапливаться? Ведь не выйти же на улицу и крикнуть: несите сюда деньги! Ведь не так же? А как тогда это место должно работать? Потом то же самое сделать с другими функциональными местами Вашей системы.

Д.Ю. – Мне кажется, все они придуманные.

Берёзкин Ю.М. – Конечно, придуманные кем-то. А Вам нужно придумать ещё раз. Только – лучше. Поскольку таких инвестиционно-финансовых систем нет. По крайней мере, в округе 5 тысяч километров во все стороны их точно нет. Поэтому Вы должны заимствовать эту позицию и начать двигаться, как на оргдеятельностной «доске». Выяснится, что сразу во что-то упру́тесь. Тогда нужно будет, как бы, отстраниться от своего движения (выйти в рефлексивную позицию – место человека со звёздочкой на рис. 3) и поставить вопрос: какого самого первого средства нет, чтобы функциональное место, где накапливались бы деньги, заработало? Потом – что нужно сделать, чтобы необходимое средство появилось? И т.д. Точно так же, как мы рассуждали по поводу отсутствия ложки, чашки, потом – стола, потом – квартиры и т.д. И что нужно сделать, чтобы квартира появилась? Образование получить? Или замуж за миллионера выйти, чтобы квартира сразу была. А начинать реализацию нужно с конца: сначала замуж за миллионера, потом дом обставить мебелью, а потом – в последнюю очередь – обустроить кухню.

А.Д. – А вот, себя на это место ставить со своими возможностями или так, как место требует?

Берёзкин Ю.М. – Нет, Вы себя ставите на их место и задаёте себе простой вопрос: у людей и у разных структур есть деньги, а почему они их не несут в инвестиционные структуры? И что нужно сделать, чтобы люди понесли? Причём, понесли бы с удовольствием.

Д.Ю. – Если я скажу: несите деньги, никто не понесёт. А если губернатор скажет, то понесут.

Берёзкин Ю.М. – Я думаю, что и губернатор встанет, крикнет – тоже ничего не будет. Нужно развернуть механизмы, которые были бы сподручны (привлекательны) не губернатору, а тем, у кого есть деньги. Сначала надо хотя бы минимальное расчленение потенциальных инвесторов сделать: с одной стороны, население, у которого есть какие-то накопления «на чёрный день», с другой – предпринимательские структуры, которые сейчас, вообще, не знают, куда можно деньги деть. И задать себе вопрос: при каких условиях инвестировать будет выгодно одним, а при каких – другим? А «условия» – это и есть вот те обустроенные места. Не просто написать, что проценты должны быть низкие или высокие. Может быть, они и должны быть высокие. Но они должны быть вплетены в целостный механизм привлечения денег для инвестирования.

Ну, точно так же, как ложка становится средством еды только вместе с чашкой, столом, кухней и голодным человеком. Вот это всё вместе и является минимально необходимым обустройством функционального места, называемого «ложка». Как и других функциональных мест, входящих в механизм осуществления процесса еды. В этом механизме должны быть завязаны друг на друга ложка, чашка, стол, стул, может быть, скатерть, салфетки и т.д. Там многое, что должно быть, в нормальной современной столовой. Весь функциональный набор этого механизма – давно известен людям. И все всё время его пускают в действие, как только нужно запустить процесс еды. Если подобные места обустроены, там люди легко могут осуществлять требуемый процесс, а находящиеся на своих местах материальные предметы – выполнять свои функции.

И у Вас та же задача: так обустроить механизм накопления, чтобы сюда стали деньги «сваливаться». Когда Вы начнёте рассуждать на эту тему: допустим, высокий процент на вложения должен быть, раз; гарантии должны быть (чтобы не обманули), два; ещё что-то... Выяснится, что Вам сначала нужно будет вот это создать. Понадобится более широкое пространство. Ну, точно так же, как, прежде чем накрыть стол, вам нужно иметь кухню или столовую, куда можно было бы стол поставить.

Вы должны развернуть весь механизм инвестирования. Его обустроить. Но обустраивать не как попало, а так, чтобы вот эти вещи стали работать все вместе. Т.е. требования задаются отсюда, из целевой рамки. И «пятысь» от этой целевой рамки ко всё более и более широким условиям-рамкам, Вы, в конце концов, дойдёте до Вашей региональной инвестиционно-финансовой системы. Причем – активной, работающей. Иными словами, всё должно быть подчинено цели активизации инвестиций в регионе.

Д.Ю. – Всё это должно появиться не в реальности, а как возможность?

Берёзкин Ю.М. – Конечно, Вы всё это делаете сначала в возможности. Но когда Вы всё это расчлените и расслоите, реализовать – делать нечего будет. Просто, бери и разворачивай вот отсюда, с конца, от самой широкой рамки.

Д.Ю. – Когда я продумываю, как аккумулировать средства, я ведь могу делать по-разному: и так, и так, и так.

Берёзкин Ю.М. – Выделите два-три принципиально разных способа, дополняющих друг друга. Не надо сразу всё стремиться перебрать и охватить. А когда всё это построите, развернёте все эти картинки, потом возьмёте и опишете их по порядку. И не надо будет заикливаться на том, стыкуется – не стыкуется. Оно уже заведомо будет стыковаться.

Д.Ю. – Когда себя помещаешь в функциональное место, всё же будет зависеть от этого места?

Берёзкин Ю.М. – А нет его как материального. Это же – пустое место в мышлении.

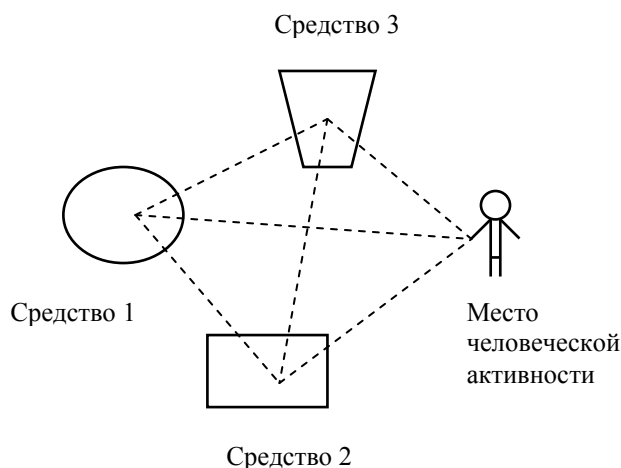

Рис. 4. Обустроенное место действия

Вы в это пустое место помещаете свою мысль и начинаете её разворачивать в соответствии с возникающими требованиями. Телесно же Вы в это время можете находиться, где угодно. Вы должны заимствовать позицию. А что такое «позиция»? Это человеческая активность, обустроенная разного рода средствами. Средство-один, средство-два, средство-три... Вы его обустроили, и это функциональное место начинает существовать (рис. 4). Потом Вы себя оттуда вытаскиваете, и любой после этого может занять данное место. И оно будет работать так, как надо.

Д.Ю. – Это будет технологизацией?

Берёзкин Ю.М. – Ну, в том числе может быть технологизацией. Правда, у нас до технологизации ещё далеко. Но, в принципе, технология в этом же ряду находится. Технология появится тогда, когда Вы это всё опишете и превратите в образец. Причем – в образец, который может «садиться» на естественный (в т.ч. человеческий) материал, и превращаться в такой, естественный, привычный процесс. Технология же ещё предполагает не просто описание, но и возможность воспроизведения того, что ты описал, по одному только описанию. Если ты можешь описать какую-то деятельность так, чтобы, передав это описание другому, он смог бы полностью всю деятельность восстановить в другом месте, тогда это – технология. Когда продают технологию, ведь не станки с машинами продают. Продают вот это описание. Так называемую «технологическую карту». Компания, например, покупает технологическую карту с описанием деятельности, и по этой технологической карте заказывает те, те, те вещи и, не за-

думываясь, всё это собирает. И всё начинает работать так, как надо. Точно так же, как работает такой же завод или предприятие в другом месте.

Д.Ю. – А здесь, если поместить другого человека в это место, то ещё не факт, что он там заработает так, как мы промыслили.

Берёзкин Ю.М. – А это будет означать следующее. Если Вы хотите технологизировать, то Вы должны разработать соответствующие стандарты. В т.ч. – стандарты на людей, которые в ней будут задействованы. Просто, в технологию нельзя кого попало набирать и вставлять. Если, например, «Форд» продаёт свою технологию китайцам или ещё кому-то, то там обязательно задаются требования и к работникам, которые будут заняты в этой технологии. К их квалификации, иногда даже – к телесной морфологии и т.д.

Д.Ю. – Если технология – это часть вот этой ситуации...

Берёзкин Ю.М. – Нет, технология – это не часть. Это, так скажем, ступень. Например, мы сейчас обсуждаем общий принцип и метод. А потом он может превращаться в какую-то организацию. На следующей стадии – это может становиться деятельностным механизмом. Потом этот механизм может технологизироваться и, наконец, превращаться в автомат, когда не только человека оттуда вытаскивают, но ещё – и управление. Технология, в отличие от автомата, ещё требует управления. Автомат же даже управления не требует, поскольку технологизируется всё, в т.ч. – и функция управления.

Вот, например, возьмём рабочее место по выдаче денег. Испокон века это было функцией, которую только человек мог выполнять. А теперь, с изобретением некоторых технических и технологических вещей, ставят вон там такой металлический «гроб» со щелочками, называемый банкоматом. Вставляешь в одну щелочку одно, а из другой щелочки выскакивает то, что раньше только человек, специально обученный, мог выполнять. И это уже автомат.

Д.Ю. – А культура здесь где?

Берёзкин Ю.М. – А культура возникает потом. Когда описывается образец, затем находят способ вставить этот образец в каналы трансляции культурных норм... Вот, одно дело, когда мы между собой разговариваем, это транслировать невозможно. Сейчас мы разойдемся, и всё на этом кончится. Испарится. А есть совершенно другой способ жизни всех этих вещей. Не такой, как вот здесь. Сейчас – коммуникация вживую. Когда же её определенным образом оформляют, превращают в образец, находят способ вставить в каналы трансляции культурных норм, например, публикуют в учебниках, добиваются того, чтобы эти учебники попали в программы обучения, чтобы всё это попало ещё в государственный образовательный стандарт. Только после этого то, что мы здесь говорим, и что соответствующим образом оформили, начнёт транслироваться в поколениях. И каждый раз заново воспроизводиться на людях – студентах, которых будут специально набирать в вузы, чтобы это им вменить. Людям будут в сознание «вставлять», как кассету в магнитофон, и они будут носителями этого дела. Вот тогда и появится соответствующая культура. Всё это начнёт жить как культурный образец и норма для работы многих. С одной стороны – норма, которая будет транслироваться через поколения (через учеб-

ники, программы, образовательные стандарты), а с другой – их реализация в социальных ситуациях через «насаживание» на сознание...

Д.Ю. – А вот это, то, что мы обсуждали, это – не культура?

Берёзкин Ю.М. – Это? Нет. Тут до культуры – как до Луны. Культура – в другом ряду. А нам бы хотя бы дойти до первой ступенечки.

А.Д. – Организатор не всегда может быть исполнителем?

Берёзкин Ю.М. – Да организатор вообще никогда не бывает исполнителем. Просто, никогда. Организатор берёт других людей и определённым образом функционализирует их, расставляет по местам. Но для этого создаёт (обустраивает средствами) эти места. Кого – куда, и говорит, что и как кому делать. Организатор может, вообще, сидеть на одном месте. На кнопку нажал: «Ивана Иваныча ко мне». «Иван Иваныч, распорядись, чтобы вот это было сделано». А другому говорит: «То-то и то-то сделать». Вот так 300 раз скажет, смотришь – ракета полетела. И Королёв никуда не бегал, ничего своими руками не делал. Просто, брал и одно с другим состыковывал. Но перед этим сначала продумывал. И он прекрасно понимал, что прежде чем ракета полетит, нужны определённые средства. Средства по изготовлению того, сего, пятого, десятого. Но чтобы эти средства появились, нужно было развернуть кучу заводов, которые производили бы начинку для тех заводов, на которых будут собираться детали ракеты. Ну, а потом задним ходом...

А.Д. – Для организатора важно всё это разделить?

Берёзкин Ю.М. – Если ты разделил, то дальше всё само собой: берёшь человека и вставляешь в одно место, другого – в другое и т.д., давая им либо должность, либо деньги, либо ещё что-то, в зависимости от того, что им нужно, и за что они готовы определённым образом работать. И всё! Дальше всё само начинает делаться.

В этом смысле, реализация всегда через действия идёт. Исполнители превращаются в продолжение его (организатора-руководителя) рук. Ведь, что такое «руководитель»? Это когда один «рукой водит», а другие делают.

Д.Ю. – Вот он продумал – сделал. Продумал – сделал. Так? А здесь как?

Берёзкин Ю.М. – Точно так же. У Вас на одной доске должна разворачиваться Ваша картинка. А на другой доске Вы должны организовывать себя, руководствуясь теми принципиальными способами, которые Вы перед этим прорисовали на объектной «доске», чтобы действовать и обустраивать необходимые условия для разворачивания Вашей системы. Вам нужно сделать первый шагочек. Не получится – отступить в рефлексивную позицию и обустроить этот первый шагочек. Потом попытаться сделать второй – по обустройству того, что позволит обустроить первый. Затем – сделать (опять же – в мысли) третий, отступить и обустроить то, что обустраивает условиями второй. И т.д., пока Вы не дойдёте до простейших средств, которые уже известны и они у Вас есть. А потом вспять – реализация, сборка всей системы.

Д.Ю. – Но здесь же это невозможно.

Берёзкин Ю.М. – Почему, невозможно? Возможность определяется не реальностью, а мышлением. Вы можете продумать принципиальное устройство механизма по привлечению денег? Ну, так же, как мы обсуждали устройство

столовой. Принципиальные вещи, без которых не работает... Вытащи один необходимый элемент – не работает. Вставь обратно – работает.

Д.Ю. – Сейчас я не могу это сказать. Я могу только в общем сказать.

А.Д. – Мне кажется, тут говорится вот о чём. До серединки, допустим, продумали, должны осуществить. А осуществить не можем, поскольку инвестирования ещё нет. Правильно?

Берёзкин Ю.М. – Да нет, причём здесь инвестирование? Что такое «инвестирование»? «Инвестирование», грубо говоря, – это значки, которые при определённых условиях перескочат с одного регистра на другой. Ну, создай (продумай) эти условия, чтобы они перескочили.

Д.Ю. – Я придумываю это обустроенное место. Да? Но чтобы проверить, работает или не работает...

Берёзкин Ю.М. – Подождите. Этот момент самый главный и его надо понять, дожать до конца. Чтобы это, например, «место с процентами» продумать и зафиксировать нечто принципиальное в этой конструкции, нужно сделать такой ход: нужно выйти в более широкое пространство (относительно этого места) и задать себе вопрос: при каких условиях эта (более широкая) система может обеспечивать условия вот этого, более узкого, места?

Д.Ю. – А средства где?

Берёзкин Ю.М. – Средствами вот этого места являются результаты создания условий в более широкой рамке (рис. 5).

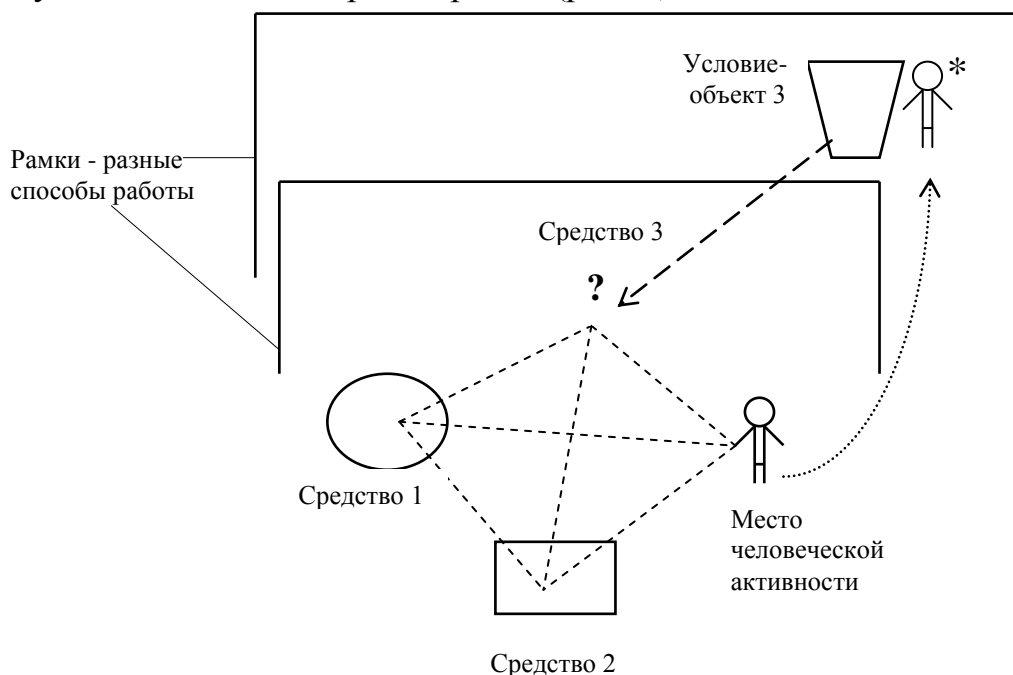

Рис. 5. Механизм обустройства действующего места

Д.Ю. – Вот то, что Вы поверх нарисовали?

Берёзкин Ю.М. – Конечно. Деятельность всегда начинает разворачиваться, как матрёшки, друг в друга вставленные. Чтобы могла существовать самая маленькая «матрёшка», нужно продумать условия осуществления внешней «матрёшки». Чтобы там одна в другую вставлялась. Ну, точно так же: чтобы что-то на стол поставить, этот стол должен быть.

А.Д. – Но сначала мы должны это всё в мысли продумывать? Как и с ложкой, и столом: нужна ложка; она не может быть без стола; стол не может быть без кухни; кухня – без квартиры...

Берёзкин Ю.М. – Нет, ещё нужно каждый раз достраивать в одной рамке (в одной «матрёшке») некую целостность. Мысль только в отношении к целостностям бывает. Только по отношению к целостности смысл появляется в сознании. Нельзя мыслить только по поводу ножки стула, как говорил Гегель. Поскольку ножка стула не является самостоятельной вещью. Она имеет смысл только в сборке – вместе со спинкой, с сидением и самим сидящим человеком. И про ножку можно помыслить только тогда, когда всю эту сборку представил себе. Точно так же, Вы свою столовую не можете помыслить, пока Вы её целиком не представите. Что – нужно сидеть. Что – нужно сидеть за столом, а не согнувшись на пеньке. Ну, и т.д.

Точно так же и здесь. Сначала продумать типы условий, в которых эта конструкция может в принципе существовать. Потом – куда она должна быть помещена, чтобы она заработала? И при каких условиях? Какие условия здесь, во внешнем обводе, должны быть представлены? А они задаются требованиями внутренней рамки – деятельностью процессом, который в этом месте должен осуществляться. К тому же, одно место должно соответствовать другим в общей сборке. Грубо говоря, если у Вас на кухне дорогущий итальянский гарнитур, если у Вас стол сервирован антикварной посудой, то Вы не можете туда поставить табуретку со сломанной ножкой. Ну, не можете! Оно не стыкуется.

Так же и здесь. Вы же это место для накопления денег создаёте не ради самого этого места. Оно нужно, чтобы вся инвестиционная система заработала. А чтобы она заработала, требуемый процесс должен определенные требования сюда (к способам работы в более широких рамках) предъявлять. К целостности всех функциональных мест инвестиционно-финансовой системы.

Смотрите. Методологи говорят, есть два типа свойств. Первый – «атрибутивные свойства». Это – то, что можно выявить у самих вещей при определённых действиях с ними, например, при измерении каких-то параметров вещи. Например, у этой вещи есть вес, есть длина, ширина, ещё какие-то характеристики. Когда их измерим, мы выявим атрибутивные свойства вещи.

А есть второй тип – «свойства-функции». Вот у этой вещи «как деревяшки» (показывает на парту) есть атрибутивные свойства. Но у этой же вещи «как собственно парты» свойств атрибутивных нет. И мерой свойства-функции (как говорят некоторые, которые этим занимаются) является структура. Свойства-функции этой парты задаются вот этой всей конструкцией, внутри которой мы находимся, которая называется, например, «классом». Поскольку парты без доски – бессмыслица. Вот, доску убери, и это всё станет бессмысленным. Свет выключи здесь и окна закрой, и это всё станет бессмысленным. Или, например, вот эту стену снеси, а всё остальное оставь, и это всё станет бессмысленным, поскольку здесь будут толпы ходить и эта конструкция класса по своему назначению работать не сможет. И класс определённым образом обустраивается, потому что здесь – университет, и в нём должна осуществляться определённая деятельность, которая и задаёт свойства-функции этого места. И это всё нужно

продумывать до всякого наполнения этими деревяшками. Поскольку если мы, вместо деревянно-железных, чисто деревянные или пластиковые парты поставим, от этого ничего не изменится. Для самого деятельностного процесса обучения.

Д.Ю. – Можно сказать, что когда я продумываю механизм аккумуляции денег, я продумываю средства? А когда я продумываю условия и требования, я продумываю сам механизм...

Берёзкин Ю.М. – Нет, Юля, вот, смотрите. Я помечу (на рис. 5) это – цифрой 1, а это – цифрой 2, чтобы не проговаривать каждый раз заново «внутренняя» и «внешняя». У Вас не известно обустройство места 1. И чтобы его обустроить, Вы должны сначала обратить внимание на более широкий контекст (на рис. 5 – более широкая рамка) и, соответственно, представить себе, как эта вся конструкция в целом должна быть устроена. И чтобы её превратить в средство, Вы должны выработать определенные принципы-требования к устройству объектов (конструктивно устроенных способов работы), которые Вы выдумаете, и которые, будучи сюда (в более узкую рамку) помещёнными, превратились бы в средства деятельности здесь (показывает на рис. 5). Если использовать графику рис. 1, то сначала придумываете на объектно-онтологической «доске», потом «перебрасываете» сюда (в оргдеятельностную) и проверяете: работает – не работает? Ведь ложку тоже можно сделать вот такой большой, что она в рот не влезет. А можно, наоборот, сделать меньше мизинца, что тоже не годится.

Точно так же и здесь. Но на уровне идеальных конструкций сначала должно всё делаться. Сначала Вы, вообще, не должны думать, какое будет материальное наполнение всех этих мест. О том, что называется «морфологией материала». Это – потом. В последнюю очередь. И когда у Вас будут задаваться требования вот отсюда (из внутренней рамки) – что нужно, чтобы вот это работало? – и, соответственно, при каких условиях сюда будут поступать деньги? Ну, например, «живые» это должны быть деньги, или их нужно сначала превращать в какие-то финансовые инструменты? Или ещё что-то? При каких условиях эти инструменты могут обращаться? А при каких, соответственно, – не могут?

Я здесь могу только про метод говорить. А как Вы должны двигаться? – это Вы сами должны думать.

Д.Ю. – С «досками» мне всё-таки не всё понятно.

Берёзкин Ю.М. – Ну, давайте с «досками» ещё раз пройдем. Я попробую по-другому нарисовать. Может быть, это поможет.

Вот Вы находитесь здесь, это – оргдеятельностная «доска». А здесь – объектно-онтологическая (рис. 1). На первой Вы можете определённым образом действовать. Но для этого обязательно нужны средства, поскольку всякое осмысленное движение должно быть обустроено чем-то. Всегда! Это просто – на автомате. У Вас есть какая-то дальняя цель. Просто так взять и достичь этой цели – невозможно. Например, между Вами и этой целью «болото». Непроходимое пространство. Чтобы это пространство преодолеть, Вы должны построить себе систему каких-то «подпорок», «подмостков» или ещё чего-то, используя которые, Вы сможете двигаться в этом направлении. Поэтому, прежде чем

сделать первый шаг, Вы должны повернуться, совершенно, в другую сторону и подумать: «без чего я не смогу сделать самый первый шаг? Каких самых элементарных средств не хватает, чтобы мне сделать самый первый шаг?»

В Вашем случае: что нужно сделать, чтобы средства аккумуляции денег появились? Что нужно сделать, что потом нам даст средства аккумуляции? И так, пока Вы не дойдёте до того задачного хода, когда Вы уже сможете сделать этот первый шаг, когда Вы уже знаете, как действовать. И это маленькое средство со штришочком у Вас уже есть. Вы им уже теперь вооружены, и Вы знаете, как с его помощью сделать первый ход. У Вас на объектно-онтологической доске появляется объект № 1. И «Объект №1» это то, что, будучи переброшенным на оргдеятельностную «доску», позволит Вам сделать «шаг №1». И Вы делаете этот первый ход. А после этого шага Вы опять упрётесь в какую-то проблему: следующий шаг Вы не можете сделать. И Вы опять должны начать расслаивать, расчленять цели-рамки до тех пор, пока Вы не сможете «отломить» следующий маленький «кусочек». И т.д. Попытки движения к главной цели у Вас должны быть такими, «пульсирующими», с постоянными отвлечениями на создание (придумывание) всё новых и новых средств-способов работы. Одно сделали, перебросили, проверили – опять чего-то не хватает. Снова – в сторону для получения нового «объекта № К», который, с одной стороны, дополнит Вашу конструкцию средств, и, в конце концов, позволит осуществить способ работы, который для Вас является целевым, а с другой – позволит прорисовать целостный объект, или всю Вашу систему. А когда вся конструкция прорисовывается, Вы сможете её практически реализовать, поскольку у Вас уже будет известна вся система шагов по её созданию.

Общий принцип состоит в следующем: мыслить Вы должны, изначально отталкиваясь от целевой, внутренней, рамки, задающей требования (как бы, всё время «пятясь»). А действовать начинать – из самой широкой, задающей условия реализации внутренних конструкций (рис. 5), вплоть до самого последнего – целевого способа работы.

Д.Ю. – Вот тот объект, который появляется, он может приобретать предметные формы?

Берёзкин Ю.М. – Он потом примет предметные формы. А если Вы сразу в него упрётесь как в предмет, Вы в нём и «завязнете». Мысль сразу схлопнется. У Вас всё встанет **перед Вами**, и Ваше движение будет парализовано.

Д.Ю. – Ещё немного не поняла. Вот то маленькое средство со штрихом – это может быть, например, «потребительский кооператив граждан»?

Берёзкин Ю.М. – Да, вот тут, в стороне, прорисовка этого «кооператива» с определённым (принципиальным) способом работы, а потом Вы его сюда, в обустраиваемое место, «перебрасываете» и у Вас уже есть одно средство работы в этом функциональном месте. Появляется первый из множества этих элементиков, которые, будучи собранными в целостный механизм, позволят запустить в работу Ваше функциональное место с процессом аккумуляции денег для будущей инвестиционно-финансовой системы. Но этот Ваш «кооператив граждан» должен появиться не «от фонаря», не случайным образом. Он

должен быть устроен так, чтобы он вот здесь позволял что-то делать для реализации Вашей главной цели.

А.Д. – Получается, что, делая одно, нужно уже подразумевать другое?

Берёзкин Ю.М. – Вот в этом-то вся трудность. Думая, *что* Вы поставите на стол, Вы должны подразумевать, какую «подложку» Вы предварительно должны сделать. Поскольку ни одна вещь – ни мыслительная, ни реальная – не может существовать сама по себе. Она всегда в чём-то существует, в каком-то способе работы. Поэтому думать нужно и об этом, и о том, куда Вы это поместите. В какое более широкое пространство? И чтобы это всё не диссонировало друг с другом. Тогда у Вас рамки будут всё время друг в друга вкладываться. И движение будет всё время такое: сначала Вы здесь, потом – здесь, если не получается – сдвинулись, сделали шаг – вернулись, не получается – сдвинулись, потом вернулись – сделали шаг – сдвинулись и т.д. Движение такое, пульсирующее.

Д.Ю. – Это у Вас нарисованы рамки? (рис. 6)

Берёзкин Ю.М. – Да, это – рамки. Поэтому вот у Вас – первая рамка, вот – вторая, третья... Это всё на объектной «доске». А здесь, когда Вы всё это на оргдеятельностную «доску» опрокидываете, у Вас появляется возможность двигаться в этой системе шагов. Хотя здесь будет, практически, то же самое нарисовано. Но на первой (объектной) «доске» Вы это можете рассматривать и обсуждать, как это всё устроено: вот есть «парта», вот есть «доска». Вот – ещё что-то. А на второй – другое: в какой последовательности и за счёт чего двигаться?

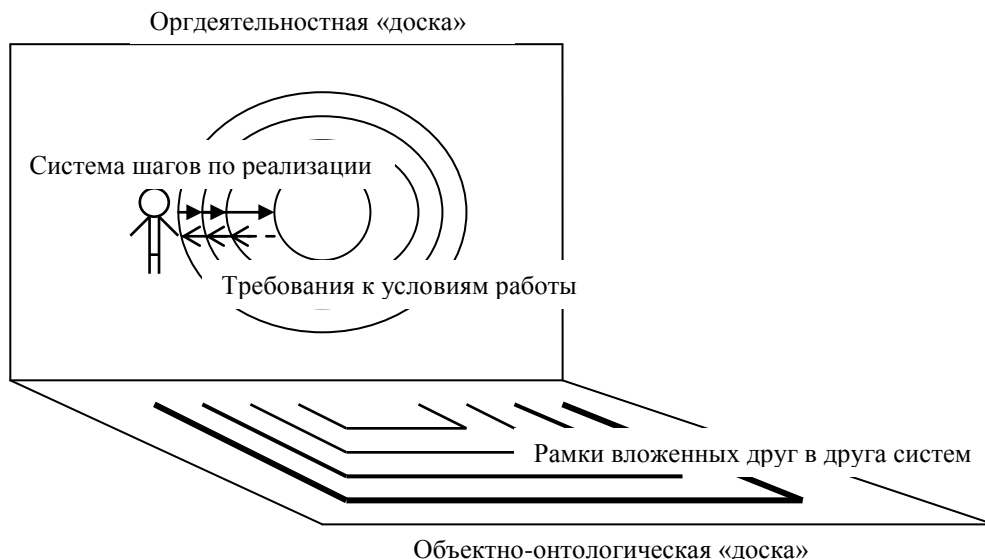

Рис.6. Итоговые картины на разных «досках»

Ведь когда идёт урок или лекция, никто не думает, какие парты. Нужно сесть, слушать, писать. И вся эта морфологическая сторона, просто, улетает. Когда идёт лекция, никто, ни преподаватели, ни студенты, парты не рассматривает... Ну, есть, конечно, отдельные выродки. Ещё и рисуют на партах. Но эти люди, просто, выпадают из процесса обучения.

Д.Ю. – Это всё – функциональные места, на объектной «доске»?

Берёзкин Ю.М. – Они – везде функциональные места. Все места, на обеих «досках» – функциональные. На одной места – это то, что можно как-то описывать и рассматривать, а на второй места – это Ваши шаги. Делай раз, делай два, делай три – получишь «конфетку» в виде инвестиционной системы. По этим шагам Вы напишете методику создания этой системы. А, глядя на первую «доску», расскажете, как устроена Ваша система.

Д.Ю. – Как устроена? Т.е. структура её?...

Берёзкин Ю.М. – Да, да. Объектное описание – это устройство. Должны быть вот такие-то «банки», должны быть такие-то «кооперативы» с такими-то характеристиками, с такими-то свойствами-функциями. А здесь, на другой «доске», Вы говорите: сначала, на первом этапе, нужно сделать вот это, вот это, вот это... Например, принять такой-то закон, в такие-то сроки уложиться, после этого развернуть вот то-то и вот то-то...

Так, и ещё один очень важный момент. Это немножко в другую сторону, но тоже по итогам того, что я слышал, опять же от Вас, Юля. И что требует определённого уточнения. Это – на счёт самой «системности».

Понимаете, мне показалось, что об этом инвестиционном процессе, который мы с Вами рисовали (рис. 7) в виде некоего цикла с четырьмя подпроцессами, у Вас какое-то странное представление. Вы его представляете как единый процесс, который, с другой стороны, должен представляться как функциональная структура, с третьей стороны – как определённое вещное наполнение, морфологическое, материальное.

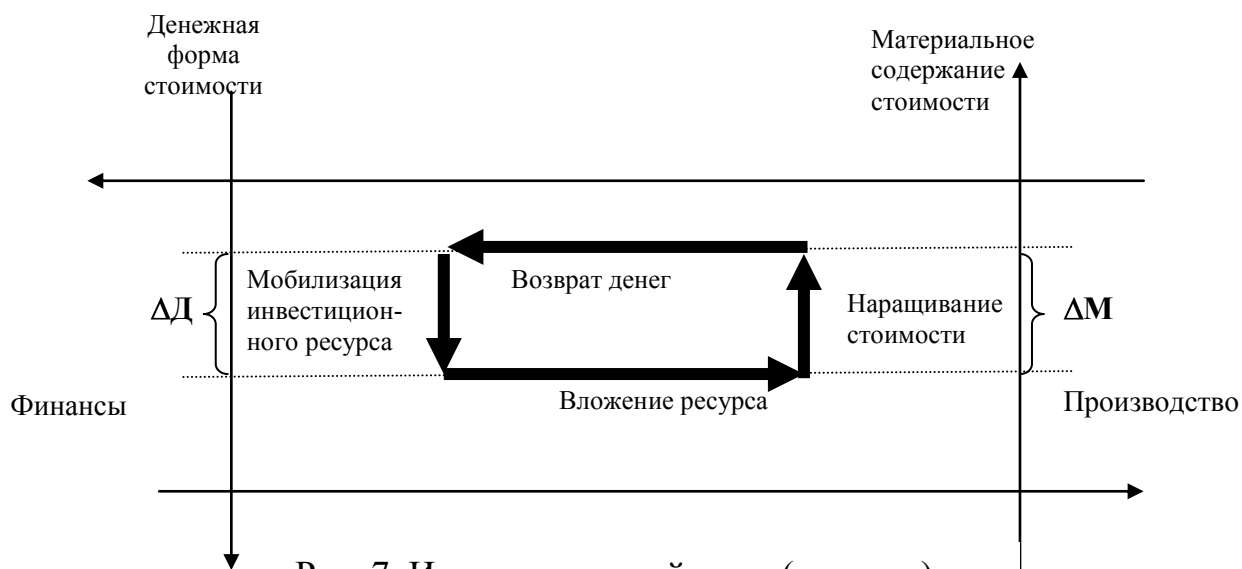

Рис. 7. Инвестиционный цикл (процесс)

Понимаете, это – не совсем так. В каком-то смысле так можно, конечно, представить, но это будет...

Д.Ю. – ...объектное представление?

Берёзкин Ю.М. – Ну, в общем, да. Это – такое, натуралистическое описание. Ведь что предполагает системный подход? Системный подход предполагает, что любой процесс, например, этот Ваш процесс наращивания ресурса инвестиций, или – любой другой из оставшихся трёх, сам должен представляться системно. Они не рядом положены. Наоборот, они должны быть вложены друг

в друга. Кроме того, любой из этих четырёх подпроцессов Вашего инвестиционного цикла должен быть рассмотрен и как «процесс», и как «функциональная структура», и как «морфологическая организованность», и в т.ч. может быть помечен как некий «материал». Каждая из этих вложенных друг в друга «матрешек» имеет все эти планы системо-деятельностного представления. И эта – тоже. И эта – тоже. У каждой есть свой процесс, своя структура функциональных мест, своя морфология (организованность) материала и свой символ материала. А что значит «символ материала»? Это значит, что мы через этот «символ материала» входим в систему более низкого ранга.

Не знаю, понятно это или не понятно?

Д.Ю. – Не очень.

Берёзкин Ю.М. – Не очень. Давайте порассуждаем на простом примере. Дело в том, что то, что является «материалом» в более широкой системе, в то же время является «процессом» вот здесь, в более узкой (вложенной) системе.

Вот – простой пример. Есть лампочки, которые связаны электрической цепью, и по ним бежит строка. Обыкновенная бегущая строка, которую мы видим теперь на каждом шагу: и в телевизоре, и на уличных баннерах, и на остановках автобусов. Такая, классическая система. Теперь вопрос: что является здесь процессом?

Д.Ю. – Изменения букв...

Берёзкин Ю.М. – Да, изменение состояния этих функциональных мест, которые мы воспринимаем как буквы. Одна буква сменяется другой. Та сменяется третьей. Одно слово сменяется другим. Когда происходит смена состояний – это есть «процесс». А где функциональная структура?

Д.Ю. – То, что из букв складывается?

Берёзкин Ю.М. – Да, «функциональная структура» – это то, что мы отдельно воспринимаем. То, что ухватывается определенными смыслами, либо определенными значениями слов. А где здесь «морфологическое устройство»?

Д.Ю. – Лампочки.

Берёзкин Ю.М. – Да, сами вот эти лампочки. Стекло лампы – это морфологическая организованность материала. А где здесь «материал»?

Д.Ю. – Электричество, что ли?

Берёзкин Ю.М. – Да, электрический ток – это «материал», на котором «сидит» данная система. Мы его вообще не видим. Мы его только подразумеваем, поскольку понимаем, что это – электрическая система, и лампочки не могут загораться без электрического тока.

А теперь смотрите. Это – одна конструкция и одна система. Но через место, символизируемое как «материал», мы можем войти в систему более низкого уровня, где у нас что? Что такое «электрический ток»? Это – «процесс». Процесс распространения электромагнитной волны. А где там «функциональная структура»?

Д.Ю. – Электроны?

Берёзкин Ю.М. – Нет. Ведь мы в качестве системы теперь начинаем рассматривать сам «электрический ток». Поэтому «функциональной структурой» этой системы будет выступать синусоидальное колебание электромагнитной

волны. А «морфология» где? Это – вот те самые электрончики, благодаря которым ток и возникает. А что является «материалом»? Это то, из чего электроны с атомами устроены. И это будет входом в систему ещё более глубокого уровня. Когда мы выходим уже в микромир, и когда начинаем сами колебания электронов вместе с позитронами рассматривать как систему со своим процессом, со своей функциональной структурой, своей морфологией материала и своим материалом.

И мы получили три вложенных друг в друга системы. А теперь можно показать, что всё и вверх, в более широкие рамки может разворачиваться.

Если пометить первую нашу систему как «нулевую», вторую – как «минус первую», третью – как «минус вторую»...

А.Д. – А есть какой-то предел?

Берёзкин Ю.М. – Ещё товарищ Ленин говорил, и – очень точно говорил: «Электрон, как и атом, неисчерпаем». Всё зависит от развития науки.

Но это всё может двигаться и наоборот, разворачиваться вверх, в более широкие рамки. Когда мы вот этот процесс изменения состояний лампочек будем рассматривать как материал объемлющей системы. В ней выделим морфологические организованности, потом функциональные структуры и, соответственно, системообразующие процессы. В результате выйдем на систему «первого уровня» – на какую-нибудь информационную систему, в которой материалом будут служить эти самые бегущие строчки. А что в этой системе будет служить морфологией?

Д.Ю. – Предложения?

Берёзкин Ю.М. – Нет. Где Вы можете видеть бегущие строчки? Вы их можете видеть в телевизоре, на баннерах, в своих телефончиках, в разных других местах. Каждый раз это будут разные морфологические организованности. Вот, всё то, что вещно обеспечивает эти бегущие строчки, будет относиться к морфологическим организованностям этой системы.

А что будет являться функциональной структурой?

(молчание)

И ещё там должен быть выделен системообразующий процесс. Что является процессом в информационной системе? Ради чего создаются информационные системы?

А.Д. – Для передачи информации?

Д.Ю. – Нет, информация тогда должна меняться, чтобы был процесс.

А.Д. – Информация не меняется. Меняется тот, кому передается информация. У него состояния меняются.

Берёзкин Ю.М. – Здесь процессом, видимо, будет изменение смыслов в сознании людей, которые через разные информационные каналы доносятся до людей. Ведь для чего-то все эти баннеры, для чего-то эти бегущие строчки создаются? Кто-то от этого начинает лучше торговать, кто-то начинает ещё что-то делать. И за счёт этого меняется какая-то смысловая структура. «Функциональными структурами» здесь будут те замыслы, которые вкладываются в эти системы их изобретателями. Т.е. как должна быть устроена структура донесения смыслов. Да? За счёт чего?

И у нас появляется целая «матрёшка» вложенных друг в друга систем. У нас имеется, как бы, исходная, классическая система. Но мы её можем разворачивать и одну сторону, «вглубь», и в другую, «вширь». И везде материалом у нас будет разное.

И в Вашей, Юля, четырёхуровневой финансово-инвестиционной системе на каждом уровне материал будет разный. И везде должны быть свои процессы, своя морфология, своя функциональная структура.

Д.Ю. – И у меня система как «матрёшка» должна быть устроена?

Берёзкин Ю.М. – Конечно, как «матрёшка», где одна конструкция в другую вставлена. И переходы от одной к другой вот через этот символ «материала». Просто сказать, что там – электрический ток, это значит – ничего не сказать. Надо туда «войти» мыслью, и посмотреть: что там понимается под «электрическим током»? Некоторые, например, думают, что это – электрончики бегут по проводам...

Был даже, буквально, анекдот такой. Когда Братскую ГЭС вводили, в газете «Правда» на первой полосе огромными буквами было написано примерно следующее: «...Наконец, наступил этот долгожданный день, приехала Государственная комиссия, все собрались у пульта, председатель Государственной комиссии включает рубильник и... ток ме-е-дленно пошёл по проводам».

Из зала – Смех.

Берёзкин Ю.М. – Вот, некоторые журналисты так себе и представляют: что «ток медленно ходит по проводам». Но почему-то, когда ток включишь, свет мгновенно загорается за тысячи километров от выключателя.

Или Георгий Петрович рассказывал ещё одну байку. Студент слушал, слушал лекцию по физике, а потом руку тянет. Преподаватель остановился, спрашивает: «Что у тебя?» А тот говорит: «Я одного не понял: почему переменный ток – синусоидальный, а провода – прямые?»

Из зала – Смех.

Берёзкин Ю.М. – Надо понимать, что «просто систем» не бывает. Они всегда – полисистемы, которые вложены друг в друга. Например, возьмём такую систему, которая называется «университетом». В ней то, что является «материалом» для ректората, который стоит во главе университета, является «процессами» изменений чего-то на кафедрах.

А когда рисуют «финансовую систему» в наших учебниках по финансам, то там, вообще, трудно понять, что имеется в виду (рис. 8).

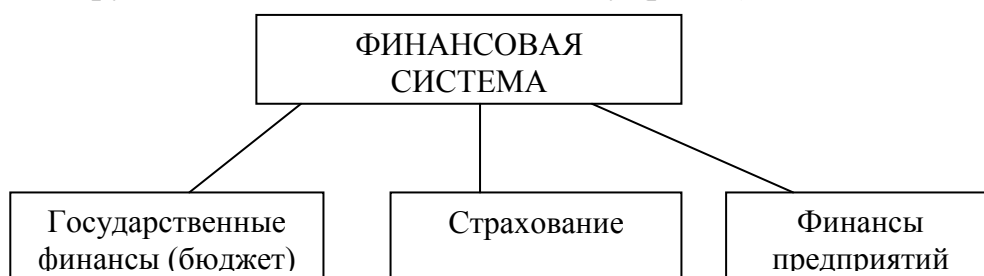

Рис. 8. Финансовая псевдосистема

Например, рисуют квадратик, называют «финансовая система», а ниже проводят чёрточки, и у каждой из них – ещё по квадратику, в которых, соответственно, пишут: «бюджет», «страхование», «финансы предприятий» и т.д. Вот, что это такое? И какое отношение имеет к системам и системному подходу? Почему это – система?

А.Д. – Потому что у них «система» – это «набор каких-то элементов».

Берёзкин Ю.М. – Поскольку здесь графика – древовидная (а древовидная графика придумана для изображения родо-видовых отношений), постольку это не системное представление, а родо-видовое. Здесь представление о «системе», такое, натурально-вещное, как «совокупность чего-то». Это Вы правильно говорите. Но здесь то, что называется «финансовой системой», является фактически «родом» для разных «видов» финансовой деятельности. Не более того. Но какое отношение это имеет к понятию «система»? Никакого.

Это не является системой даже в обычном смысле слова, когда под «системой» мыслят расчлененную на части целостность. И удерживаемую как целостность. Это даже в том, стандартном понимании не может считаться «системой». Здесь всё смешано в кучу: терминология взята из системного подхода; иерархия взята из родо-видовых отношений; а по принципу если рассматривать, то подразумевается вообще другое – тривиальная социальная соподчиненность: здесь, вверху, есть начальники, а здесь, на нижнем уровне, есть подчиненные. И те, кто выдумывал это, они так себе и представляли «систему» – как организационно-управленческую структуру. Но реальных систем таких не бывает. Ну, просто, не бывает! Ни у нас, ни за рубежом. Когда рассматривают и практически используют такую оргуправленческую структуру, то это, в любом случае, не про «финансовую систему», а про соподчиненность начальства и исполнителей. Ну, в Советском Союзе ещё можно было представить, что здесь, в верхнем квадратике, министр финансов, а в нижележащих – его замы, распределенные функционально, по разным направлениям. Но как «финансовая система» это – просто, не работает.

Ну, в общем, вот так.

А если возвращаться к тому, что мы до этого обсуждали то надо, просто, потренироваться. Представить, например, эту деревяшку (показывает на стол) как систему. И попытаться её разложить на системные планы и системные уровни.

Д.Ю. – Натуральные предметы разве могут быть системами?

Берёзкин Ю.М. – А какая разница? Это, вообще, безотносительно.

П.О. – Юрий Михайлович, то, что Вы на доске нарисовали в виде кружочков (рис. 6), это и есть «система»?

Берёзкин Ю.М. – Каждый из этих, вложенных друг в друга кружочков, может быть представлен как система. Т.е. сначала – «объект», представляемый как «процесс»... Ведь, что такое «процесс»? Это ни что иное, как «объект», меняющий свои состояния. Сегодня он такой, завтра он – другой. И возникает представление о «процессе». А всякий «процесс» предполагает некий «механизм». Механизмом является «функциональная структура», которая процесс начинает «двигать» туда-сюда, осуществлять. Эта функциональная структура

должна быть посажена на некие «организованности материала». И в этом системном представлении есть еще одна позиция (план), которая называется (символизируется) как «материал». Это – просто, «пустое место», называемое «материалом». Если ты через эту «дырочку» тудаходишь, то у тебя открывается новый системный мир. И там – всё точно так же, как и здесь – можно выделить все эти мыслительные системные планы.

Д.Ю. – Не понятно, как «процесс» может быть «материалом»?

Берёзкин Ю.М. – Ну, как? То, что здесь, в более широкой системе – «пустое место», символизируемое как «материал», начинает во вложенной системе рассматриваться в качестве меняющейся субстанции. А дальше нужно спрашивать себя: она за счёт чего меняется? На чём? На какой материальной (морфологической) организованности осуществляются эти изменения?

А.Д. – А если стол рассматривать как «систему»?...

Берёзкин Ю.М. – Ну, он же тоже меняется во времени (если иметь в виду его натуральную составляющую)...

А.Д. – «Процессом» будет, например, его старение?

Берёзкин Ю.М. – Это – тоже процесс. И он тоже в обязательном порядке обеспечен какой-то функциональной организацией механизма старения. Да? Вот, например, там, где железки, наверняка, там гниение сильнее. В местах соединения. Там, где студенты покарябали, там тоже изменения идут быстрее. Вот, все эти места, в которых процесс либо усиливается, либо замедляется, составляет функциональную организацию системы. А то, как он, стол, устроен (с материальной точки зрения) это – морфологическая организация самой вещи. А, кроме всего прочего, это – собственно, деревяшка. Да? Через это место, называемое «деревяшка», можно войти в систему, называемую «древесина». И там тоже будут свои процессы, свои функциональные структуры, своя морфология материала, клеточная, например, и свой символ материала. И т.д., и т.д.

А с другой стороны, этот стол вставляется в более широкую систему. И для коменданта этого корпуса стол является тем материалом, который она учитывает. И у неё там свой «процесс» учета. Своя «функциональная организация» этого дела. А «материалом» являются эти деревяшки, которые здесь стоят.

А.Д. – А в процессе обучения парты – тоже «материал»?

Берёзкин Ю.М. – Нет. И этот «процесс» может быть так же рассмотрен, но в другой системе. Мы же не деревянные обучаем. Там другой материал. А внутри этой системы обучения парты тоже могут быть представлены как материал. Например, если бы я Вам задал задачу: посчитайте, сколько здесь парт? И как это можно сделать? Помните, такая методологическая задача у нас когда-то рассматривалась? Вот, когда Вы будете считать, в этом процессе счёта парты будут «материалом». Да? Но только мы бы сначала абстрагировались от всех этих безобразий... Вот на парте летучая мышь нарисована, словечки всякие... Представили бы парты в качестве точек, и стали бы эти точки соотносить с идеальным, натуральным числовым рядом. Точка одна – 1, точка другая – 2...

А.Д. – Но они же могут быть и морфологической организацией, да? Вот, в учебном процессе...

Берёзкин Ю.М. – Нет. Над морфологией учебного процесса надо подумать. Ведь морфология в любой системе выделяется не сама по себе, а относительно процесса. Ведь «процесс» и «морфология» это, как бы, два полюса. «Процесс» это – то идеальное, что осуществляется в системе. «Морфология» это – то, на чём это идеальное осуществляется, разворачивается. А промежуточный слой, который, как бы, и туда направлен, и сюда, это – «функциональная структура». В сторону «процесса» эта структура обращена функциональными местами и является механизмом этого процесса, а в сторону морфологии – эта структура обращена материальной наполненностью мест.

А.Д. – Если вернуться к тому, с чего начали, то можно сказать, что это всё за счёт рефлексии делается?

Берёзкин Ю.М. – Ну, да. Если Вы начинаете это всё удерживать как разное... Ну, вроде бы, это всё – одно и то же, и в то же время это всё в разных пространствах – разное. Если это всё различаете и удерживаете, у Вас включается механизм рефлексии.

Ну, всё на сегодня, наверное. А дома, на досуге, какие-нибудь примерчики на эту тему поразбирайте...

А.Д. – Сейчас такой период, когда время на мышление трудно выкроить.

Берёзкин Ю.М. – Ну, здесь Вы неправы. У нас всё и всегда организуется так, чтобы люди не мыслили. Чтобы времени на это «безобразии» ни у кого не было.

Всё! Всем спасибо.

Прикосновение второе

Берёзкин Ю.М. – Если вы помните, прошлый раз мы обсуждали вопросы, связанные, с одной стороны, с мыследеятельностью и её ортогональным устройством, с другой стороны, с логикой этой деятельности, которая, в общем, системная. Можно так сказать: онтология – деятельностьная, а логика – системная. Какие здесь есть вопросы или какие-то соображения в связи с этим?

Д.Ю. – Онтология – деятельностьная, а что системное?

Берёзкин Ю.М. Логика, или метод – системный. Иными словами, имея дело с деятельностью, её обустроивая, или в ней работая, всё время нужно иметь в виду системность как регулятор вашей мысли. В противном случае деятельность не удерживается. Т.е. системность нужна для того, чтобы собственно деятельностьные процессы, структуры и всё остальное удерживать мыслью. Если что-то организуешь, то, соответственно, это должно быть основным регулятором в движении только в той мере, в какой мышление работает. Ну, а в той «лесенке» категорий, которая задаёт, собственно, системный подход и системную логику, центральной является функциональная организация. Хорошо бы на эту тему более подробно сегодня поговорить, потому что мышление является деятельностью, как говорят методологи, только в той мере, в какой мышление работает с функциональными местами, которые в деятельности существуют. Поскольку в деятельности есть много чего, кроме этого (кроме работы с функциональными местами), то, соответственно, деятельность приобретает само-

стоятельное значение. А вот то, за счёт чего мышление и деятельность сцепляется – это как раз и есть функциональность, функциональные структуры, функциональные места. И функционирование системы деятельности происходит именно в связи с этим.

Ну, и хорошо бы сейчас, хотя бы на примерах, попытаться сначала эту функциональность ещё немного потрогать и пощупать с разных сторон. Потому что это – ещё раз повторяю – главное в процессе освоения системных средств работы. Если не можешь функционализировать (процессы, места, материал), то, соответственно, всё может оказаться эфемерным. Ну, а для Вашей, Юля, диссертационной темы это, просто, – центральное место. Как, впрочем, и для любой другой, которой Вы касаетесь здесь...

Можете ли вы привести примеры, где бы в явном виде выделялись функциональные места, за счёт которых функционализировался бы материал, с одной стороны, а с другой стороны – какой-нибудь процесс (деятельностный или мыслительный), наоборот – структурировался бы?

А.Д. – Иными словами, нужно представить функциональное место, где материал приобретал какую-то функцию?

Берёзкин Ю.М. – Да. Процесс, наоборот, как бы, расчленяется на структурные элементы, проходя через функциональные места. Не через одно место, а через всю заданную систему мест.

А.Д. – Можно сказать, что «рабочие места» – это функциональные места?

Берёзкин Ю.М. – «Рабочие места» – конечно, функциональные места. Это, безусловно. Но тогда нужно задавать всё то пространство, где есть эти рабочие места...

П.О. – Вы много раз приводили примеры про образование, где «преподаватель» является функциональным местом...

Берёзкин Ю.М. – Да, но речь идёт не об одном функциональном месте, поскольку одно функциональное место само по себе не возникает. Функция у места появляется только относительно других мест, только в системе с функциями других мест. Т.е., когда некий процесс, задающий конкретную систему деятельности, работы, мысли, определённым образом расчленяется. И в местах членения этого процесса, собственно, и возникает вот этот эффект: с одной стороны – функциональные места, а с другой – возможности материального наполнения этих функциональных мест. Наполнение материалом, на котором этот процесс, так скажем, будет осуществляться, или «течь», если метафорами пользоваться.

Мы уже несколько раз приводили пример с лампочками, по которым бежит строка. Нечто аналогичное можете привести?

А.Д. – Под это подходит, например, превращение «продукта» в «товар»? В связи с тем, что мы говорили о перефункционализации: сапожник произвёл сапоги – это «продукт»...

Берёзкин Ю.М. – Это обратная вещь: есть функциональные места, и есть некая материальная субстанция, которая, занимая разные функциональные места, приобретает разные функции: «продукт», «товар» и т.д. А тут вопрос наоборот ставится: можете ли Вы привести пример, на котором система целиком

могла бы быть видна, и в ней вот эта вот центральная составляющая – функциональная?... (пауза) Что, у Вас воображения не хватает?

Из зала – Подумать надо.

Берёзкин Ю.М. – Подумать, конечно, надо. Ну, давайте я начну, пока Вы думаете. Есть вот такой классический пример.

Его тоже часто приводят методологи. Есть некая совокупность точек. Попытаюсь их нарисовать: раз, два, три, четыре, пять. И сюда – тоже: раз, два, три, четыре, пять (2 раза повторяется). Теперь заполним другие места. Принцип поняли, да? Вот такая конструкция, почти что правильная, ромбовидная фигура из большого множества точек, симметрично расположенных (рис. 1).

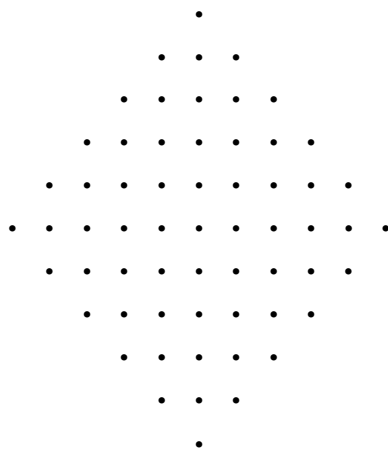

Рис. 1. Множество точек

Дальше возникает вопрос: как сосчитать точки? Т.е. «процесс», задающий системность – это, собственно, подсчёт точек. Сами точки – это материальная субстанция, на «материале» которой это должно осуществляться. Возникает вопрос: как посчитать? Самый простой, примитивный и убогий способ – это взять и последовательно, по одной, пересчитать. Это не интересно. Но это – не единственно возможный способ. Да? Если вы придумаете один, или несколько других способов, практически, вы без функционализации не сможете обойтись.

А.Д. – Берём правую верхнюю (боковую) «линию» из шести точек (рис. 2, маленькие круглые точки), так же – нижнюю сторону, параллельную ей... И те, что между ними – всего будет шесть таких блоков по шесть точек.

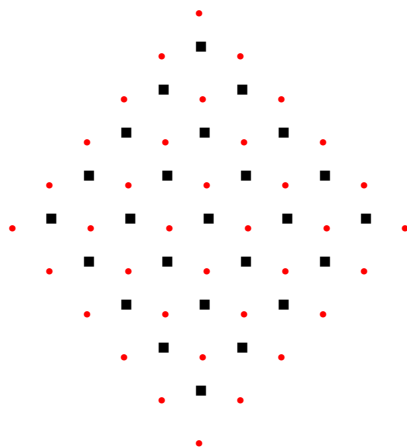

Рис. 2. Первый способ функционализации

Получается, что в этих «линиях» будет стоять тридцать шесть точек. И между ними ещё «линии», каждая из пяти крупных прямоугольных точек. Соответственно, пятью пять плюс 36 – получается 61.

Берёзкин Ю.М. – Это – первый способ. Дальше Вы должны вот в этом множестве точек выделить функциональные структуры (места), которые Вам обеспечили возможность такого счёта.

А.Д. – Получается, что я выделил «линии», которые состоят из 6 точек, и «линии» из 5 точек и, соответственно, подсчитал, сколько в них точек.

Берёзкин Ю.М. – То, что Вы сказали, это фиксация неких мыслительных организованностей (мест), которым Вы придаёте определенную функцию, и которая помогает пересчитывать эти точки быстрее, чем просто считать по одной... Это второй из возможных способов. Ещё как можно функционализировать этот материал, чтобы процесс счёта оказался более эффективным?

А.Д. – Вот тоже вариант. Берём центральную, самую длинную, линию, считаем в ней точки, а в следующих линиях их количество уменьшается каждый раз на 2. Соответственно, из этого можно сделать уравнение и рассчитать.

Берёзкин Ю.М. – Кстати, когда уравнение будете строить, Вы будете выделять некие функциональные места, которые будете обозначать: x , y и т.д., и которые потом будете, соответственно, наполнять вот этим материалом: сколько точек в какой x попадёт. Отсюда, собственно, и появляется математическая функция с соответствующими функциональными местами и их наполнением.

А можно, например, вот так (рис. 3): выделить «пятерки» из мелких круглых точек – девять «пятерок», $5 \times 9 = 45$, и из круглых «жирных» точек – $5 \times 2 = 10$, остаётся ещё два кластер по три квадратных точки: $2 \times 3 = 6$; итого: $45 + 10 + 6 = 61$.

Много способов, и каждый раз – новая функционализация материальных образований, которые позволяют процесс счёта осуществлять по-разному. Т.е. течение этого процесса через эти функциональные места будет разным, а результат будет одним и тем же. Процесс будет каждый раз только тем и отличаться, что в одних случаях результат будет получаться быстрее, в других – медленнее.

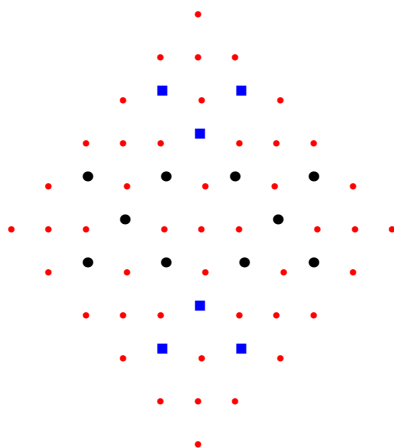

Рис. 3. Третий способ функционализации

Какой ещё способ можно придумать?

Д.Ю. – Можно «треугольниками».

А.Д. – Да, четыре «треугольника».

Берёзкин Ю.М. – Четыре «треугольника» (на рис. 4 – выделены маленькими круглыми точками), в каждом по 10 точек, всего – 40. Кроме того, 4 линии по 5 больших круглых точек в каждой, всего – 20 точек. И ещё одна центральная квадратная точка. Итого – 61 точка.

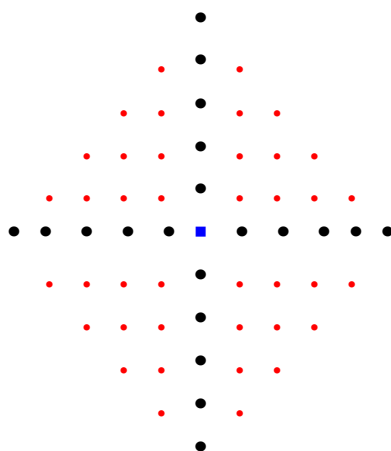

Рис. 4. Четвёртый способ функционализации

Кстати, хороший шахматист от плохого отличается тем, что он, глядя на одно и то же расположение фигур на доске, может вычленять разные конструкции из фигур, и мыслить уже не отдельными передвижениями коня, там, или пешки, а строить комбинации из соответствующих функциональных структур. Тогда мысль шахматиста будет двигаться не за счёт перехода от одной фигуры к другой, а сразу сдвигками целых комбинаций. И кто глубже может такие вещи просматривать, тот лучший шахматист. А тот, кто может только видеть, как каждая отдельная фигура может ходить, и пытаться их по очереди двигать, тот – совсем не шахматист.

В любом случае системность мысли возникает тогда, когда есть некая материальная субстанция, и есть процесс, который задаёт эту системность. Если осуществляется стяжка этого мыслительного процесса и материальной субстанции через мыслительную функционализацию материала и, одновременно – структуризацию процесса, возникает система. Как в предыдущем примере: мы процесс счёта начинаем осуществлять, двигаясь не по отдельным точкам, а по целым функциональным кластерам точек.

То же самое, говорят, тот – хороший бригадир на какой-нибудь стройке, кто придёт, посмотрит на строительную площадку: где краны стоят? Где – инвентарь? Где кирпичи лежат? Где – другой строительный материал? – и после этого может сразу придумать много разных комбинаций, как одну и ту же работу организовать из одного и того же материала. Т.е., грубо говоря, вот такие же комбинации построить, как в примере с точками, и, соответственно, организацию работ осуществлять не через отдельное таскание по одному кирпичу и передвижению одной какой-нибудь тележки, а сразу целыми комбинациями, целыми блоками.

А.Д. – Вопрос возникает, а от чего зависит такой вот набор комбинаций?

Берёзкин Ю.М. – От Вашей функциональной изощренности, или системного мышления.

А.Д. – От фантазии?

Берёзкин Ю.М. – В том числе, и от фантазии. Поскольку системность – это логическая вещь. Это не есть вещественная заданность в материале. А это то, как **Вы** можете осуществить задачу с помощью определённого системообразующего процесса: процесса счёта, или процесса организации работы, или процесса игры. Вы можете процесс наложить на материал, на котором это всё должно осуществляться, но не напрямую, а с помощью разных функционализированных комбинаций точек (или другого материала). Собственно, за счёт этого и возникает эффект системности. Это понятно, Юля, или не очень?

Д.Ю. – Понятно! Я так думаю, что это как раз те варианты счёта...

Берёзкин Ю.М. – Конечно, для любой системной задачи – это просто сразу получается...

Д.Ю. – Может тогда получится, что в разных комбинациях не все точки будут задействованы?

Берёзкин Ю.М. – Конечно, системность может быть на полном материальном пространстве, а может – на частичном.

Или вот – ещё один классический пример: чем отличается наше градостроительство (не всё градостроительство, конечно, а, так скажем, благоустройство вокруг зданий, жилых помещений и т.д.) от английского? Просто, классический пример.

У нас, исходя из каких-то соображений симметричности, или ещё чего-то (т.е. внешне привнесённого, не имеющего отношения ни к жизни, ни к делу), строят прямые дорожки с прямыми углами, асфальтируют, а промежутки (прямоугольные островки с землей) засевают травой или сажают цветы. Через некоторое время возникает интересный эффект: люди начинают ходить не по асфальтированным дорожкам, а прорезают в этом материале совершенно другие функциональные места, по которым можно ходить напрямик, по газонам.

А англичане делают всё прямо наоборот: берут «пустое пространство», допустим, между домами, полностью его засевают травой и смотрят, как люди начинают ходить. Где «народная тропа» пройдёт, там они и делают дорожку. Только после этого начинают культивировать в промежутках между дорожками травку. Она у них всегда цветёт, и никогда не вытаптывается. Это типичный процесс функционализации земельного пространства в процессе благоустройства территории.

А.Д. – На первом курсе мы изучали философию, и я однажды этот пример привёл. Преподаватель сказал, что это пример институционализации.

Берёзкин Ю.М. – Не знаю насчёт «институционализации». Мне кажется, здесь другое.

А.Д. – Можно сказать, что процесс функционализации пошёл, как бы, поперёк этих грядок?

Берёзкин Ю.М. – Ну, не «поперёк», а по-другому. И не «процесс функционализации», а «функционализация материала». Это не процессуально происходит, а мгновенно.

На этот счёт С.В. Попов рассказывал совершенно потрясающую историю, которую он сам наблюдал, будучи в Египте на туристической экскурсии. Пирамиды смотрел и т.д. Он говорит, что советские строители, когда строили Асуанскую плотину, сделали совершенно невероятную вещь. Рядом со строительством было древнее кладбище, которому более трех тысяч лет. Причём, это кладбище было устроено концентрическими окружностями. Самые старые захоронения, которым более 3000 лет – в центре, а вокруг наслаивались более поздние, и самые поздние – это внешние окружности, уже мусульманские захоронения. Это всё было в относительно хорошей сохранности. Конечно, естественным образом постепенно разрушалось, но без вандализма.

И вот, когда наши доблестные строители подрядились построить плотину, оказалось, что самый кратчайший путь от бетоноделательных заводов до стройплощадки пролегает через это кладбище. Взяли и прорезали дорогу прямо по диаметру, через центральные захоронения, самые древние и уникальные. Там и могильные памятники совершенно не такие, какие появились в более поздние времена, склепы полуразрушенные. Так вот, они прорезали это пространство поперёк, и возник совершенно потрясающий эффект: все эти центральные части, имеющие колоссальное историческое значение, самые уникальные и древние, превратились в жилища для бомжей. Т.е. за счёт вот такого действия строителей всё перефункционализировалось, и там, в древних склепах, стали жить люди. Попов говорит – просто, жуткое зрелище!

Всё это возникает только потому, что люди, когда что-нибудь начинают делать, не умеют системно мыслить!

Или ещё пример. Есть такая загадка, она, правда, не очень красивая, но на эту же тему. Попробуйте угадать: «Что у женщины на теле, у еврея в голове, что мы видим на хоккее и на шахматной доске?». Для женщин сейчас это, правда, не очень актуально, но, тем не менее, – вещь известная...

Д.Ю. – Это одно и то же?

(Долго думают и предлагают не то)

Берёзкин Ю.М. – Нет! Комбинация. Системно мыслить (то, что «у еврея в голове») – это мыслить разными комбинациями из того, что есть. В этом смысле еврейская нация продвинулась очень далеко, в отличие от всех остальных. Они из всего могут комбинации строить. Так жизнь их научила, когда их отовсюду гоняли по всему миру. Они приходят на новое место и новая комбинация условий и обстоятельств, приемлемая для жизни, должна быть.

Вот ещё исторический пример, опять же из иудаизма. Такая легенда существует, что Моисей, когда водил евреев 40 лет по пустыне, там было много всяких проблем и сложностей. И одна из самых больших проблем была следующей: люди мучались из-за того, что слова Моисея не до всех доходили. Люди не знали, что делать. В общем, был бардак, по-нашему говоря. И однажды к Моисею пришли ходоки и сказали: «Придумай что-нибудь, чтобы нас организовать, ведь и ты, и мы мучаемся». Он надолго задумался и придумал. Что он придумал? Вот, примерно, то же самое: функционализацию.

Д.Ю. – Разбил?...

Берёзкин Ю.М. – Конечно! Он придумал иерархическую форму организации. Он выделил десятников. Сказал: ты, ты, ты... будешь десятником. Выделил сотников, которым были подчинены сотни. Выделил тысячников, которым были подчинены по десять сотен. И всё встало на свои места. Т.е. достаточно было тысячников вызвать и им сказать что-то, и всё всем мгновенно становилось известно: те вызывали сотников и говорили, что нужно делать вот это и это. Сотники то же говорили десятникам. Это просто стопроцентная функционализация человеческого материала.

Д.Ю. – А вот мне почему-то кажется, что это структурирование.

Берёзкин Ю.М. – Нет! Структурирование процесса, но функционализация материала! Т.е. материальные единицы приобретают функциональное назначение, и оно задаётся сверху, как бы из логики всего процесса, который должен осуществляться.

Д.Ю. – Одновременно?

Берёзкин Ю.М. – Одновременно. С одной стороны, есть мыслительный процесс (рисует), а с другой стороны есть материал. Эта системная растяжка (показывает на рис. 5), как бы, предельная.

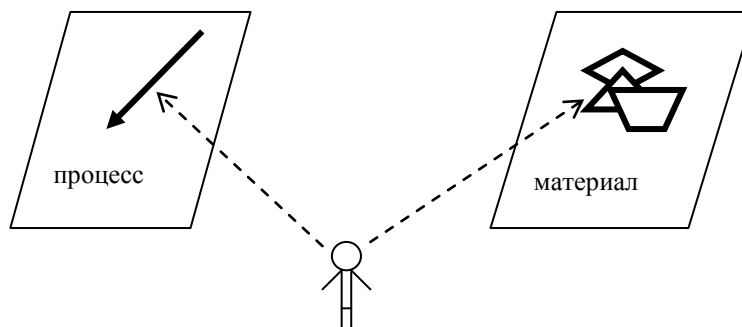

Рис. 5. Предельная растяжка системных планов

Но для того, чтобы одно с другим соединилось, нужно выделить вот эти функциональные места, через которые, с одной стороны, процесс будет протекать, а, с другой стороны, в него материальные организюванности войдут, и процесс будет на этом материале осуществляться (рис. 6).

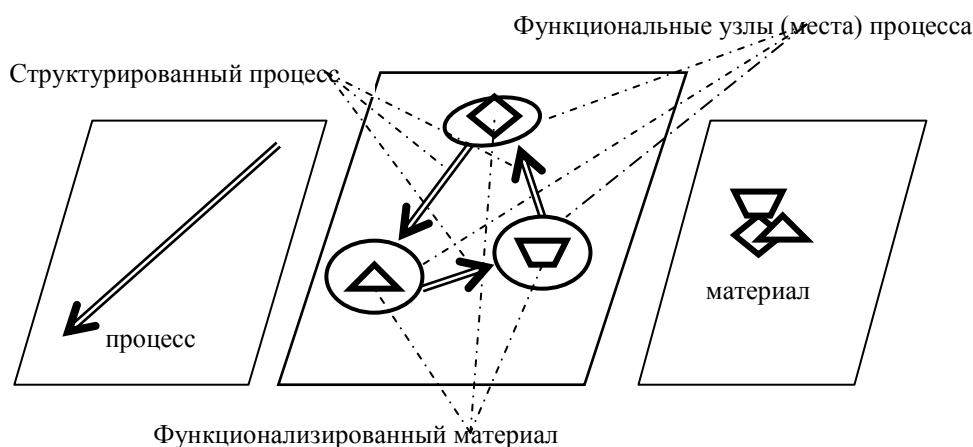

Рис. 6. Место функционального плана системы

Но каждый раз – вот эта вот функциональная структуризация процесса. С одной стороны, ты структурируешь процесс, и он – единый и неделимый – чле-

нится на узлы. С другой – придаёшь функции материальным единицам, попадающим в эти узлы.

Д.Ю. – Например, если он раньше непосредственно с народом общался, этого эффекта не было?

Берёзкин Ю.М. – Да. Пришёл к толпе, а толпа – до горизонта. Он кричит, но они не слышат. А тут он вызывает, допустим, 10 тысячников, и говорит им всё необходимое. Они уходят и тоже вызывают своих сотников. У каждого тоже по 10 человек, а те – то же самое делают. Всё это осуществляется почти мгновенно.

Д.Ю. – А когда берём инвестиционный цикл?

Берёзкин Ю.М. – Мы тоже функционализировали его, выделив четыре блока этого процесса.

Д.Ю. – Могли бы на большее количество узлов поделить?

Берёзкин Ю.М. – Могли бы, да. Но здесь главное – чего мы хотим? Функциональные узлы появляются же не случайным образом. В них выделяются места, которые обладают уникальными и не взаимозаменяемыми качествами. И это зависит от нашей целевой установки или задачи, которую решаем.

Опять же, классический пример функционализации – из области технической электроники. Когда появилась электронная техника (транзисторные приёмники и т.п.), поначалу это всё собирали из отдельных маленьких элементов. Всё это припаивали по отдельности, пока какому-то японцу (я не помню его имени, но он реально существовал) ни пришла в голову мысль функционализировать отдельные узлы процесса сборки, как бы разбить на такие кластеры, каждый из которых выполнял бы одну стандартную функцию. Один отвечал бы за одно, другой – за другое и т.д. И то, что входило в один кластер, стали впечатывать в одну транзисторную микросхему. Так появились транзисторные диоды, триоды, пентоды и др., которые, с последующей миниатюризацией, превратились в крошечные, но самостоятельные функциональные узлы. Каждый из них в себе содержит целую функциональную структуру. И процесс идёт уже не между отдельными элементами, а сразу между этими структурами (функциональными блоками). А внутри каждой – свои процессики.

Д.Ю. – Можно сказать, что это разбито на блоки (показывает на рис. 6)?

Берёзкин Ю.М. – Да, блоки. Это всегда функциональные блоки, если Вы видите нечто, типа того, как у нас в учебниках «финансовую систему» рисуют. Вот я рисую и пишу: «финансовая система». И, соответственно, три или четыре блока рисуется под общим названием (рис. 7).

Рис. 7. Финансовая псевдосистема

Это тоже функциональные блоки. Но, с одной стороны, не ясно, какой процесс там осуществляется. А, с другой стороны, неясен материал, на котором всё это осуществляется. С третьей – непонятно, как одно на другое замыкается. Поэтому получается не система, а какой-то «огрызок» неизвестно чего.

Любая система задаётся, прежде всего, процессом. И она настолько широка, насколько выделен осуществляющийся ведущий процесс, который и является, собственно, системообразующим. В общем, границы системы там, куда процесс дотягивается.

С другой же стороны, поскольку процесс есть мыслительная вещь (в реальности никаких «процессов» нет), когда мы функционализируем что-то, и «садим» его (процесс), соответственно, на материал (или втянем в эти функциональные места материал), и начнём практически осуществлять этот системный процесс уже на материале, но через функциональные места, тогда это всё в сознании схлопывается, и мы видим, например, «компьютерную систему». Или видим «систему движения людей» по дорожкам в своём дворе.

Д.Ю. – Если будем, допустим, структурировать процесс на четыре части, то должно быть четыре функциональных узла.

Берёзкин Ю.М. – Да, если они выполняют разные функции. Но ведь может быть так, что разные части выполняют одну функцию, и тогда может один и тот же блок замыкать на себя разные вторичные процессы (подпроцессы). Или обеспечивающие процессы.

А.Д. – Когда мы структурировали ромбовидную фигуру из точек (рис. 1), мы же однотипные блоки выделяли?

Берёзкин Ю.М. – Но Вы же выделяли это только по одной простой причине: потому что Вы знаете таблицу умножения. А таблица умножения предполагает умножение или сложение одинаковых вещей: либо палочек, либо точек, либо одинаковых кластеров. Только по этой причине. Всё зависит от целевой ориентации. Например, для чего «финансовую систему» рисуют как древовидную, на манер иерархической структуры Моисея? Вообще-то, совершенно непонятно: это что, Моисей выделил сотников и тысячников, и это можно назвать «финансовой системой»? Бред. Но, вообще-то, это оттуда. Я имею в виду – иерархическую конструкцию. Ведь реальная «финансовая система» определенный процесс подразумевает. И не факт, что там процесс тот же, что требовался Моисею.

Вообще, непонятно, что это такое, изображенное на рис. 7 и тиражируемое нашими учебниками. Люди, которые подобные «системы» придумывают, непонятно чем руководствуются. Слово «система» было известно ещё древним грекам. Я сейчас не возьмусь точно воспроизвести, как оно по-гречески пишется (пишет). Вот, как-то так: *συστέμα*. Может быть, я ошибся чуть-чуть, но греческое «са» по-русски означает «со», а «стема» – «ставить». Т.е. первоначальный смысл «системы» – это то, что было составлено из чего-то, из каких-то частей. Так было у греков. Поскольку это (показывает на рис. 7) составлено из разных частей, то это трактуется как «система». Но такое онтологическое представление о системе – как состоящая из частей целостность – она задаёт только одну из четырёх вот этих «плашечек», мыслительных (категориальных) сис-

темных планов: процесс, функциональная структура, морфологическая организованность материала и, собственно, материал. «Морфология материала» – это одно из четырёх возможных категориальных представлений, которое рисуется обычно как состоящее из нескольких частей, имеющих связи и образующих некоторую целостность.

Это идёт от греков. И до сих пор очень многие люди, в том числе те, которые пишут в диссертациях: «Использовался системный подход...», и дальше рисуют (описывают) какую-нибудь совокупность натуральных вещей, они до сих пор в 2500-летней давности пребывают.

Ну, а любая нормальная, живая, деятельностная система всегда, с одной стороны, предполагает процессуальность, а, с другой стороны, – материальную (морфологическую) организованность. При этом то и другое связано функциональной структурой. В этом смысле сама по себе функциональная структура связей – это тоже мыслительная вещь и в материале она не существует. И такой системы (показывает на рис. 7) в материале тоже не существует. Это всего лишь...не знаю, как правильнее сказать... ментальное представление. Фантом.

Ещё один пример. Его Георгий Петрович приводит в одной из своих книг. Он тоже очень показательный. ГП участвовал однажды в одной конференции по системному анализу (речь идёт о 70-х годах прошлого века). Конференция проходила в Тбилиси в одной из гостиниц, которая представляла собой очень жалкое зрелище. Здание было всё обшарпанное, а внутри – поеденные молью портьеры, ужасные светильники, слой пыли в палец, мебель полуразвалившаяся. Вот в этой гостинице проходила международная конференция, и на ней обсуждали проблемы системности. Выходит на трибуну один американский системщик-дизайнер, и говорит: «Вы тут всякие мудрёные словечки говорите, а я вам по-простому скажу: как действовал бы дизайнер-системщик? И как действовал бы дизайнер-несистемщик? У меня есть друг, английский дизайнер Саша Блэк. Он не является системщиком. Если бы его сюда пригласить, и сказать: «Пожалуйста, наведи дизайн в этой гостинице». Что бы он сделал? Он бы посмотрел на портьеры, выбросил бы их и вместо них «игрушку» повесил в виде портьеры. Посмотрел бы на стол, и из этого стола сделал бы красивую «игрушку». Посмотрел бы на лампу, и из неё сделал бы «игрушку». Вот это – подход несистемного дизайнера: всё по частям, но всё красиво.

А как бы я, системщик, осуществил дизайн этой гостиницы? Я бы пригласил хозяина и спросил его, где он своим гостям позволяет веселиться? И в этом месте сделал бы специальную подсветку, соответственно этой подсветке подобрал бы портьеры, мебель, так, чтобы какая-то часть жизненного процесса осуществлялась совершенно определённым образом. Я бы спросил, где у него люди работают. В этих местах, наоборот, сделал бы очень резкий, жёсткий свет, под этот свет подобрал бы совершенно другой дизайн штор, столов и всего остального. Я бы спросил, где общие пьянки происходят, там бы сделал сумасшедший свет, большое пространство, и всё остальное, что для этого нужно.

Вот это – подход дизайнера-системщика: когда один процесс жизни, расчленяется на совершенно разные фрагменты и каждый фрагмент функционали-

зируется совершенно по-разному, и обставляется материальными вещами под соответствующую функцию.

Ещё один пример, который тоже в нескольких местах у Георгия Петровича, а также у других методологов можно прочитать. Как американцы стали организовывать деятельность, когда системный подход стал модным? Ну, например, деятельность какого-нибудь научно-исследовательского института. В этом случае приглашают известного учёного и говорят: «Вам выделяется финансирование на институт численностью, примерно, 1200 человек. Пожалуйста, организуйте эффективную работу этого коллектива учёных».

Представьте, ничего ещё нет, только финансирование под 1200 человек. И тематика. Как делают несистемщики? Они арендуют здание, или строят его, набирают туда людей, а потом думают: чем бы их занять? Или набирают Нобелевских лауреатов, каждый из которых сам знает, чем заниматься. Им дают карт-бланш и, вообще, этого вопроса (т.е. организации) не касаются.

А как поступают системщики в Америке, или поступали, во всяком случае, в то время, когда подобные задачи ставились, и системный подход был в моде? Если системщику дают такую задачу, он первым делом спрашивает: «Какие процессы у этого коллектива будут главными?» Поскольку он (тот, которому предложили организовать институт) не знает, какие процессы в науке главные, то он идёт к социологам, и просит провести исследование. Он говорит: «Мне нужна циклограмма жизни большого коллектива ученых. На какой процесс жизни и деятельности они больше времени тратят, на какой – меньше?» и т.д. Через некоторое время, он получает циклограмму, и выясняется, что самое главное для большого коллектива учёных – это коммуникация. Т.е. они должны много времени друг с другом разговаривать. И это – главное в научном исследовании. Поскольку, если учёный замкнётся сам на себе, он там и помрёт (как учёный). В этом смысле, тот же Георгий Петрович говорил: «Создали Академгородок в Новосибирске, и тем самым, просто, убили науку, поскольку изолировали учёных от всего остального учёного мира, даже от города Новосибирска удалили на 30 км». Там, правда, было очень удобно жить, но с наукой там было не очень хорошо, хотя должности раздавали, в том числе и звания академиков – направо-налево!

Таким образом, выяснилось, что самый главный процесс для большого научного коллектива, который должен решать одну научную проблему, ну, например, разработку ядерного оружия, или что-нибудь в этом роде, – это очень интенсивное общение. Тогда, что делает человек, которому предложили организовать этот коллектив? Он арендует помещение, где на верхних этажах – лаборатории и отдельные кабинеты, а весь нижний этаж – это одно большое кафе, причём, бесплатное – с кофе, выпивкой и всем остальным для всего коллектива. И учёные 90% времени сидели в этом кафе, бесплатно пили и разговаривали. Потом уходили в кабинеты и писали статьи, отчёты и т.д. Эффект был потрясающий. Решение проблемы оказалось гораздо более быстрым, чем при обычном способе работы, когда все всё время сидят по одиночке и напряженно думают. Это – типичный пример функционализации на материале и осуществление системообразующего процесса.

П.О. – Процесс мышления осуществляется только на массах, да?

Берёзкин Ю.М. – Конечно. Мышление возможно только на коллективе людей. Поскольку отдельный человек не соразмерен этому большому процессу, то нужно специально создать такие условия, чтобы они там всё время между собой общались.

Д.Ю. – Скажите, а почему мышление, не соразмерно одному человеку? Может, наоборот?

Берёзкин Ю.М. – Как, почему? Потому что у человека индивидуальное сознание, а мышление – это мышление человечества.

П.О. – Он же читает книги...

Берёзкин Ю.М. – Он читает книги. Ты, конечно, можешь пытаться беседовать с Декартом, но не факт, что тебе это удастся одному... Ну, как тот же самый Декарт говорил: «Если мне кажется, что я мыслю, я это должен усомнить. А вдруг это дьявол мне подсунил идейку, что я мыслю?» И на самом деле, это – не факт. Мало ли что я думаю в своём сознании? А мыслекоммуникация на большом коллективе предполагает, чтобы обязательно были оппоненты. И всякая мысль должна быть критически проверена со всех сторон...

Д.Ю. – А сам человек себе оппонентом не может быть?

Берёзкин Ю.М. – Человек сам себя, обычно, любит, и сам себя начинает по головке гладить: какой я хороший и умный! Мышление же обязательно предполагает жёсткую оппозицию. Мышление возникает (может возникнуть), во-первых, относительно большой целостности людей (а отдельный человек всегда частичен и фрагментарен); во-вторых, мышление возникает только тогда, когда «припрёт». Например, случается война или ещё какая-то реальная трудность. Во вторую мировую войну, например, всплеск мышления был просто очевиден. Когда неизвестно, как надо выбираться из смертельно опасной ситуации, вот тогда появляется то, что называется мышлением. Т.е. когда возникает проблема: нужно чего-то достичь, а способов нет. Отдельный человек, особенно, если он находится в социально благоприятной ситуации, как правило, благодушен и мышление ему не нужно. Достаточно обычного рассудка... Бывает, конечно, но в очень редких случаях...

Д.Ю. – Ну, например, как в теннис нельзя одному играть?...

Берёзкин Ю.М. – И в теннис нельзя одному играть, да, и вообще, многое чего одному нельзя делать... Как любил говорить ГП, шокируя всех вокруг: «Отдельный человек – он даже и не Человек». Если – по большому счёту, поскольку он всего лишь половинка. Он даже себе подобного воспроизвести не может в одиночку. Понятие «человек» возникло уже достаточно поздно, как пишут некоторые культурологи, например, В.М. Розин. Где-то в эпоху Возрождения. До этого никаких «человеков» не было, а был «царь», был «воин», был «раб»... И это всё – разное, и друг с другом не смешивалось. Они должны были жить по-разному, и одно в другое нельзя было переводить. Если ты родился крестьянином, то и дети твои должны быть крестьянами, и все их потомки. Стояла жёсткая институциональная граница, сословная. И её переходов не допускали...

Д.Ю. – Можно сказать, что это была жёсткая функционализация?

Берёзкин Ю.М. – Да, это была жёсткая функционализация. Тот же Розин говорит, что представление о «человеке» возникло тогда, когда в эпоху Возрождения появились, по-нашему, «бомжи». Бродяги, которые не имели никакого функционального места в обществе. Поэтому пришлось придумывать что-то такое, чтобы их как-то обозначить... Он не относился ни к тому, ни к другому, ни к третьему. Вот и придумали слово «человек» как обозначение никчёмного «существа ниоткуда». В старорусских кабаках самого последнего лакея, например, называли «человеком».

А Георгий Петрович, вообще, говорил очень жёстко, что «человек» – это, на самом деле, фикция. «Человек», с одной стороны, это – существо, по принципу пола разрезанное на две части. Причём части «разбросаны», и неизвестно соединятся, или не соединятся когда-нибудь. С другой стороны, «человек» – это всегда некий биологический материал, вставленный в определенное функциональное, социальное место. И если у него, у этого биологического материала, нет соответствующего функционального места – он и не человек!

Это уже очень поздно, где-то в эпоху модернизма стали говорить об «индивидууме», о его «индивидуальной траектории жизни» и т.п. Всё это, на самом деле, – идеологическая туфта, придуманная для того, чтобы можно было легче манипулировать этими «индивидуумами», управлять ими.

Ну, это уже немного другая линия. Это антропологическая линия. Там тоже много чего написано. Во всяком случае, то, что у нас со времен Горького считается, что «Человек – это звучит гордо!», на самом деле – такая туфта! «Гордо», но не вот этот – отдельный человек! Он слаб и мало, что может. Маяковский был, я думаю, более прав, когда писал: «Единица – ноль, единица – вздор, один – в поле не воин». Гордо звучит совокупный Человек, или Человечество.

И это на каждом шагу подтверждается. Индивидуальному человеку не дают даже возможности что-то выбирать, ему обязательно «вставляют», навязывают выбор. Причём обставляют это так, как будто бы он сам выбрал. Даже новорождённого ребенка мать вставляет в определенное функциональное место, например, относит к классу «грудничков». Через некоторое время переводит в совершенно другой класс, где совершенно другая форма жизни. Потом переводит в ясли, в детский сад. Там совсем другие функциональные места и т.д., пока не доводят до университета, а здесь уже десятые или пятнадцатые места. И в жизни по-другому, просто, не бывает. Современная жизнь устроена так, что, если ты вылетаешь из всех функциональных мест, то у тебя, вообще, нет способа жизни. Ты, просто, не сможешь жить.

А современная человеческая биологическая субстанция, называемая «человеком», одновременно включена в сотни разных функциональных структур. В разных функциональных системах, по-разному функционирующих, и время течёт по-разному. Соответственно, современный человек должен жить одновременно в разных режимах времени.

Д.Ю. – Как?

Берёзкин Ю.М. – Ну, как? Биологическое старение у Вас идёт одним чередом и темпом, работа над диссертацией совершенно в другом режиме, лю-

бовь – в третьем темпе и т.д. Нормальный современный человек это всё легко расчлняет и не путает. Но если начнёшь путать, то тебя быстро вычислят, и приведут в норму: либо в клетку посадят, либо начнут перевоспитывать.

А.Д. – А, допустим, до рождения, когда ребенок находится внутри матери, его к какому классу относят? Он же биологический...

Берёзкин Ю.М. – Когда он внутри матери находится, он находится в совершенно определенном функциональном месте.

А.Д. – Нет, я говорю о том, что у него генетические предпосылки всё равно уже появились... Чтобы занять какое-то место в будущем...

Берёзкин Ю.М. – С генетическими вещами... там, вообще, сложно. Сейчас, насколько мне известно, биология подошла к такому проблемному пункту, когда гены уже нельзя привязывать только к материальной субстанции. Гены состоят не только из материальной субстанции.

П.О. – И из духовной, что ли?

Берёзкин Ю.М. – Я не знаю из духовной, или из идеальной, но это то, что поверх материала «сидит»... Т.е. биологическая клетка жива только до тех пор, пока поверх что-то такое, нематериальное, на ней есть. Раньше это называли «душой». Потом наука эту «душу» отменила: сказала, что это, вообще, блеф. А теперь опять возвращается. И выясняется, что атомы – это не только частицы, но и волны. А если волна, то становится непонятно... Ведь волна предполагает полевое устройство: поле – это когда процесс бежит поверх чего-то, по совсем другой субстанции. Ну, в общем, я думаю, что лет через 100 и физика, и биология, и всё остальное будет подвергнуто такому критическому разгрому, что от сегодняшних их мало, что останется...

П.О. – Скажите, наркомания – это проблема?

Берёзкин Ю.М. – Наркотики легализованы, например, в Голландии. И что Вы хотите сказать?

П.О. – Ну, как бы, вот есть наркотики... проблема.

Берёзкин Ю.М. – Наоборот. Наркотики бессмертны до тех пор, пока вокруг вот этого процесса потребления наркотиков существуют разные функциональные места, которые занимают разные специалисты, разных профилей: одни лечат, другие ловят, третьи наказывают, четвертые перевоспитывают... Как только эта структура вокруг процесса потребления наркотиков функционализировалась, этот процесс становится невозможным вытащить. Т.е. его нельзя ликвидировать, поскольку первые, кто будут против – это, те, кто за счёт этого живёт. Причём, живут легально: наркополицейские, нарковрачи, нарковоспитатели, наркопсихологи и т.п. В этом смысле, Аль-Капоне был великим системщиком, когда придумал способ, как сделать мафию бессмертной.

Д.Ю. – Если хочешь сделать процесс бессмертным – нужно окружить его функциональными местами?

Берёзкин Ю.М. – Да, нужно окружить его функциональными местами. Причём, эти места институционализировать. Т.е. под них готовить людей. А для их подготовки нужно готовить других людей. Должны быть созданы, соответственно, кодексы, всякие программы обучения и всё остальное. Как только это всё вокруг обставляется, вытащить и уничтожить этот процесс становится

невозможно. Точно так же, как сейчас дела обстоят с ядерной бомбой и с опасностью ядерной войны: столько всяких структур вокруг этого кормится, начиная от Совета Безопасности ООН, который никогда со своим местом и своими функциями добровольно не расстанется (а уничтожить его некому, поскольку они – главные, и они основные (рамочные) решения принимают). Кроме того, есть МАГАТЭ, которое контролирует обращение радиоактивных веществ, и должно контролировать. Вояки, которые хотят иметь это оружие, поскольку это и престижно, и денежно. И всё! Это уничтожить становится невозможным!

А.Д. – Всё равно некоторые институты умирают...

Берёзкин Ю.М. – Да, если взамен приходят более мощные институты, которые оттягивают на себя те функции, которые делали предыдущие институциональные структуры. Например, если раньше был гужевой транспорт, вокруг него было гигантское количество разных функциональных структур: сёдла надо было делать и всю амуницию. Телеги надо было делать. Инфраструктура должна быть соответствующая. Кузнецы дляковки подков должны быть. И всё остальное. В этом смысле это была почти неуничтожимая вещь, она воспроизводила сама себя. Как только появился другого типа транспорт, более мощный, и снял эти функции, всё это, как бы, само по себе перестало культивироваться.

Те же наркотики могут быть уничтожены только в том случае, если то же самое проделают другие, более мощные, или более умные и изощренные бандиты. Придумают, например, какие-нибудь психонаркотики, или ещё что-то более мощное и страшное. Тогда все сегодняшние функциональные структуры могут быть оттянуты, совершенно, в другую систему. Но оно всё равно должно быть системным образом устроено. В противном случае не выживает.

Более того, когда мы системность обсуждали, мы не обсуждали такой вопрос, что сама по себе любая система деятельности ещё не гарантирована от уничтожения, или развала, по разным причинам – внешним и внутренним. В этом смысле, вечной, неуничтожимой и развивающейся является не сама по себе «система деятельности», а более широкая форма организации, которая называется «сферой деятельности». «Сфера деятельности» – это несколько другое, чем «система деятельности». Например, говорят «сфера образования», «сфера науки» (вот, науку уничтожают, уничтожают, а уничтожить-то не так просто!), или «сфера производства»... Так вот, «сфера», в отличие от «системы», предполагает помимо центрального процесса, который мы обсуждали – процесса функционирования на функциональных структурах, как минимум, пять других процессов должно быть организовано и увязано между собой.

Д.Ю. – Как четыре плана в системах, и ещё?...

Берёзкин Ю.М. – Нет. Смотрите: первое – это «функционирование». И здесь вот эта самая категориальная четырёхслойка – центральное место которой (функциональный план), собственно, и задаёт систему функционирования. И в этом смысле можно говорить о «системе функционирования». Обратите внимание: не «функционирование системы», а «система функционирования». Это – совершенно другой смысл имеет. Если мы скажем «функционирование системы» – это значит, что мы можем предположить, что система может и не функционировать. А система не может не функционировать, если это – система. По-

этому есть «система функционирования», и это – главный процесс. Главный, системный. Кроме этого, есть ещё «процесс развития» системы, и он находится в непримиримом противоречии с «процессом функционирования». Функционирующая система чаще всего развиваться не может, если специально не создавать и не организовывать процесс её развития.

Когда на Западе в XX веке встал вопрос о развивающихся системах производства, то была поставлена очень жёсткая проблема. И она довольно долго стояла, пока не придумали способ, как развести «процесс функционирования» и «процесс развития». Американцы придумали это за счёт того, что они выделили «производящие структуры» и «инфраструктуры», т.е. – обеспечивающие структуры. Инфраструктура должна функционировать жёстко и нормативно. Инфраструктуры не должны ничего производить, они должны обеспечивать условия для других, в том числе – для производителей. А развиваться – в смысле, усложняться, изменяться, переходить на качественно более высокие уровни – могут с тех пор только отдельные производящие единицы. И эти сферные процессы развели за счёт этого, чтобы они не пересекались и не вредили друг другу. Инфраструктура должна только функционировать, а процесс развития производящих единиц нужно специально организовывать.

Кроме этого, в сфере деятельности должен быть ещё «процесс производства». Причем «производство» нельзя путать с какими-нибудь заводами. «Производство» может быть у любой системы деятельности. Или его может не быть. Если, например, система просто функционирует, то она может быть ничего не производящей. Ну, например, выдавать ФДП, как говорил Георгий Петрович, «фиктивно-демонстративный продукт». Очень многие советские организации ничего не производили. Неважно, это был завод, научное учреждение, больница или учреждение отдыха (типа какого-нибудь сочинского санатория, который должен был, по идее, поправлять здоровье трудящихся, но этого результата не было). Т.е. «процесс производства» всегда направлен на результат. Если результата нет, то это непроизводящая система. В образовательном учреждении тоже должен быть результат. Т.е. если человека научили чему-то – это результат. Но очень много образовательных учреждений – и у нас, и в Америке – никакого результата не выдают. Там это называется «симулятивные системы».

Вот байка на этот счёт. Есть один американец, забыл его фамилию, который был большим другом Георгия Петровича и ММК. Когда он сюда приехал в первый раз, то был потрясён тем, что у нас, т.е. в Советском Союзе, тоже существуют симулятивные системы. А по его подсчётам, в США в 70-х годах, было примерно 12% образовательных учреждений – симулятивные, т.е. непроизводящие. Учителя приходили, делали вид, что учат, ученики делали вид, что учатся, все программы на бумаге были написаны, звонок звенел в начале и в конце урока, но никакого результата не было. Это такое времяпрепровождение, прикрытое определенной формой. Но в Советском Союзе их было даже больше, чем 12%. И до сих пор достаточно много.

В сфере деятельности есть ещё «процесс воспроизводства». Система должна быть организована, в том числе, и вокруг этого процесса. Что имеется в виду? Взять какое-нибудь производственное предприятие, или учебное заведе-

ние, или ещё что-то... Люди постепенно стареют, просто уходят в силу естественной убыли, умирают. Оборудование стареет и, соответственно, требует замещения. Если специально не продумать механизм замещения выбывающих элементов деятельности, её структурных элементов, то рано или поздно процесс производства развалится. А за ним и процесс функционирования развалится. Это должно специально отдельно продумываться и нужно строить специальную систему, воспроизводящую.

Кроме этого, есть ещё процесс, называемый «ОРУ» («организация, руководство, управление») и их тоже нужно специально организовывать. И системы организации, руководства и управления тоже должны существовать. ОРУ – это совершенно другого типа процессы и они тоже должны быть системным образом оформлены.

Шестой сферный процесс – это «процесс захоронения». Говорят, что для нашей страны (Ю.В. Громыко, в частности, об этом пишет) в настоящее время – это едва ли не самый главный процесс. Когда в огромном количестве наличествуют устаревшие производства, совершенно устаревшие структуры деятельности, которые десятилетиями уже и морально, и физически изношены, и, вообще, ничего толком не делают, только ресурсы уничтожают. Избавиться от них невозможно, поскольку специально не продумана система, как выводить эти устаревшие и никому не нужные, на самом деле, системы деятельности из общей сферы деятельности?

Если мы построим эти шесть разных деятельностных систем, и ещё их рефлексивно друг на друга завяжем, получится «сфера деятельности». Только сфера деятельности может быть фактически бессмертной. Она будет меняться тогда, когда нужно меняться; освобождаться от ненужного, когда потребуется; производить, т.е. быть нацеленной на результат, который нужен; функционировать бесперебойно, когда это нужно и развиваться без ущерба для других процессов деятельности.

Д.Ю. – Юрий Михайлович, а если я инвестиционный процесс включаю, он тоже сфера?

Берёзкин Ю.М. – Это не сфера. Он может входить в определенную сферу деятельности, если специально, правильно, вот так вот, описать. Либо, вообще, лучше заменить... Ну, мы посмотрим потом...

Какие ещё соображения есть? Или вопросы?

Д.Ю. – Ещё вопрос: «социальный организм», по Попову, это тоже функциональные места?

Берёзкин Ю.М. – Да, там есть функциональные места. Но там, в отличие от системы деятельности, есть ещё нечто... Он таким образом это представляет. Если это – «социальный организм», то помимо того, что у него есть функциональные места с переходами, у него есть «социальный материал», т.е. множество индивидов, для которых в обязательном порядке есть то, что называется «авторитетом». И очень важная составляющая – это то, что называется «внутренним смыслом», который удерживает всю эту конструкцию от разрушения. А это (показывает на рис. 8) – «функциональная структура». Но, в отличие от сфер деятельности, это устройство не деятельностное...

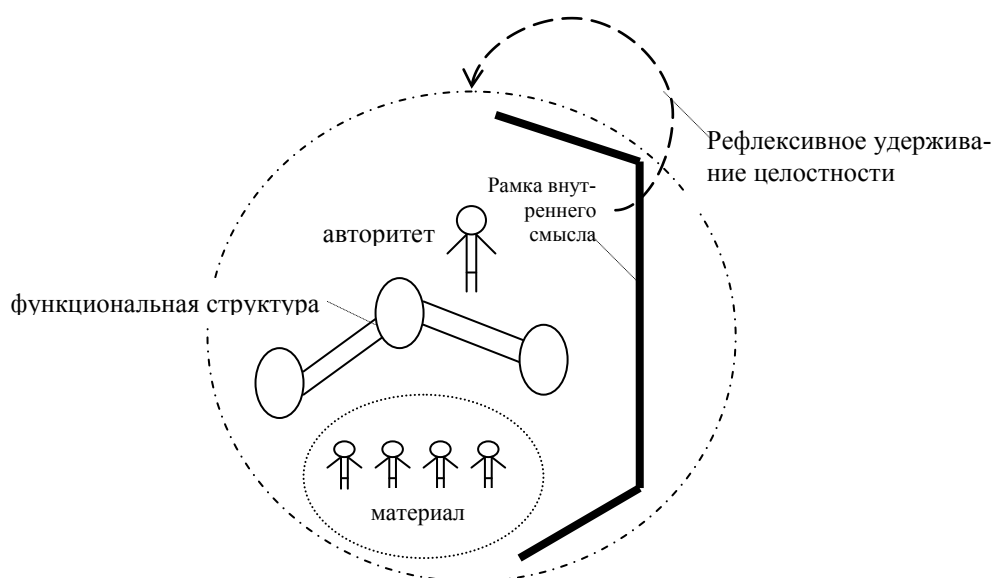

Рис. 8. Устройство социального организма

Д.Ю. – Функциональные места там тоже есть?

Берёзкин Ю.М. – Ну, наверное, если есть места, значит, они функциональные.

Д.Ю. – ... социальная система, а внутри... социальный организм?...

Берёзкин Ю.М. – Нет. Смотрите, когда система функционирует, там есть функциональные места, там есть какой-то процесс. Но эта система может быть не деятельностной. Например, лампочки в бегущей строке. Там же нет деятельности никакой. Когда мы счёт осуществляем, функционализируем точки – мы совмещаем мысль с деятельностным процессом. И здесь всё это может функционировать, но не будет никакой деятельности. Оно может быть не ориентировано ни на производство, ни на воспроизводство... Ну, оно за счёт другого механизма задаётся. А вот развитие, например, в социальных организмах точно невозможно. Там оно даже заблокировано за счёт того, что Попов называет «единым внутренним смыслом» этого социального организма. Т.е. социальные организмы, даже если это уважаемые какие-нибудь коллективы, они могут жёстко сопротивляться, когда их пытаются развивать или перефункционализировать на какие-то более совершенные процессы. В этом смысле бывшие советские коллективы, в значительной мере, именно таким образом устроены до сих пор. Но это – с точки зрения Попова. Он так функционализировал и идеализировал. Для решения своих собственных задач.

Тут существует одна очень большая опасность, когда вы видите такие картинки, или схемы, или ещё что-нибудь подобное на доске, и думаете, что «так оно в жизни и есть». Это самая опасная вещь!

Допустим, если Резерфорд придумал модель «атома», выделив «ядро» и вокруг – «электроны» с отрицательными зарядами, нельзя (логически безосновательно) думать, что природная реальность состоит из «атомов», именно так устроенных. Такое представление нужно было физикам в XX веке для решения определённого класса физических задач. Как устроены реальные атомы (если

они, вообще, есть) – до сих пор никакая физика не знает. Тот же Георгий Петрович пишет (поскольку он был физиком первоначально, в этом смысле ему доверять, видимо, можно): «...никто до сих пор из современных физиков не знает, как устроен атом. Это может быть «дырка». Это может быть «волна». Это может быть «вихрь», как предполагал, например, Декарт. Это может быть ещё что-то». У Резерфорда же была всего лишь одна из гипотез, которая нужна была для того, чтобы, к примеру, атомную бомбу изобрести. Как оно на самом деле устроено? – никто не знает. Может быть, частично так. А может быть, совсем по-другому.

То же самое с подобными картинками, типа «социального организма» или «системы деятельности». Мы рисуем схемы системы деятельности не для того, чтобы сказать, что вот там, в жизни, «деятельность так устроена». Мы, ориентируясь на это, можем решать свои, определённых классов, задачи. Например, организовывать людей в «систему деятельности», которую можно помыслить вот таким образом. Или, например, как работать с общественными организациями, которые не являются деятельностными? Т.к. неизвестно, как с ними обращаться. И, в частности, у Сергея Валентиновича Попова есть соображение, что их можно помыслить именно так. Предположить, что они так устроены. Под это предположение он, соответственно, придумывает способы того, как можно вот с таким образом устроенным «социальным нечто» работать.

Д.Ю. – Может, он – наоборот: сначала имел способ, как с ним работать, а потом нарисовал картинку с устройством «социального организма»?

Берёзкин Ю.М. – Скорее всего, так и есть. Т.е. не способы даже, а определённый подход, или постановку проблемы с фиксацией отсутствия средств для её решения. А это (такое представление) – всего лишь один из элементов необходимых средств, который позволяет осмысленно с ними иметь дело. Потому что, если нет никакой гипотезы того, с чем ты имеешь дело, то у тебя ничего и не получится.

Д.Ю. – А инвестиционные системы есть?

Берёзкин Ю.М. – Опять тот же самый принцип: это не значит, что эти системы есть, что называется, «в натуре». Если мы их мыслью вычленим, видим их, можем с ними работать, то они есть. Ну, так же, как в примере с множеством точек мы можем представить и, за счёт удержания в мысли, видеть разные конstellляции этих точек. Их (конstellляций) на самом деле, «в натуре», нет, мы их выделяем мысленно. И это позволяет нам осуществлять определённую работу. Например, взять и быстро пересчитать их. Если этой работы не нужно делать, нам и не нужно эту мысленную конstellляцию выделять.

И здесь то же самое, тот же принцип. Вся наука построена на принципе выделения идеальных конструкций (идеальных объектов), которые позволяют работать с природным материалом, который неизвестно как устроен (он принципиально от нас отделён). Как тот же Кант говорил: в мысли есть категории, категории пусты, но они позволяют разное различать. Чувство же, наоборот, – слепо. И только благодаря совмещению категории (которая пуста, зато, видит, с чем имеет дело) с чувственным ощущением за счёт схематизмов сознания, люди могут видеть, понимать, различать то, что ощущают. Так мыслил Кант. Кант

считал, что схематизм – это условие чувственности чистых понятий, или категорий. И за счёт совмещения категорий с чувственным ощущением мы что-то видим, имеем возможность называть и осмысленно к этому относиться.

Природный материал от нас, от нашего мышления и сознания отделён. И чувствами мы ничего узнать о нём не можем. Мы из другого места (из мышления) берём такие вот идеальные формочки, за счёт которых можем квалифицировать, с чем мы имеем дело, когда ощущаем материальное. Как природный мир устроен? – одному Господу Богу известно. Точно так же, как и общественный, кстати. «Общественное» ещё сложнее устроено, чем «природное». Хотя бы только за счёт того, что внутри «природного» есть ещё «духовное», которое неизвестно, как на каждом человеке сидит. Мы это чувствуем на себе. И если природное мы можем хоть пощупать: горячо, или сухо, деревянно, или ещё что-то. То вот с тем, что в голове, или вокруг головы у человека, мы даже почувствовать не можем, а можем только смотреть на реакции, когда его задеваем. Грубо говоря, «иголкой в заднее место» ткнуть, и посмотреть, как подскочит. На самом деле, так и делается. Определённым «щупом» тыкают, а потом смотрят на реакцию. Как с нашими реформами: взяли «камень» бросили в «общественное болото» и смотрят, как круги расходятся, и булькает ещё при этом. Вот на этом социальном материале. А если круги начали расходиться, можно уже управлять: где-то «дамбочку» построить, где-то «шлюзик» приоткрыть и т.п. Так и делают.

А.Д. – Вот такой вопрос. По какому принципу отсекается ненужный нам материал? На результат нашего исследования может повлиять большое количество факторов. В том числе, человеческий. Всё равно же мы должны провести какую-то отсечку, чтобы получить нужные характеристики.

Берёзкин Ю.М. – Это только за счёт действия. За счёт опыта. Материал же будет сопротивляться, когда Вы его начнёте куда-то вставлять. Делаете под него какие-то функциональные места и говорите: вот здесь нужно так делать. Представьте себе, что возьмём и потребуем: «в студенческие аудитории заходить только строем, рассаживаться тихо и, не дай бог, руку сделать вот так, как Вы сейчас сделали». И за все отклонения от этих требований – каждый раз наказывать. Материал начал бы сопротивляться. Но в некоторых местах и это удаётся сделать, когда, например, ставят тебя с автоматом к знамени и говорят: «Это – Святыня! Попробуй, шевельнись! Три наряда вне очереди!» Он 15 минут там постоит, и его менять надо, потому что дальше начинаются необратимые биологические процессы. Он может просто упасть без сознания, если «переборщить». Поскольку даже моргать нельзя...

Заранее знать, как устроен материал нельзя, а для этого делают вот эти вот предположения... Это можно проследить на протяжении всей истории человечества: сначала строят простые системные организованности. Их «протягивают», как через игольное ушко, в более сложно устроенные системы. Обозначают в системах более широкого уровня в виде «символа материала» этой новой системной организованности. Тем самым – мы уже знаем, с чем имеем дело. Ну, например, когда изобрели электрический ток, и лампочка Эдисона загорелась, появилась возможность на этой основе строить более сложные системы,

т.к. уже стало известно, как этот материал себя ведёт в тех или иных, определённых условиях.

Ну, и с людьми точно также. Начиная с того же Моисея, который разделил всех на десятки, сотни, тысячи, а потом это всё усложнялось и усложнялось. Т.е. когда разделили на десятки, сотни и тысячи, стало понятно, что можно делать с таким образом организованным материалом. Когда человека прогоняют через пятилетнюю систему «муштры», какая есть в любом университете, и после этого выдают диплом, то уже известно, что с этим человеком можно делать, чего от него ждать, чего не ждать. Он уже прошёл определённую обработку. Ну, как кусок мрамора берут, отшлифовывают, и он уже совершенно другое качество приобретает. Так и здесь.

Образование людей – всегда насильственное дело. Это всегда огранка человеческого материала, и в этом смысле – ограничивание его. Т.е., когда он не может за определенные границы переступить. А тот, кто переступает, тот называется «невменяемым». Т.е. ему некие вещи вменить не удалось. На этом всё и строится. И другого пути нет. Т.е. как устроен материал – это только через опыт, и только через его организацию... Будь то человеческий материал, или какой-то другой.

Кстати, «материал» не нужно понимать вульгарно. Это, опять же, очень распространенная ошибка, когда думают, что «материал – это то, обо что стукнуться можно». Шёл, шёл, коленом стукнулся, колено болит, а материалу – хоть бы что! «Материал» в современной философской и методологической традициях – это то, чем можно манипулировать. Это то, что можно изменять. «Материально» всё, что пассивно и, в лучшем случае, сопротивляется, но не имеет собственной активности и целевой установки. Если человек имеет собственную целевую установку, и он, прежде чем что-то делать, послушает, а потом сделает по-своему, – он не может быть «материалом»! Чтобы его сделать «материалом», его нужно загнать в такие шоры, когда он станет пассивной субстанцией.

Это касается и любых идей. Если с идеей можно работать как с материалом – она становится «материальной вещью»: её можно трансформировать, изменять. Что, впрочем, далеко не всегда и не всем удаётся. Но если идею удаётся посадить на сознание, или вменить в сознание какого-то человека – она становится материальной силой. Маркс это блестяще продемонстрировал, технически продемонстрировал, изменив полмира чужими руками, только за счёт вменения определённых идей.

В этом смысле, тот же Хайдеггер указывал на ошибки философ-идеалистов, которые, критикуя материализм, делают это неправильно. Эти «неправильные критики» считают, что они – материалисты – совсем тупые, поскольку говорят, что «материальное – главное!», и при этом имеют в виду, что «главным» является – вот этот вот материал (стучит по столу), природный, ощущаемый различными органами чувств.

Диалектический материализм сделал «материалом», в том числе, и «идеальное». И в этом смысле очень сложно с ним бороться. Если ты – подобного рода идеалист и считаешь, что все материалисты неправы, то, как только ты так

начинаешь считать, грамотный материалист говорит: «А я с твоими идеями точно так же, как с камнем, могу работать». И всё!

Ещё есть соображения или вопросы?

(пауза)

Теперь я немного хочу сказать совсем о другом. О наших семинарах. Наши занятия, не знаю как вам, а мне всё больше и больше не нравятся.

Д.Ю. – Почему?

Берёзкин Ю.М. – Потому, что они вырождаются в лекции, к которым я, на самом деле, не готовлюсь. И это плохо. Поскольку – это, как бы, и не лекции. Ведь лекции предполагают некую систематику, подготовку и «протаскивание» человека через определённую программу. А с другой стороны, важно понимать и другой момент. О нём я уже тоже много раз вам говорил раньше: всё равно, то, что мы с вами обсуждаем – моменты методологии – и особенно если всё это в монологической манере происходит, как вот сейчас, то оно – в значительной мере, бессмысленно... Оно, может быть, и медленным темпом, но всё равно улетучивается. В одно ухо – влетает, в другое – вылетает!

Д.Ю. – Ну, мне, допустим, это помогает писать работу.

Берёзкин Ю.М. – Потому что Вы слушаете через свою призму. Вы не просто слушаете, а одновременно и сами в чём-то движетесь. Это самое главное. Если бы мы нашли какую-то форму наших совместных занятий, которые бы вам помогали продвигаться самим, тогда методологические обсуждения могли стать гораздо более действенными. Не просто слушать, а...

Д.Ю. – Без собственного движения бессмысленно...

Берёзкин Ю.М. – Да, это правильно. Если нет собственного движения, то всё это вырождается... в такой... Даже не могу подобрать слова, но не очень хорошие слова здесь, в любом случае, будут.

Т.е. у вас появится ещё один набор знаний, а это уничтожает саму идею методологии, а, следовательно, – и всех этих обсуждений. Поскольку знания – они всегда отчуждены от человека и ему противопоставлены. Послушал, записал, и оно отдельно лежит. Как сегодня в начале Денис сказал: «Гробик мысли».

А.Д. – Нельзя ли пока так, пассивно?... Чтобы диплом написать...

Берёзкин Ю.М. – Диплом? Что диплом? Пройдёт ещё полмесяца – и Ваш диплом кончится.

А.Д. – Проблема со временем, чтобы самостоятельно ещё какую-то работу параллельно делать...

Берёзкин Ю.М. – А времени никогда не будет хватать.

А.Д. – Я так понимаю, мы сейчас приобретаем определенные компетенции. И вот то, что мы сейчас, на семинарах приобретаем, будем потом применять в жизни...

Д.Ю. – Попов за это деньги берёт, да?

Берёзкин Ю.М. – Ну, это же только у Попова. У него монополия конструкция средств. Он нигде никому не рассказывает, об этом ничего не пишет. С каждым клиентом, который делает ему заказ, проводит индивидуальную работу, штучную, как ремесленник: с одним – так, с другим – совершенно по-

другому. Конечно, было бы очень занятно его рефлексивные заметки на этот счёт почитать или послушать. Но они недоступны.

Д.Ю. – Ну, Юрий Михайлович, у нас же есть желание применить этот аппарат? Ведь невозможно же насадить что-то, если человек этого не хочет?

Берёзкин Ю.М. – Ну, это-то – да. Насадить (из того, что мы обсуждаем) ничего невозможно. Это правильно. Но в любом случае, если наши семинары продолжать как систему лекций, тогда программу надо выстраивать заранее, с вами её подробно обсуждать, чего вам надо. И уже после этого систематически всё подробно разбирать.

Георгий Петрович же ведь с этим тоже много лет мучился... У них, правда, там немного по-другому было – семинары шли в виде жёстких дискуссий... Но всё равно потом, когда основные его оппоненты по разным причинам ушли из ММК, и он набрал в свой семинар в очередной раз относительно большую компанию, которая ему (в отличие от первого поколения участников семинара) уже только в рот смотрела, то и он не выдержал. Как я понимаю, он какое-то время, может быть, несколько лет, это всё рассказывал-рассказывал, а потом ему это всё, просто, обрыдло. Даже есть одна такая легенда. Фактически, было, но почти как легенда звучит.

В 1990-х годах состоялся один методологический симпозиум. Кажется, в Самаре это было. Там был запланирован в качестве главного доклада – доклад ГП о мышлении. Он вышел на трибуну, толпа сидела амфитеатром, в основном молодежь. ГП вышел, походил-походил вдоль доски, повернулся к аудитории и говорит: «Мышление – едино! У кого есть возражения?». Все сидят, как кролики. ГП: «Нет возражений?». Все молча сидят. ГП говорит: «Тогда доклад закончен». И сел.

В другой раз и в другом месте ГП смотрел-смотрел на пассивность своих молодых учеников, а потом говорит: «Взять бы вас всех облить бензином и сжечь». Не потому что он был таким жестоким, а потому что он отлично понимал, что подобные посиделки с «открытыми ртами» убивают методологию. А для него методология была – всё!

Меня тоже иногда так и подмывает спросить: «Есть кому что сказать? Нет? Тогда семинары закончим!»

А.Д. – Тогда надо заранее выносить на семинар какую-то тему, к которой все могли бы подготовиться.

Берёзкин Ю.М. – Ну, я так и предлагал вам, уже несколько раз. Каждому взять какую-нибудь тему и по очереди пытаться её здесь обсуждать, стараясь работать в методологической манере. А потом проводить рефлексивные обсуждения, что получается, что не получается. Темы же сами по себе не складываются...

А.Д. – Тогда не только темы нужно выбирать, но и инструменты...

Берёзкин Ю.М. – Но ведь методология только инструментами и занимается. Она занимается средствамиальными вещами, то есть тем, что организует и регулирует движение человека, его мысли, действия.

А.Д. – Может, поначалу попытаться не сами инструменты рассматривать.

Берёзкин Ю.М. – Тогда это будет предметизация, что не интересно.

А.Д. – Нет, так скажем, с использованием инструментов... идти к активным вещам.

Берёзкин Ю.М. – Вот это была бы идеальная вещь, но как этого добиться? ГП придумал выход из этой ситуации непрерывного чтения лекций, которые могут никогда не кончиться... Ну, только разве что со смертью. Рассказывать и объяснять можно сколько угодно. До тех пор, пока человеку самому не надоест, и он просто перестанет ходить. Он придумал так называемые оргдеятельностные игры (ОДИ), где принцип средствальности и принцип проблемности специально организовывались и провоцировались. Но это требует совершенно других рамок времени. Нельзя за 2 часа организовать даже самую примитивную, самую простую игру. Даже так называемые ролевые игры, в которых дело не доходит до проблематизации, и то на день-два растягиваются.

Я не знаю, Вам, Юля, понравилась последняя игра? Ну, та, которую Наталья Каницкая делала?

Д.Ю. – Я была там только во второй день, всего 3 часа. Мне понравилось. Весело было.

Берёзкин Ю.М. – Повеселиться – это мы запросто! А ведь методология – вещь конфликтная. Должно не веселье быть, а голова, ну, по крайней мере, болеть. Я там не был, но, судя по тому, что мне Марк Меерович говорил, конечно, всем понравилось: и экспертам, и участникам, но – это другого уровня игры! Да, к тому же, это с детьми было. С детьми, вообще, опасно в такие игры играть. Они очень быстро поддаются, поскольку ещё не зациклены опытом прежней жизни. Очень быстро с себя сбрасывают шелуху, которая ещё не окрепла, и становятся просто циниками. Это самое страшное, когда ещё нет ни базы, ни оснований, но цинизма – уже выше крыши!

Д.Ю. – Мне кажется должен быть какой-то заказ, либо общественный, либо личный. Тогда семинар может превратиться во что-то...

Берёзкин Ю.М. – Не знаю насчёт «превратиться». Мы же не личинки какие-нибудь, чтобы превращаться.

А.Д. – Может, попытаться в таком ключе: заранее ставить какую-нибудь проблему. Чтобы не просто была болтовня, а именно использование средств...

Берёзкин Ю.М. – Ну, да. Но тут же по-разному можно. Можно так, как Вы говорите: с использованием средств – это одно. Хотя, честно говоря – это очень сложно, когда ты говоришь, и ещё при этом постоянно рассказываешь, в каких средствах ты следующий шаг будешь делать. Это технически очень тяжело. Несколько проще другое... (хотя, на самом деле, здесь, вообще, нет королевского пути), но всё-таки, немножко проще было бы, если бы какой-то тематический доклад сразу два человека на себя брали. На одну и ту же тему. Если по-честному играть, и друг с другом не сговариваться, то, на самом деле, будет два совершенно разных доклада. Они будут почти наверняка в разных средствах устроены. А потом рефлексировать эти средства работы и, соответственно, разбираться: в чём работал один, в чём работал другой.

Можно ещё что-то придумать.

А.Д. – О чём доклады могут быть?

Берёзкин Ю.М. – Да о чём угодно!

А.Д. – Понятно, что о чём угодно, но надо, чтобы всем было интересно.

Берёзкин Ю.М. – Нет! А что значит, что «всем интересно»? Всем интересно не бывает!

А.Д. – Надо, чтобы люди разбирались, о чём будут докладывать.

Берёзкин Ю.М. – И этого тоже, как правило, не бывает. «Разбираться» – это всё постепенно приходит. Это процесс очень длинный, итеративный и долгий. Мы же пытаемся затрагивать такие сложные вещи, которые, так скажем, рядовые профессора, вообще, не могут понимать и осваивать. Изначально и, вообще, навсегда! Т.е. – это должен быть не пересказ, не изложение чего-то. Поэтому ориентироваться на то, чтобы было интересно и понятно – этого, заведомо, нельзя делать. И не нужно. Нужно взять какой-нибудь маленький тематический пункт и с ним начать медленно разбираться.

Д.Ю. – Это должно быть что? Решение какой-то задачи? Или проблематизация какого-то текста?...

Берёзкин Ю.М. – И то, и другое может быть. Хочется какой-либо текст проблематизировать – давайте с этим разберёмся. Если Вам хочется разработать какую-нибудь тему, в которой Вы хотите на самом деле разобраться – давайте такое сделаем!

Темы могут быть разными. Ну, например: «Технология». И со всех сторон «обсосать»: как понимали? Откуда взялось? Для чего? Как это, в принципе, можно понимать? Где работает? Где не работает? Какие ограничения? И т.д.

И так – любую другую тему. В тех же «системах» мы только чуть-чуть затронули маленький пласт...

А.Д. – Нужно какую-то штуку взять, чтобы понятная была и не слишком заумная...

Д.Ю. – Наоборот, надо – непонятное.

Берёзкин Ю.М. – Нет! Мышление работает со способами. Если вы хотите мышление «заставить думать» предметные вещи, то – оно там не живёт! Оно живёт поверх способов, которые организуют предметы. А поэтому и нужно разбираться с этим. Сначала любая предметная форма, или конструкция: как она устроена? За счёт чего она организована? Как она предметизирована? А потом, соответственно, смотреть, как это в принципе может быть? Какие ещё мыслительные средства могут быть задействованы для того, чтобы её включить куда-то в другое место, или, наоборот переорганизовать?

Или вот, я назвал сегодня шесть процессов, на которых базируется «сфера деятельности». Они ведь ещё должны быть рефлексивно друг с другом сочленены. Вот, как с этим быть, в принципе?...

Американцы нашли возможность сочленения «функционирования» и «развития» для одного маленького частного случая. А в принципе – задача до сих пор не решена. Или как, например, «производство» и «воспроизводство» сочленить? Или как сделать так, чтобы и «производство» осталось, и «захоронение» было бы безболезненным? «Захоронение» здесь в кавычках, потому что «захоранивать» и людей нужно, живых. Вот, что с ними делать, если они работать по-другому не могут?

Американцы делают это иногда очень изящно. Дают большую пенсию, покупают билеты на круизный лайнер и отправляют путешествовать: только чтобы здесь не болтался и не мешал. Но это для высокого класса людей, не для масс. Это – типичное «захоронение».

Иногда это делают по-другому: «захоронение» в форме музеефикации. Например, в Швеции я сам наблюдал этот тип «захоронения». В Стокгольме есть остров, типа нашего 46 км Байкальского тракта, где находится этнографический музей. На этом острове тоже находятся постройки разных эпох, свезённые со всех концов Швеции, а также очень много производств, которые работают. Например, действуют стеклодувные мастерские, где выдувают изделия через соломинку, как раньше... В реальной жизни этого уже допускать нельзя, поскольку всё давно автоматизировано, а люди – всё ещё живы и этим ремеслом владеют. Если его просто уволить – это значит, просто, уничтожить человека. Поэтому берут это производство, переносят в специальное место, и там делают всякие скляночки-баночки из разноцветного стекла. И тут же продают туристам. А тем, кто это делает и продаёт, ещё и доплачивает государство.

Или, например, в Англии производство овец стало с некоторых пор абсолютно невыгодным делом, поскольку есть территории на Земном шаре, где это можно делать гораздо, на порядки, дешевле. А фермеры до сих пор живы. Что делают? Туристические фирмы платят фермерам, но не за то, что те овец выращивают на продажу, а за то, что они их... дрессируют. Овцы знают до 15 команд, могут вальс станцевать. Кроме того, фермеры должны при этом ещё поддерживать так называемый «английский ландшафт» (травку регулярно стричь), чтобы туристы могли ехать и с открытыми ртами удивляться: «Какой английский ландшафт!» При этом ещё и фермы ухоженные, и овцы пасутся, и ландшафт шикарный! Это типичное «захоронение».

А что делать с нашими иркутскими трущобами, которые вообще уже ни в какие ворота не лезут?! Или что делать с нашими дорожниками, например? Их давно пора «захоронить», в чистом виде! Потому что то, что они делают – это уничтожение ресурсов и всего остального: машины гребят, людей гребят. Каждый день в Иркутской области умирает в среднем 1 человек из-за этих, так называемых «дорог». Более 300 в год!

А.Д. – Может, взять такую тему... Сейчас же все муссируют тему: «Проблема ветхого жилья».

Берёзкин Ю.М. – Возьмите. Рассмотрите, как она ставится у нас? Как она ставится в других местах? Как она решается? В каких средствах? Насколько эти средства годятся, допустим, для Иркутска, или для Москвы? Говорят, что в пределах Садового кольца Москвы около 50% строений – до сих пор «деревяшки». И даже всесильный и жутко энергичный Лужков ничего с этим сделать не может. Как с этим быть? Эту проблему нужно совершенно специфическим образом ставить. Так, как у нас это ставится – ну, просто ни в какие ворота не лезет. Всё упирается в ответ: нет финансирования! Привет! А будет финансирование? Деньги съедят или разворуют, и всё останется тем же самым. Сначала нужно деятельность организовать, а потом наполнять её финансированием, а вовсе не наоборот.

Или вот обсуждают проблему реформы образования. Высшего и среднего... Всё упирается только в два пункта: 1) государственное или частное образование должно быть? 2) какое должно быть финансирование: коммерческое или бюджетное? Никто не обсуждает: как должны программы измениться? Нужно ли в школах до сих пор, например, сначала арифметику преподавать, а потом алгебру? А может быть, лучше сразу алгебру? Или может быть, вообще, без алгебры или без биологии обойтись? И почему учебные предметы должны повторять стратификацию наук? Это когда-то было выдуманно, в XV веке, и до сих пор остаётся неизменным... Эти вопросы вообще никто не обсуждает! Я уж не говорю про то, как преподавать такой курс, как «Общественное реформирование». Где, кто, когда подобные вещи, вообще, ставил и обсуждал? А ведь этому людей учить надо. Или хотя бы с ними обсуждать, чтобы они понимали сложность этой вещи.

А то получается так... Я не знаю, Вы, Юлия Федоровна, были на обсуждении транспортной проблемы Иркутской агломерации? Нет? А меня туда пригласили в качестве эксперта, и я вспомнил свою тридцатилетней давности молодость: партхозактив в чистом виде! Человек 30-40 выступающих, по 10 минут, по бумажке, каждый про своё: один про Фому, другой про Ерёму. Никак друг с другом не соотносясь. Никаких прикидок, как это всё сочленять?... Например, один говорит, что нужно создавать скоростной трамвай из Ангарска до Иркутска: «Вот так он будет проходить». Показывает слайды: где, какие подъемы, где 10 градусов, где 15 градусов, где по рельсам железной дороги... Зачем? Почему? Спрашивают: «На сколько быстрее электрички будет?» – «На 15 минут». Спрашивается: зачем? «На сколько дороже будет?» «Ну, не прикидывали, но раза в 3». Спрашивают: «Автобус идёт, правда, около часа, но через каждые 5 минут, будет ваш трамвай с такой же периодичностью ходить?» Говорят: «Большой вопрос, большие капиталовложения нужны для этого». Зачем тогда он нужен? Ты построй шестирядную дорогу, автобан: машины будут доезжать до Ангарска за 10 минут, без всяких проблем. И автобан наверняка будет дешевле, чем этот скоростной трамвай. И такие вопросы – просто, на каждом шагу!

Ещё один пункт – объездная дорога из Ангарска в Шелехов, минуя Иркутск... Там Михайлов из технического университета докладывал (это местный архитектор-градостроитель). Показывал очень красивые слайды: где будет проходить объездная дорога. И говорит: «Самый сложный узел – переход через реку Иркут, железную дорогу и спуск с Кайской горы. И как сочленить объездную дорогу (чтобы дорога была сквозной, без светофоров) с железной дорогой, с рекой и с горой? – никому пока неизвестно. «Я знаю, – говорит, – что в Ленинграде точно такая же ситуация была, и уже третье поколение архитекторов-градостроителей пытаются её разрешить. И до сих пор не могут этот узел разрубить!»

И это – в Питере! А наши сразу хотят, с первого раза решить... Это означает, что будет просто «гроб с музыкой» на сто лет! Вместо того, чтобы попробовать найти другие совместимые решения.

И так каждый: проговорит, садится, и никаких вопросов. Ничего!... Это означает, что, если дальше так дело пойдет, то никакой агломерации не будет.

Она не состоится изначально, поскольку ни замыслы не обсуждаются, ни за счёт чего финансовые ресурсы возьмутся? И, вообще, в пределах каких денег разные стратегии могут разрабатываться? Стратегия-то должна целиком всю систему охватывать.

Я посидел, послушал, и понял одну простую вещь: всё это нужно исключительно в политических целях, чтобы кто-то из организаторов в другое кресло пересел. А потом скажут, что и трамвай – это ошибка, и объездная дорога – ошибка, мол, она, вообще, не выполняема... Ну, и т.д.

Вот вам реальная задачка, но попытки её решить – просто никудышные, изначально. Даже ещё не начинали, а уже видно, куда всё это поедет.

А.Д. – Такую манеру начинают укоренять, начиная со школьной скамьи. И в институтах – то же самое: проговорил, сел, получил оценку. А нужно, приучать к дискуссиям. Даже лекции должны проходить как дискуссии...

Берёзкин Ю.М. – Ну, конечно. Если американцы понимают, что самое главное в науке – это дискуссии и обсуждения, и для этого специально делают бесплатное кафе, чтобы там люди толклись, пили «вёдрами» кофе и о чём-то разговаривали, то здесь, с самого начала (и меня это просто потрясло) ведущий говорит: «Ну, мы не будем, наверное, задавать вопросов докладчикам!» И по очереди их к трибуне. 10 минут – следующий, 10 минут – следующий... Просто, фантастика!

Д.Ю. – Это точно так же, как было на обсуждении инвестиционных проектов Иркутска: доклады, доклады... И никаких выводов.

Берёзкин Ю.М. – Ну, так что, давайте, Денис, наверное, с Вас начнём следующий раз... Или тяжело совмещать? Диплом в какой стадии?

А.Д. – Ну, вот, если взять ту же самую проблему ветхого жилья. Можно попытаться эту тему рассмотреть.

Берёзкин Ю.М. – Давайте рассмотрим. В чём проблема? Как эта проблема решается на Западе? Например, японцы – я могу немного подсказать – приняли специальное законодательство и неукоснительно его выполняют. Там, например, дом не должен перешагивать 50-ти летний рубеж. Если ему становится больше 50 лет, он автоматически (по этому законодательству) объявляется памятником истории и архитектуры, и на него должны выделяться какие-то совершенно бешеные деньги. Он превращается буквально в золотой: его «облизывают» со всех сторон.

На практике же, чтобы бешеные деньги не выделять из бюджета, дом доводят до 49-летнего возраста и направленным взрывом подрывают. А на его месте строят новый. И это – дешевле.

Это одно из решений. Но оно не единственное. А у нас, как может быть? Что мешает нам подобное делать, и надо ли делать? И для всех ли это – проблема? Вопросов – масса.

А потом мы попытаемся отрефлектировать, в каких средствах Ваша мысль двигалась, а в каких – у Юлии Федоровны. Она будет то же самое делать, но только, исходя из своих соображений.

Всем спасибо.

Прикосновение третье

Берёзкин Ю.М. – Поскольку у нас появились новые участники, прежде чем начать сегодняшний семинар, я должен сказать в нескольких словах о том, чем мы здесь занимаемся, и занимаемся уже достаточно давно. Практически – учебный год, каждую неделю за редкими исключениями. Занимаемся мы достаточно необычными вещами. Во всяком случае, то, что мы здесь обсуждаем, практически не обсуждается на обычных учебных занятиях. Даже в рамках философии вы вряд ли подобное слышали.

Семинар наш называется «методологическим», и в силу своего названия основным предметом обсуждений являются «средства». Здесь имеются в виду «мыслительные средства», которые люди используют (и вообще – человечество) при решении любых проблем, при осуществлении любой деятельности, при написании любых текстов и т.д. Т.е. главное для нас – не предметное содержание чего бы то ни было, а то, с помощью чего то или иное предметное содержание может быть взято, может быть рассмотрено, может быть проанализировано.

Я, правда, не очень представляю, понимаете ли вы, то, что я сейчас говорю? Наверное, это всё сейчас вряд ли более или менее адекватно будет воспринято вами. Но, если дальше будете ходить и участвовать в наших обсуждениях, то, вполне возможно, это станет достаточно понятным. Во всяком случае, для тех, кто с сентября ходил на семинар, я так думаю, что где-нибудь только в феврале или марте начало доходить, чем мы, собственно, занимаемся. А может быть, до некоторых и до сих пор не очень доходит.

Если бы вы пришли на прошлой неделе, или на предыдущих неделях, то работа тогда была бы несколько иная, нежели та, которую на сегодня мы запланировали. На предыдущих занятиях большую часть времени я стоял у доски и пытался некоторые вещи донести или ответить на вопросы. Я был, как бы, главным «оратором».

Предыдущее занятие у нас закончилось на том, что я ещё раз попытался напомнить участникам, что если только я буду выступать, то большого толку не будет от этого семинара, поскольку «средства» – вещь очень специфическая, особенно, «мыслительные средства»: если их самостоятельно не пытаться употреблять, то они предметизируются, и просто перестают быть средствами. Поэтому мы решили сегодня построить наше занятие по-другому.

Два человека – Денис и Юлия Федоровна у нас будут сегодня обсуждать одну и ту же тему. Тема называется «Проблема ветхого жилья». Это не я придумал, это здесь носилось-носилось, витало-витало, и Денис её предложил. Мы сейчас с вами послушаем, что будут говорить по очереди Денис и Юлия Федоровна, а потом зададим вопросы, или по ходу будем задавать вопросы. Лучше, если выступающие будут не сплошным текстом нечто произносить, а отрезками, т.е. проговорил определенный, более или менее законченный кусок, и лучше остановиться и сказать: «Есть ли вопросы?» А потом говорить дальше. Вопросы нужно пытаться задавать не относительно предметной составляющей, которая будет излагаться, а относительно средствивальной. Т.е. в каких поняти-

ях то или иное обсуждается? Какие рамки использует докладчик? И т.д. Посмотрим, как это будет разворачиваться.

После того, как выступающие доложат нам своё **видение** этой проблемы, наша задача будет состоять в том, чтобы попытаться... обратите внимание: я сейчас употребляю слово, не очень привычное для большинства здесь присутствующих... наша задача будет состоять в том, чтобы **отрефлексировать** тот понятийный и средствальный каркас, который использовался докладчиком. И можно ли в тех понятиях, в которых всё это будет обсуждаться сейчас, эту проблему, вообще, поставить? А тем более – решить. Я бы на этом закончил. Если есть какие-то вопросы, особенно на понимание, то – пожалуйста, я могу пояснить. Денис, я правильно сформулировал, то, что Вы должны делать? Или Вы себе по-другому представляли?

А.Д. – Я, правда, собирался совсем по-другому делать, всё сказанное развернуть вряд ли смогу...

Берёзкин Ю.М. – Тут же ведь как? Насколько сил хватает... А «развернутое» оно получится, или «не развернутое» – это потом выяснится.

А.Д. – Я понадеялся на обсуждение.

И.С. – Можно прямо во время доклада его спрашивать?

Берёзкин Ю.М. – Да, желательно спрашивать, желательно вопросы задавать. Но я ещё раз хочу специально подчеркнуть, что если вы будете спрашивать: сколько в Иркутске квадратных метров жилья? Или: в каких районах оно хорошее, а в каких – плохое? – то это не предмет нашего семинара. Для этого есть в Иркутске разного рода учреждения, типа городской администрации и т.п. Вот там именно это обсуждается. А наша задача состоит в том, чтобы осуществить методологический поворот, попытаться «пощупать» в каких понятийных конструкциях можно это дело помыслить? И понять, в чём, собственно, состоит проблема, если она есть? Может быть, её и нет вовсе. Пока ещё не известно. У Вас, Юля, есть что-нибудь дополнить?

Д.Ю. – Я согласна с тем, что Вы сказали. Единственное... Я попыталась «на коленке» сначала всё найти. Не знаю, что получилось.

Берёзкин Ю.М. – Значит, «коленку» будете показывать. Ну, пожалуйста, кто по очереди? У нас тут всё пишется вот на эту игрушку (показывает на диктофон). Соответственно, потом это можно будет через компьютер послушать.

А.Д. – Я пытался применить категорию «единое-многое» для рассмотрения материала по этой проблеме, и пытался применить те представления о системности, которые были рассмотрены на предыдущих семинарах.

Проблему ветхого жилья нужно рассматривать с двух сторон. Проблема состоит в отсутствии налаженного механизма, который должен обеспечивать, с одной стороны, процесс обновления жилого фонда в городе, и с другой – процесс переселения желающих в новые дома. Данный процесс происходит в нескольких действительностях. В частности, в социальной действительности он затрагивает такие вопросы: 1) взаимоотношения между населением и властью, 2) низкий уровень жизни населения, в частности, живущих в частных домах.

Во-вторых, данная проблема лежит в плоскости правовой действительности. Так как известно, что многие жилые дома у нас считаются памятниками

архитектуры, и, соответственно, защищаются законом от сноса, что создаёт целую проблему для обновления жилого фонда. Кроме того, в правовой действительности лежит такая проблема, как защита собственников жилья и неправомерность посягательств на их собственность.

В-третьих, данная проблема лежит в производственной действительности: нет в наличии строительных организаций и строительных мощностей, которые обеспечили бы качественный и непрерывный процесс обновления жилого фонда. И, кроме того, не существует ресурсной поддержки производств качественными строительными материалами, трудовыми ресурсами и деньгами.

Наконец, мы должны её рассматривать в финансовой действительности, т.е. отсутствие чёткого механизма финансирования строительных организаций, поскольку за счёт непосредственно самого населения такую проблему, как обновление жилого фонда, вряд ли возможно решить.

Кроме того, часть этой проблемы лежит в том, что эти действительности между собой расчленены, и необходимо наладить процедуры их, так скажем, сопряжения.

И ещё одну из сторон можно затронуть такую, как уже строящееся жильё. Многие отмечают, что строящееся жильё, гораздо менее качественное, чем в старых, например, «сталинских» домах. Поэтому дальше необходимо налаживать механизм утилизации и обновления того жилого фонда, который строится в настоящее время.

Ну, с моим *видением*, в, общем-то, всё.

Берёзкин Ю.М. – Вопросы.

И.С. – Тут маленько непонятно: что относится к «ветхому жилью»? Пятиэтажки, которые стоят в Иркутске, и из которых требуется расселить людей? Тут будут расходы для всего населения в целом. Или имеется в виду «ветхое жильё», которое в центре города, которое нужно скорее убрать, сжечь, чтобы построить красивый город? И это, как бы, стратегическая цель...

А.Д. – В чём предмет проблемы заключается?... Сейчас рассматривается проблема по кругообороту жилья. Т.е., когда подходит срок, когда в жилье жить становится невозможно, необходимо его каким-то образом обновлять, новое вводить. Здесь нельзя какой-то параметр ввести. Например, вон дома стоят с царских времен, в полной целостности и сохранности, а есть «хрущёвки», которым по 50 лет, а их уже пора реконструировать. Здесь точно сказать – по каким параметрам? – нельзя.

Д.Ю. – А всё-таки, в чём основная проблема?

А.Д. – Проблема заключается в отсутствии механизма, который бы обеспечил процесс их обновления. Сейчас есть какие-то кусочные попытки с одной, с другой стороны, но они не связаны с целым, именно с сопряжением всех действительностей, в которых лежит эта проблема...

Д.Ю. – А почему механизма нет?

А.Д. – Никто не построил и не запустил.

Д.Ю. – А какие у него должны быть параметры?

А.Д. – Механизм должен заключаться, с одной стороны, допустим, в правовом обеспечении. Должны быть созданы условия, чтобы был установлен ка-

кой-нибудь норматив срока службы жилого дома, и чтобы по истечению этого срока жильцам надо было в принудительном порядке переселяться в другое. Во-вторых, необходимо обеспечение строительных организаций. Тот же самый инвестиционный механизм наладить для того, чтобы в производство вкладывались необходимые деньги.

Берёзкин Ю.М. – Денис, Вас спрашивают совсем про другое. Вот Вы говорите: «механизм». В категориальном плане «механизм» обязательно предполагает некий «процесс», который он обеспечивает. Без процесса механизма не бывает. Какой процесс Вы имеете в виду, к которому Вы механизм собираетесь делать?

А.Д. – Этого процесса пока не существует.

Берёзкин Ю.М. – Ну, тогда и про механизм нельзя говорить. Тогда проблема в чём?

А.Д. – Ну, если так рассматривать, тогда необходимо вместе запускать процесс и механизм, за счёт которого процесс будет обеспечиваться.

Берёзкин Ю.М. – Назад «откручиваем» то, что Вы говорили. Вы говорили всё время: «Проблема, проблема, проблема...». Юлия Федоровна Вас спрашивает: «В чём проблема?». Вы про что говорите? Есть ли она?

А.Д. – В отсутствии механизма, который обеспечивает процесс. Ну, а дальше, если нет механизма, значит, нет и процесса. Отсутствие процесса чётко налаженного...

Берёзкин Ю.М. – А, может быть, и проблемы нет? Мы что обсуждаем? Под проблемой-то Вы что понимаете? У Вас есть понятие «проблемы»?

А.Д. – Это когда не существует точного решения. Ну, готового решения не существует, чтобы взять и...

И.С. – Как-то же у других решается... Не у всех есть эта проблема?

А.Д. – У проблемы нет решения.

Берёзкин Ю.М. – Если нет известного решения, его можно построить?

Д.Ю. – Тогда это не проблема.

И.С. – Так сейчас есть проблема, или она решается? Не все же...

А.Д. – Ну, не все... Она не у всех есть. Это не всеобщая проблема.

И.С. – Ну, а тогда зачем распространять эту проблему на всё население в целом. Как я понимаю, этот механизм должен работать на государственном уровне. Зачем нам заниматься, когда кто-то, там, где-то живёт в ветхом жилье?

А.Д. – Мы же не говорим, что мы сейчас эту проблему решать будем!

Берёзкин Ю.М. – Пока вообще непонятно, что мы решаем, или не решаем: не обозначена проблема!

Г.А. – Можно, я?

Берёзкин Ю.М. – Да.

Г.А. – Может, проблема в том, что как бы сам процесс ликвидации ветхого жилья, процесс модернизации жилого фонда, он, вообще, не разрабатывается. Не разрабатывается потому, что с позиций управляющих субъектов, т.е. в данном случае субъектов местного самоуправления, нет определенности, нет цели. А если нет цели, то организовать процесс никак невозможно. Даже взять те здания, которые старинные. Вроде, говорят, что это памятники и их сносить

нельзя. А с другой стороны, чтобы они превратились в памятники, их нужно реставрировать и придать им вид памятников. А пока не делается ни то, ни другое. Получается, что всё простаивает. Нет целевой направленности – и ничего не делается.

Берёзкин Ю.М. – А почему не делается?

Г.А. – Почему не делается? Всё в деньги упирается.

А.Д. – По поводу того, что «управляющий субъект...». Нужно рассматривать так, что есть разные органы власти. Одни защищают это ветхое жильё. Не помню, это, кажется, «Комитет по архитектуре», или... точно не помню название, а другие за то, что надо его сносить. И по поводу точки зрения той же областной администрации. Существует и запущена программа реконструкции, которая так и называется «Ветхое жильё», которая почему-то не работает.

Д.Ю. – Почему? Работает.

А.Д. – Ну, она работает, в общем, в таких, недостаточных масштабах...

Берёзкин Ю.М. – Если программу запустили, значит, уже знают, как решать. Значит, уже – не проблема, а задача. Перевели в задачу и, соответственно,...

А.Д. – Ну, опять же, не факт, что правильную постановку проблемы сделали, когда эту программу писали, потому что во всех, так скажем, сообщениях, интервью, в основном говорится о том, что это портит внешний вид города, порождает отсутствие площадей под застройку, что в центральных районах города какой-то хлам стоит. На мой-то взгляд, проблема не в том, что портится внешний вид города и т.д. Допустим, в Токио, в центре, среди небоскребов стоят старинные исторические памятники, они действительно поддерживаются и нисколько не портят внешнего вида. Т.е. тут-то проблемы нет, а проблема в том, что не налажен тот процесс, который должен задавать непрерывность вот такого обновления. Пока мы эти старые дома будем перестраивать, у нас новые дома, «хрущёвки» те же самые, постареют. Что-то надо снова будет делать.

Берёзкин Ю.М. – Скажите, а что Вы понимаете под «жильём»? Понятие в чём состоит? Что такое «жильё»?

А.Д. – Ну, если попытаться в общем сказать, это то место, где человек может чувствовать себя комфортно, где он может свои бытовые нужды обеспечивать, грубо говоря, поест, поспать...

Берёзкин Ю.М. – То, что Вы говорите про «жильё» – это может ветшать?

А.Д. – Я имею в виду то, что ветшает – материальную составляющую, т.е. то помещение, в котором человек свой быт ведёт.

Берёзкин Ю.М. – Вы отличаете понятие «жильё» от понятия «жилище»? Обратите внимание, говорят: «жилищно-коммунальное хозяйство», «жилищное строительство», но: «удобное жильё». Никогда не скажут: «удобное жилище». Смотрите: «строительство жилья», но «жилищное строительство». Русский язык очень жёстко здесь всё различает. М. Булгаков говорил, что «жилищный вопрос испортил москвичей», и не только, наверное, москвичей. Не «жильё» испортило, а «жилищный вопрос».

А.Д. – Я так понимаю, что «жилище» – это то, где человек может находиться непосредственно в его окружении, а «жильё» – это квартира, дом...

Берёзкин Ю.М. – В русском языке окончание «-ще» имеет два смысловых плана. Например, говорят: «бревнище», «кровище», «дружище» – это нечто большое. И в то же время говорят: «жилище», «кострище», «городище», «кладбище», «топорище»... Здесь смысла «чего-то большого» не присутствует.

А.Д. – Здесь: как некий остов, то основание, в котором нечто может присутствовать.

Берёзкин Ю.М. – Причём, материальные основания. И обязательно пара присутствует: «топор» и «топорище», «костер» и «кострище»... Это любой нормальный человек различает сразу. А теперь «жильё» и «жилище» нужно, соответственно, различить.

А.Д. – Значит, получается наоборот относительно того, что я сказал. Если так, то «жилище» – это тот материальный остов, наполняющий, который является домом, квартирой, а «жильё» – это то место, в котором человек может... что-то делать...

Берёзкин Ю.М. – Ну, вот, смотрите. Один план в этом понятии мы чуть-чуть различили, а теперь другой давайте попробуем «потрогать». Скажите, к какому типу относится понятие «жильё»? Тип понятия?

А.Д. – Ну, если из трёх типов: одни «природные», другие «логические», третьи, по-моему, «чувственные», да? Получается, что «жильё» это третий тип... Я не помню, как он называется. Всё-таки не сущностное, наверное, понятие? Не к сущностным относится.

Берёзкин Ю.М. – Ну, «чувственных» понятий не бывает. Но в последнем Вы правы: не к сущностным оно относится. В природе жилья не существует.

А.Д. – Функциональное!

Берёзкин Ю.М. – Да, это – функциональное понятие. Жильё выполняет определенную функцию. И что из этого следует?

А.Д. – В общем-то, под это функциональное место может заниматься всё, что угодно. Всё, что человек может себе приспособить под «жильё»...

Берёзкин Ю.М. – Функциональные места, чем задаются?

А.Д. – Той ситуацией...

Берёзкин Ю.М. – Не ситуацией. Ситуация – это некий разрыв. А чем задаётся любая функциональная структура? Прошлый раз обсуждали.

Д.Ю. – Неким процессом.

Берёзкин Ю.М. – Т.е. должен быть «некий процесс». Если его, как бы, мысленно остановить, то в узлах этого процесса образуются «функциональные места». В какой процесс встраивается функциональное место, называемое «жильё»? Что в этом процессе делают люди?

(пауза)

Ну, живут люди, наверное, там. Даже само слово такое! Само о себе говорит. И что из этого следует?

А.Д. – Всё-таки, значит, если проводить различие «жилья» и «жилища», то, если мы говорим о проблеме жилья, тогда... необходимо рассматривать процессы жизни человека, которые ...

Берёзкин Ю.М. – «Жильё» – это такое место, где человеку жить можно. А «жилище»?...

А.Д. – А «жилище» – это вот то, что называется «дом», «квартира»... То, что я говорю, – это касается «жилища», «жилищной проблемы»...

Д.Ю. – «Жилище» – это, наверное, тогда – «структура»?

Г.А. – Мне кажется, что «жилище» – это более широкий термин, который содержит в себе «жильё». Вот как – «убежище». А убежища же бывают разные: бывает – «овраг», «подвал», разные другие убежища. Одни в подвале закрылись, другие – ещё куда-то спрятались. Это будут такие, типа уточняющие «убежище», понятия. Так же и «жильё» – это уточняющее понятие воплощения «жилища».

Берёзкин Ю.М. – А что значит «уточняющее»? Непонятно. Почему, например, у американцев «жильё» никогда не измеряется в квадратных метрах? Например, на Брайтон-бич русские эмигранты говорят: «Трёх*bedroom*ная квартира»?

Д.Ю. – Структурируют потому что. Молодые семьи в одном месте живут, более состоятельные – в другом. Стандарты у них есть.

А.Д. – ... «жильё» задаётся условиями, в которых человек находится.

Берёзкин Ю.М. – Вдумайтесь: у американцев «жильё» измеряется не квадратными метрами, а спальнями: трёхспальная квартира, или дом десятиспальный. Это же не просто так. И не случайно.

Г.А. – Это же, просто, масштаб мысли разный. Некоторые люди миллионами деньги считают, а другие – рублями. Так и спальни...

Берёзкин Ю.М. – Нет, нет.

А.Д. – Ну, с рождением детей, или там...

Берёзкин Ю.М. – Нет.

А.Д. – Т.е. жильё должно создавать возможность для обеспечения нормальной жизнедеятельности человека.

Берёзкин Ю.М. – Ну, «жизнедеятельность» – это, наверное, чересчур...

А.Д. – Нормальной жизни. И, соответственно, в зависимости от того, какие условия может предоставлять, столькими спальнями и измеряется...

Берёзкин Ю.М. – Ну, допустим. А когда, например, в Советском Союзе строили эти самые «хрущёвки», чем же руководствовались? В какой процесс всё это было включено?

Г.А. – Обеспечение жильём.

Берёзкин Ю.М. – Жильём?

И.С. – А не жилищем? С квадратными метрами?

Берёзкин Ю.М. – (Смеётся) А почему? Объясняется-то это чем? Какой здесь категориальный процесс? То, что Сергей говорит – это правильно, но в какой категориальный процесс это было помещено? И, соответственно, было создано «жилищное строительство», которое, вот эти самые квадраты и множило.

И.С. – Просто, удовлетворенность человека сложно посчитать: удовлетворился он, или нет? А жилище в квадратных метрах посчитать легко. Надо *тыщи* – сделаем *тыщи*.

А.Д. – Единые технологии тогда вводились...

И.С. – А удовлетворенность жильём почти невозможно оценить, у каждого своя. Как тут планировать?

С.Г. – ...и сон должен быть в уютном месте... Дома можно расслабиться и отдыхать.

И.С. – В жилище – невозможно расслабиться, там можно только существовать.

Г.А. – «Жильё» ближе к духовному моменту человека. Это то, где он проводит свою жизнедеятельность.

Берёзкин Ю.М. – Вот это – уже ближе.

Г.А. – Если у него жильё, он пойдёт, поспит там. Мне кажется, что у каждого должна быть своя родина, малая родина. Вот это как раз и есть «жильё».

И.С. – Мой дом – моя крепость?

Г.А. – Ну, да.

И.С. – Мне кажется, что это – одно и то же, только взятое, как бы, с разных сторон. Т.е. для окружающих – это «жилище», если снаружи посмотреть, а для человека изнутри то же самое – это «жильё».

Берёзкин Ю.М. – Это правильно. «Жилище» – это всегда взгляд из внешней позиции. Но Алексей тоже прав, поскольку «жильё» связано с некими ценностями. И здесь, опять же, возникает, в обязательном порядке, такой водораздел. Куда должно быть помещено «жильё», чтобы оно, например, всегда было удобным для жизни? И куда было помещено «жилище», например, в советское время, и не только в советское... В XIX веке в Европе, то же самое было. Жилищно-коммунальное хозяйство. Не говорят ведь «коммунальное хозяйство жилья», а «жилищно-коммунальное хозяйство». Здесь русский язык – очень точно фиксирует нечто.

А.Д. – Нужно сказать, в какой процесс это помещено?

Берёзкин Ю.М. – Да. В какой более широкий, категориальный процесс это всё помещается? Поскольку «жилище» – тоже функциональное понятие. Это тоже не сущностное понятие. Это не трава, которая сама по себе растёт.

И.С. – Это жизнедеятельность.

Г.А. – Процесс... Процесс единый... Например, существовал лозунг: «Каждому – по квартире». Жители Советского Союза должны быть обеспечены квартирами. Процесс распределения существовал...

Берёзкин Ю.М. – Нет, там было по-другому: у каждого советского человека должно было быть не менее 9 м² жилой площади. Не «жилья», а «жилой площади».

И.С. – Девять? Мало. Если семья 5 человек, то 45 метров должно было быть?

Берёзкин Ю.М. – Мало?! Даже этого не было. Если ты имел 9 м², ты даже в очередь не мог встать. В очередь на улучшение жилищных условий встать не мог! Только, если меньше девяти.

Г.А. – Именно здесь должно было быть обеспечение материальными условиями... Жилищная программа в этом отношении должна была иметь материальные нормативы.

И.С. – Может, это – «процесс социума»? Т.е. взять большинство людей, например, 70% социума, и самым главным было – обеспечить его существование.

Берёзкин Ю.М. – А что такое «процесс социума»? Непонятно!

И.С. – Ну, вот эти вот... Которые в советском правительстве обсуждались...

Берёзкин Ю.М. – А что, у нас сейчас, здесь, в России, или в Америке, социума нет?

И.С. – Ну, он же у нас был специфичный.

Берёзкин Ю.М. – А чем он был «специфичный»? Социум и есть социум.

И.С. – Социум с определенными какими-то ценностями.

Берёзкин Ю.М. – У социума вообще никаких ценностей нет и быть не может. Там другое.

А.Д. – Процесс освоения, или там, территориального развития...

Берёзкин Ю.М. – Почему «территориального»?

А.Д. – Нужно, чтобы мы жили там, где хотим. Если мы не имеем возможность жить, например, в Листвянке, а мы хотим там жить...

Берёзкин Ю.М. – Где вы *хотите*?! Вот это по смыслу, как бы, близко, но здесь нужно уточнять. Скажите, в английском языке «household» – это что такое?

Д.Ю. – «Семья», или ячейка какая-то...

Берёзкин Ю.М. – «Домохозяйство» – обычно, переводится. А что такое «домохозяйство»?

А.Д. – Тоже, наверное, надо с общего начинать. С функционального...

Берёзкин Ю.М. – Да, некая функциональная ячейка... Но, что именно? Что здесь имеется в виду?

А.Д. – Некая система с определенной структурой. Наверное, можно так сказать. Обязательно должны быть свои функциональные места: «хозяина», например.

Берёзкин Ю.М. – Да. И в этом «домохозяйстве» в обязательном порядке должно быть «жилъё».

А.Д. – Оно тоже занимает определённое функциональное место. Функциональное место «жилъя» может занимать и «жилище».

Д.Ю. – Может быть, процесс потребления имеется в виду?

Берёзкин Ю.М. – А вот «жилище» – совершенно, из другого берётся! В английском языке, насколько я знаю... (может быть, Юлия Федоровна меня поправит), но я такого слова не знаю, которое бы соответствовало русскому слову «жилище».

Д.Ю. – «Living».

(Из зала, еще несколько вариантов английских слов предлагают).

Берёзкин Ю.М. – Так это как раз больше похоже на «жилъё». Это «жилъё». Я бы так перевёл на русский язык.

Г.А. – Есть ещё «home» и «house». «Home» – это «здание», «house» – помимо здания, включает именно отношение человека к этому месту.

Д.Ю. – Наоборот. «Home» – дом, «house» – это здание.

Из зала – Да, да... наоборот!

Берёзкин Ю.М. – «Bilding» – это, вроде бы, здание... Ну, так что, мы Вас, Денис, ни на что не натолкнули?

А.Д. – Нет. Что-то в голове крутится, сейчас я вряд ли...

Берёзкин Ю.М. – Ну, ладно. Ещё есть вопросы к Денису?

А.Д. – Вы, Денис, сами можете, исходя из вопросов, которые задавались, что-нибудь уточнить, из того, что Вы говорили? Или Вы заново сейчас всё то же самое произнесли бы?

А.Д. – Нет. В таком случае, когда мы сейчас разобрались...

Берёзкин Ю.М. – Пока ещё не разобрались.

А.Д. – Исходя из различий в понятиях «жилья» и «жилища», можно сказать, что существует две проблемы. Во-первых, это то, о чём я говорил: о проблемах нашего жилищного строительства. Может быть, я не чётко говорил об этом, но я думаю, такая проблема есть...

Берёзкин Ю.М. – В чём проблема-то? В этом-то всё и дело! Пока проблеме не выделите – решать нечего! Всё будет мимо. Сколько бы не суетились власти, если у них проблемы не выделены, ничего не будет!

А.Д. – Проблема в том, что мы обсуждали, что не существует нормального процесса инвестиций...

Берёзкин Ю.М. – Подождите про «инвестиции»... Инвестиции – в последнюю очередь, когда уже будет ясно, куда вкладывать.

А.Д. – Как бы, то же самое, что и с тем же самым отсутствием чёткого процесса...

С.Г. – Дело в том, чтобы человек удобно себя чувствовал... Чтобы было, где расслабиться, чтобы он восстанавливал свои силы до следующего рабочего утра, шёл на работу и там трудился...

А.Д. – Люди, вообще, живут в окружении детских площадок, лесов, там, ночных клубов... Это, что ли должно удовлетворять?

И.С. – Ну, да, таун-хаусы, там, маршрутки, рабочие центры...

А.Д. – Проблемы строительства жилья не снимутся, если мы создадим всю инфраструктуру...

Берёзкин Ю.М. – Постойте. Вы всё время сдвигаете смыслы. Вы говорите: «проблемы строительства». Причём здесь «проблемы строительства»? Мы обсуждаем проблему жилья. Ветхого жилья, да? Причём здесь строительство? Строительство – это отдельная проблема.

Г.А. – Может, проблема относится к функции этого жилья?

Берёзкин Ю.М. – А чтобы жильё свою функцию выполняло, нужно что?

Б.О. – Ремонт чаще делать.

И.С. – Ну, на самом деле, жилья без жилища не может быть!

Берёзкин Ю.М. – Жилья без жилища не может быть! Вполне возможно...

И.С. – Сначала жилище надо построить, а потом и про жильё можно рассуждать... Жильё включает и понятие культуры, в целом страны. Культуру каждого человека. Насколько и как ощущается человеком? Как живёт, с какими мыслями?...

Берёзкин Ю.М. – Так.

С.Г. – «Жилище» – просто, по понятию, это «здание», объект, в который человек приходит. А «жильё» нужно, чтобы там готовить, отдыхать, спать...

И.С. – «Жильё», в целом, это – ближе к культуре... Всё равно жильё нужно налаживать в рамках жилища, потому что не может же он там, на улице, применять культуру.

Берёзкин Ю.М. – А когда Вы говорите «в рамках жилища», что Вы имеете в виду? Что Вы понимаете под «рамками»?

И.С. – Когда человеку надо подумать, он не может подумать где-нибудь. Лучше думается дома. В жилище своём. Чтоб у него был свой угол, у человека или у семьи.

П.О. – Мысль не ограничивается жилищем.

Берёзкин Ю.М. – А чем ограничивается?

П.О. – Мысль – она же вне жилища. Она не зависит от того, где она возникает. Это же абстрактное понятие...

Берёзкин Ю.М. – И что?

И.С. – Чем лучше жилище, тем лучше мысли!

(смех)

И.С. – Ну, на самом деле, если тебе негде жить, и у тебя нет жилища – у тебя и мысли будут плохие.

А.Д. – Скорее, наоборот.

Берёзкин Ю.М. – Сергей, а почему Вы думаете, что в «жилище» люди живут?

(пауза)

Смотрите, есть «клад», а есть «кладбище». Да? Есть «город», а есть «городище». Есть «топор», а есть «топорище». Без топорища вы ничего не сделаете. Даже дерево срубить не сможете.

И.С. – Вот, «костер» и «кострище». Костёр без кострища не может быть.

Берёзкин Ю.М. – Может быть. «Кострище» – это, то, что останется от костра. И там уже костра не будет.

И.С. – Я думал, что «кострище» – это основа костра.

Д.Ю. – И так может быть: обустроивают кострище, а потом костёр разжигают.

Берёзкин Ю.М. – Может быть, и так. Но, если просто кострище брать, то там костра может и не быть. Может быть, а может и не быть. Так же, как в жилище: люди могут жить, а могут только квадратные метры учитывать, а делается там, просто, совсем другое.

И.С. – Ну, да!

Берёзкин Ю.М. – Что, да? Вот, для чего в Советском Союзе делали «хрущёвки»? Жить в них совершенно неудобно, просто, невозможно!

Г.А. – Ну, тогда наши люди в «коммуналках» по 12 человек жили...

И.С. – Чтобы люди существовали. Не мог быть СССР без людей. Значит, люди должны были существовать. И всё было в две ступени... Одним людям нужно было существовать, и не умирать, а другим – жить...

Берёзкин Ю.М. – Подождите, «коммуналки» ведь тоже не с неба свалились! Их тоже специально создавали. Сначала по 10% отнимали. От жилья, у

тех, кто имел жильё. Типа профессора Преображенского в «Собачем сердце» Булгакова. Когда его спрашивали: «Зачем Вам так много комнат?» Он говорил: «Как, зачем? В одной я ем, в другой – операционная, в третьей – сплю»... и т.д. Ну, и что?

А.Д. – Из всего сказанного у меня зародилось нечто... Не знаю, насколько это правильно, видимо, жильё должен устраивать непосредственно тот, кто там живёт.

Берёзкин Ю.М. – Точно!

А.Д. – Просто, строитель пришёл – построил, стены сдал, а уже сам человек обустроивает жильё. Т.е. придаёт определенным местам функции, например, в этой комнате будет спать...

Берёзкин Ю.М. – Человек, если он, на самом деле, хозяин жилья, и он там живёт, какой процесс он будет обеспечивать?

И.С. – Облагораживать его.

Берёзкин Ю.М. – Подождите с «облагораживанием»... Облагораживать – это такая метафора. А категориальный процесс, какой?

С.Г. – Под себя делать...

Берёзкин Ю.М. – «Под себя» только ходить можно, и то – если парализован.

(смех)

П.О. – Определять функциональный статус жилья...

Д.А. – Функционализировать жильё.

Берёзкин Ю.М. – «Функционализировать» – это правильно. А ещё? Ну, чтобы не было вот того, что Вы раньше говорили: «ветшает» и т.д.

Б.О. – Ремонтировать надо!

Берёзкин Ю.М. – «Ремонтировать» – это на бытовом языке.

Д.Ю. – Воспроизводить!

П.О. – Вести хозяйство!

Берёзкин Ю.М. – Да, «воспроизводить». И «вести хозяйство» – это очень точно! Кстати, «хозяйство» отличается от чего?

А.Д. – От производства.

Берёзкин Ю.М. – «От производства».

И.С. – В хозяйстве хозяин есть.

Берёзкин Ю.М. – Чем оно отличается от производства? Смотрите: «жильё» в обязательном порядке встроено в хозяйство, не в производственный процесс. А чем «хозяйство» от «производства» отличается?

Д.Ю. – Для себя...

Берёзкин Ю.М. – Не обязательно для себя. На рынке продают сколько угодно, что в собственном хозяйстве выращивается. Там – другое принципиальное отличие.

А.Д. – Производство типовое, там всё на технологиях основано.

Берёзкин Ю.М. – Ну, не обязательно на технологиях. Только производство может быть технологическим, что ли? ...

И.С. – Производство – это процесс, а хозяйство – нет.

Берёзкин Ю.М. – Ничего подобного. В хозяйстве тоже полно процессов. И хозяйка так суетится, что к концу дня – ни рук, ни ног от этих процессов. Там даже отдыхать некогда, даже в отпуск не ходят. Кстати, когда из хозяйства выделались производства, людям стали специально выделять время в течение года, чтобы они восстановились. Отпуск и т.д. В хозяйстве нет никаких отпусков. Там совсем что-то другое.

И.С. – Там разделение труда происходит.

Д.Ю. – Вопрос: чем «хозяйство» отличается от «производства»?

Берёзкин Ю.М. – Ну, да, какими принципиальными моментами отличается? «Хрущёвское» жилище так же, как малометражное – это же тоже было скопировано с Запада, начала прошлого века. Оно было встроено в производство, в производственный процесс. Мало того, что само производилось индустриальным способом, оно ещё и тех людей, которые, в этом жилище должны были жить, ... Что?

А.Д. – ...встраивали...

Берёзкин Ю.М. – «Встраивали». Да. А каким образом встраивали?

А.Д. – Распределением, нормированием.

Берёзкин Ю.М. – «Нормирование» – да. А люди в производстве, вообще-то, существуют, или не существуют?

Д.Ю. – Там рабочая сила...

А.Д. – В производстве существуют места, в которые люди помещаются...

Г.А. – В производстве, он во что вписан?... Он перестаёт своим эмоциям подвергаться, он становится, как бы, частью механизма.

Берёзкин Ю.М. – Юлия Федоровна правильно сказала: там «рабочая сила» нужна. Рабочая сила нужна в производстве! «Рабочая сила» – это что такое?

А.Д. – Один из ресурсов?...

Берёзкин Ю.М. – Нет. Способность к труду. И эта способность должна восстанавливаться. Причём – восстанавливаться ежедневно.

И.С. – По той необходимости, которая существовала в производстве, рабочая сила должна восстанавливаться. Она ни о чём не должна задумываться. Для этого и была предоставлена человеку спальня... Чтобы восстанавливался.

Из зала – Смех.

Берёзкин Ю.М. – Да, да, да. Именно так. Зря смеётесь! Японцы, вообще, это обсуждали на пределе: «Каждому человеку от конвейера нужен пенал!» И больше ничего! Ну, слава Богу, у нас до пеналов дело не дошло, но почти... Ещё бы немножко...

Г.А. – Зачем «пенал»?

Берёзкин Ю.М. – Как, зачем? Поработал у конвейера, пошёл, в пенал лёг, поспал, восстановил рабочую силу, и снова работать.

Из зала – Смех.

Берёзкин Ю.М. – Зря смеетесь, это на полном серьёзе всё обсуждалось. И это всё было запущено в реальность. И в Советском Союзе это всё реализовывалось на полную катушку.

И.С. – Для чего? Производство-то тогда, ради чего заводить? Разве не ради самих людей?

Берёзкин Ю.М. – Производство – ради производства.

И.С. – Если люди спят в пеналах, тогда ради чего всё это делать?

Берёзкин Ю.М. – Как для чего? Правящему классу достанутся результаты.

А.Д. – Есть люди, которые в производстве работают, а есть, которые продукты производства потребляют.

Берёзкин Ю.М. – Вы что, думаете, что тогда не было правящего класса? Ещё какой был! 300 млн. человек пахало на несколько десятков тысяч. И, кстати, они были более богатыми, чем сейчас «новые русские».

И.С. – Сейчас, вон – в тюрьме сидят.

Берёзкин Ю.М. – Ну, некоторые... Очень мало.

Д.Ю. – Может быть, хозяйства не организованы...

Берёзкин Ю.М. – Организованы. Ещё как!

А.Д. – В хозяйстве есть человек!

Берёзкин Ю.М. – Да. В хозяйстве, в обязательном порядке, есть человек.

П.О. – Производство – обязательно, а хозяйство – нет...

Берёзкин Ю.М. – Да. В хозяйстве по-другому. Вот, Тоффлер, например, он, правда, по-своему, по-американски, говорил. Он этот процесс называл «prosuming», т.е. непрерывное «производство и потребление». От «producing» и «consuming». А в производстве – это жёстко разделено. Это – раз. Во-вторых, в производстве, что с ресурсами происходит?

А.Д. – Потребляются.

Берёзкин Ю.М. – Потребляются, т.е. уничтожаются. А в хозяйстве?

А.Д. – Они воспроизводятся.

Берёзкин Ю.М. – Воспроизводятся и даже наращиваются. Любой хозяин, допустим, если у него есть стадо коров... Стадо, по идее, не должно вырезаться, а должно восстанавливаться и наращиваться. И хозяин руководствуется... чем? Чем руководствуется хозяин, и чем – производитель?

А.Д. – Хозяин – благосостоянием...

Берёзкин Ю.М. – Нет, нет, ну, Вы, как этот, демагог-идеолог... Надо ж ведь выбирать методологические вещи, мыслительные. «Благосостояние» – это идеологема. Это, чтобы людям объяснить...

(пауза)

Берёзкин Ю.М. – Ну, хорошо, тогда давайте, перечислим: какие бывают предельные ориентиры, на которые можно ориентироваться в своих действиях?

А.Д. – Воспроизводство, например.

Берёзкин Ю.М. – Нет, я имею в виду другое. Процесс производства, он на что ориентирован?

И.С. – На выпуск продукции.

Берёзкин Ю.М. – Просто так: на выпуск продукции?

Г.А. – На удовлетворение существующего спроса.

Берёзкин Ю.М. – Нет.

И.С. – Получение прибыли.

Берёзкин Ю.М. – Нет. В Советском Союзе не было никакой прибыли.

А.Д. – На поддержание процесса, обеспечение непрерывности.

Г.А. – В процессе производства определённый продукт делается.

Берёзкин Ю.М. – Ну, а почему они «определёнными» появляются? Откуда это берётся?

И.С. – Задано технологиями.

Берёзкин Ю.М. – Подождите, Вы, со своими «технологиями». Вы всё «технологиями» объясняете. В России до сих пор нет технологий.

И.С. – В хозяйстве – что получится, то получится...

Берёзкин Ю.М. – Нет.

Д.Ю. – А-а-а! Там – индивидуально...

Берёзкин Ю.М. – Как устроен процесс производства? Нарисуйте на доске. Вы сказали: «Потребление».

И.С. – Сырьё меняет свою форму.

Берёзкин Ю.М. – Не просто «меняет форму».

А.Д. – Существует некий «ресурс» (рисует). Он помещается в производство. На выходе получается «продукт» (рис. 1).

Берёзкин Ю.М. – Так. А почему именно такой продукт получается? Почему получаются, например, башмаки, а не...

А.Д. – Потому что производство было создано ради этого продукта...

Берёзкин Ю.М. – Пугачёва поёт в одной из своих старых песен: «Сделать хотел уют, слон получился вдруг!» Это почему?

Б.О. – Там была магия!

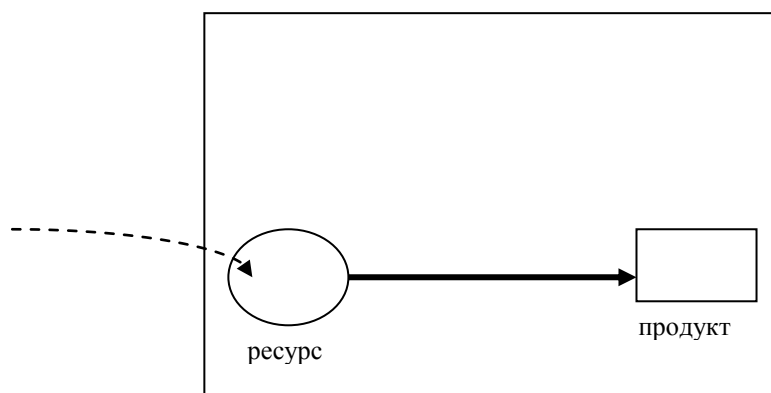

Рис. 1. Процесс производства

Берёзкин Ю.М. – Причём здесь магия? У нас без всякой магии «слоны» сплошь и рядом вместо «утюгов» получаются.

А.Д. – Здесь говорится о том, что деятельность это, или не деятельность?

Берёзкин Ю.М. – Ну, деятельность, конечно, и что?

А.Д. – Деятельность направлена на определённую цель.

Берёзкин Ю.М. – Там, где «производство» – в обязательном порядке есть «цель». А в хозяйстве?

А.Д. – В хозяйстве деятельности нет.

Берёзкин Ю.М. – В прямом смысле – нет. Да. А чем там руководствуется хозяин? Алексей даже произносил это слово. Может быть, не очень кстати, но, тем не менее... Сам забыл, да?

Г.А. – Что-то не помню.

И.С. – Ну, живёт, просто. Хозяйство, чтобы жить.

Б.О. – Удовлетворять свои потребности.

Берёзкин Ю.М. – Хозяйство существует тысячелетия. Понятие «потребность» появилось в XVIII веке. А что раньше-то делали в натуральном хозяйстве?

И.С. – Тоже были потребности.

Берёзкин Ю.М. – Да никто тогда не знал ни о каких «потребностях»!

Все разом. – Естественные потребности! Ели, спали, жили...

Берёзкин Ю.М. – А если «естественные» – это «нужда» называется, а не «потребности»!

И.С. – Нужду тогда справляли!

(смех)

Берёзкин Ю.М. – «Нужду справляли», это да. Но хозяйство связано, не со «справлением нужды». А совсем с другими вещами.

А.Д. – Цели...

Берёзкин Ю.М. – Ну, а кроме цели, какие ещё бывают ориентации, на которые могла бы быть направлена человеческая активность?

И.С. – Идеалы какие-нибудь?

Д.Ю. – Мы про «ценности» говорили?

Берёзкин Ю.М. – Да, мы про «ценности» говорили. В хозяйстве основным руководящим началом является ценностная ориентация. И «жильё» измеряется качественными, ценностными характеристиками. А «жилище» – вот там (дорисовывает схему). Здесь, во-первых, целевая ориентация (рис. 2).

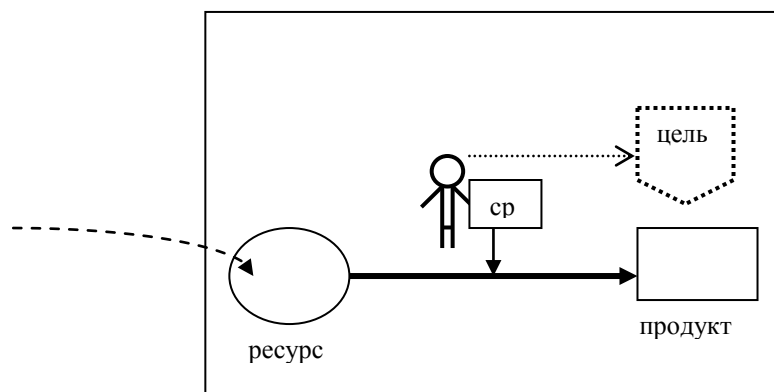

Рис. 2. Акт производственной деятельности

А во-вторых, в элементарном деятельностном акте есть место для деятеля, который не только ориентируется на «цель», но ещё использует «средства» (на рис. 2 обозначено «ср»). Одной из составляющих этих средств деятеля будет «рабочая сила», которую в обязательном порядке нужно регулярно помещать в жилище для того, чтобы она там постоянно восстанавливалась. И потом снова потреблялась в производстве. В Советском Союзе так оно и было. Даже в песнях пели: «Человек – это тот, кто трудится, на работу с рассветом встаёт!» И это было очень точно. Тот, кто не трудится – считался «нечеловеком». Поэтому

для рабочей силы не нужно было никакого жилья. Ему это жилище строили, он там не был хозяином, и оно не было его частным делом. А как в хозяйстве?

Г.А. – А в хозяйстве лично ориентирован...

Берёзкин Ю.М. – Нет, ценностно... Ценностная ориентация предполагает постоянное воспроизводство и восстановление условий жизни, в том числе. И хозяин никогда не будет жаловаться на то, что у него что-то там с жильём не в порядке, например, крыша обваливается, или ещё что-то... Он должен это дело воспроизводить. Т.е. процесс воспроизводства должен быть одним из основных. А там, в производстве, рабочую силу потребили и всё: выбросили на помойку.

И.С. – А тут себе в удовольствие...

Берёзкин Ю.М. – «В удовольствие – не в удовольствие», а должен руководствоваться некоторыми культурными и ценностными вещами. Далеко не всегда это бывает в удовольствие. Бывает очень тяжело, например.

Ну, и в этой связи, как можно эту проблему поставить, если она, вообще, возможна? В чём проблема «ветхого жилья»?

А.Д. – Видимо, «жильё» ветхостью не может определяться...

Берёзкин Ю.М. – Так, жильё ветшать не может, если оно – жильё.

А.Д. – Во-вторых, видимо, сейчас решение не в той плоскости рассматривается...

Берёзкин Ю.М. – Да, опять пытаются... Что пытаются? Вы можете сказать?

А.Д. – Жилища производить, по тому же пути идти.

Берёзкин Ю.М. – А вот «национальный проект», который называется: «Доступное жильё». Он правильно, или неправильно называется, с Вашей точки зрения?

А.Д. – В целом, нет. «Доступность» здесь определяется не тем направлением, по которому программа идёт. На самом деле, «доступность жилья» должна определяться тем, может ли человек сам жильё обустроить. То есть от самого человека должно зависеть.

Берёзкин Ю.М. – Вот именно – от самого!...

Г.А. – В жильё человек создаёт семью. Создал семью – значит, это жильё!

Берёзкин Ю.М. – Да семью можно создать, где угодно, хоть в шалаше. Как говорит пословица: «С милым рай и в шалаше, если милый атташе!»

(смех)

А.Д. – По поводу того, что есть «жильё», а что – «жилище»? – у меня возникает нечто противоположное. Многие люди много времени по гостиницам проводят... А с другой стороны, есть другие примеры. Если человек на три дня в санаторий приезжает, он же там полностью комнату свою обустроит...

И.С. – Таких по пальцам пересчитать можно, а 99 % живут в жилищах...

Д.Ю. – Юрий Михайлович, мне в 4 надо уходить.

Берёзкин Ю.М. – Всё понятно. Тогда, Денис, место освобождаем.

Г.А. – А вот проблема, мне кажется, в том...

Берёзкин Ю.М. – Сейчас, сейчас! Юлия Федоровна нам что-нибудь расскажет, а потом Вы скажете.

Д.Ю. – Видимо, я всё-таки пыталась решить тоже проблему жилищного строительства, а не ветхого жилья. Начала я с того, что попыталась представить, что такое «ветхое жильё». И сейчас уже понятно, что это немного по-другому... Я пыталась сделать такую типологию: памятники – индивидуальное жильё – многоквартирные дома – новые индивидуальные коттеджи – новые многоквартирные дома точечной застройки – старые индивидуальные («частный сектор», так называемый) – старые многоквартирные дома. Эти последние две позиции – то, что у нас называют «ветхим жильём».

Берёзкин Ю.М. – А иркутские трущобы?

Д.Ю. – Ну, они тоже ветхие. Я пыталась решать проблему строительного типа.

Берёзкин Ю.М. – Так. И в чём проблема?

А.Д. – Обычно в проблемных статьях пишут о тех домах, где аварийное жильё: как раз в деревяшках или...

Д.Ю. – Давайте ещё раз попробуем. Вот по этой типологии вопросы есть какие-нибудь?

А.Д. – Новые индивидуальные постройки – это только «коттеджи»? А если деревянный дом построил?

Д.Ю. – Я имею в виду любой коттедж.

Берёзкин Ю.М. – А если человек просто посреди города построил дом, деревянный или кирпичный, новый?

Д.Ю. – Это тоже «индивидуальный коттедж».

А.Д. – Ну, не обязательно же коттедж может быть.

Д.Ю. – А какой можно ещё построить? Это – проблема, строить что-то другое.

Берёзкин Ю.М. – Почему? Дом, просто.

И.С. – Было же такое слово сказано: «коттедж»...

Берёзкин Ю.М. – Оно было, конечно...

Д.Ю. – Ну, ладно, коттедж-дом, назовём...

Берёзкин Ю.М. – В Советском Союзе тоже коттеджи были. Например, каждый академик в Новосибирском Академгородке имел законное право на получение коттеджа. Член-корр. – полкоттеджа занимал, а академик – целый коттедж. Жёсткое было разделение. Коттедж был двухэтажный, но панельный.

А.Д. – Я-то имел в виду одноэтажные дома.

Д.Ю. – Одноэтажный, двухэтажный, какая разница?

Берёзкин Ю.М. – Ну, хорошо, предположим, что такая типология возможна. Что дальше?

Д.Ю. – Судя по тому, что мы обсуждали вопросы ветхого аварийного жилья и жилищного строительства как проблемы, заключается она у меня в том, что жилищное строительство у нас в городе стоит на месте. Не расширяется. Для того, чтобы перейти к вопросу «в чём заключается проблема?», я попыталась представить, а где у нас находятся вот эти дома, в частности, ветхое жильё, если взять город целиком. И мне вспомнился тот рассказ, который говорил Юрий Михайлович, о том, что было кладбище какое-то, которое расширялось в разные стороны...

Берёзкин Ю.М. – Концентрическими окружностями.

Д.Ю. – Да, концентрически... Таким же образом происходит рост большинства городов: от центра начинают строительство, потом – всё дальше и дальше. И в результате получается так, что ветхое, старое жильё оказывается в центре, а сюда, к окраинам – всё более новые и новые дома строят. Проблема, грубо говоря, заключается в том, что вот этот процесс идёт как «единичный процесс». Если взять это за старение, как бы, цикл старения, а это взять за время, то у нас получается, что процесс вырастает... И обратно не падает. Как бы, единичный процесс...

Берёзкин Ю.М. – А что значит «единичный»?

Д.Ю. – Вместо того, чтобы был цикл таких процессов. Вот, допустим, прошла волна, потом опять здесь, в центре, начали бы новое жильё строить. Они стареют, и должны постоянно обновляться. Начинают там...

А.Д. – А почему нет других процессов?

Д.Ю. – Ну, на мой взгляд, причина проблемы (почему этой цикличности не происходит? почему город не обновляется изнутри?) заключается в том, что у нас жилые здания находятся в привязке к земельным участкам, на которых они стоят. Если у нас жилое здание где-то построено, то снести его, практически, невозможно до тех пор, пока оно не развалится или не сгорит. Пока с ним что-нибудь не случится, этот земельный участок не входит в оборот. Получается, что земля становится дефицитом, потому что она использовалась один раз – и всё! А если бы была цикличность, то она могла бы вновь поступать вот в этот оборот. На мой взгляд, решение проблемы должно лежать в том, чтобы разорвать вот эту вот связку «жильё – земля». Чтобы жилище могло смещаться от центра города на окраину, потом снова в центр, и так далее. А земля должна оставаться, как она есть. Не знаю, как я смогла объяснить.

Берёзкин Ю.М. – Юлия Федоровна, а что Вы понимаете под «проблемой»?

Д.Ю. – Ну, опять, «проблема» – это такая ситуация, у которой нет известного решения. А «задача» – это когда есть способы решения.

Берёзкин Ю.М. – А здесь Вы, что говорите?... Способы решения чего неизвестны? Задания вот этой цикличности?

Д.Ю. – Да, задания вот этой цикличности. Чтобы земли, которые находятся в центре города, постоянно попадали в зону строительства.

Берёзкин Ю.М. – А может быть, то, что Вы таким образом проинтерпретировали – это, вообще, не про жильё?

Д.Ю. – Это – про территориальное планирование. Это не про жильё, конечно, потому что про жильё мы уже разобрали, что это – хозяйство. Да?

Берёзкин Ю.М. – Жильё – это не хозяйство, но составляющая хозяйства.

А.Д. – Мне представляется, что здесь речь идёт о том, что не существует единой какой-то градостроительной концепции. Здесь проблема в другом: не существует чёткого плана застройки города. Не существует программы градостроительства, которая могла бы предусматривать вовлечение земель, на которых стоят старые здания, для строительства новых.

Д.Ю. – Ну, вот есть, допустим, старые дома, тот же самый частный сектор, «деревяшки». Их оттуда сдвинуть вообще невозможно!

Берёзкин Ю.М. – Почему?

Д.Ю. – Потому что нет механизма разделения этого земельного участка и жилья. Хотелось бы, чтобы земельный участок, остался на том же самом месте, а вот жильё переместить в другую часть города, например.

А.Д. – Что? Поднять этот дом и перенести его, что ли?

Д.Ю. – Не дом поднять, а чтобы люди... Процесс переселения организовать...

Берёзкин Ю.М. – Вы думаете, что не пытались переселять?

Д.Ю. – Ну, не знаю, может, пытались...

Берёзкин Ю.М. – Пытались!

А.Д. – У кинотеатра «Баргузин», район которого весь деревянными домами застроен, строительство новых домов пытались организовать. А всё население говорит, что лучше они в старом доме будут жить, но с маленьким кусочком земли, действительно, своим, чем в новой квартире...

Берёзкин Ю.М. – Это – с одной стороны, а с другой – как только ставится вопрос о переселении, количество жильцов, не просто удваивается, а в 10 раз возрастает!

Д.Ю. – Ну, тогда надо... прогрессивный налог на жильё...

И.С. – А почему? Смотрим, какой была площадь дома, на троих умножаем – вот и получаем...

Берёзкин Ю.М. – Почему на троих? Если вам говорят, что там живёт пять семей и в каждой по трое...

И.С. – Внешнему наблюдателю, какая разница, сколько там живёт? Они же живут на этой площади. Допустим, 100 квадратов, живут 20 человек. Ну, и пускай они на этих 100 квадратах в квартире живут.

А.Д. – В результате то же самое и получим...

Берёзкин Ю.М. – В хозяйстве может 20 человек прожить на 100 квадратах, а в квартире – невозможно! Только на балконе курятник сделать, разве что?

Д.Ю. – Получается, что я ввела свою проблему...

Берёзкин Ю.М. – Нет, мы пока ещё не поняли: это проблема или не проблема? И проблема чего? Проблема оборота земель?

Д.Ю. – Проблема оборота земель.

А.Д. – Вот ещё...

Берёзкин Ю.М. – Денис, подождите, чтобы не сдвинуть рамки. «Проблема оборота земель». Если про Иркутск говорить, то мне рассказывали такую очень занятную историю. Примерно 20 человек (одни из самых богатых людей города Иркутска) уже давно поделили город на квадраты, в буквальном смысле слова. И никакими судьбами не дают просто так избавиться от этих «щепок», которые на этой земле стоят. Поскольку цена этой земли соизмерима со стоимостью жилища. Ну, если, например, квадратный метр в новостройке в г. Иркутске сейчас стоит, порядка, 30 тысяч рублей, то цена земли под этим будущим квадратным метром, практически, такая же. Сделать совершенно ничего невозможно. Т.е. давно приватизировано, давно на себя оформлено...

Г.А. – Это – понятно!

Берёзкин Ю.М. – И всё равно, проблемы жилья я тут не увидел. Это проблема удешевления строительства, может быть.

Так, какие вопросы?

С.Г. – Если жильё оторвать от земли, то не превратится ли это «жильё» в «пенал»?

Берёзкин Ю.М. – Да, совершенно, запросто может. Первый «камешек». Ещё какие «камешки»?

Д.Ю. – Нет, это же не вопрос: превратится или нет? Вопрос в том, чтобы обеспечить...

Берёзкин Ю.М. – Так обсуждаем-то мы жильё.

Д.Ю. – Так оно и сейчас не жильё.

Берёзкин Ю.М. – Но мы-то обсуждаем проблему жилья! Причём – ветхого жилья. А Вы нам рассказываете совсем про другое.

Д.Ю. – У меня жилищное строительство...

Берёзкин Ю.М. – Ну, если жилищное строительство, то это совсем уже из другой «оперы»! Нужно смотреть, как организуется само строительство? Что это за процесс? И т.д. А то, что Вы говорите, мы даже не обсуждали.

А.Д. – Если говорится о том, что жильё человек сам производит, в соответствии со своими ценностями, то если это частный сектор, то, соответственно, сами и должны заботиться о том, чтобы жилище не ветшало, облагораживалось, обустраивалось, было нацелено на хозяйство, если оно на ценностях каких-то построено...

Берёзкин Ю.М. – То, что Юлия Фёдоровна обсуждает – это вообще не то, о чём мы говорили. Это просто сдвиг в сторону и, я бы даже сказал, обсуждение попытки найти выход, чтобы город при строительстве не растягивался. Находился в компактных границах. Всё остальное не очень понятно. Но проблема тоже не поставлена, потому что понятийная канва тоже не выделена. А если не выделены понятия, и не прочерчены, основные узловые места понятий, то проблему не поймашь.

Д.Ю. – Ну, вот... Коленку, что ли, показывать?

Берёзкин Ю.М. – «Коленка» – это, конечно, интересно! Но не по теме. Какие вопросы есть ещё?

Д.Ю. – Видимо, я обсуждала в том направлении, которое мне интересно было. Все говорят: «Жилищная проблема, жилищная проблема...»

Берёзкин Ю.М. – Ну, хорошо, будем считать: это – то, что у Вас «на коленке» было. Теперь «коленку» давайте отставим в сторону, поговорим по поводу жилья. То, что мы уже немножко проговорили... Всё-таки это нужно как-то прорисовать и выяснить, а в чём же, собственно, проблема? Поскольку проблема до сих пор не вычленилась.

Д.Ю. – Ну, если жильё возникает в хозяйстве и основную регулирующую роль играют ценности, то формирование жилья нужно осуществлять посредством внедрения ценностей. Семейных ценностей или ещё каких-то...

Берёзкин Ю.М. – Вот, смотрите, Вы говорите: «внедрение ценностей». Просто так, взять и «внедрить ценности» нельзя.

Д.Ю. – Ну, выращивать.

Берёзкин Ю.М. – Ценности выращиваются столетиями. На том же Западе, как было? Макс Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма» описывает основные условия возникновения капиталистической экономики. И он там говорит не о том, о чём Маркс писал: что, вот, мол, «развитие производительных сил...» и т.д. Вебер говорит, что всё это – вторично. И, вообще, в других местах развиваются-развиваются производительные силы большими темпами – а никакого капитализма нет и в помине. А капитализм возник, с точки зрения Вебера, благодаря формированию протестантской этики. Это теперь считается одной из классических точек зрения. Определённые ценности сложились сначала в небольших протестантских общинах. А потом они стали культивироваться и расширяться. И когда этот процесс в обществе набрал, как бы, «критическую массу», возникли условия, при которых стала возможной совершенно иная организация общественного производства. То, что гораздо позднее, в 1905 году, Вернером Зомбартом было названо «капитализмом». Всё это формировалось на протяжении нескольких столетий.

Д.Ю. – Есть ещё такой момент: на Западе есть стандарты жизни. Если ты получил повышение, ты должен переехать из такой-то квартиры в другую.

Берёзкин Ю.М. – Это-то, да. Но это уже при налаженном хозяйстве. Там уже сложилась жёсткая социальная стратификация, если хотите – сегрегация общества. Есть слои, которые должны жить в одном месте, в «пеналах», например. Другие слои – в другом месте.

Кстати, «муниципальное жильё», это вот те самые «пеналы», или «хрущёвки», по-нашему. Но там не человек должен заботиться о внутреннем состоянии жилища, а муниципия сама это обязана делать, поддерживать нормальное состояние, а не доводить до ситуации, когда всё вот-вот рухнет.

Другие должны жить в другом месте, третьи, вообще, должны жить за городом в отдельных домах. И по-другому, просто, не бывает.

Так, это один срез. Ещё что? Ещё что можно добавить в «кристалл» понятия «жильё»?

К слову, чтобы понятно было, куда мы должны двигаться. Понятие – это не определение, не формулировка, а некая смысловая конструкция, относительно которой мы понимаем, что это (то, что рассматривается) из себя представляет, как бы, с разных сторон, или под разными углами зрения. И пока вот этот понятийный «кристалл» не будет выделен, с жильём ничего сделать нельзя будет. Какие бы законы ни принимались, какие бы вот эти «культивирования земель» не происходили... И что?

Д.Ю. – Может быть, жильё ещё в процесс потребления включается?

Берёзкин Ю.М. – Ну, да. Ну, вот я и говорю, что эти вот все принципиальные срезы нужно, в обязательном порядке, выделить. Ведь проблема-то в чём состоит, Денис?

А.Д. – Возможно, в том, что понятие «жильё» просто отсутствует у большинства.

Берёзкин Ю.М. – Вот! Люди живут без понятий, поэтому проблема-то состоит в том, что средств вычленения вот этого в реальности просто не существует.

вует. Для очень многих людей, и даже высокопоставленных чиновников, всё равно, что «жильё», что «жилище», что «хозяйство», что «производство»... Вообще, без разницы! Просто, слова, которые можно вот так переставлять туда-сюда. Принять программу «Доступное жильё», даже не программу, а «национальный проект», даже не обсудив, в чём, собственно, понятие жилья состоит? В какие процессы всё это должно включаться?

А.Д. – Нет, программа называется «Жилищная...»

Берёзкин Ю.М. – Ничего подобного. «Доступное жильё»!

А если мы включаем его в какой-то определённый процесс, то нужно сначала организовывать этот процесс, чтобы там, вообще-то, могло появиться жильё. Само по себе жильё не появляется, поскольку это вещь функциональная, оно не может на пустом месте вырасти. Среди людей, у которых нет никаких ценностей, и которые 80 лет жили без ценностей, жильё возникнуть не может...

А то, что у большинства наших людей ценностей нет – это самоочевидно. Строили-строили коммунизм, потом им сказали: «Всё! Теперь капитализм будем строить!» Развернулись и строим в другую сторону. Какие же это ценности? «Ценности» – это, когда ты переступить через что-то не можешь.

А если нет у людей ценностей, просто так взять и принять «национальные проекты» – это означает дискредитацию самой власти. Т.е. они взяли и сами поставили себя в такое положение, что у людей не будет жилья, а у них – подлинной власти. Это самоочевидно. В лучшем случае, в более массовом порядке, но за большущие деньги, в кредит, будет распродаваться то же, что раздавалось раньше бесплатно.

Д.Ю. – Ещё, наверное, «жильё» можно соотнести с «укладом». В деревне, например, деревенский образ жизни.

Берёзкин Ю.М. – Да, уклад связан со способом жизни.

А.Д. – В деревенском укладе жильё до сих пор не искоренено, по крайней мере, у большинства.

Берёзкин Ю.М. – Да, да. Это правильно. Даже в самых тяжелых районах, типа Усть-Орды, я сам наблюдал. Видно, что у людей – это не просто жилище, а жильё, которое непрерывно переходит во все остальные элементы хозяйства. И всё это непрерывно бурлит.

А.Д. – Тогда, видимо, можно ещё сказать, что эта проблема косвенно связана с урбанизацией и с теми проблемами, которые она влечёт за собой. И с культурой, и с ценностями.

Берёзкин Ю.М. – Ну, Денис, урбанизация – это же не советское изобретение. Она тоже с Запада пришла. Но на Западе же эти вопросы решаются! Может быть, не до конца, может быть, тоже существуют сложности, но всё равно вопрос решается.

Г.А. – Вы сказали, что русские на ментальном уровне....

Берёзкин Ю.М. – Я слова «русские» не произносил.

Г.А. – Ну, русская часть населения... у него на ментальном уровне не существует понятие «жильё»... Если брать западную экономику, она целиком и полностью основана на частном хозяйстве...

Берёзкин Ю.М. – Почему? У меня есть сестра, она живет в небольшом городе на Алтае, у них большущий дом, вокруг него большое хозяйство. Жильё – в чистом виде! И выгнать их в какую-нибудь квартиру в каком-нибудь большом городе, просто, невозможно!

Г.А. – Это единицы! А если брать...

Берёзкин Ю.М. – Почему единицы?

Г.А. – Я считаю, что русский народ никогда не имел графского жилья на протяжении тысячелетий. Я смотрю на картины, где дети сидят за столом. На столе свечи – вот такие вот огарки, сидят, и у них ничего другого на столе нет, есть нечего. Никакого куска земли у них не было. И при социализме – то же самое.

Берёзкин Ю.М. – Погодите, Алексей! Жильё у русского народа было! Просто, «народом» у нас с некоторых пор принято считать и быдло, и бомжей. Но, начиная с Древней Греции, под «народом» всегда и везде понималась лишь часть населения, которая имела определённую культуру, имела ценности, отвечала определённым цензам (например, цензу ответственности, цензу собственности). В древней Греции «демос», или «народ», составлял всего 10% полиса. И в России, крепостное население которого составляло процентов 60, народом не считалось. И правильно не считалось, поскольку это были рабы. Какой же это народ? А вот у всех остальных жильё было.

Г.А. – Опять же, если посмотреть – народ делает историю страны. Следовательно, историю страны...

Берёзкин Ю.М. – Вот! Правильно, народ! Но не быдло делает историю! То, что Вы сейчас пытаетесь говорить, это марксистское переименование. У Гегеля был негативный класс – «пролетариат», а Маркс перевернул всё наоборот. Он написал, что «Гегеля с головы на ноги нужно поставить». Поэтому то, что у Гегеля было «негативным классом», он назвал «позитивным классом», якобы, делающим историю. Неимущих и неграмотных исполнителей называли «позитивным классом» и «движителем истории»! Нигде никогда такого не было.

Г.А. – Говорят же, что вот эти люди, которые стоят у власти, они вообще ничего не решают. Что это – маленькие люди. Вот это – народ, что ли?...

Берёзкин Ю.М. – Подождите, Алексей. Люди у власти тоже, чаще всего, не являются народом. В любой стране всегда есть элита. «Элита» – это не те, которые при должностях, и даже не те, которые при деньгах, а те, которые культурные ценности этого народа держат, несут на себе, и задают. И так было всегда! Истреби эту элиту – и дальше надо будет 90 лет восстанавливаться. Как нашей стране. Придётся, видимо, мучаться 90 лет.

Г.А. – Ну, ведь сам народ породил Ленина, породил извращенный капитализм, который есть сейчас. Точно так же можно считать, что машина движется, и вы видите щепку в её колесе, то вы думаете, что он за счёт этой щепки движется. А вы, например, не видите всяких шестерёнок, которые встроены в механизм, и поэтому, как бы, не считаете, что движение шестерёнок и привело в действие сам механизм. Так вот, я считаю, что движение народа в отношении того, что мы здесь обсуждаем на микро уровне...

Берёзкин Ю.М. – Нет. Не понятно только, что Вы понимаете под «народом»?

А.Д. – Если, Юрий Михайлович, Вы сказали, что «элитой считаются те, кто ценности хранят и несут дальше», можно говорить о том, что крестьяне – тоже народ. В смысле, они же тоже свои культурные ценности имеют.

Берёзкин Ю.М. – Конечно. Крестьяне входили в понятие «народ», а, например, крепостной человек, не был в составе «народа».

Г.А. – Крестьян единицы были в России.

Берёзкин Ю.М. – А почему Вы думаете, что «народ» – это все поголовно? Только в извращенном сознании бывших советских людей всё население приравнивается к народу. Нигде такого нет, и никогда не было. Даже сейчас, когда модно стало делать «оранжевые» и прочие революции, первым делом, те люди, которые затевают подобные мероприятия, формируют «свой народ». Вот эта вот, маленькая кучка, которая на майдане митинговала, это был тот народ, который, собственно говоря, и сделал «оранжевую» революцию на Украине. А отнюдь не все 40 млн. человек Украины, которые в большинстве своём к «народу» не относятся...

И, вообще, с «народом» тоже очень сложно, вот так же, как с «жильём». Понятие нужно строить. Если нет понятия, сделать ничего не сможешь. Понятие же – это то, как можно нечто помыслить. А мы привыкли к разного рода бессмысленным определениям.

Г.А. – Ну, почему? Народ – это те, кто имеет ценности, делает историю. Например, сколько нам на протяжении веков ни пытались внедрить французский язык, французскую музыку, и прочее – сейчас ничего этого не сохранилось. По-прежнему русское творчество и русский фольклор, который был и в XII веке...

Берёзкин Ю.М. – Подождите, Алексей. Не сохранилось только потому, что одних к стенке поставили, а остальных посадили на пароход и отправили за границу. Конечно, не сохранится! Ещё война была, которая 20 млн. человек вышибла, и в основном – из народа.

Г.А. – Нет, ну, есть же вещи, которые народ может принять, и которые – не принять. Так же, как «оранжевую» революцию. Они её 4 года назад приняли, а теперь не знают, что с ней делать! У них там кризис за кризисом следует.

Берёзкин Ю.М. – У них там свои проблемы, конечно...

Так, ну, ладно, а что мы с нашей-то проблемой делать будем?

П.О. – Юрий Михайлович, а проблема – это отсутствие чего?

Берёзкин Ю.М. – Проблема в методологическом плане состоит в следующем. Если у нас в некоторой реальности есть что-то, что мы можем осмысленно выделять, соответствующим образом обозначать – что-то называть «жильём», что-то «народом», что-то ещё чем-то – и сообразно этому действовать, то проблем нет. Но, чтобы это всё выделять и правильно, осмысленно работать, у людей должны быть соответствующие понятия. Например, если бы было понятие «жилья», тогда, мы из всего этого многообразия, могли бы его вычленить и не путать с «жилищем», «убежищем», или ещё с чем-то. Например, с «пеналом», с «хрущёвкой».

Понятие – это мыслительное средство, через которое человек может на мир смотреть, нечто видеть и осмысленно с этим иметь дело. Либо не видеть, если соответствующего понятия нет. Если понятия нет, то в голове появляются всякие разные «глюки»: можно так, а можно эдак сказать! У одного – одни, у другого другие «глюки», т.е. фантазии и фантомы.

Если нет таких понятийных средств, то это и есть главная проблема. Потому что делать (что бы то ни было), не имея соответствующих понятий, просто невозможно. Можно высказать принципиальный тезис: человек так устроен, что он может делать только то, что понимает. А что не понимает, он делать не может.

Примеров – сколько угодно. Начали реформы делать – всё поехало в другую сторону. Ни одна реформа не реализуется. Любой западный закон (я имею в виду юридический закон) начинается с понятия, или с понятийной структуры, относительно чего закон будет приниматься. Они сначала разворачивают это понятие, детально, а потом относительно этого понятия уже, соответственно, строят юридическую норму. Наши законы, в лучшем случае, начинаются с преамбулы, и никаких понятий! Просто, вообще, никаких понятий!

А.Д. – Просто терминология вводится.

Берёзкин Ю.М. – А терминология – это другое... «Термин» от «понятия» отличается тем, что он жёстко фиксирован и однозначен. И все однозначно понимают, что такое, ну, например, «масса» в физике. Нет по этому поводу разногласий. Если же есть разногласия, если один считает, что это – «жилъё», другой, что – «жилище», а третий считает, что это вообще не известно, что, то никакие это не термины, а просто – словесная шелуха.

Г.А. – Но понятие, видимо, выражает то, как субъект, который что-то пишет, как он это понял. Понимание зависит от восприятия, а у каждого восприятие своё...

Берёзкин Ю.М. – Нет, Алексей. Понятия формируются исторически. И человека, например, в университете, протаскивают через определённую сетку понятий. После этого у него возникает понимание того, что, например, понятие «корова» одно для всех, между прочим. И редкий человек, только совсем сдвинутый, о «корове» будет понимать что-то другое. Ну, понятие «корова» – это совсем простое понятие. А взять чуть посложнее – и всё! Никакой различительности! Даже «жилъё» (казалось бы, тоже не очень сложное понятие) не видим, не различаем и не понимаем, что это такое. Если же возьмём более сложные понятия, такие, как «народ», или, допустим, «реформа», то вообще – полный ступор... Чем «реформа» отличается от «трансформации», от «эволюции», «революции» и от всяких разных других изменений? Выясняется, что непонятно, чем. Реформы делаем одну за другой и ничего не получается. Просто, не выходит и всё! Жилищно-коммунальная реформа заглохла, реформа образования заглохла, реформа науки заглохла, военная реформа тоже скоро заглохнет. И всё из-за того, что понятий нет. Ну, нет у людей понятий!

Вот Вы-то, Алексей, наверное, думаете, что понятия у Вас в сознании сидят? А я-то думаю, что понятия находятся совсем в другом месте: в пространстве трансляции культурных норм (рисует), разновидностью которых являются

культурно оформленные понятия, а человек к ним только может подсоединяться (рис. 3).

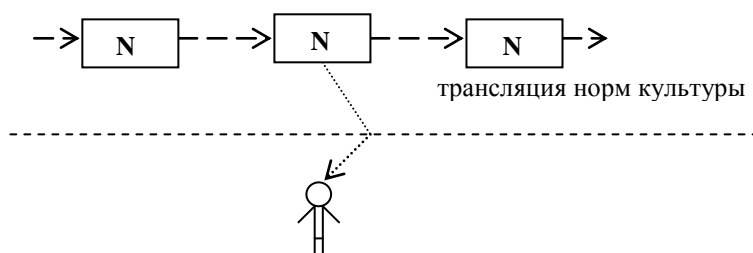

Рис. 3. Место и роль норм культуры

А «серое вещество» в голове человека – это такая своеобразная «антенна», которая способна некоторые мыслительные вещи Культуры воспринимать. Они – одни для всех, и любое понятие исторически формируется. Люди рождаются и умирают, рождаются и умирают, а понятия, начиная от понятия «корова», которое Аристотель обсуждал, сохраняются и развиваются.

Кстати, даже такое понятие, как «корова», Аристотель очень сложно обсуждал. На нескольких страницах он нудно и последовательно описывает, как можно понять, что такое «корова», и почему мы единожды взглянув на существо, которое на лугу пасётся, мгновенно отличаем его, например, от лошади, или от собаки.

Г.А. – Ну, например, некоторые пытаются всё это дело идеологизировать, и начинают свои понятия выдумывать, как у нас в Союзе было.

Берёзкин Ю.М. – Нет. Когда идеологизируют, там не понятиями оперируют, а идеологемами. «Идеологема» – это не понятие. Так же, как не понятием является «определение», так же не понятием является «термин» и т.д. Это всё – разные вещи.

Г.А. – Например, Хрущёв с Запада привёз слово «предприятие», понятие «предприятие», и применил его к нашим заводам, которые у нас функционируют. И у них – предприятия, и у нас – «предприятия».

Берёзкин Ю.М. – Это – навязывание определённых смыслов без всяких понятий, поскольку понятие «предприятие» всегда связано с процессом «предпринимательства». В СССР предпринимательство было запрещено, а «предприятие», не известно с чего, с какого-то боку, взялось! Как поговорка говорит: «Хоть горшком назови, только в печь не сажай!» Назвать-то можно, как угодно! Понятие же – это не то, как назвать можно, а то, как понимать некое явление можно, и как можно помыслить его употребление. И всякое понятие представляет собой некий «кристалл» (рис. 4).

В любом понятии есть понятийные реперы, и мы их сегодня пытались «пощупать»: жильё обязательно должно с ценностями быть связано, жильё обязательно связано с процессом жизни, а не с процессом потребления рабочей силы и её восстановления, жильё обязательно должно быть включено в процесс воспроизводства, и т.д.

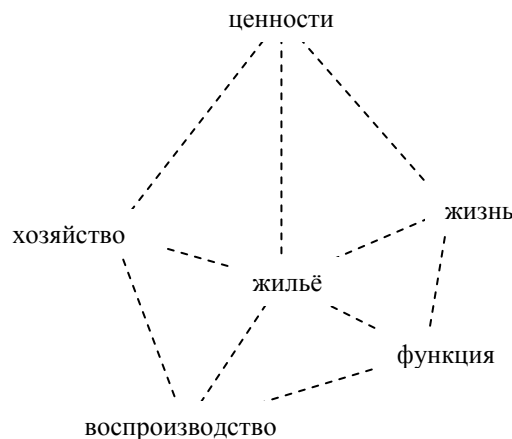

Рис. 4. Понятийный «кристалл» жилья

Б.О. – Получается, что вот у той группы людей, которая взяла, и всё поделила, у них вот этот их понятийный аппарат хорошо работает? То есть исторически они развиваются?...

Берёзкин Ю.М. – Нет. Тут немножко по-другому. Денис, можете ответить на вопрос Олеси?

А.Д. – Если немножко подумать, то, может быть, и смогу...

Б.О. – На чём это всё держится?

Берёзкин Ю.М. – Денис, на чём?

А.Д. – На смыслах...

Берёзкин Ю.М. – Так, с одной стороны, на смыслах. Ещё на чём?

А.Д. – На авторитете. Это то, что у Попова в «социальном организме»...

С.Г. – Может быть, цель?

А.Д. – Цели-то у них, наверное, не может быть, как таковой. Если есть цель, есть деятельность. И в этих процессах деятельности происходит процесс трансляции культурных норм, который непоколебим, его нельзя никак сдвинуть...

Берёзкин Ю.М. – Олеся, Вы поняли, что он сказал?

Б.О. – Общий смысл, наверное, общая идея, не знаю, интересы... Не совсем.

Берёзкин Ю.М. – Нет. Тут вот в чём дело. Во всяком случае, о чём Денис говорил... Может быть, оно, на самом деле, и не так, но как я понимаю.

Дело в том, что советское общество, которое 80 лет прожило в очень специфических условиях, очень сильно трансформировалось. Некоторые философы и методологи даже говорят так: если 80 лет жили при той жизни, которая очень сильно изменила людей, то и восстанавливаться придётся столько же, не меньше... Например, Александр Зиновьев так утверждал. Был такой философ и логик. Он, вообще, считал, что в Советском Союзе была выведена совершенно особая, уникальная порода людей, которая нигде больше не встречается. Просто, натурально: порода. В прямом смысле этого понятия.

Б.О. – Именно в Советском Союзе?

Берёзкин Ю.М. – В соцстранах. Кстати, в Германии существенно меньше немцы жили при социализме, в ГДР, но сейчас ФРГ ничего с ними не может

сделать: уровень жизни низкий, работать они не могут так, как надо. Миллиарды евро тратятся на «подтягивание» бывшего ГДР до уровня Западной Германии, и ничего не получается. Ну, просто, ничего не получается! Т.е. совершенно специфическая общность людей появилась.

И одно из таких принципиальных отличий... (я не хочу сказать, что у всех поголовно, кто сейчас в России живёт, но у очень большой массы, львиной доли, тех, «кто за окном ходит»)... самое страшное, что произошло во времена псевдомарксистского, так скажем, социализма в Советском Союзе – у людей, практически, «отстригли» то, что называется человеческой культурой. То, что на рис. 3 изображено выше пунктирной линии – границы между пространством социальной жизни людей и культурным пространством. «Культуру» поместили внутрь социальных процессов... Ну, как теперь говорят: «культура» – это либо «комитет по культуре», либо, в лучшем случае, «театры» и «искусство».

А понятие культуры предполагает совсем другое. Слово «культура» от греческого «делание, возделывание». Исторически, изначально оно связывалось с представлениями об «агрокультуре», т.е. со способами искусственного влияния на дикоросы и их окультуривания – превращения в агрокультуры. А затем этот же искусственно-технический подход бы перенесён на другие области деятельности. С тех пор «культура» – это образцы и нормы деятельности, которые фиксируются на внешних носителях и за счёт которых, собственно, всё общество и удерживается от разложения и деградации. Общество культурно, когда руководствуется не теми фантомами, которые в сознании отдельных, пусть даже высокопоставленных, людей существуют, а культурными нормами, которые вне людей, и которые «живут» своей особой жизнью в истории.

На рис. 3 это и показано: есть особые процессы трансляции Культуры, которые вне людей и помимо людей. И когда человека, например, образуют и обучают, его через эти нормы протаскивают.

И во всём мире испокон веков, начиная с Древней Греции, культивировался вот этот вот культурный слой, который сам по себе поддерживался, существовал, независимо от людей. Люди умирали, рождались, а Культура народа, независимо, там, немецкого, французского, русского... продолжала жить.

Что сделали в Советском Союзе? Взяли, и вот это пространство Культуры уничтожили! А дальше, поскольку людям надо было как-то организовываться, стали появляться такие, своеобразные социальные «кланы», у которых был так называемый «собственный смысл» того, чем они жили, и чем занимались. К культурным нормам это, просто, не имело никакого отношения. Люди, не входящие в тот или иной «клан», не могли этого видеть, распознать, и с ними по этому поводу никто никогда не делился.

И на протяжении советского времени сформировались вот эти вот так называемые «правлящие группы», так скажем, со своими внутренними смысловыми структурами, со своими связями, «блатом» и всем остальным. Разрушить это сейчас чрезвычайно сложно. В значительной мере, и реформы идут плохо вот именно из-за этого. Мы пытаемся брать у Запада их культурные нормы, ну, например, такие, как нормы и образцы финансовой деятельности, и что мы видим? Мы не можем ни финансовый менеджмент организовать, ни деньги нор-

мальные ввести в стране. И одна из причин в том, что, например, Центральный банк (коллектив, который там работает) является одним из таких «кланов».

Б.О. – Тоже с «собственным смыслом»?

Берёзкин Ю.М. – Конечно! То же самое можно сказать и про региональные, так называемые, «властные элиты». Они практически все остались с советских времен. Мало что изменилось. Ну, вывески поменяли. Раньше коммунистические партийные билеты имели, а теперь – «Единой России», или какой-нибудь другой партии. А смысл остался тем же самым. И псевдодеятельность у них та же самая.

Денис, примерно, про это пытался говорить. Поэтому даже, если какие-то законы принимаются, если это противоречит таким вот вещам, сформировавшимся на протяжении десятилетий, ничего не изменяется, ничто не сдвигается. Все, кто раньше был на крупных советских постах, они все и сейчас на крупных российских постах. Просто, все!

Б.О. – Т.е. они продолжают только между собой договариваться?

Берёзкин Ю.М. – Абсолютно. И влезть туда практически невозможно. Можно, конечно, если тебя каким-то образом заметят, и ты согласишься делать определённые вещи. Тебя сначала на каких-нибудь низких ролях будут держать. Потом, если ты себя в определённом смысле проявишь, тебя будут поднимать. В Советском Союзе была целая система номенклатуры, когда ты должен был делать определённые вещи и начинал двигаться по номенклатурной лестнице. Некоторым это нравится. Мне, например, это чрезвычайно противно. Не знаю, как Вам.

А.Д. – Транслирование через культуру происходит?

Берёзкин Ю.М. – Да. Но беда-то состоит в том, что мы, вместо того, чтобы пытаться восстановить свою собственную культуру и освоить её заново, этого даже не понимаем... В чём, собственно, общественная наука-то виновата здесь. Вместо того, чтобы разбираться, как на самом деле общество устроено, в котором мы живём, мы берём западные трафареты... Ну, например, берём трафарет, названный «демократия», смотрим: и у нас, вроде бы, «демократия»! Берём трафарет, называемый «муниципалитет». Раз! Вывески повесили, и у нас, якобы, тоже «муниципалитеты». Хотя там муниципалитет и здесь «муниципалитет» – совершенно по-разному работают. У них и основания разные, и способы работы разные и т.д. У них – президент. И у нас обязательно должен быть «президент». С чего это вдруг? Совершенно, непонятно. В нашей культурной традиции никогда этого не было. Ну, и т.д.

Г.А. – Т.е. это проблема институтов. Эти вещи у нас не институализировались, и нужно институализировать?

Берёзкин Ю.М. – Не институализировались. Более того, я боюсь, что и не институализируются. Они вырождаются в определённых «уродцев». Что-нибудь придумают, на подобии того, как один из руководителей администрации президента сказал: «А у нас суверенная демократия! Она отличается от вашей» (т.е. западной). Что такое «суверенная демократия»? Никто не знает. Понятия не построено. Слово появилось, соответственно, теперь можно манипулировать людьми.

Г.А. – А почему тогда такое стремление у русских перенимать чужое?

Берёзкин Ю.М. – Не перенимайте!

Г.А. – Это всю жизнь так было, перенимали. Сколько слов иностранных в русском языке?

Берёзкин Ю.М. – Русский язык, в этом смысле, не очень хороший язык. Например, в русском языке на порядок меньше слов, чем в английском. На порядок! На каждые десять слов английских – одно русское.

Г.А. – Ну, тут дело даже не в том, чтобы выразить смысл, а просто, кто-то хочет выделиться, показать, что он «продвинутый» человек, обязательно иностранное слово скажет.

Берёзкин Ю.М. – Не говорите. Я, например, стараюсь не говорить, и говорю только, когда вынужден, и только потому, что в русском языке нет соответствующих слов. Ну, например, если ты на компьютере работаешь, ты не можешь по-русски сказать «файл», поскольку нет соответствующего аналога в русском языке. И таких слов полно! Когда это можно заменить – заменяем. Например, они говорят «фрейм», а мы говорим «рамки». Но очень много таких областей, где русский язык просто не сформирован. Это очень молодой язык, в отличие от западных. Очень молодой. Он стал формироваться тогда, когда там, на Западе, уже университеты были, Римское право и всё остальное... Поэтому он впитывает в себя очень много. И ещё самое страшное, что русский язык – не процессуальный язык. Если вы знаете английский или немецкий языки, там это очень жёстко вставлено в правила самого языка. Ты должен глагол ставить на последнее место в предложении, или на другое, чётко определённое, в зависимости от времени. В русском языке совершенно без разницы: «Я пошёл на улицу»; «на улицу я пошёл»; «пошёл я на улицу...». Всё одно и то же.

А.Д. – Здесь, скорее всего, отражается определённое смысловое ударение. «Я пошёл на улицу» – значит, «**я** пошёл...», а...

Берёзкин Ю.М. – А «пошёл я на улицу» – значит, меня «послали», да?

Г.А. – Отсюда и русская поэзия бесподобно звучит.

Берёзкин Ю.М. – Ну, да, смыслы русский язык породить может. Это точно! Но в деятельностном смысле русский язык слаб. И даже в экономическом смысле, он очень сильно уступает западным языкам. Там, фактически, терминология для каждой экономической и финансовой типовой ситуации своя, жёстко привязанная. А в русском языке можно и так назвать, и эдак.

Г.А. – А если есть слово у них, и есть соответствующая ситуация, в которой это слово применяется, а у нас есть слово – но нет ситуации?

Берёзкин Ю.М. – Вот, вот! Я про это и говорю. Совершенно точно. Это и означает, что язык-то не сформирован. Он ещё только становящийся. Я думаю, что лет через 50-100, он изменится до неузнаваемости.

Г.А. – Ну, всё равно лучше, когда, общаясь, человек остаётся самим собой. Когда начинает из себя кого-то изображать, то выглядит смешно и нелепо. Так же и наша страна, пытаюсь что-то на себя примерять, глупо, просто, выглядит.

Берёзкин Ю.М. – Нет, Алексей, вот когда Вы говорите: «человек, который должен быть самим собой»... Не верю я в это.

Г.А. – Почему?

Берёзкин Ю.М. – Да, потому что, на самом деле, «человек сам по себе», ничего из себя не представляет. Не важно: Вы, я, или кто-то другой. На самом деле сущность человека задаёт то место, которое человек занимает. Не человек место красит, а место красит человека! Это совсем не зря сказано.

Г.А. – Иногда человек, занимая место, витает где-то в облаках.

Берёзкин Ю.М. – Но он, всё равно, будет место искать, чтобы выглядеть лучше. Вы сами про это говорите. А как только вываливается из всех мест, его либо вообще за человека перестают считать, либо, наоборот, он становится супер личностью. Но для того, чтобы стать супер личностью, нужно впитать очень много... Ленин в этом смысле был прав, когда говорил (правда, он про «настоящего коммуниста» говорил, но это относится к любому настоящему человеку): чтобы стать настоящим человеком, нужно впитать все достижения человечества. Если ты этого не смог через себя пропустить, ты Человеком не считаешься. Просто, не Человек, и всё!

Г.А. – Может быть, наоборот? Ну, не то, что наоборот... Вот Вы сказали, что великий народ – это тот народ, который имеет ценности, через которые никогда не переступит. Так и человек – великий, когда он не поступится своими убеждениями.

Берёзкин Ю.М. – Нет. Нет же.

Г.А. – Да. Вот я могу пример привести. Возьмите Элвиса Пресли. Сколько на него грязи было вылито – ужас! А он всё равно был «самим собой», и по сей день...

Берёзкин Ю.М. – Я думаю, что Вы сильно заблуждаетесь на этот счёт. Его просто «сделали». Взяли и «раскрутили». И если бы его не «раскрутили», не был бы он никаким «самим собой».

Г.А. – А почему, взяли «раскрутили»? Как это?

Берёзкин Ю.М. – Точно так же, как «раскручивают» других попмузыкантов. Сам по себе ничего ни один из них не представляет. Есть механизмы, которые позволяют одним других использовать... Его использовали для того, чтобы на нём заработать миллиарды. И заработали. Ему, правда, тоже досталось, но не самая большая часть.

Г.А. – А как же тогда харизма? Разве это можно отрицать?

А.Д. – Таланты есть и побольше.

Берёзкин Ю.М. – Вы поймите, что Вы-то думаете, что отдельный, индивидуальный человек – самодостаточен. А я утверждаю прямо противоположное: отдельный индивидуальный человек... вот этот вот материальный индивид (показывает на рис. 3), у него есть индивидуальное сознание. Индивидуальное сознание у человека изначально пустое. Джон Локк так и говорил: «*tabula rasa*», или «чистая доска». Выражаясь современным компьютерным языком, можно сказать, что у каждого человека есть «пустой модем», называемый сознанием, который может соединять всё со всем. А вот берётся это содержание сознания совершенно из другого места. Из культуры, где есть понятия, где есть культурные нормы, где есть категории и много разных других вещей.

У человека ещё есть «серое вещество». Некоторые считают, что человек своим «серым веществом» думает или мыслит. На самом деле – это, своего ро-

да, «биологическая антенна». Если она хорошо развита у человека, она позволяет ему вот это вот дело (показывает на культурные нормы рис. 3) накапливать и, соответственно, оперировать им в своём сознании. Но это всё не принадлежит индивиду, и никогда, нигде никому не принадлежало. Этот индивид умрёт, а всё это останется. Это всё тысячелетиями живёт, а этот человечек – 70 лет и в ящик! Здесь же рождается другой человек, который то же самое проделает, или, точнее, с ним проделают. Сам по себе человек не развивается. Начиная с детства, ему родители сначала мелкие культурные нормы вставляют, например, говорят: «Ногами на стол – нельзя, а руки нужно мыть...» Потом в университет приходит, ему говорят: «Ты должен вот это, вот это...» Смотрите: «должен»! Не то, что ты хочешь, или не хочешь, а тебе насильственно вменяют это дело! И только так ты и становишься человеком. А тому, кому не удаётся вменить, его так и называют: «невменяемый». И вообще, изолируют. А насчёт вот этих всяких «индивидуальностей», это всё – такая туфта!

Г.А. – Ну, а если вот этот человек, которому вдолбили в сознание что-то, если он до конца жизни этими вещами руководствуется, и до конца стоит на этом, он же большее уважение внушает, чем тот, которому скажут, что у тебя что-то неправильно, иди по-нашему пути, и он начинает своё прошлое критиковать.

Берёзкин Ю.М. – Смотрите. Помимо того, что у него есть этот «модем» сознания, который может разные вещи друг с другом соединять... Как, например, мы сегодня «жильё» пытались соединить с «хозяйством», с «ценностями», с «процессами воспроизводства». Не было этого у Вас, а мы взяли: раз, и произошло соединение! Кроме этого, должна быть ещё интеллектуальная способность к рефлексии. Когда ты не просто чего-то знаешь, а ещё знаешь, откуда ты это знаешь? И ещё знаешь, для чего то, что ты знаешь, может быть использовано? Т.е. способность превращать знания в средства для своей собственной работы. Если ты это способен делать, тогда ты – культурный человек. Или, просто, – Человек. А большинство людей учится только накапливать разные знания и информацию. Превращаются в такие «мешки со знаниями» – и то знают, и это, и это. Или становятся как толстенные энциклопедии. Но при этом не имеют ни малейшего понятия, как всё это можно использовать... Например, как использовать понятие «жильё»? Или как использовать понятие «народ»? Тот, кто знает, как это использовать – берёт и использует! Например, в той же самой Украине: взяли и использовали. Пусть на 3 года, но использовали. Они, кстати, своё взяли, ради чего это делали. А там дальше пусть Украина гниёт!

Т.е. человек становится осмысленным и действительно Человеком только тогда, когда он всё, что накопило человечество, не просто накапливает и через себя пропускает, а ещё и превращает в собственные средства работы. Может их и так, и эдак применить. Но каждый раз – культурным образом. Тогда никто не может сказать, что ты, там, чего-то заимствуешь. Я заимствую на Западе только то, что мне нужно для чего-то. А когда не нужно, я не заимствую. Как с кусочком мела: он у меня как средство сейчас выступает, когда он мне нужен, я его беру и им пишу, а когда не нужен, он для меня, вообще, не имеет никакого значения.

Д.Т. – Но Вы же *сами* для себя решаете, что **Вам** нужен этот мел, или не нужен, а не мы говорим Вам, что Вы должны носить мел.

Берёзкин Ю.М. – Ну, да. А для этого нужно у себя выработать определенную способность, чтобы у меня знания, понятия, категории и всё остальное отдельно от меня «лежало».

И.С. – Вы же сами это вырабатываете?

Берёзкин Ю.М. – Либо мне помогают. Чаще всего, сначала помогают, а потом я помаленечку начинаю этому учиться, и довожу уже за счёт собственных усилий.

И.С. – Но могут ведь и неправильно научить?

Берёзкин Ю.М. – Могут. Совершенно точно.

Г.А. – Т.е. Вы утверждаете, что действия любого человека обусловлены тем, что ему, как бы, «навязали». Получается так?

Берёзкин Ю.М. – Конечно. Вы поймите: человек рождается кусочком мяса, с пустым сознанием. Просто, с пустым, как пустая доска. Потом родители с пелёнок начинают на этой «доске» что-то «писать». Вменяют! И человека выращивают. Выращивают, как куст. Искусственно. Человек – искусственная конструкция, а вовсе не естественная. Естественный только биологический материал, а собственно человек – это стопроцентно искусственное, как вот этот диктофон. Вот у него (у диктофона) есть естественная составляющая, допустим, металлическая. Ведь металл существует в природе. Но как конструкцию – её сделали, используя элемент (понятие) «металл».

Людей общество делает. И некоторым людям дают специальную лицензию, что его можно допускать к этому процессу. Например, вот меня допускают к вам, чтобы я из вас чего-то лепил. Я могу ошибаться, но тогда меня от этой профессии должны отлучить, если слишком много буду ошибаться. Но «человек» – понятие искусственное!

Г.А. – Например, иногда великие люди что-то совершают, руководствуясь не какими-нибудь навязанными принципами, а чувствами, которые, как бы, в душе ... Любовь, например, патриотизм, и т.д.

Берёзкин Ю.М. – Нет, Алексей, чувств бывает всего пять, и Вы знаете, какие: зрение, слух, осязание, обоняние... И никаких других чувств нет. Всё остальное – выдумки и фантомы.

Г.А. – Чувства же естественные?

А.Д. – Ну, это если думать, что «человек» – это, просто, желудочно-кишечный тракт!

Из зала – Смех.

Берёзкин Ю.М. – Алексей, если Вы говорите, что «человек – это естественное», тогда это – желудочно-кишечный тракт. Правильно Денис говорит. Тогда назначение человека: переваривать продукты и превращать их, извините, в дерьмо. Но, наверное, это не так. Наверное, это неправильно. Тот же самый Иммануил Кант говорил... (а великие редко ошибаются, потому что они и великие), он говорил такую вещь: есть категории, которые в мыслительном пространстве, в надтелесном пространстве существуют, не в голове, а «над...»! А здесь, в теле есть, соответственно, чувственные ощущения по отношению к ка-

ким-то материальным вещам. Он говорит, что и категории (понятия), которые человек использует, и чувственные ощущения, которые испытывает – нужны. И то, и другое нужно! Но для чего? Категории без чувственных ощущений – пусты, а чувственные ощущения без категорий и понятий – слепы.

Вот, я ощущаю (кладёт руку на стол?), если бы у меня не было понятия «стол», чувствами я бы ничего не мог узнать. Мне обязательно надо привлечь определенные понятия или категории, чтобы, вообще, в этом чувственном месте появилось что-то *осмысленное* (обратите внимание на последнее слово – «вместе с мыслью»). Вот это (чувственное, ощущаемое) придаёт, соответственно, что? Наполненность. А вот это (мыслительное, или понятийное) придаёт зримость. Вы думаете, что Вы глазами видите, а Вы видите, на самом деле, теми понятийными конструкциями, которые в Вас с детства вставили, и Вы их в качестве средств используете.

И по-другому невозможно в этом мире. Мы, как бы, своим телесным существом в этом вещественном, телесном мире находимся, в чувственном мире. Но то, что мы делаем с этим чувственным миром – это только за счёт понятийных и категориальных конструкций, которые в сознание любого человека привнесены.

Вы не сможете привести других примеров, как бы ни старались. Вы в этом не первый. На протяжении тысячелетий многие пытались. Ничего не получается. Как только вот это (культурное) отрезаешь (рис. 3), так вот это (биологические индивиды) превращается в быдло. И Вы их можете видеть, тех, которые уже – не люди, совсем опустившиеся бомжи какие-нибудь и т.д., которые и живут-то только ради того, чтобы продукты в дерьмо превращать.

А.Д. – Вопрос такой: культура формирует человека – это, как бы, понятно. Но есть же люди, которые хотя бы крупицу, но вклад в культуру вносят.

Берёзкин Ю.М. – Да, конечно. Но при определённом развитии человека, когда его сначала искусственно выращивают, а потом он уже самостоятельно начинает работать. Потом что он выработал у себя определённые средства. Используя то, что ему вменили, он превращает в свои средства. И при определённой направленности движения, при определённых усилиях, он среди этого множества выработанных человечеством средств способен находить «пустоты». Это как раз то, что называется «проблемами», когда для чего-то этих вот понятийных средств нет. Вот, чем методология и занимается. И тогда появляется возможность выскочить (мыслью) в тот слой, и, соответственно, ещё какую-то конструкцию разработать или придумать, которая потом войдёт в программы обучения, и это будут использовать другие люди как новые культурные нормы. Примеров можно миллион привести. Дифференциальное исчисление Лейбница, система координат Декартом была изобретена...

К слову, скажите, для чего изобрёл Декарт трёхмерное пространство? До Декарта его не было. Можете сказать, для чего? Это стопроцентный пример изобретения нового средства, которое сильно продвинуло человечество.

И.С. – Для исследования космоса?

Берёзкин Ю.М. – Нет, конечно. Какой космос? Он умер в 1637 году.

Г.А. – Для наблюдений за планетами?

Берёзкин Ю.М. – Нет. Наблюдали и до него, астрономы были ещё когда!

А.Д. – Пространство ему задавать надо было.

Берёзкин Ю.М. – Но для чего?

И.С. – Считать ему надо было что-то. Объём считать?

Берёзкин Ю.М. – Считали и раньше. Причём, были очень простые способы для этого.

А.Д. – Ну, человек же обязательно должен взять вещь из действительности и опосредовать его знаком. Так что он, наверное, пространство хотел представить в виде знака...

Берёзкин Ю.М. – Кстати, «опосредовать» – это значит, превратить в средство, знак превратить в средство. Для чего понадобилась система координат, которую мы до сих пор называем «декартовой системой координат»?

Б.О. – Чтобы могли, например, представить, как выглядит прямоугольник.

Берёзкин Ю.М. – А что, до этого прямоугольников не было, что ли?

Г.А. – Чтобы можно было моделировать, чтобы создать образ в своём мышлении. Т.е. мы же не можем эксперимент создать сразу целиком, нужно на бумаге делать какие-то проекты, намётки.

Берёзкин Ю.М. – Нет. Вы знаете, понятия «эксперимент» у Декарта не было.

И.С. – А когда Декарт жил?

Берёзкин Ю.М. – Это – начало XVII века. Эксперимент изобрёл современник Декарта, Галилей. Но они друг с другом не были знакомы. Один жил во Франции и Голландии, другой – в Италии.

Для чего же понадобилась система координат? Внесли в Культуру, внесли во все образовательные программы всех стран мира, и сейчас это, просто, вменяется, начиная со школьной скамьи, просто, вдалбливается.

Г.А. – Может быть то, что Вы показали на этом рисунке, чтобы человеку, что-то понять, нужно почувствовать. Так же как, чтобы понять что-то о пространстве, нужно посмотреть своим органом зрения и представить пространство в виде этих трёх черточек. Как бы вот так, не знаю, как объяснить. Чтобы люди понимали друг друга, нам нужно, как бы, смотреть, мы не можем так говорить о вещах непонятных, их нужно обозначить.

А.Д. – Пространству, которое нас окружает, надо было придать знаковую форму, «привязать», что ли.

Берёзкин Ю.М. – Нет. Смотрите, геометрию Евклида изобрели 2500 лет назад. Но до того, как создать все эти теоремы, и работу со всеми треугольниками и квадратами, как показывают исторические реконструкции нескольких человек (Вадима Марковича Розина и других), первое, что понадобилось сделать, построить понятие «пространство». Т.е. это понятие было создано задолго до Декарта.

А.Д. – Идеализировать его надо было...

Берёзкин Ю.М. – Декарт немного по-другому всё это интерпретировал. Он, в этом смысле, новое средство ввёл в Культуру, которое потом стало даже в финансовом менеджменте использоваться... Я вот, иногда, раз, и рисую декартовы координаты.

Вроде, теперь – вещь тривиальная, но до этого надо было дорасти. Пока не появился Декарт, тысячелетиями смотрели и не видели. Оказывается, была арифметика и было очень много людей, которые занимались числами, и, соответственно, арифметикой. Были счётчики, которые умели хорошо считать, делали много сложных вычислений. С другой стороны, была алгебра. Придумана она – в «допотопные» времена. Арабом одним. Аль-Беруни, кажется. Была также геометрия, со времен Евклида. Была физика со времен Аристотеля. И это всё было – разное, и никак не было связано друг с другом. Алгебра никак не соотносилась с числовыми рядами. Геометрические фигуры никак через алгебру не выражались и через теорию чисел. Тем более в физике все эти движения никак через алгебру и геометрию нельзя было выразить. Понадобился гений Декарта, который придумал простейшую конструкцию. И, оказывается, теперь в этой системе координат и числовой ряд, и алгебраическое изображение функций в пространственных координатах, и расчёт всяких геометрических фигур – можно представить и вычислить... Ему за счёт придуманной системы координат всё это удалось объединить, и сделать логические переходы из алгебры в арифметику, из арифметики в геометрию, из геометрии в физику. В результате появилось мощнейшее средство для изучения мира.

Вот так оно и делается всегда. И никак по-другому.

А дальше мы можем сколько угодно говорить, что у Алексея есть вот это понятие, и это – его «личное чувство». Ничего подобного!

Б.О. – Скажите, то, что Декарт придумал, это его личное?

Берёзкин Ю.М. – Ну, да, поначалу было. Я же и говорю, что для этого «нужно было встать, – как они тогда говорили, правда, это высказывание Ньюто́ну принадлежит, – на плечи гигантов» и только тогда можно было дотянуться вот до этого уровня. Т.е. пока вы через себя то, что наработано человечеством не пропустите, вы не увидите вот эти вот проблемные лакуны. Каких средств ещё не хватает?

Вот, Вы, например, можете сказать: какие понятия сейчас существуют и ими можно оперировать, а каких – в принципе нет? Сказать этого обычный человек не может. И для того, чтобы выработать хоть одно принципиальное культурное средство, чтобы его можно было бы запустить в культуру, и оно по всему миру начало бы работать, нужно через себя это всё пропустить, превратить в собственные средства работы. Увидеть, что есть, а чего нет, тогда ты можешь какую-нибудь проблемную лауну заполнить. А для этого нужно по 12 часов 30 лет пахать. Причём, целенаправленно и в одну точку! И по-другому не бывает.

А.Д. – «Всю культуру вобрать» – это невозможно.

Берёзкин Ю.М. – Наверное, всю нельзя. Но, хотя бы какую-то её область. Ну, и что, какие выводы можно сделать из сегодняшних посиделок?

И.С. – Обо всём поговорили.

Берёзкин Ю.М. – Нет. Мы всё время говорили об одном и том же. Предметные вещи затрагивались разные, но разговор я всё время старался переводить не на фломастер, например, который в своей материальности является всего лишь предметом, а на то, в каких ситуациях, он можно превратиться в средство для определённой работы. То же самое – и про всё остальное.

Проблему жилья невозможно даже обсуждать, если нет понятийных средств. И в этом – главная проблема. Не потому, что денег не хватает. Кстати, если есть понятие, то деньги появляются «из воздуха». Они и должны появляться «из воздуха», поскольку другого способа их размножения нет. А когда без понятия начинают их бездумно печатать, думая, что бумажки и есть деньги, они и превращаются в труху. Но это касается не только денег, но и всего остального.

Г.А. – Ну, и что с этим делать? С понятием. Как его внедрить?

Берёзкин Ю.М. – Да не внедрить! Понятие – это такой мыслительный «организм», который позволяет понять, что это за явление, с чем мы имеем дело? Отсюда само слово «понятие», от слова – «схватить». Русское слово «понимать», оно старорусское, в этом смысле оно очень точное. Слово «имать», или более современное, «поймать» означает «хватать». «Понимать» – это значит, схватить смысл, смысловую структуру. В немецком то же самое: «begreifen» – хватать, а «Begriff» – понятие.

Понятие, во-первых, нужно в коммуникации, чтобы люди друг друга понимали. Если у Вас одно понятие, а у меня другое, мы сколько угодно можем с Вами разговаривать, но при этом останемся «при своих». Как слепой с глухим. А если у нас есть общее понятие, и оно достаточно культурно оформлено, нам достаточно двух слов, чтобы понять друг друга.

Вторая функция понятия состоит в том, что, имея понятие, мы всегда на его основе можем построить структуру своих действий, или действий того коллектива, с которым собираемся работать. Ну, например, что делать с этими городскими «деревяшками»? Пока нет понятийных средств, какие бы программы ни принимались, какие бы деньги ни выделялись – всё будет «коту под хвост»! И это повсеместно видно, и на каждом шагу подтверждается.

Вот то, ради чего мы сегодня собирались. И подобные вещи мы на всех семинарах обсуждаем. Но лучше, если как сегодня? Вначале попытаться «подрыгаться», а потом, глядишь, что-то и начнёт проясняться.

Ещё какие вопросы есть? Если нет вопросов, тогда всё.

А.Д. – Надо тогда договориться, как мы дальше будем работать с этим материалом по жилью...

Берёзкин Ю.М. – Если у Вас будут какие-то соображения, как можно дальше продвинуться, – флаг Вам в руки. Как это всё можно расчленивать? Как собрать все те смыслы, которые мы сегодня обсуждали? Собрать их в некий такой смысловой «кристалл», на основе которого можно было бы всякие проекты строить, программы развития, что угодно... реформы, например. И это есть проблема.

Считайте, что если вы не первые, то – одни из первых, кто это стал обсуждать. В этом, собственно, проблема. Если же всё известно, то это не проблема, а задача. Как те, которые я даю вам на занятиях: задачи, которые заранее известно, как решать.

А здесь – это подлинная проблема, поскольку понятийная структура не прорисована, не продумана. И в этом, собственно, проблема и есть. Отсутствие

мыслительных средств – это и есть проблема. Но только, не «средств» в смысле денег, а «средств» – в смысле инструментов понимания и мышления.

Может быть, кто-то ещё хотел бы какую-то тему обсудить? И мы бы её тоже «покрутили» в этом же повороте: с точки зрения понятийности, категориальной проработки. И, вообще, пообсуждали бы, с точки зрения средств.

А.Д. – У меня предложение: мне интересно дальше жильё обсуждать...

Берёзкин Ю.М. – Это-то, пожалуйста! Сколько угодно. Вы можете всю оставшуюся жизнь этому посвятить, и к концу жизни написать 5 толстенных томов по поводу проблемы жилья.

А.Д. – Интересно ещё по поводу «искусственного интеллекта». Я много читал на эту тему. И, вообще, понятие «интеллект» рассмотреть: что это такое? Бывает ли он «искусственным»? Тоже тема для обсуждения.

Берёзкин Ю.М. – Ну, мне бы хотелось, чтобы не только Вы, Денис, свои интересы предъявляли, но и остальные.

Понимаете, наша задача... моя, лично, вот на этом семинаре, в чём состоит? Сделать участников семинара более сильными. Поскольку, если у человека формируется вот такой понятийный инструментарий, он становится инструментально более сильным. Он может с любым обсуждать любой вопрос, и всегда любого «за пояс заткнёт» без особых усилий, если у него есть то, с помощью чего «затыкать» можно. А поэтому, если бы кто-нибудь, ещё что-нибудь в следующий вторник попытался обсудить, это было бы здорово. Только заранее надо сказать, какую тему. Нет желающих?

Г.А. – Сразу на ум ничего не приходит.

Берёзкин Ю.М. – Нужно не «на ум», а то, что волнует, на самом деле. Что на самом деле для Вас интересно освоить и превратить в средство. «Освоение» – это и означает превращение чего-либо в средство **своей** работы. Когда ты, фактически, как своей рукой начинаешь пользоваться.

А.Д. – Капвложения освоили...

Берёзкин Ю.М. – Ну, да, то же самое – превратили в собственные средства.

(смех в зале)

В этом смысле капитальное строительство – просто клондайк!

А.Д. – Может, мы ещё подумаем и скажем Вам?

Берёзкин Ю.М. – Ради Бога!

П.О. – Можно по теме курсовой?

(смех в зале)

Берёзкин Ю.М. – Можно любую тему! Только если вот под этим углом зрения. В чём, собственно, там проблемность?

С.Г. – Можно про бизнес? Про диверсификацию бизнеса...

Берёзкин Ю.М. – Давайте, подумайте. Расскажите нам про диверсификацию. Что такое бизнес? Как его можно понимать? Чем он отличается от других форм деятельности? Какие бывают бизнесы? Если Вы говорите про диверсификацию, значит, нужно типологию строить этих бизнесов. В том числе один из типов – диверсифицированный бизнес. Это что такое? Но не просто сказать,

что это такое. А как про это вообще помыслить можно? В каких контекстах это имеет смыслы?

Остальные тоже могут себе любую тему выбрать. В чём хотелось бы разобраться? Мы, конечно, здесь до конца не разберёмся, но кое в чём подтолкнём, наверное.

На сегодня – всё. Всем спасибо.

Прикосновение четвертое

Берёзкин Ю.М. – Есть ли у кого-нибудь тезис, который хотелось бы высказать?

С.Г. – Есть.

Берёзкин Ю.М. – Ганбаяр, вперёд, к доске.

С.Г. – Я хочу сказать про бизнес. Ключевой момент того, что называется «бизнес», это процесс, который приносит человеку желаемый результат. Бизнесмен хочет получить от своего бизнеса доходность. Т.е. в бизнесе существует производство и продажи. И синтез этих факторов можно назвать «бизнесом».

Берёзкин Ю.М. – А может быть бизнес без производства?

С.Г. – Нет, не может быть. Если человек покупает, а потом перепродаёт, то это уже будет не бизнес.

Берёзкин Ю.М. – А что, не бывает торгового бизнеса?

С.Г. – Это – не бизнес. Это – просто...

Берёзкин Ю.М. – Что? Это – неправильное название, когда говорят «торговый бизнес»?

С.Г. – В данном случае – неправильное...

Берёзкин Ю.М. – А почему?

С.Г. – Он же ничего не создаёт, а просто спекулирует.

Берёзкин Ю.М. – Ну, хорошо. А у тех, кто продвигает товар, это тоже не бизнес? Какой-нибудь сетевой маркетинг. Например, Amway. Есть такой. Пирамида, такая, строится... Это – бизнес?

И.С. – Может быть, это производство услуг? Продвигают товар – делают услугу людям...

Берёзкин Ю.М. – Но услуга, это же – не производство.

И.С. – Есть же такое понятие «производство услуг»?

А.Д. – «Оказание услуг».

Берёзкин Ю.М. – А Вы представляете, как устроен тот же Amway? Или какой-нибудь другой сетевой маркетинг.

И.С. – Есть ещё Herbalife.

Берёзкин Ю.М. – Ну, или Herbalife. Какая разница? Названий много.

И.С. – У них же, у каждого есть своя структура, в которой они продают и покупают.

Берёзкин Ю.М. – Но у них же главное – не продавать. Главное – найти того, кто будет продавать. И основные доходы получает не тот, кто продаёт, а тот, кто под собой разворачивает сеть продавцов. Играют на жадности людей.

И.С. – Но это разворачивание не бесконечно же. Говорят, предел – семь линий.

Берёзкин Ю.М. – Ну, да. А потом – опять семь линий. И т.д. Получается: семь по семь...

И.С. – И с каждой идут проценты?

Берёзкин Ю.М. – Конечно. Это – бизнес или не бизнес?

С.Г. – Это – не бизнес.

Берёзкин Ю.М. – Почему?

С.Г. – Оказывают услугу, от этого получают процент, и всё.

А.Д. – Ганбаяр, зачем же тогда разделять «бизнес» и «производство», если Вы говорите, что в бизнесе главное – «производство»?

Берёзкин Ю.М. – Ну, в Советском Союзе производства было сколько угодно, а бизнеса не было. Он был, конечно, но «теневой», подпольный.

А.Г. – В СССР же продаж и доходов не было...

Берёзкин Ю.М. – Ну, почему же? Была одна гигантская корпорация, называемая «советская хозяйственная система». Она со всем миром торговала. Натурально торговала.

И.С. – «Натурально» – в смысле без денег, обменивали?

Берёзкин Ю.М. – Нет, нет. «Натурально» – в смысле «по-настоящему».

И.С. – Но ведь не за деньги?

Берёзкин Ю.М. – Как это «не за деньги»? С Америкой, что ли, не за деньги? Или с Европой?

И.С. – Там же натуральный обмен был.

Берёзкин Ю.М. – Нет, нет. За доллары. Т.е. внутри страны не было рыночных отношений. А на мировом рынке СССР был очень крупным игроком. Ни одна западная компания не могла сравниться. Давили всех. Просто, как клопов. Такая, замечательная «машина» была. А тут взяли и сломали.

Ну, так что, Ганбаяр? Вы должны выделить некие принципы, или принципиальные основания, по которым взять и всё развести: где «бизнес»? Где «производство»? Где другие виды деятельности? Потому что, когда Вы говорите просто – «производство и продажа», то, на самом деле, это не всегда бывает бизнесом.

С.Г. – Ну, а как без производства?

Берёзкин Ю.М. – Ну, как? Если ты произвёл, там дальше может быть два пути. Если какой-то результат получен, то дальше – какие два пути возможны?

С.Г. – Либо продаёт, либо сам потребляет...

Берёзкин Ю.М. – Либо продаёт, либо распределяет без всяких торговых, рыночных отношений. Без опосредования денежными знаками. И что?

С.Г. – Ну, произвели, продали, от этого получается выручка и прибыль. Всё.

Д.Ю. – Если «бизнес» – деятельность, то нужно смотреть, какой процесс является главным. Да?

А.Г. – Можно мне?

Берёзкин Ю.М. – Да, пожалуйста.

А.Г. – «Бизнес» – это единый процесс производства и продаж. Инициатором его является частное лицо, хозяйствующий субъект. Когда Советский Союз торговал на мировом рынке, он торговал против воли самих производителей.

Берёзкин Ю.М. – А кто был производителем?

А.Г. – Отдельные предприятия, наверное. Хотя, нет. Производителем было государство.

Берёзкин Ю.М. – Производителем было государство. А все остальные были исполнителями. Они не являлись производителями. Если тебя ставят к станку или к конвейеру, ты же не являешься производителем. Ты – придаток этой машины, называемой «конвейером». Ну, вот этот придаток и кормили определённым образом, чтобы он не загибался раньше времени. А производитель – это тот, кто организует это всё. И, соответственно, тот, кто получает результат. Снимает «сливки» и всё остальное. Поэтому в Советском Союзе был один большой субъект, который назывался «государство».

А.Г. – И он занимался бизнесом на мировом рынке? А внутри не было бизнеса?

Берёзкин Ю.М. – Да, на мировом. Внутри его не было. Внутри было, примерно, то же самое, что делают цеха одного завода или фабрики. Отдельные заводы Советского Союза это были своеобразные «цеха» одной гигантской корпорации. Там были и «цены» условные, и «деньги» условные. Такие талончики, которые мы называли «советскими рублями».

А.Г. – Мне, всё-таки кажется, что только «промышленное производство» является настоящим производством. А все другие виды, там, «подряд» или ещё что-то, к «производству» относить нельзя.

А.Д. – Ну, приводили же примеры услуг...

Берёзкин Ю.М. – Нет, подождите. Спрашивается другое. «Производство» чем характеризуется? Вот, и Юлия Федоровна спрашивала. Если есть процесс, то чем он характеризуется? В чём его основные характеристики? Этого процесса.

С.Г. – Производство должно быть организовано самим человеком, который занимается бизнесом.

Берёзкин Ю.М. – Но это же не обязательно должен быть один человек? Это же может быть группа лиц. Да?

С.Г. – Производство должно быть нацелено на то, чтобы после продажи получить чистую прибыль. Доход.

Берёзкин Ю.М. – Ну, хорошо. А чему это – (то, что Вы называете «бизнесом») – противостоит? В оппозиции к чему находится то образование, которое Вы называете «бизнесом»? Чему противостоит? Потому что, если Вы не выделите оппозиций, то, на самом деле, Вы ничего и не выделите. У Вас всё будет слипаться и дальше будет непонятно, где бизнес? Где – не бизнес? Вот, я задал Вам вопрос про сетевой маркетинг, а Вы говорите: «не бизнес». А, между прочим, все люди, которые этим занимаются, себя считают бизнесменами.

С.Г. – Тогда по-другому. «Бизнес» переводится как «дело».

Берёзкин Ю.М. – Да, «бизнес» – это «дело». В русском языке нет других аналогов.

С.Г. – Тогда «бизнес» это дело, чтобы получить доход.

И.С. – Это уж – как получится. Можно и не получить дохода.

Берёзкин Ю.М. – Да, можно и не получить. Тогда...

Д.Ю. – А «разовая сделка» – это «бизнес»?

Берёзкин Ю.М. – Да, «разовая сделка» – это «бизнес»?

С.Г. – Бизнес должен обеспечить оборачиваемость всех капиталов. Поэтому это должен быть непрерывным процессом. Значит, разовая сделка – это не бизнес.

Берёзкин Ю.М. – Да, «не бизнес». Поэтому на доске уже можно нарисовать (рис. 1): одной из оппозиций кружочку с названием «бизнес» является «разовая сделка». Следовательно, «бизнес» – это нечто воспроизводимое и долгоживущее.

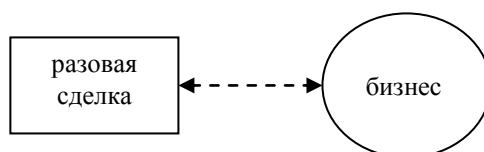

Рис. 1. Оппозиция «бизнеса» и «разовой сделки»

Для сведения тех, кто с таким типом работы ещё не знаком. Что Ганбяр сейчас пытается делать? Он пытается выделить понятие «бизнес». Одной из стандартных процедур выделения понятия является выделение содержательных оппозиций. Т.е. того, чему это понятие в принципе противостоит? И с чем оно не смешивается никогда? Это – не единственная процедура работы с понятиями, но одна из основных.

Так, ещё чему может противостоять понятие «бизнес»?

А.Г. – Ещё можно сказать, что «бизнес» характерен только для рыночной среды. Потому что только рыночная среда предполагает сопоставимость экономических контрагентов. И получается, что бизнесу противостоит «распределение» (как было в Советском Союзе).

Берёзкин Ю.М. – Ну, да. В этом смысле, наверное, Вы правы. Потому что там, где существуют распределительные структуры, там, если бизнес и есть, то только – нелегальный.

Д.Ю. – И что здесь является оппозицией «бизнесу»? «Распределение»?

Берёзкин Ю.М. – «Распределительные системы». Да, они противостоят «бизнесу» (рис. 2).

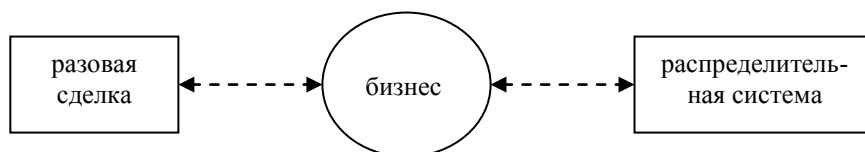

Рис. 2. Оппозиции понятию «бизнес»

Так, ещё чему это может противостоять?

А.Д. – Может быть, «благотворительность» противостоит «бизнесу»? Какие-нибудь, подарки, преподношения...

Берёзкин Ю.М. – Но это же – не деятельность. Ганбаяр же говорит, что «бизнес» – это деятельность.

А.Д. – Я же говорю про оппозиции. «Деятельности» противостоит «не деятельность».

Д.Ю. – Благотворительность – это деятельность.

Берёзкин Ю.М. – Да? Благотворительность – это деятельность? Есть такое?

Д.Ю. – Да, есть.

Берёзкин Ю.М. – Ну, я думаю, что тут как раз тот случай, когда «язык без костей». Можно всё чем угодно называть. Например, «деятельность» каких-нибудь органов (хоть властных, хоть пищеварения). «Деятельности» там никакой нет, но так многие говорят.

А.Д. – «Разовая сделка» ведь – тоже не деятельность.

Берёзкин Ю.М. – Да, но ведь деятельность «соткана» из разовых актов деятельности. Поэтому это такая, акторная вещь, но она деятельностная. Даже в разовом акте деятельности могут быть все составляющие деятельности.

Д.Ю. – В «деятельности» должен быть результат?

Берёзкин Ю.М. – Да, в «деятельности» должен быть обязательно результат. И он должен быть целевым. Поэтому, если «бизнес» является деятельностной вещью, то он обязательно должен иметь цель. «Разовая сделка» тоже ведь имеет цель? И «распределительная система» тоже имеет цель.

С.Г. – В «бизнесе» целью является «самоокупаемость и самофинансирование».

Берёзкин Ю.М. – Нет, это – не может быть целью. А чем является «самоокупаемость»?

Д.Ю. – Условием?

Берёзкин Ю.М. – Конечно, условием. Условием воспроизводства. Так, ещё чему это противостоит? Всё-таки, как развести «производящий бизнес» и, например, «сетевой маркетинг»? Бизнес это всё-таки или не бизнес? Или взять какой-нибудь «факторинг». Берут и покупают долги, и на этом зарабатывают деньги. Это бизнес или не бизнес? Или «рейдерство» взять. Бизнес это или не бизнес? Покупают крупную структуру, расчлениают и продают по частям. И получают больший эффект, чем затратили.

С.Г. – Я думаю, что – не бизнес.

Берёзкин Ю.М. – Ну, хорошо. А если человек является зубным врачом, имеет собственный зуболечебный кабинет, оказывает услуги. Он занимается бизнесом или не занимается? Это его «частная лавочка». Деятельностный процесс. Ни от кого не зависит. Никаких субсидий ни от кого не ждёт. Работает на доход. Почему это нельзя назвать «бизнесом»?

Д.Ю. – «Фирма как форма организации рыночного обмена». Господи, у меня же билет такой был на экзамене. И забыла уже. «Бизнес» – это форма организации.

Берёзкин Ю.М. – Почему?

Д.Ю. – Ну, как? Если бы не было бизнеса как формы организации, то люди затрачивали бы много времени, несли большие транзакционные издержки на разного рода согласованиях. А бизнес всех выстраивает в определенную цепочку, и за счёт эффекта соорганизации получается прирост...

Берёзкин Ю.М. – Так, устанавливает определённый порядок и тем самым удешевляет издержки всем участникам...

Д.Ю. – Да, да, да.

Берёзкин Ю.М. – А за одно – и себе доход.

А.Д. – Но ведь можно сказать, так любая деятельность должна быть организована. Деятельность же организуется? И то, что Юлия Федоровна говорит, это просто обычная организация деятельности.

Берёзкин Ю.М. – Нет, Юлия Фёдоровна говорит другое. Она говорит, что есть много разных деятелей, которые толкутся-толкуются, и не могут быстро друг друга найти, или друг с другом состыковаться. Если это нужно. А бизнес-структура над ними, как бы, поверх, надстраивается и всех разводит. Ну, примерно, как бандиты работают. Это такая, типично организующая структура...

А.Д. – Есть обеспечивающие и организующие инфраструктуры, специально создаваемые...

Берёзкин Ю.М. – Только это не инфраструктура. Это – другое. Это, конечно, вторичная структура. Но, видите, вроде как, к «производству» не имеет отношения. А ведь тоже называется «бизнесом». Почему?

С.Г. – Я остаюсь при своём мнении.

Берёзкин Ю.М. – Ганбаяр, а почему Вы так цепляетесь за «производство»? «Производство», между прочим, в современном мире играет всё меньшую и меньшую роль. Его и сбрасывают в третьи страны, поскольку оно уже почти незначимо. Там приставят к станкам людей, не очень грамотных, не требовательных, довольствующихся двумя долларами в час. А производящая «машинка» сама работает, поскольку всё технологизировано. От этих людей ничего не зависит. Их просто, приставляют... И надсмотрщика над ними. Если ты неправильно действуешь, тебя пинком под зад, и другого ставят. Основные же бизнесы оказываются совсем в другом месте. И они не связаны с этим производством. Устраивают финансовые бизнесы, маркетинговые бизнесы, организационные бизнесы.

С.Г. – Получается, что «бизнесы» это такие маленькие единички, которые всех связывают комбинированным образом...

Берёзкин Ю.М. – Так. Но это только то, что Юлия Федоровна говорит. Это – один из типов бизнеса. Кстати, он к производству не имеет никакого отношения. А какие ещё есть типы «бизнеса»? Производящие бизнесы, кстати, тоже могут быть. Например, китайцы сюда к нам приехали, и около села Хомутово организовали гигантские плантации по производству овощей – помидоров, огурцов и др. Те, которые на нашем рынке продают и едят: «иркутские». А они – никакие не иркутские, поскольку выращены по-китайски: по китайским технологиям, с китайскими удобрениями, со всем тем, что китайцы делают у себя дома. Просто, оттуда везти далеко, а здесь рядом. Так вот, это – типичный производящий бизнес. Но само по себе «производство» не является опреде-

ляющим, не является, так скажем, сущностной характеристикой понятия «бизнеса». Или, всё-таки, является?

С.Г. – Наверное, не является.

Берёзкин Ю.М. – Ну, вот. Смотрите, один такой тип бизнеса выделили: взял, всех со всеми стыковал, всем хорошо и ты с этого имеешь (рис. 3).

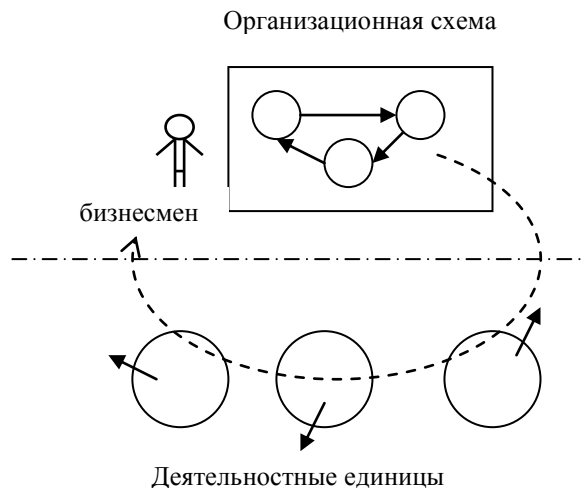

Рис. 3. Принцип организационного бизнеса

Или, например, возьмём какой-нибудь банк, у которого есть спецслужбы по вышибанию долгов. И он покупает долги, а потом, просто, «ставит на счётчик». И – всем хорошо.

Ещё какие типы бизнесов могут быть?

(пауза)

Хорошо, а как из всего, что мы наговорили, можно выделить понятийные элементы того, что называется «бизнесом»? Которые бы ухватывали организационные бизнесы, производящие бизнесы, финансовые бизнесы, маркетинговые бизнесы. Строишь, например, «сетевую пирамиду». И тот, кто оказывается на её вершине, может вообще ничего не делать. Но ему от каждого уровня соответствующий процент идёт. Шикарный бизнес!

А.Г. – Значит, бизнес – это хорошая организация? Это же – организация?

Берёзкин Ю.М. – Это – организация. Когда стыкуют разнородные элементы – это относится к «организации». Это – да. Но это, в данном случае, организационный бизнес.

А.Д. – Ну, а когда пошёл, продал свою рабочую силу... Это же не будет «организацией»?

Берёзкин Ю.М. – Когда продал свою рабочую силу, это – не организация, конечно. Это ты просто продал свои способности. И согласился на то, что тебя будут эксплуатировать. Вот и всё. Какой же это бизнес? Никакой не бизнес. Ты же себе не принадлежишь в течение рабочего времени. Наоборот, тобой распоряжаются.

А.Г. – А когда услуги предоставляет? Допустим, индивидуальный предприниматель захотел чем-то заняться. Тот же зубной врач.

Берёзкин Ю.М. – Это, наверное, бизнес. Бизнес или не бизнес у зубного врача?

С.Г. – Бизнес.

Берёзкин Ю.М. – А у проститутки – бизнес?

С.Г. – Если она сама всё организует.

(смех в зале)

А.Д. – Она, скорее, рабочей силой является.

Берёзкин Ю.М. – Рабочей? (смеётся)

А.Д. – Ну, как? Над ней же есть вышестоящие структуры. Кто-то же их загоняет...

Берёзкин Ю.М. – Это тогда Вы про Турцию говорите. Вот, когда они в Турцию уезжают, там с ними так поступают.

Ну, ладно. Так как же мы можем выделить понятийные характеристики любого бизнеса? Всех на свете типов. Пока мы перечисляем только такие, предметные сломы понятия «бизнес». А нам нужно выделить нечто средствальное. Некий «шаблон» мыслительный. Раз – приложил, ага, «бизнес». Приложил – «не бизнес». Чтобы можно было отличать. Т.е. мыслительные средства – это такие «шаблоны». Понятийные. Что мы в понятийный «шаблон» должны поставить в качестве главных сущностных моментов? Все бизнесы разные, но у всех – есть нечто общее. Такое – фундаментальное. Кто может помочь?

А.Д. – Деятельность это, предпринимательская.

И.С. – Инициатива должна быть. По доброй воле, сам.

Берёзкин Ю.М. – «Инициативность», может быть, в бизнесе и есть, но тогда придётся отличать «бизнес» от «предпринимательства». Вот скажите: с Вашей точки зрения, всякий предприниматель – бизнесмен? Или не всякий? Или: всякий ли бизнесмен – предприниматель? Вот у нас, в России, сейчас чаще всего это, просто, не различают. Даже в юридической казуистике везде всё перепутано. Пишут «частный предприниматель», а он к предпринимательству вообще никаким боком не относится. Как вы думаете? Вот, например, имеет киоск, продаёт сигареты. Написано: «частный предприниматель Петров», и номер государственной регистрации в качестве частного предпринимателя.

И.С. – Купец – это тоже не предприниматель?

Берёзкин Ю.М. – Вот и надо выяснить. В чём сущностные характеристики «предпринимательства»? Само слово, о чём говорит? Русское слово (впрочем, как и английское) точно указывает на смысл: пред-принимать.

А.Д. – Ну, «предпринимательство» предполагает прожективное мышление. Прежде чем появятся условия для бизнеса, должны быть предпринимательские действия, создающие эти условия.

Берёзкин Ю.М. – «Предпринимательство» противостоит «бизнесу». А вот «рейдерство», как говорят некоторые методологи, например, Попов, и не предпринимательство, и не бизнес.

С.Г. – А можно так сопоставлять: «предпринимательство» и «бизнес», одно слово – из одного языка, а другое – из другого?

Берёзкин Ю.М. – Что значит, «сопоставлять»?

С.Г. – Ну, «предпринимательство» наш термин, значит, – пред-принял.

Д.Ю. – Нет.

Берёзкин Ю.М. – И в английском языке точно так же. Как, Юля, предприниматель по-английски?

Д.Ю. – Энтэрпренёр.

С.Г. – Но ведь «бизнес» – это не русское слово. В русском языке нет такого слова.

Берёзкин Ю.М. – Как же нет? «Дело». У меня своё дело. Я открыл, там, свечной заводик и продаю свечи около церкви.

С.Г. – Это «бизнес»?

Берёзкин Ю.М. – «Бизнес». Но не «предпринимательство». И не «рейдерство». И не «распределительная система». И не «разовая сделка». У меня всё это отделено (рис. 4).

Г.А. – Но ведь здесь Вам тоже идея нужна.

Берёзкин Ю.М. – Какая идея? Всё это известно уже больше 2000 лет. Сколько существует христианство, столько свечи производят.

Г.А. – Но у нас же эта ниша была пуста. Вот Вы первый стали её заполнять, значит, предприниматель. Или что-то за рубежом производят, а у нас ниша пуста. Привёз – продал, заполнил нишу.

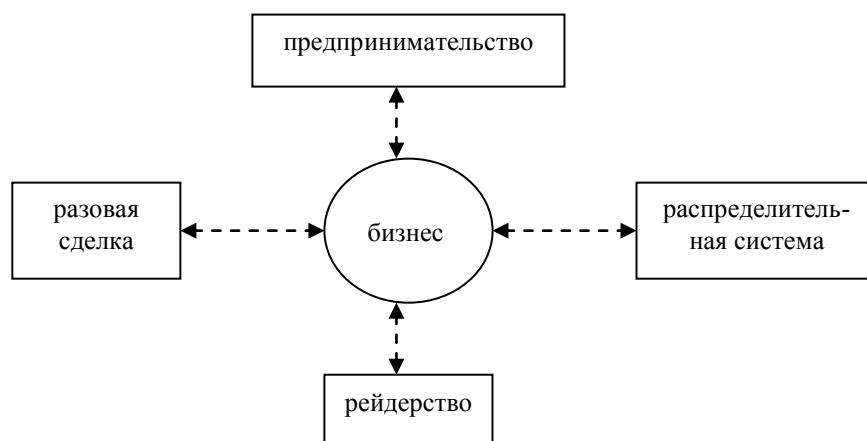

Рис. 4. Оппозиции понятию «бизнес»

Берёзкин Ю.М. – Какое же это предпринимательство? У нас же японские автомобили не делают. Если ты привёз и продал японский автомобиль, ты – предприниматель?

И.С. – Ты же организовал...

А.Д. – Ты же не организовал за рубежом это производство. Просто – увидел, купил...

Берёзкин Ю.М. – Да, даже если бы не «просто увидел». Даже если ты купил какую-нибудь «Евросеть» или «Мак-Дональдс» и сделал это у нас. Какой же ты предприниматель, если тебя принудительно заставляют клетчатые рубашки носить и картошку строгать не какую попало? И следят ещё за этим. Если что не так, отберут право держать на вывеске большую букву «М». И всё.

А.Д. – Предприниматель придумывает нечто новое.

Берёзкин Ю.М. – Да, предприниматель придумывает то, чего ещё не было. Даже само слово об этом говорит: «пред-принимать», т.е. «прежде других иметь», или «раньше других хватывать».

С.Г. – А если другие начнут то же делать?

Берёзкин Ю.М. – Они уже не будут предпринимателями. Ну, например, швед... Никак не могу его фамилию запомнить. Придумал тетрапак. Нам шведы рассказывали, когда мы были в Стокгольме. Якобы, жена его послала за молоком, а было скользко. Он упал и разбил бутылки с молоком. И ему в голову пришла идея: сделать тару для молока из бумагопластика, чтобы не билась. За год стал мультимиллионером. За год! Одним из самых богатых людей в Швеции. Запатентовал идею. Сделал маленький заводик по производству тетрапаков. И выяснилось, что они нужны всем. Во всём мире. И все стали тиражировать. А он теперь вообще ничем не занимается, только со всех стран получает ренту.

Г.А. – А те, кто купил патент и стал производить?

Берёзкин Ю.М. – А вот они уже занимаются бизнесом. И сейчас вы видите, что и соки, и вино, и даже масло машинное – в тетрапаках. Правда, форма немного изменилась. Быстро выяснилось, что тетраэдр – не самая лучшая форма для тары. Но всё равно называют «тетрапаком».

И.С. – Новое – это хорошо забытое старое.

Берёзкин Ю.М. – Ничего подобного! Новое – это новое, а старое – это старое.

С.Г. – Это же просто картонная коробка. Она не была известна раньше?

Берёзкин Ю.М. – Ну, это – совсем не картонная. Если бы из картона делалась...

А.Д. – Если ты не сможешь обеспечить особые свойства упаковки, то ничего и не будет.

Берёзкин Ю.М. – Там особая технология. Стерильная должна быть. Вакуум обеспечивать. Там – многое, чего раньше в упаковках не было.

Г.А. – Иногда сам предприниматель обезличивается. Там, за границей, патентуют. А у нас часто придумывают что-то и не патентуют. У него потом перенимают идею и втихую делают. Он даже претензий не может предъявить.

Берёзкин Ю.М. – Если не может предъявить претензию, значит, не может.

Но всё-таки. Мы же – про «бизнес». «Предпринимательство» всегда связано с новой идеей. С некой новинкой, которую нужно реализовать. И для этого нужно то, что Денис называет «прожективным мышлением». А здесь не нужно никакого прожективного мышления. Нащупал нишу, которая тебе будет давать непрерывный поток доходов, и – неважно: свечной ли это заводик, проституция ли, организация ли вот того процесса соединения всех со всеми, – что здесь важно? В этом деле.

И.С. – Организация...

Берёзкин Ю.М. – «Организация» – да. Но что организовывать?

А.Д. – Процесс организовать, постоянный, воспроизводящийся...

Берёзкин Ю.М. – Нет. Мы же разбирали когда-то понятие «бизнеса». Забыли? Должно быть два разных процесса: один – содержательный процесс, ко-

торый должен давать результат, который кому-то нужен, а другой – процесс получения денег. Он тоже должен быть специально устроен определённым образом. Они должны быть по-разному устроены. И должен быть способ, рамка их организации. Да? Организации того и другого (рис. 5).

Как должен быть устроен этот базовый процесс? – совершенно неважно. Главное, чтобы был результат, который кому-то нужен. Точно так же – неважно, как ты деньги будешь получать. То ли ты с помощью бандитских средств долги «вытрясаешь», допустим, за тот же факторинг, то ли ты так всё устраиваешь, что люди сами тебе деньги приносят, то ли продаёшь, то ли еще как-то – совершенно неважно. Главное зацепить друг на друга эти две вещи.

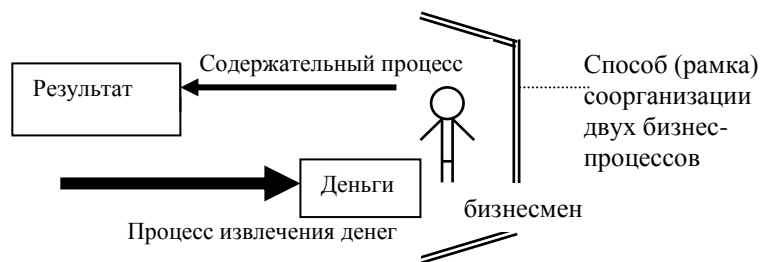

Рис. 5. Принципиальная структура понятия «бизнес»

Вот если тебе удалось это сделать, у тебя появляется бизнес-ячейка. Или – «бизнес», который будет постоянно восстанавливаться (ты же сам его будешь восстанавливать, бизнесмен). Это не будет относиться к «предпринимательству», поскольку здесь у тебя нет ничего нового. Всё это может быть тысячу лет известно. Или где-то там, в другом месте известно. Это не будет распределительной системой, это не будет разовой сделкой и т.д. Это может быть и производством, и торговым бизнесом, и каким угодно другим. И с услугами, и без услуг. Главное – ты это сам делаешь, а не тебя вставляют куда-то. Вот если тебя вставили куда-то и ты согласился, значит, всё – с бизнесом закончено. Ну, например, если меня здесь используют на какой-то должности, то это – никакой не бизнес. Но если бы я организовал какой-нибудь семинар, это кому-то было бы нужно, и на входе брал бы с вас по 10 долларов, это был бы мой бизнес. Но уже за пределами штатного расписания университета. Или как у Ильфа и Петрова описано: Киса Воробьянинов стоял у Большого Провала, откуда вид открывался на пятигорские красоты, и туда толпа валила, чтобы на эти красоты посмотреть. Он стал брать за вход. И появился бизнес.

Может быть, у кого-то появились вопросы? Или лучше не вопросы, а контр возражения. Потому что оппозиция всегда побуждает находить какие-то дополнительные аргументы.

А.Д. – У меня небольшое дополнение. Может быть, «предпринимательство» и «бизнес» сущностно как-то и разделены, поскольку это, всё-таки, разные вещи, но они могут и соотноситься как-то...

Берёзкин Ю.М. – Да, одно в другое может переходить.

А.Д. – «Бизнес» может быть обеспечивающей деятельностью для «предпринимательства».

Берёзкин Ю.М. – Кто-то когда-то первый придумал факторинг, и он был предпринимателем. Потом этот факторинг стал тиражироваться и превратился в бизнес. Кто-то первый придумал френчайзинг. Сначала хотел себе организовать бизнес, а потом подумал: зачем я буду этим заниматься сам? Я лучше продам весь бизнес целиком, и с этого буду получать непрерывную франшизу. А те, кто купят бизнес, пусть сами «стригут» людей или продают телефончики. Вот все эти «евросети» и прочие – типичные френчайзы.

Г.А. – Например, если я систематически придумываю какие-то идеи, у меня – бизнес?

Берёзкин Ю.М. – Нет, в этом случае Вы осуществляете предпринимательские «скачки».

А.Д. – Если человек генерирует идеи и продаёт за деньги, это будет предпринимательство, встроенное в бизнес. Здесь, вроде, и «предпринимательство», и «бизнес».

Г.А. – Ты материализуешь идеи сам?

А.Д. – Нет, это делают другие. Я только придумываю и продаю.

Берёзкин Ю.М. – Ну, например, Попов. Есть такой методолог, Попов Сергей Валентинович. Один из, так скажем, столпов современной методологии. И у него такой бизнес. Он занимается тренингами всех на свете. Он это называет «интеллектуальным продюсированием». Продюсирование – это «бизнес»?

Д.Ю. – «Бизнес».

Берёзкин Ю.М. – «Бизнес»? Ну, продюсер какого-нибудь фильма, он – бизнесмен?

Д.Ю. – По-разному бывает.

Берёзкин Ю.М. – Один фильм закончил – другой начинает.

А.Д. – У нас же не продюсер получает премию за лучший фильм, а режиссер.

Берёзкин Ю.М. – У нас считается главным – режиссер, а у них – продюсер. Кстати, слово «продюсер» переводится как «производитель». Производитель фильма.

Г.А. – Ну, получается, что он – бизнесмен. Он же весь процесс организует, не только финансирование.

Берёзкин Ю.М. – Да, да.

Д.Ю. – А у «предпринимательства» схема такая же, как у «бизнеса»?

Берёзкин Ю.М. – Нет, предприниматель, в обязательном порядке, «забрасывает» в будущее некую идею. И может ошибиться. Вот бизнесмен, как правило, не берётся за дело, если он точно не знает, что здесь – «ручеек» с деньгами. А «будущее» – это то, чего пока нет.

Д.Ю. – Он даже не просчитывает, что ли?

Берёзкин Ю.М. – В мысли, да. В мысли.

Д.Ю. – И бизнесмен в мысли просчитывает.

Берёзкин Ю.М. – Нет. Предприниматель работает с будущим. Вот он здесь, в сегодняшнем дне находится, а его мысль – здесь, в «будущем», чего ещё нет (рис. 6).

Д.Ю. – Так и у бизнесмена – ещё нет.

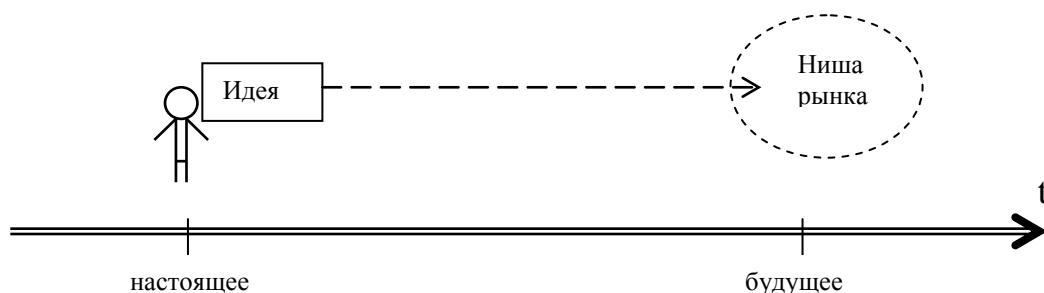

Рис. 6. Исходная ситуация предпринимательской деятельности

Берёзкин Ю.М. – Нет. Бизнесмен сегодня всё организует. Он взял идею из прошлого, например, того же френчайзинга. Купил весь пакет: как это всё должно быть организовано? Как всё должно быть обставлено? Какая отчётность должна быть? Там целый пакет продаётся. Всё это он берёт из прошлого и здесь, сегодня это обустроивает. Предприниматель же, наоборот, работает с будущим. А потом кто-то может это взять, и превратить в свой бизнес.

Д.Ю. – Но ведь предприниматель в будущем же бизнес строит?

Берёзкин Ю.М. – Нет, предприниматель осуществляет предпринимательский скачок. Он получает разовую, очень большую прибыль. Предпринимательскую. Если бизнесмену по капле может капать в течение многих лет, то здесь – просто, разовая. Если я придумал электронные часы, и ни у кого их нет больше, и я знаю, что здесь – масса преимуществ по сравнению с механическими часами... Например, на электронные часы можно навесить такие функции, которые на механические часы, ну, просто, не навесишь. Вот, к примеру, я весь свой компьютер ношу в своих часах...

Д.Ю. – Здесь же тоже – и содержательный процесс есть, и денежный поток. Почему же не бизнес?

Берёзкин Ю.М. – Да, но разовый «выхлоп». Он становится временно монополистом, в отличие от бизнесмена. Бизнесмен, чаще всего, вообще не монополист. Более того, с монопольными бизнесами антимонопольные структуры тщательно борются. Поскольку бизнесмен – рыночный субъект, и если он – монополист, то он может с ценами проделывать всякие «кренделя», не очень хорошие. Соответственно, нигде не разрешают монополизм для бизнесменов. А для предпринимательства – наоборот. Й. Шумпетер обосновал когда-то: единственный вид деятельности, который может быть монопольным, это – предпринимательство. Более того, он должен быть монопольным. И он должен приветствоваться как монопольный. Это – существенная характеристика понятия «предпринимательство». Он всегда нечто новое открывает для общества.

Г.А. – Я думаю, что «бизнесмен» и «предприниматель» могут вместе сотрудничать. Например, продюсер – бизнесмен, а автор сценария – предприниматель, т.к. придумывает что-то новое.

А.Д. – Он же ничего нового не придумывает.

Г.А. – Ну, как? А сценарий?

А.Д. – Речь о том, чего вообще раньше не было.

Д.Ю. – Мы уже всё начинаем путать. Ведь когда Вы придумываете электронные часы, это же всё равно – часы. Что же здесь нового?

Берёзкин Ю.М. – Смотрите, это другого типа продукт. Совсем другого, которого нигде до этого не было. Не другого «вида», а другого «типа»! Они только внешне напоминают механические часы, поскольку тоже отчитывают временной ряд. А на самом деле – ничего общего с механическими часами. Ну, просто, ничего! Даже можно сделать так, что стрелок не будет. Вообще, ничего похожего.

А.Д. – Ну, тогда, если придумал новый стиральный порошок с какими-то добавками, то это – не предпринимательство.

Берёзкин Ю.М. – Нет, предпринимательство, поскольку по понятию, по принципу «предпринимательство – это создание новой комбинации из известных факторов». Так его Шумпетер вводил в 1911 году в своей «Теории экономического развития».

А.Д. – Нет, это же тоже «вид». Есть продукт, кем-то когда-то придуманный, допустим, стиральный порошок. И его просто штампуют, делая какие-то добавки. «Тип» же его от этого не меняется.

Д.Ю. – Юрий Михайлович, ведь в случае с электронными часами, Вы говорите, новый содержательный процесс меняется.

Берёзкин Ю.М. – Да.

Д.Ю. – Но ведь там меняется и тип организации.

Берёзкин Ю.М. – До организации мы сейчас дойдём. Сейчас мы дойдём до второй части – до диверсификации, и там обнаружатся любопытные вещи.

Г.А. – Давайте, всё-таки, вернёмся к автору сценария и продюсеру. Я считаю, что бизнесмен-продюсер создаёт условия для реализации идей сценариста-предпринимателя.

Берёзкин Ю.М. – Для сценариста же всегда одноразовый скачок. Он же не может сначала одному продюсеру продать свой сценарий, потом другому...

Г.Д. – Значит, бизнес – это условие реализации предпринимательства.

Берёзкин Ю.М. – Ну, наверное, и такое может быть.

Д.Ю. – А ещё, Юрий Михайлович, ведь не достаточно же только придумать новые часы?

Берёзкин Ю.М. – Конечно, ведь идея же должна потом воплотиться в материале.

Д.Ю. – До тех пор, пока деньги не получили, Вы же не можете считаться «предпринимателем»?

Берёзкин Ю.М. – Ну, конечно, должен замкнуться предпринимательский цикл. Цикл должен обязательно замкнуться. Т.е. деньги из будущего должны быть получены (рис. 7).

На этом построены все современные западные валюты. Под эти будущие доходы центральные банки новые эмиссии денег делают.

И.С. – А как они учитываются? Они что, на глазок прикидывают, что ли?

Берёзкин Ю.М. – Как это «на глазок»? Ничего не «на глазок». Если тебе, предпринимателю, сегодня нужен финансовый ресурс, где ты его возьмёшь? Если есть собственные деньги – нет проблем. Но это – вещь редкая и разовая.

В большинстве же случаев действуют совсем по-другому: выпускают пакет бумаг, ничем сегодня не обеспеченных, чтобы их продать, а деньги полу-

читать в качестве ресурса. И когда ты официально регистрируешь свои бумаги, тебя (точнее – твои обязательства) тут же фиксируют в соответствующих денежных агрегатах.

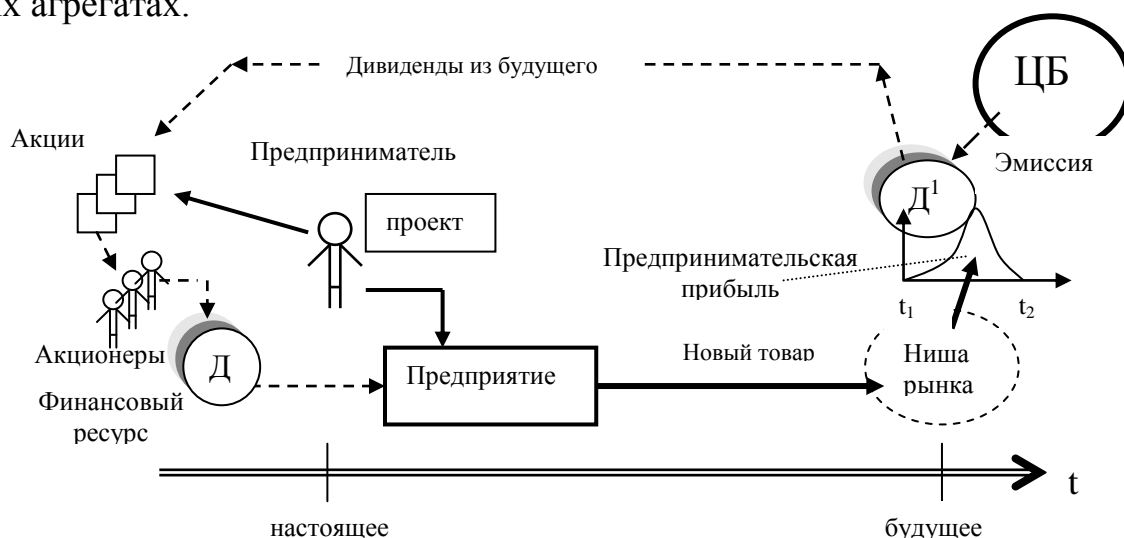

Рис. 7. Финансирование предпринимательского проекта за счёт будущей (несуществующей) прибыли

Что такое агрегат M_0 ? Это наличные деньги (cash) плюс обязательства до одного года. Агрегат M_1 – это то, что зафиксировано было в предыдущем агрегате, плюс обязательства до трёх лет. И если ты выпустил трёхлетние облигации, то тебя все три года «держат за шиворот» и ждут: через три года ты должен выкинуть на рынок то, что обещал.

И.С. – Товар?

Берёзкин Ю.М. – Да. И под этот товар Центральный банк готовит новую эмиссию. Готовит не тогда, когда три года случится, а когда ты только затеваешь весь процесс. И получается, что будущего ещё нет, но все к нему стремятся. Отсюда, собственно, и развитие берётся.

Г.А. – Это всё с ЦБ согласуют?

Берёзкин Ю.М. – Конечно. В том-то всё и дело.

А.Д. – Ну, тогда получается, что чтобы это будущее реализовать, он сегодня должен бизнес создать. На чём-то он должен свою идею реализовать.

Берёзкин Ю.М. – Но, смотрите, у него «проектная установка». В отличие от стандартного бизнеса, который, в общем, питается уже «жмыхом» прошлого.

А.Д. – Всё равно, получается, что вот та конструкция бизнеса встраивается внутрь предпринимательской схемы.

С.Г. – Предприниматель выпускает акции, а другие компании их покупают и начинают котировать на бирже. И чем лучше дела у предпринимателя, тем выше котироваются акции, и на этом зарабатывают другие.

Берёзкин Ю.М. – Да, да. Ганбаяр говорит, что вокруг предпринимателя всегда много паразитирующих структур. Но «паразитирующих» не в негативном смысле. Это – обычное дело. «Прилипалы», такие.

А.Д. – И ещё: внутри бизнеса может работать предпринимательская схема.

Берёзкин Ю.М. – Конечно. Есть бизнес, а внутри него есть ячейка, которая всё время вырабатывает новинки.

А.Д. – Эта предпринимательская ячейка будет, видимо, находиться в том содержательном бизнес-процессе. Например, внутри автомобильного бизнеса имеются структуры, разрабатывающие новые технологии. Но тогда нужно строить какую-то типологию их соотношения, этих схем.

С.Г. – Предпринимательский бизнес может быть?... (смеётся)

Берёзкин Ю.М. – Да, кстати, можно так говорить, как Ганбаяр: «предпринимательский бизнес»? Или «бизнес-предпринимательство». Отличается чем-нибудь?

А.Д. – «Предпринимательский бизнес» – это то же самое интеллектуальное продюсирование. Это – именно *предпринимательский* бизнес. Т.е. бизнес, который ведётся на основе предпринимательства. Человек разрабатывает идеи и за это деньги получает.

Берёзкин Ю.М. – Да.

А.Д. – А бизнес-предпринимательство – это когда...

Из зала – ...то, что Попов делает.

А.Д. – Наоборот, у Попова – предпринимательский бизнес...

Г.А. – А вот, можно спросить? За какой период времени предприятие становится бизнесом? Мне кажется, что период времени – это наполнение рынка товарами...

Берёзкин Ю.М. – Нет, посмотрите на схему предпринимательства (рис. 7). Вот здесь предприниматель получает «горб» прибыли в узких временных рамках: от t_1 до t_2 . А дальше – начинается бизнес. Как только он перестал быть монополистом, и появились другие структуры, которые под другими марками выпускают то же самое, цены обрушаются, и всё превращается в бизнес. Если к тому времени не устареет. Или через некоторое время совсем исчезает с рынка. Ну, придумают какие-нибудь атомные часы и электронные заменят.

А.Д. – Ну, тогда из этого вытекают дополнительные характеристики «бизнеса».

Берёзкин Ю.М. – Какие?

А.Д. – Бизнес, видимо, не может быть уникальным, монопольным. Если это – бизнес, то это – некая повторяющаяся структура.

Берёзкин Ю.М. – Так.

Г.А. – Тогда это можно нарисовать так (рис.8):

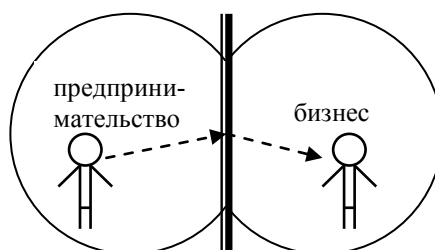

Рис. 8. Модель «кентавр-структуры» предпринимательского бизнеса

два шарика, один – «бизнес», другой – «предпринимательство». Они пересекаются. На пересечении – «ось-шарнир», которая будет позволять сначала

быть предпринимателем, а потом, когда дело примет системный характер, становиться бизнесменом.

Берёзкин Ю.М. – Да, может быть и такая «кентавр-структура»: предприниматель, совершенно запросто, может стать бизнесменом.

Может дальше ничего больше не придумывать, и всю оставшуюся жизнь строить на этом бизнесе. А может быть и наоборот: из бизнеса может вырасти какая-то идея, которая затем превратится в предпринимательство. Да?

Д.Ю. – Ну, допустим, предпринимательство можно встроить в содержательный процесс бизнеса. Да?

Берёзкин Ю.М. – Да, конечно.

Д.Ю. – А где может быть бизнес в предпринимательской схеме (рис.7)? Там, где «будущее», что ли?

Берёзкин Ю.М. – Как условие для предпринимательства. Бизнес-условия, позволяющие обустроить предпринимательство.

Мы до сих пор говорили о содержательном процессе. А можно и о втором процессе – об извлечении денег. Можно придумать какую-то предпринимательскую идею, которая поменяет процесс получения денег от бизнеса. Через какое-то время снова придумать какой-нибудь третий способ получения денег от того же самого бизнеса и т.д. И тогда в одном бизнесе появится такая предпринимательская линия постоянной смены способов (механизмов) извлечения денег из бизнеса. Например, для того, чтобы уходить от налогов. Как только начинают налоговые органы отслеживать твои денежные потоки, ты, просто, меняешь механизм получения денег и опять становишься «невидимым». И получается: ты занимаешься легальным бизнесом, но при этом налоги не платишь. К тебе приходят налоговики с проверкой, а у тебя все документы в порядке, но с тебя нечего взять.

Например, кто-то когда-то придумал «вертикально интегрированные структуры»: когда финансы выносятся в совершенно другое место, а все остальные структуры – «на подсосе» и еле-еле концы с концами сводят. В целом вся структура – суперприбыльная, каждая отдельная структура является юридическим лицом, т.е. обязана по своим счетам отвечать, но с неё взять нечего. Просто, абсолютно нечего! И никто не виноват. Всё законно.

С.Г. – А кто прибыль-то получает?

Берёзкин Ю.М. – Прибыль получает тот, кто эту вертикально интегрированную структуру организует. Ну, например, (рис. 9):

Здесь добыча ресурса – глинозёма, здесь – производство алюминия, здесь – продажа алюминия, деньги получают, а здесь – оффшор, где всё это зарегистрировано и всё накапливается.

И, соответственно, из оффшора всем даётся по минимуму: минимум необходимого сюда, минимум – сюда, чтобы только концы с концами свести и т.д. И хотя каждая структура в этой цепочке – юридическое лицо, но они сами собой не распоряжаются. Распоряжаются всем из оффшора. В оффшоре налог не платится, потому что там нет налогообложения, и здесь не платится, потому что прибыли никакой нет. И всё нормально: зарплату все получают, сырьё закупают, за энергию платят, но прибыль – по нулям. Налог на прибыль не пла-

тят. А в оффшоре – суперотдача. Продают алюминий в Америку, поскольку там цены самые высокие. Глинозём везут, вообще, из Гвинеи, где его добыча обходится в «3 копейки».

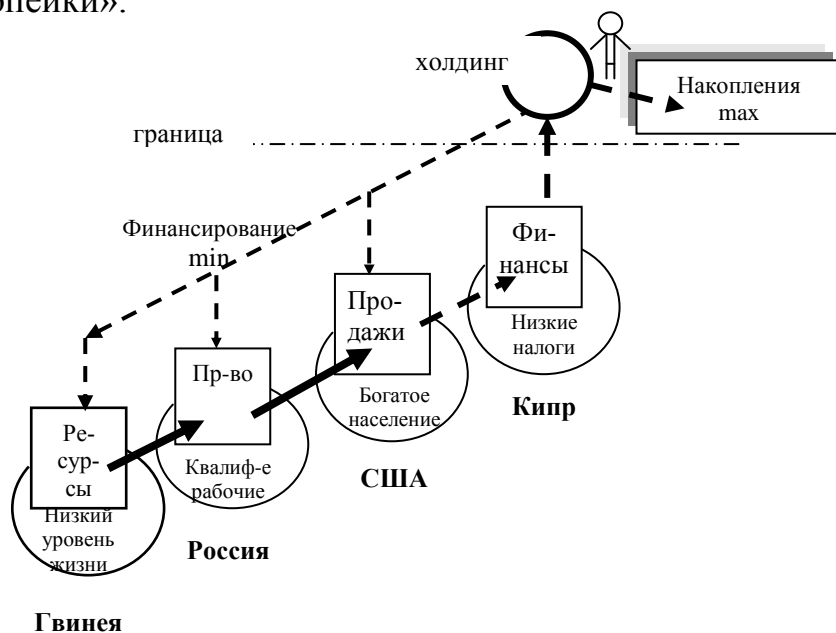

Рис. 9. Схема вертикально интегрированной структуры

И придаться ни к чему нельзя, поскольку под российскую юрисдикцию не попадают те структуры, которые зарегистрированы в оффшорах. В Гвинеи, в Америке, в России – законодательства разные, юрисдикция разная. И всё! Вот так братья Чёрные в 1990-х годах обустроили так называемый «Русал». Потом, когда сняли «сливки», они продали всё Дерипаске. Правда, братья Чёрные не сами это придумали. Всё было придумано ещё в XIX веке. Но они первые в России воспроизвели эту схему. На этом и выскочили.

А.Д. – Они это вынуждены были придумать, поскольку закрыты были все другие возможности ведения бизнеса в России.

Берёзкин Ю.М. – Денис, ну, как «вынуждены»? Специально это всё продумывалось.

А.Д. – Специально продумывалось, потому что по-другому нельзя было.

Берёзкин Ю.М. – Да, да. Надо было алюминиевому производству выживать, вот они и придумали такую организацию. При этом, правда, Ачинский глиноземный завод «крякнул». Но это – уже, как говорится, «издержки».

Итак, мы немного «пощупали», в чём суть понятия «бизнес». А теперь давайте поговорим о понятии «диверсификация».

А.Д. – Мне кажется, что надо, всё-таки, зафиксировать, как одно с другим – «бизнес» и «предпринимательство» – соотносится. Осталось много непонятного.

Берёзкин Ю.М. – Ну, давайте, если у Вас есть ещё какие-то соображения. Давайте.

А.Д. – В целом так и осталось всё-таки непонятно, имеют право на существование бизнес-структуры внутри предпринимательства? И наоборот – предпринимательство внутри бизнес-структур?

Берёзкин Ю.М. – Это нужно садиться за стол, брать несколько листиков бумаги и начинать разносить по ним всё, что мы здесь обсудили, фиксируя отдельно сущностные моменты и их комбинации. Например, «предпринимательство» – внутри «бизнеса». Т.е. какой-то один процесс ты начинаешь постоянно менять, всё время придумывая новые и новые способы его осуществления. И получится предпринимательство внутри бизнеса. У тебя – один большой бизнес, а внутри предпринимательские формы... «Большой» в том смысле, что он – объемлющий. То же самое можно сделать с «предпринимательством»: ты его базовый процесс можешь начать тиражировать, и тогда предпринимательства уже не будет, но возникнет бизнес-структура. А если базовый процесс всё время обновляется, то, наоборот, появляется предпринимательская линия. Как делают в автобизнесе. То же самое – в компьютерном бизнесе. Ну, что всё время делает, к примеру, Intel. В зависимости от новой версии «soft'a» («Word» компании Microsoft) они делают новый «hard» – новое «железо» следующего поколения, которое определённую версию «soft'a» воспринимает, а все старые его версии в самых ответственных ситуациях оказываются заблокированными. В простых ситуациях ты можешь использовать старый «soft» (например, печатать тексты), а в более-менее сложных – не можешь: компьютер, как бы, «не тянет». И получается: компьютер покупаешь – выясняется, что под него нужно новое программное обеспечение, т.к. старая версия «не тянет». Покупаешь новое программное обеспечение – оказывается, что старое «железо» его не воспринимает, и нужно менять компьютер. Купишь – возникнут новые проблемы с программным обеспечением. И так – до бесконечности. Весь мир бежит за одним, то за другим. В результате две структуры – Интел и Майкрософт – самые прибыльные в мире. Ведь сказал же президент Интела: «У нас две-три компании IT-бизнеса перевешивают по капитализации и по всем другим параметрам всю автомобильную отрасль, всю авиационную и ещё несколько отраслей Америки вместе взятых».

Вот это – простой пример, где внутри бизнеса встроен механизм генерирования предпринимательства.

А.Д. – С другой стороны, есть такие, которые вырываются из этого механизма и придумывают что-то своё.

Берёзкин Ю.М. – Ну, да. Но – это сложно.

Из зала – Ведь не сам же Билл Гейтц придумал эту схему...

Берёзкин Ю.М. – Подождите. Вопрос не только в этой схеме. Они же не просто регулярно меняют архитектуру «софта» и «харда». Они же организовали дело так, что все хакеры мира, со всеми своими находками, работают на Гейтца. И третье, на чём это всё держится, это то, что он собирает со всего мира грамотных программистов, платит им совершенно бешеные деньги, и, соответственно, имеет требуемый результат. Конечно, не Билл Гейтц, один. У него в начале была только самая общая идея. Более того, этого всего вообще могло не быть, если бы он не был сыном «особой» мамы. Так случилось, что у него мама была членом Конгресса Соединенных Штатов. И когда там всё складывалось с Интернетом, она немножко подсуежилась и «подставила» своего сыночка, куда надо было «подставить».

С.Г. – Так выходит, что предприниматель – тот, кто переманивает программистов?

Берёзкин Ю.М. – Да нет. Вы поймите, что «позиция предпринимателя» – это не «человек телесный». Это может быть, конечно, в отдельных случаях. Но чаще всего это – групповая конструкция. В Советском Союзе это было ярко выражено... Ну, ладно, Советский Союз, может быть, – не самый показательный пример. В Японии главным предпринимателем является японское государство. Руководители государства генерируют основные идеи, а бизнесмены с чиновниками потом «под ручку ходят». И друг без друга – ну, никуда.

А.Д. – «Предпринимателя» нужно ещё отделять от «конструктора», от «рационализатора» и др. Почему, например, научное исследование не является предпринимательством? Ведь они исследования ведут.

Берёзкин Ю.М. – Ну, научные исследования – это точно не предпринимательство. Вот, у нас пытаются заставить науку стать предпринимательством, перевести науку на коммерческие рельсы. Чтобы они свои новинки превращали в предпринимательские продукты. Но что-то ничего не получается. Просто, ничего. И, скорее всего, и не получится.

Д.Ю. – Наверное, новинок уже нет.

Берёзкин Ю.М. – Даже если есть. Всё равно не могут довести, толком.

А.Д. – В Томском технопарке до 10 тысяч новинок в год регистрируется. Но они никому не нужны. Никто не может предпринимательское начало проявить, чтобы их реализовать.

Берёзкин Ю.М. – «Предприниматель» – это, прежде всего, «организатор». Т.е. он из того, что другие просто не видят и не могут совместить, берёт это всё из разных мест, конфигурирует новым способом, и из этого получает эффект.

А.Д. – Ведь может быть, что и идеи не его?

Берёзкин Ю.М. – Может быть. Более того, чаще всего – идеи не его. В редких случаях идеи бывают его. Например, у Николы Теслы. Хотя Никола Тесла утверждал, что он не сам их придумывает. Что они ему откуда-то «сверху приходят», ни с того, ни с сего. Но у него – было более тысячи патентов. Большинство технических вещей, которые вы сейчас знаете, придуманы именно Николой Теслой. Начиная от мобильных телефонов, и кончая электростанциями, работающими на переменном токе.

А.Д. – Он был изобретателем.

Берёзкин Ю.М. – Ну, в некоторых случаях он был и предпринимателем. Ему однажды надоела зависимость от Моргана. Морган его финансировал – финансировал, а потом он что-то Моргану не сделал в срок (не получилось), тот взял и прекратил финансирование. Тогда Тесла решил продать часть своих патентов и на этом заработал большие деньги.

Г.А. – У меня вопрос на понимание. Правильно ли использовать понятие «инновационное предпринимательство»? Ведь «предпринимательство» и само собой подразумевает использование инноваций.

Берёзкин Ю.М. – Денис, а Вы как думаете?

А.Д. – Я думаю, что это «масло масляное».

Берёзкин Ю.М. – Чаще всего это так. Нигде на Западе к слову «предпринимательство» не приставляется слово «инновационный». Это само собой разумеется. Просто, там какого-нибудь торговца никогда предпринимателем не назовут. Или какого-нибудь нефтяника никогда предпринимателем не назовут. Это – бизнесмены, которые создали свои бизнесы, позаимствовали или купили бизнес.

Г.А. – «Венчурный бизнес», «инновационный бизнес» – это, в принципе, равнозначные понятия. А что такое «предпринимательский бизнес»? – немного непонятно.

Берёзкин Ю.М. – Что такое «бизнес-предпринимательство» – понятно?

А.Д. – Если про позицию говорить, то «предпринимательский бизнес» это... Трудно сказать.

Берёзкин Ю.М. – Если «предпринимательский бизнес», то «бизнес» здесь является субъектом, а термин «предпринимательский» – предикатом. Т.е. то, что говорится о некой сущностной вещи. А здесь, когда речь о «бизнес-предпринимательстве», наоборот: «предпринимательство» становится субъектом, а то, что характерно для «бизнеса», становится предикатом, т.е. тем, что характеризует предпринимательство. В этом случае «предпринимательство» будет устроено как «бизнес».

Ну, ладно, давайте, хотя бы немного поговорим по второму пункту. Ганбаяр, «диверсификация», с Вашей точки зрения, это что?

С.Г. – «Диверсификация» переводится как «изменение» или «разнообразие». Бизнесмен не только занимается одним бизнесом, но одновременно создает и другой бизнес. И занимается двумя-тремя бизнесами, чтобы не снизить доходы...

Берёзкин Ю.М. – Чтобы не зависеть...

С.Г. – Бизнесы могут быть как зависимыми, так и независимыми, чтобы в будущем не снизить денежный поток.

А.Д. – Здесь нужно расчленить, когда диверсификация происходит внутри бизнеса, и когда – между разными бизнесами.

С.Г. – Можно сказать, что в одном случае бизнесмен организует несколько разных бизнесов, а во втором – бизнесмен организует один и тот же бизнес разными путями.

Берёзкин Ю.М. – Точно, совершенно. Более того, диверсификация может касаться всех этих вещей, которые нарисованы на схеме бизнеса (рис. 5): можно иметь несколько способов получения денег, можно иметь несколько способов организации процессов получения денег с базовыми процессами, можно иметь несколько содержательных процессов.

А.Д. – Чаще всего под «диверсификацией» понимается последнее.

Берёзкин Ю.М. – Но это по той простой причине, что это – более привычно. Но есть и другие. Просто, они менее афишируемы, поскольку это с деньгами связано. Всё то, что связано с получением денег, обычно, не обсуждается. Но здесь тоже может быть разнообразие.

С.Г. – Можно в качестве примера привести «Евросеть».

Эта структура не только продаёт новые мобильники, но и принимает подержанные. Ещё их ремонтирует, т.е. оказывает услуги.

А.Д. – Т.е. здесь как раз несколько содержательных процессов.

Берёзкин Ю.М. – А можно ещё и по-другому диверсифицировать бизнес: когда у нас есть несколько бизнесов, а кто-то поверх строит схему их соорганизации (рис. 3). И схемы постоянно меняет: то в одну схему их вставляет, то в другую. Это тоже диверсификация. Причём, тот, кто занимается диверсификацией, может не иметь к бизнесам, которые он организует, прямого отношения.

Так, какие здесь ещё могут быть вопросы или «подводные камни»? Как ещё может быть диверсифицирован бизнес?

А.Д. – Тиражирование может быть, когда один и тот же бизнес «размножается».

Д.Ю. – Реорганизация.

Берёзкин Ю.М. – «Реорганизация», это – что такое? Это превращение одного бизнеса в другой? Или что Вы имеете в виду?

Д.Ю. – Нет, пока термины называются.

Берёзкин Ю.М. – Термины – вещь не очень хорошая. А за терминами-то что должно быть?

Г.А. – Консолидация бизнесов.

Берёзкин Ю.М. – «Диверсификация» – когда разнообразят что-то. А «консолидация» – это когда однообразят, что ли?

А.Д. – Концентрация.

Берёзкин Ю.М. – Это слияние бизнесов. Просто, укрупнение. Количественное укрупнение. А кроме этого, что-то может быть?

С.Г. – Страхование бизнеса.

Берёзкин Ю.М. – Но «страхование» само по себе является бизнесом.

А.Д. – Здесь с какой позиции надо рассматривать? С позиции цели?

Берёзкин Ю.М. – Ганбаяр сказал, что у одного монобизнеса может иссякать денежный поток.

С.Г. – Если бизнесмен чувствует, что денежный поток снижается, он может все средства направлять не на возобновление старого бизнеса, а на организацию нового.

Берёзкин Ю.М. – Ну, вот простой пример. Есть у нас в Иркутске один бизнесмен. Не буду называть фамилию, он и так всем известен. Главный его бизнес – одно из паромств. Ходят его суда по реке 4 месяца. А 8 месяцев эти суда должны ремонтироваться, когда нет никакого денежного потока, но расходы – самые большие. И у этого бизнесмена, хочешь – не хочешь, развертываются другие бизнесы: туризм, строительство жилья, другие какие-то. И почти все доходы от этих побочных бизнесов он вынужден направлять на ремонт судов, чтобы не сдох совсем его речной флот. Потому что 8 месяцев доходов никаких нет, а расходы по ремонту и восстановлению – просто, сумасшедшие.

И.С. – Он же во время навигации должен получить столько, чтобы ему хватило на ремонт.

Берёзкин Ю.М. – Ну, с одной стороны, должен. А с другой...

И.С. – Если он за 4 месяца не смог от этих судов получить столько, сколько нужно, хотя бы на ремонт, то зачем тогда их ремонтировать?

П.О. – Сдать в металлолом.

И.С. – Конечно, убрать.

Берёзкин Ю.М. – Знаете, Оля, «прирос сердцем», наверное.

Д.Ю. – Да, это правда.

Берёзкин Ю.М. – Я бы на его месте давно бросил. А он его тянет и тянет. Для этого даже жилой небоскреб строит напротив своего затона.

И.С. – Где это?

Д.Ю. – Около моста.

Берёзкин Ю.М. – И всё для того, чтобы спасти речной флот.

Сделаем небольшой перерыв.

Прикосновение пятое

Берёзкин Ю.М. – Давайте пока проблемы бизнеса оставим, и вернёмся к тематике предыдущего семинара, чтобы ситуация, возникшая там, не была совсем потеряна. Потому что, в противном случае, всё было зря. Что происходило прошлый раз? Может кто-нибудь сказать. Только «сказать» – не в смысле событийного пересказа: этот говорил это, а этот говорил то... А кто, по поводу чего и в каких понятийных средствах двигался? Денис, Вы думали над этим?

А.Д. – В целом, да.

Берёзкин Ю.М. – «В целом» – это как?

А.Д. – Во-первых, у меня несколько не в том направлении шла подготовка к докладу. Вместо того, чтобы попытаться распредметить понятие «жильё»...

Берёзкин Ю.М. – Сразу по ходу: Вы можете сказать, что значит «распредметить понятие»? Это – для здесь присутствующей публики, которая это дело пока не очень понимает.

А.Д. – Это то, чем мы сейчас пытались заниматься по поводу «бизнеса» и «диверсификации». Т.е. не просто давать определение чему-нибудь или сказать значение какого-нибудь термина, а именно в ходе такого осмысления и обсуждения с разных сторон ухватить смыслы понятия. Ухватить то, что скрывается за словом «жильё».

Берёзкин Ю.М. – А смыслы-то откуда берутся? Они же не сами по себе возникают.

А.Д. – Это зависит от того, в каком поле существует понятие «жильё». Смыслы возникают в процессе деятельности, связанной с жильём...

Д.Ю. – Мы пытались построить понятие «жильё» через введение оппозиций, т.е. того, что не относится к «жилью»...

А.Д. – Я всё-таки себе представляю так: чтобы распредметить понятие, нужно...

Берёзкин Ю.М. – И всё-таки, что значит «распредметить»?

А.Д. – Это значит – уйти от каких-то частных представлений, т.е. когда, грубо говоря, мы пальцем показываем и говорим: «это – жильё, это – не жильё». Выделить некую принципиальную структуру понятия, которую мы в

дальнейшем будем «накладывать» на предметную составляющую и благодаря этому отличать жильё от нежилья. Таковую, принципиальную...

Берёзкин Ю.М. – Подождите, подождите. Давайте, медленнее... Потому что – не очень понятно, что Вы говорите.

(выходит к доске, рисует)

Смотрите, вот – Денис. Вот – предметная область с «жильём» (рис. 1).

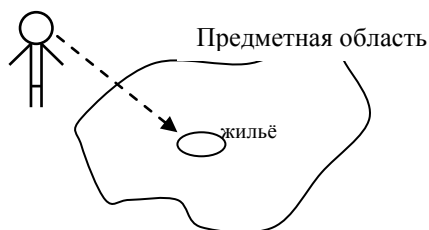

Рис. 1. Предметная область жилья

Что значит «распредметить»?

А.Д. – Значит, уйти от предмета и увидеть то, чем мы руководствуемся, когда мы видим предмет, называемый «жильём».

Берёзкин Ю.М. – С Вашей точки зрения, «предмет» – вот здесь? (показывает на место, обозначенное «предметная область»).

А.Д. – Это не обязательно тело какое-то...

Берёзкин Ю.М. – А что?

Г.А. – Мне кажется, что нам нужно сначала договориться, что мы называем «предметом»? Вы этим словом «жильё» можете называть одно, а я – другое. Иначе разговор ни к чему не приведёт. Нужно сначала опредметить.

Берёзкин Ю.М. – А «опредметить», с Вашей, Алексей, точки зрения, это – что такое?

Г.А. – Это значит – «определить предмет», т.е. определить существенные характеристики того, о чём идёт речь. Чтобы мы с Вами говорили об одном и том же. И потом соотнести с действительностью, т.е. посмотреть – соответствует или нет?

Берёзкин Ю.М. – Алексей, а за счёт чего происходит опредмечивание? И что опредмечивается?... (пауза)

Ну, пока Алексей думает, Денис, а Вы как думаете?

А.Д. – Существует единое для всех понятие «жильё», с помощью которого мы опредмечиваем... Как сказать, не знаю... Опредмечиваем предметы, которые существуют в действительности.

Берёзкин Ю.М. – «Предмет существует в действительности» – это что значит? А предмет «в реальности» существует?

А.Д. – Мне пока ещё сложно разделить «действительность» и «реальность». Может быть, я не правильно понимаю. «Реальность» это то, что зависит от человека...

Г.А. – Наше сознание в реальности...

А.Д. – А «действительность» это то, что существует в действии и за счёт действий.

Берёзкин Ю.М. – Только за счёт действий?

А.Д. – И за счёт мышления...

Д.Ю. – «Предмет» – это когда мы берём понятие и смотрим...

Берёзкин Ю.М. – Так, берём «понятие» и на что смотрим?

Д.Ю. – Смотрим на то, в чём выделяем «жильё».

Г.А. – Мне кажется, что предметы существуют в действительности и в сознании. Но в сознании – как бы, проекция предмета.

Берёзкин Ю.М. – «Проекция» откуда?

Г.А. – Ну, как нам говорили на философии: когда мы говорим «яблоко», то у нас в сознании отражается совокупность свойств этого яблока. То, что оно «хрустит», «зелёное»... Если мы говорим «стол», то в сознании отражается то, что за ним можно «сидеть», «работать»...

Берёзкин Ю.М. – Ага, понятно. Вы – последователь Джона Локка. Да? Джон Локк так и говорил... (выходит к доске, рисует): вот есть человек, вот у него есть «чистая доска» сознания – «*tabula rasa*», и вот есть эмпирические объекты (рис. 2).

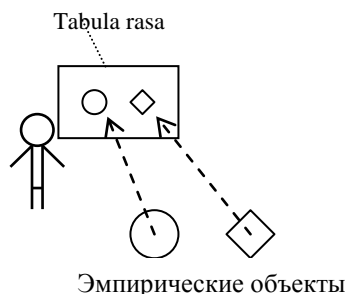

Рис. 2. Отражающее сознание (по Локку)

«Эмпирические» – это те, которые доставляют человеку чувственные ощущения. Их можно пощупать, их можно увидеть. Соответственно, эти чувственные, или эмпирические, объекты проецируются на «табло» сознания. И за счёт того, что мы выделяем своими чувствами то, что Вы называете «хрустит», «зелёное», на «табло» сознания возникают проекции этих чувственных ощущений, которые мы называем «смыслами». Я правильно Вас проинтерпретировал?

Г.А. – Да, правильно.

Берёзкин Ю.М. – И что?

Г.А. – Ну, и опредмечивание...

Берёзкин Ю.М. – Где здесь «опредмечивание»?

Г.А. – У каждого своя «*tabula rasa*» и она собирает смыслы у каждого по-разному. И понятие «жильё» у нас, у каждого, как бы, складывается из разных множеств, исходя из различного собственного опыта. «Опредмечивание» это, может быть, выделение чего-то общего из этих множеств.

А.Д. – О-опредмечивание.

Г.А. – «Опредмечивание» это выделение вот этих пересечений.

Берёзкин Ю.М. – А если у Вас и у меня эта эмпирика по-разному отражается на «табло» сознания?

Г.А. – Такие люди с трудом будут вести разговор: один будет – про одно, другой – про другое.

Берёзкин Ю.М. – Ну, ладно бы только в дискуссии такое было. Вот, если у Вас одно «понятие» о выходе из этой аудитории, а у меня другое, мы же, просто, не сможем выйти отсюда. Я буду ломиться туда, а Вы – вот сюда. Если, к примеру, здесь будет на стене дверь нарисована, Вы в неё лбом и врежетесь, поскольку у Вас в сознании этот рисунок отразится как «дверь». И будете лбом пробивать эту «дверь»?

(смех)

А.Д. – Вы должны будете договориться с Алексеем, где на самом деле дверь.

Берёзкин Ю.М. – Ну, да. Хорошо, если есть возможность договориться. А если мы – непримиримые враги и даже видеть друг друга не можем. Но при этом почему-то даже враги под «дверью» понимают одно и то же.

С яблоком – ладно. Его хоть почувствовать можно и надеяться, что Господь Бог нам хоть чувства вложил, примерно, одинаковые. Как некоторые великие говорили: «Бог изошрён, но не злонамерен». А если мы имеем дело с объектами, которые именно злонамеренные? Это те объекты, которые являются рефлексивными и состоят из людей. Вот яблоко – наверняка, не злонамеренное. Хотя, если вспомнить библейскую легенду, и оно оказалось не тем, что от него ожидали Адам с Евой. А если ты имеешь дело с бизнес-структурой, и она заведомо враждебна тебе? Ты делаешь ходы, и если твои ходы вычисляются, то дальше – тебя либо убивают, либо подставляют так, что тебе мало не покажется. Я уж не говорю про войну, когда злонамеренные структуры, просто, в открытую враждебны друг другу. Как с этим быть? Откуда что берётся? Я, к примеру, специально скрываю свои намерения и свои действия. И Вы ничего «отразить» на своём «табло» сознания не можете.

Г.А. – Видимо, человеку изначально даны эти свойства...

Берёзкин Ю.М. – Нет. Вот Вам один показательный пример. У меня есть хороший знакомый, мы когда-то вместе работали. Сейчас он живёт в Москве. Он был одно время заместителем начальника департамента внешнеэкономических связей Иркутской области. Однажды его начальник (руководитель департамента) заболел, а тут случилась такая оказия: правительственная делегация должна была ехать в Японию, в город Канадзава – побратим Иркутска. И для заключения торговых контрактов от Иркутской области тоже должен был ехать представитель. Так он попал в правительственную делегацию и поехал в Японию. Через некоторое время приезжает оттуда и рассказывает «чудеса». Я здесь не буду всё пересказывать. Только один маленький фактик, а Вы попытайтесь через эту локковскую схему его проинтерпретировать.

Помимо всего прочего, что им показывали японцы, их повезли, как они тогда называли, в «магазин XXI века». Привозят в красивое здание. Заводят туда. На прилавках, на полках стоят некие вещи... И он мне говорит: «Честно, я даже представить не мог, для чего, куда и зачем должны были вставляться, и как использовать 99% тех вещей, которые там были». Просто, представить невозможно! И органы чувств ничему не помогали. Просто, ничему не помогали, и всё! Говорит: «Вижу нечто такое, что никогда в жизни не видел, трогаю, но понять не могу, для чего это».

Д.Ю. – Он видел предметы, а функции, которые они выполняют, понять не мог.

Берёзкин Ю.М. – Нет, Юля, предметов-то он и не видел. Он видел, как раз, не предметы.

П.О. – Сущность видел?

Берёзкин Ю.М. – «Сущность»?... (смеётся)

Про сущность-то он как раз ничего сказать и не мог.

А.Д. – Эмпирические объекты видел.

Берёзкин Ю.М. – Он видел эмпирические объекты, которые можно пощупать, понюхать... Но это ничему не помогало. Просто, ничему. Он говорит: «Настолько по-идиотски я никогда в жизни себя не чувствовал». Прочитать ничего невозможно, поскольку всё по-японски. Понять за счёт органов чувств – невозможно. Японцы же всё понимают.

И.С. – А японцы это специально делали?

Берёзкин Ю.М. – Ну, конечно. Специально возили российскую правительственную делегацию, чтобы продемонстрировать, насколько Россия отстала от Японии. Они-то считают, что отстала навсегда. Вот и демонстрировали.

И.С. – Это можно назвать цирком. Они специально цирк устроили. А на самом деле положение в экономике Японии не такое и блестящее.

Берёзкин Ю.М. – Да нет же. Там ничего специально не подбиралось. Там были образцы, которые они реально собирались запустить в серийное производство. В то время эти образцы ещё отрабатывались. Они, просто, собрали по пять–десять вещей со всех японских компаний, то, что отрабатывалось для будущего серийного производства. Собрали их в одном месте, и выяснилось, что нормальный человек в этом во всём теряется. Он понять не может, в какую реальность попал, где органы чувств с этой «табула раса», ну, ничему не помогают. И как быть?

И.С. – Нужно окунуться в это.

Берёзкин Ю.М. – Вот, во что «окунуться»?

И.С. – В жизнь, в деятельность.

А.Д. – Надо деятельность смотреть. Понятно, что объекты – следствие деятельности.

Берёзкин Ю.М. – А «окунуться в деятельность» – это что значит?

И.С. – Опыт получить...

Берёзкин Ю.М. – «Опыт». А функции откуда берутся? Откуда берётся функция стола? Или вот этого фломастера, что у меня в руках?

Вот вам ещё пример. В XVIII веке приезжает Миклухо-Маклай к папуасам в Новую Гвинею и раздаёт им в качестве подарков всякие побрякушки. Папуасам, которые первый раз увидели белых людей. Подаёт вождю зеркальце. Обыкновенное маленькое зеркальце. А тот никогда в жизни ничего подобного не видел. Как вы думаете, какое у него было впечатление? Миклухо-Маклай описывает это в своих воспоминаниях.

А.Д. – Они называли это...

Берёзкин Ю.М. – Ну, Денис, просто, знает эту историю. Дальше у них возникло то, что Сергей называет опытом. Вождь глянул в зеркало и говорит на

своём папуасском языке: «Вода». Поскольку он всю жизнь видел своё отражение только в воде. И нигде больше. Пальцем в зеркало ткнул и говорит: «Твёрдая вода». И с тех пор до настоящего времени у них зеркало называется «твёрдая вода».

Г.А. – Тут как раз через чувственный опыт происходит...

Берёзкин Ю.М. – «Чувственный опыт» – важная вещь, но...

А.Д. – Ну, как? Он же не опытом, а культурной нормой руководствовался...

Берёзкин Ю.М. – Мы же прошлый раз с Алексеем дискутировали на похожую тему. И он опять сейчас...

А.Д. – Есть в культуре отпечаток норм. И если у них в культуре существует норма, что отражение человека существует только в воде, но при этом они могут различать «твёрдое – мягкое», поэтому за счёт имеющейся культурной нормы и чувственного различения они так и назвали эту вещь.

Д.Ю. – Непонятно, почему назвали.

Берёзкин Ю.М. – Денис, всё равно неточно отвечаете. Я же добиваюсь от Алексея уже вторую неделю подряд одной простой вещи: кроме «табула раса» сознания, у Вас лично, Алексей, ещё что-нибудь есть?

Г.А. – В сознании человека, кроме заполненных мест, есть ещё пустоты, которые со временем можно заполнять. Их можно заполнять либо добровольно, либо принудительно...

Берёзкин Ю.М. – В обществе много чего есть, что «отразить» или «ощутить» нельзя. Откуда же это берётся у человека? Вы, например, «клеточную структуру» растений когда-нибудь ощущали?

Г.А. – Нет.

Берёзкин Ю.М. – А «атомы», из которых, якобы, эта деревяшка (стучит по столу) состоит?

Г.А. – Нет. И «клетки», и «атомы» нам навязали. Сказали, что вот этим предметом, называемым «маркер», можно писать. Так же, как и про «финансы»: сказали, что «финансы – это вот это...». И с тех пор все так и понимают.

Д.Ю. – Юрий Михайлович, что такое «предмет»?

(смех в зале)

А.Д. – Все понятия берутся из культуры. Но есть понятия, которые мы можем через опыт почувствовать. А есть те, про которые мы можем только знать. Например, почувствовать, что радиация – смертельна, мы не можем. Мы знаем это из культуры. И «табула раса», по большей части, из культуры заполняется, а не за счёт отражения эмпирических вещей. Можно даже маленькому ребёнку внушить, что «вода – горячая и трогать её нельзя», хотя у него никакого собственного опыта не будет на этот счёт.

Г.А. – Всё равно – за счёт чужого опыта.

А.Д. – За счёт культуры...

Берёзкин Ю.М. – Денис, Вы думаете, что чем чаще Вы будете слово «культура» произносить, тем оно будет понятней?

А.Д. – Ну, «культура» это...

Берёзкин Ю.М. – Алексей же принципиально не воспринимает идею, что есть нечто такое, в чём он со своей «дощечкой» сознания может находиться, а может не находиться. Есть ещё что-нибудь, кроме такого, обо что стукнуться можно? Денис-то утверждает простую вещь: все эти культурные понятия, они – не в голове. Вся «решётка понятий» – не в голове! Они вне человека живут, и, вообще, своей жизнью живут. Без человека и вне человека. А человека либо приобщили к этому, либо не приобщили. При этом совершенно разные люди получают. Например, Маугли. Становится волком, независимо от того, что у него, там, и «дощечка» сознания есть, и тело биологическое, похожее на человешь, есть. Но – не человек!

И Вы либо принимаете такую точку зрения, что есть нечто «материальное», и есть нечто «идеальное», и второе – столь же реально, как и всё то, обо что стукнуться можно... Либо Вы это не принимаете. И если Вы этого не принимаете, тогда объяснить весь общественный мир, на мой взгляд, просто, не сможете.

Г.А. – Нет, я понимаю, что есть «материальное» и есть «идеальное».

Берёзкин Ю.М. – Идеальное же – не в голове. В голове нет ничего идеального. Вы поймите, сколько врачи ни копались в головах людей на протяжении 10 тысяч лет, чего там только ни резали, чего только ни высматривали, и с помощью чего только ни щупали, ни одной мысли ни у кого, никогда не нашли. Там, просто, их нет!

Г.А. – Нет, я понимаю, что «идеальное» для всех – одно. И оно проецируется на сознание.

Берёзкин Ю.М. – Это уже другой вопрос. Смотрите, если у Вас есть «дощечка» сознания и на неё проецируется определенная понятийная структура, Вы через эти понятия можете посмотреть на эмпирический объект, материальный (рис. 3). И то или иное понятие «выносите» сюда, в эмпирическую область...

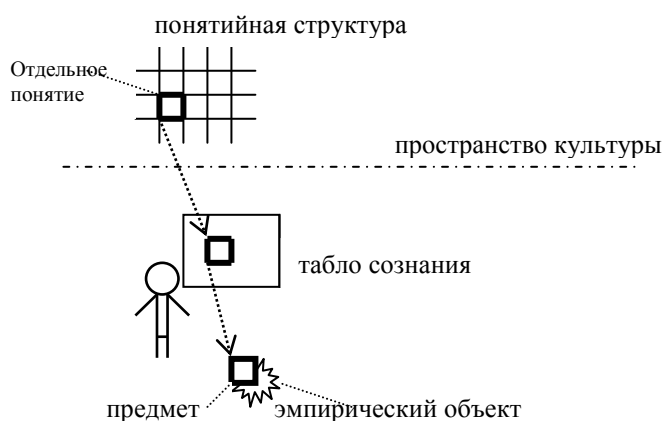

Рис. 3. Механизм «о-предмечивания» эмпирических объектов

Смотрите, ещё раз: у Вас понятие взято совсем из другого места, не из эмпирического, не из головы и не из чувственного опыта, а вот из того, что Денис 25 раз называл «культурой», которая живёт сама по себе. И Вы оттуда это берёте и выносите (как бы «наклеиваете») на эмпирический объект... Ну, как гово-

рил Гегель: «Категории и понятия являются действующей силой за спиной сознания». Т.е. либо у Вас это всё «за спиной» действует, и Вас приучили к этому: Вы знаете, что есть определённый набор понятий; Вы знаете, как с ними обращаться – тогда оно, как бы, «из-за» Вашей спины (смотрите: «из-за...») берётся и накладывается, «наклеивается» на нечто, что вне Вас, в эмпирии находится. И у Вас (точнее, перед Вами) появляется «предмет». Кстати, слово «пред-мет» – очень точное. Вы «*пред* собой *мета*ете». Или так ещё иногда говорят: «*пред* собой Вы нечто *мет*ите». Вот, как собачки метят некие объекты. Да? Правда, другими вещами. Человек же «метит» тем, что берёт из совершенно другого места. Вот оттуда (из идеального пространства) берёт и «наклеивает» на эмпирию. И если у Вас нет того, что Вы могли бы взять оттуда (как у моего товарища было в Японии), Вы будете видеть объекты, брать их, щупать, а понять ничего не сможете. У Вас эмпирические объекты есть, а предметов нет.

А теперь смотрите: вот этот процесс (идуший от культурных понятий к эмпирическим объектам) является «о-предмечиванием». Т.е. когда Вы некую материальную реальность определённым образом означковываете и опонячиваете. Как бы, смыслы к объектам «приклеиваете», вынося их с помощью своего сознания. Но смыслы взяты из другого места и – транзитом через сознание – выносятся в мир. И ещё – помечаете, т.е. значки пишете, чтобы не забыть.

А вот обратный процесс (идуший от означкованных предметов к мыслительному пространству) называется «рас-предмечивание». Когда Вы знаете, что есть эмпирический объект и он ещё определённым образом предмечен, назван, например, «жильё». В природе же «жилья» нет. Пощупать «жильё» нельзя. Увидеть «жильё» нельзя. Увидеть можно стены, диван в квартире, ещё что-то. А «жильё» Вы увидеть не можете. Так же, как Вы не можете увидеть «город». Вы не можете увидеть «экономику». Вы не можете увидеть «финансы». И вообще, как говорил Георгий Петрович, американцы в конце 1970-х годов считали, что на один эмпирический объект (который можно пощупать) приходится примерно 400 вот таких «фиктивных объектов». Точнее, предметов. 400 предметов на один эмпирический объект! Большинство из которых, вообще, не имеет материального референта. Например, нет материального объекта, который мы называем «кентавром», или «финансами», или «демократией»...

Д.Ю. – Юрий Михайлович, «предмет» появляется в сознании?

Берёзкин Ю.М. – Ну, да. С одной стороны, Алексей был наполовину прав: благодаря чувственному опыту в сознании отражается эмпирия, на которую Вы там же, в сознании, накладываете понятийную сетку, которую берёте из другого места. А потом полученную «склейку» выносите во вне, на эмпирический объект.

Д.Ю. – Значит, «предмет» сливается с «объектом»?

Берёзкин Ю.М. – Нет. «Предмет» застилает, загораживает «объект». Он, как ширмой, закрывает от Вас «объект». Вы, на самом деле, не видите «предприятий», хотя про них говорите. Говорите: «Пошёл в университет». Но университет Вы не видите. Вы видите «тумбочку», «потолок», «доску», «стены», а «университет» Вы не видите, хотя каждый день говорите: «Я пошёл в университет». Подходите к определённой «стене» и думаете: «Вот – университет». На

самом деле – «стена» с «дверью», за которой «холл», «лестницы», «аудитории» и всё остальное.

Более того, правильней говорить, что и «стена», и «дверь», и всё остальное – это тоже не «объекты», а «предметы», которые скрывают от Вас подлинные объекты. И какой бы стороны общественной жизни Вы ни коснулись, вы постоянно имеете дело только с «предметами». Т.е. – с некой опредмеченной реальностью.

И опредмеченная реальность вас вынуждает действовать совершенно определённым образом. Например, за столом – сидеть. Не пытаться с помощью стола писать на доске, поскольку это – «предмет» и Вы точно знаете, как с этим предметом иметь дело.

А вот когда встаёт вопрос: а как распредметить эти вещи, которые вы, вроде бы, видите? Хотя видите какую-нибудь одну предметную сторону, а всего предмета – даже и не видите. Например, видите бок автомобиля, называете «автомобиль», а всю самую главную начинку автомобиля вы при этом не видите. Как распредметить стоящий перед Вами предмет? Т.е. превратить вот этот «предмет» во что?

А.Д. – В средство.

Берёзкин Ю.М. – А что значит, «в средство»?

А.Д. – В то, за счёт чего мы можем видеть этот предмет.

Берёзкин Ю.М. – Да, с одной стороны, за счёт чего мы можем видеть этот предмет, а с другой стороны – во что мы должны предмет превратить? (рис. 4)

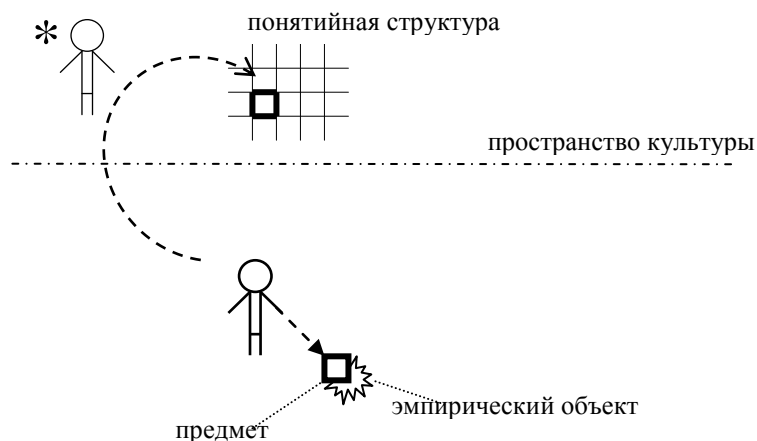

Рис. 4. Рефлексивное распредмечивание

Ведь объектов же люди не видят. Проводилось много экспериментов на этот счёт. Например, привозили в Нью-Йорк тех же папуасов, и потом люди, которые знали их языки, спрашивали: что они видят? И оказывалось, что они видели совсем не то, что видели жители Нью-Йорка. Они просто совершенно по-другому всё окружающее интерпретировали. «Реальность» для них была другой. И точно так же белого человека привозили в папуасские джунгли: папуас видел там миллион всяких вещей и предметов, а белый человек 99% всего этого не видел. У него нет этой предметной реальности. Поскольку то, что в этом идеальном пространстве находится (понятие), мало того, что оно – вне че-

ловека, оно и создаёт эту предметную видимость. А, с другой стороны, это понятие задаёт «метод». Метод работы, метод для движения мысли, метод для действий с теми предметами, с которыми мы имеем дело.

Почему методология постоянно обращается к категориям, к понятиям? Она рассматривает не опредмеченную реальность. Поскольку там, в предметности, всё соединилось вместе. Сама «объективная реальность» – вообще, непосредственно для человека не доступна. Она закрыта от людей вот этой «предметной видимостью». Методология всё время пытается за счёт рефлексии и распредемечивания увидеть то, что «за нами» стоит и «над нами».

Т.е. увидеть то, за счёт чего вы меня, например, видите и отличаете от какого-нибудь бомжа. Видите вот всё то, что здесь находится...

Алексей, и что? Почему молчите?

Г.А. – Я пока «перевариваю» информацию.

Берёзкин Ю.М. – (Смеётся). Это – не информация.

Д.Ю. – Так выходит, что когда мы говорили про «жильё», мы предмета-то и не видели?

Берёзкин Ю.М. – Нет, когда Вы говорили в предметном залоге, Вы излагали своё видение. Вот то, что перед вами стояло в виде предметных образов, Вы это нам и описывали. Когда человек говорит: «Вон там – пятиэтажный дом, вон там – дерево, там – цветочки растут...» Это всё – предметное. А когда Вы обращаетесь к тому, с помощью чего это произошло с Вами, и Вы это стали видеть, это называется «распредмечивание». Вы в рефлексии пытаетесь заглянуть туда, где «живёт» то, с помощью чего Вы это видите. Как бы – «себе за спину», «за» ваше сознание.

(молчание)

Берёзкин Ю.М. – Жуть, да?

(хи-хи-канье)

Берёзкин Ю.М. – Смех смехом, но смотрите: это – первый шаг к мышлению. Когда вы всё это видите и это обсуждаете, это – в лучшем случае – думанье о предметах. К мышлению это отношения не имеет. А когда вы пытаетесь мыслить, первым шагом является выход на понятия. Поскольку «понятия» – это рас-предмеченная, разоформленная реальность. Она как бы «разложена» на отдельные фрагменты. Вот то, что мы сегодня пытались делать, обсуждая «бизнес». Т.е. выделяли нечто существенное, из чего собираются разные реальные бизнесы.

И вот это (то, что рисовали в виде двух разнонаправленных процессов и рамочки их соорганизации, рис. 5 предыдущего обсуждения) никакими органами чувств пощупать нельзя. Ну, просто, нельзя. Мы, глядя на какую-нибудь контору с вывеской, думаем про себя: «Вот – бизнес у человека». Почему так думаем? Да по простой причине: у вас есть соответствующее понятие. Вы видите предметные атрибуты бизнеса и точно знаете, что за ними скрывается. За вывеской, за стеклянной дверью и т.д. А какого-нибудь папуаса сюда привези, он там никакого «бизнеса» не увидит. Ну, так же, как говорит русская поговорка: машина в руках дикаря – кусок железа.

(тягостное молчание)

Берёзкин Ю.М. – Ну, возрадите хоть что-нибудь (смотрит на Алексея).

Г.А. – Я не возражаю.

Берёзкин Ю.М. – А возражать надо. Иначе это всё – бесполезно.

А.Д. – Как возражать, если, как Вы говорите: истина – очевидна.

Берёзкин Ю.М. – Как «очевидна»? Вот для Алексея она – не очевидна. Я же вижу по глазам.

(смеётся)

Г.А. – Я с Вами согласен.

Берёзкин Ю.М. – А что Вы так быстро соглашаетесь? Может быть, я Вас за нос вожу.

И.С. – Ну, хорошо, «идеальное» – вне людей. Но ведь оно же не может отдельно от людей существовать?

Берёзкин Ю.М. – Почему? Я Вам могу принести книги, где со знанием дела написано: «То, что мышление сидит на людях, вещь – случайная. В других мирах оно может сидеть на пингвинах, а в третьих (как у Лема) – на железках». «Мышление» и ваше индивидуальное «думанье» (с помощью сознания) это – совершенно разные вещи. И 99,9% людей на Земле к мышлению никогда, в принципе, не были причастны. Даже про это ничего не знают и никогда не слышали. И знать не могут. Был такой Улльдалль – швед, философ и лингвист-структуралист. Он образно, но очень точно сказал однажды (а методологи любят повторять, чтобы «до печёнок» доходило): «Мышление – это, как танцы лошадей в цирке, столь же редко встречается, и столь же нужно людям, как вот эти танцы лошадей». Люди чаще всего живут и ничего про мышление даже не подозревают. Они живут в предметных структурах.

Г.А. – А откуда они у них?

Берёзкин Ю.М. – В них их просто вставили.

И.С. – Но если всех людей перебить, то и все эти понятия исчезнут. Разве не так?

Берёзкин Ю.М. – А вот это – и неизвестно! Вот и неизвестно! Если бы так было, то институт церкви давным-давно бы кончился.

И.С. – Ну, почему же? В головах людей живёт.

Берёзкин Ю.М. – Да, что Вы?! Конечно же, нет. Это – так называемый «психологизм». Был такой Коллингвуд – английский философ, специалист по аналитической философии. Жил в конце XIX – начале XX века. У него есть известная работа, называется «Философия истории», и в этой же книге – «Автобиография». Если попадётся, почитайте, не пожалеете. Он там пишет такие вещи: «Прочитал книгу «Психология религии» и ужаснулся психологическими трактовками религии». После этого он написал: «Психологизм – это величайшее мошенничество XX века». ГП любил повторять этот тезис Коллингвуда.

Религия – очень глубоко укоренена в культуре и, следовательно, имеет онтологический статус. «Онтология» это – то, что вне человека и помимо человека. Ну, то, что «метафизикой» называлось у Аристотеля. Мы физический мир видим только потому, что есть некая метафизика вне нас. И она как бы нас вот так, насквозь, «просвечивает», если хотите. А люди – чем дальше, тем меньше и меньше становятся способными приобщаться к разным мыслительным вещам.

И всё меньше и меньше думают о них. Их просто давно уже превращают в человеко-машинные инструменты, которыми легко манипулировать.

А.Д. – Можно привести примеры, когда весь народ вымирает, а культура этого народа остаётся на материальных носителях.

Берёзкин Ю.М. – Конечно, как, например, Древнегреческая культура. Давным-давно тех греков нет, а их культура существует. Более того, выясняется, что квалифицированные философы и методологи могут, например, дискутировать с Декартом, с Аристотелем, с Платоном... Их, телесных, давно нет, а их мышление существует, продолжает жить.

Или: зачем нынешние методологи, с которыми я когда-то общался, по 20 часов в день «пашут»? Зачем это всё? Непрерывно! Как такие «коллайдеры». Ответ один: чтобы спастись! Чтобы остаться. Пройдёт ещё пятьдесят лет и не будет ни Попова, телесного, ни всех остальных нынешних методологов. Помрут. Но, между прочим, Аристотель до сих пор живёт, пока его обсуждают. Пока его мысль живёт, пока все его категории, через которые мы мыслим, существуют и работают. Так и с методологами: Георгий Петрович говорил много раз, что его поймут через сто лет, а будет востребовано его мышление – через 300.

Вот видите, как странно: в конце 4-го курса университета впервые узнавать такие вещи.

(смеётся)

Но и то – хорошо. А, вообще-то, в нормальных странах, в которых не было социальных экспериментов со своим народом, это всё людям дают с детства. Я же не для красивого словца говорю: в нашей стране людям взяли и «отрезали» это всё. И люди были, просто, лишены даже возможности входа в общечеловеческое нечто, что называется «идеальное».

И.С. – Там же заменено было.

Берёзкин Ю.М. – Заменяли другим. Но то, чем заменили, оно было помещено внутрь социальных отношений людей.

И.С. – Но ведь с заменённым-то жили.

Берёзкин Ю.М. – Жили, да. Но обратите внимание: в определённом смысле уродцами стали. То, что для любого человека – западного, восточного, без разницы – нормально, наши люди, в большинстве своём, даже не подозревают. Если вы возьмёте, например, буддизм, то там первым шагом является требование: «Освободись от своего индивидуального сознания!» Нужно всё оттуда вычистить, напрочь. Чтобы вообще ничего не оставалось. И если ты не освободишься, то тебя до следующего шага посвящения не допускают. Поскольку считают, что если допустить и ты приобретёшь определенные техники, а у тебя останутся, там, какие-то внутренние интересы, ты превратишься в монстра. Что – недопустимо! Поэтому индивидуального ничего не должно быть.

Это – в буддизме. Но и в христианстве похожие вещи есть: либо ты нравственный закон вбираешь в себя и начинаешь ему себя подчинять, и тогда твоя душа будет вечно живой. На этом всё и строится. Смотрите: онтологически укоренено! Это – не какие-то глюки... Либо ты не спасёшься!

А.Д. – С христианством, там, сложности. Большинство религий принималось на первых Вселенских соборах, начиная с первых веков новой эры. Как с этим быть?

Берёзкин Ю.М. – Почему «на Вселенских соборах»?

А.Д. – Я имею в виду основные постулаты религий...

Берёзкин Ю.М. – Есть Библия, есть Священные писания, есть Евангелия, есть Коран, есть Тора, например...

А.Д. – Но есть же другое...

Берёзкин Ю.М. – Что, другое? Это же – свидетельства. Что такое Библия? Это – свидетельства неких чудес. И там работает не научная проверка эксперимента: было это или не было? Так вопрос даже не ставится. Либо ты в это веришь, и тогда у тебя, просто, сознание поворачивается, и у тебя появляется некий «вход» во что-то. Либо – не веришь, и тогда для тебя этот «вход» закрыт. Напрочь!

Давайте, про религию оставим разговор. Мы здесь – не специалисты. Во всяком случае, я себя не считаю таковым. Поэтому продолжать этот разговор достаточно бессмысленно. Серьёзно – не можем, а по-другому – лучше не надо.

И.С. – Там же предполагается, что все люди останутся.

Берёзкин Ю.М. – Да, но по-разному останутся. Одни – будут мучаться, другие – нет.

И.С. – Ну, да.

П.О. – Можно вопрос?

Берёзкин Ю.М. – Да.

П.О. – У восточных народов мышление есть?

Берёзкин Ю.М. – Мышления в европейском смысле слова – нет. А то, что у них есть, это надо их спрашивать.

С.Г. – То, что Вы сейчас говорили, это европейская точка зрения.

Берёзкин Ю.М. – Ну, конечно. Нас же всех воспитывают как европейцев. Даже Ганбаяра здесь учат как европейца. Несмотря ни на что. Как он себя при этом ощущает? – я не знаю. Ему здесь вкладывают, пусть и искаженные, но стандарты европейской культуры, которая три тысячи лет живёт. И основное свойство европейства как такового состоит в том, что вся деятельность (которая даже восточными народами осваивается) основана на мыслительных идеализациях. «Понятие» – это мыслительная идеализация. «Знание» – это мыслительная идеализация. «Категория» – это мыслительная идеализация. На Востоке этого нет. Но там есть другое. Например, у китайцев есть «стратагемы». Это очень близко к тому, что у нас теперь называется «схемами». «Схемами действий» в определенных ситуациях. И они мыслят не идеальными объектами типа «атом», «клетка», «финансовый инструмент», «предприятие», «бизнес» и т.д. Это всё – идеализации. Нет этого в реальности. Мы просто определённые конструкции придумываем, а потом в соответствии с этими «шаблонами» начинаем действовать. Оно и появляется. У них, в этом смысле, этого нет. Но зато есть другое. Например, «икконография». Я имею в виду иероглифы. Это так называемая «икконопись», когда не буквы в цепочки выстраивают, а изображают некие «картинки», которые сразу целую ситуацию схватывают. И под эти ситуа-

ции они за много веков ещё выработали то, что получило название «стратаге-мы». Т.е. некие структуры действий в определенных типовых ситуациях.

Есть сейчас такая версия (и она сейчас набирает всё большую силу), что Восток для Запада готовит очень большую «свинью» в виде Интернета. Поскольку западные люди, втянувшись в Интернет-технологии, всё время видят только картинки и вынуждены на них реагировать. Фактически – видят «иероглифы». Вот, когда вы откроете Интернет, обложку какого-нибудь «mail.ru», то вы увидите сплошные «иероглифы». И на них начинаете реагировать. Переходите к другому «иероглифу», к третьему и т.д. То, что восточные народы прошли 3 тысячи лет назад, европейская культура только начинает осваивать. А методологи начинают рисовать схемы действий в определенных ситуациях. Т.е. Европа начинает с трудом осваивать с помощью своих средств то, что известно на Востоке уже 3 тысячи лет, оказываясь далеко позади Востока. Восток же, наоборот: легко берёт западные технологии, перевооружается, превращая себя в не менее сильные, динамичные державы. Но при этом остаётся самим собой.

Но, возвращаясь к вопросу, в прямом смысле мышления на Востоке нет. В том смысле, как оно было изобретено в Европе даже ещё до греков эпохи Платона и Аристотеля, примерно, 5 или 10 тысяч лет назад.

Д.Ю. – А вот, говорят: «Китайские учёные совершили прорыв...»

Берёзкин Ю.М. – Нет, у китайцев, как и у японцев, никогда не было серьёзной науки (например, физики и т.п.). В прямом смысле – науки. Но есть очень много достижений в области технологий. Когда говорят, что «они что-то сделали...», то надо полагать, что они, попросту, украли какую-то идею или купили патент и сделали на этой основе какое-то технологическое продвижение. А мы потом покупаем автомобили у них с изобретённой какой-нибудь штучкой в России, в Германии, в других местах. Но в прямом смысле науки до сих пор нет даже в Японии. И в Китае – тоже. У них нет этой культуры идеализаций. Европейцы работают (прежде всего, в науке) только на идеальных объектах и идеальных понятиях. Мы берём и из всего того, что видим, вытаскиваем некую мыслительную «вытяжку», превращаем её в знак, а потом начинаем оперировать с этими знаками, а параллельно – с объектами реальности точно так же.

А.Д. – Мы, например, занимаемся осмыслением тех средств, которые наработаны в европейской культуре: категориями, понятиями и т.д. А на Востоке они занимаются подобными вещами?

Берёзкин Ю.М. – Какими?

А.Д. – Осмыслением стратагем и других вещей, которые на Востоке наработаны.

Берёзкин Ю.М. – Ну, Денис, я бы не взялся это обсуждать всерьёз. Понимаете, насколько мне известно, восточные культуры – интравертные. Т.е. то, что они там делают, они никому не рассказывают. Так было всегда. Они всегда были закрыты. Как устроено японское общество? – знают только японцы, а также те иностранцы, которые натурализовались, т.е. там долго жили. А европейцы, наоборот, – экстраверты. Т.е. они всегда описывали то, что делали. Причём, не столько для себя всё это писали, сколько – для всех остальных, куда они огнём и мечом свою цивилизацию продвигали. Кстати, то, что сейчас в

Америке творится, это не то, что написано в «Финансовом менеджменте» или в «Экономиксе». Это написано для других. Если хотите, для «негров». И мы в эту категорию входим. Т.е. – для *неграждан* Америки.

И.С. – Они сами-то по ним жили? Работали?

Берёзкин Ю.М. – Или жили, или не жили, мне неизвестно. Надо стать американцем, окунуться вот в это, и тогда поймёшь. Говорят, 10 лет нужно, чтобы произошла натурализация. Тогда начнёшь понимать, как там жизнь устроена, на самом деле. Но европейцы всегда свои идеализации выносили на внешние носители. Откуда, собственно, культура и взялась.

Культура – это то, что делаешь и ещё закрепляешь образцовые способы делания на внешних носителях. И эти внешние носители начинают жить дольше, чем ты сам. Причём, внешние носители – это не просто «бумажки». Книги, которые напечатаны. Это – само собой. Ещё специально придумывают организационные механизмы из человеко-машин типа этого университета. И эта «машина» работает уже независимо от людей. Половина или две трети людей умрёт или уйдёт, всё равно в её («машине» университета) работе ничего не изменится. Всё равно эта «машинка» будет так же крутиться. Я думаю, что даже ректорат сменится, и всё равно лет 20 всё так же будет двигаться.

И.С. – Получается, что американцы – не экстраверты?

Берёзкин Ю.М. – Нет, они, как раз, экстраверты. Они то, что делают (или – думают, что делают) – описывают. А потом миссионерством занимаются. Т.е. распространяют как можно шире. Это длится ещё со времён Александра Македонского. Ему Аристотель внушил, что есть «ойкумена» (т.е. обжитое пространство греков) и есть «варвары». И нужно «варваров обращать в греки». И Александр Македонский этим всю жизнь и занимался. Создал 12 Александрий, от которых теперь одна осталась. Все остальные кончились. И полмира покорил и этот греческий мир распространил. Ведь «колония» – это поселение, построенное по образцу «метрополии». В своих колониях греки даже горы и реки называли теми же именами, как назывались горы и реки в самой Элладе. Т.е. все стандарты жизни выносились и насильственно насаждались. Но это мы и сейчас видим на каждом шагу. Американцы, вон, в Ираке начали «демократию» насаждать. С какого боку там демократия может появиться? Неизвестно. Если она противоречит всем тамошним устоям жизни.

И.С. – Говорят, что мы тоже должны писать учебники для них, чтобы они приехали сюда и здесь учились.

Берёзкин Ю.М. – Да всё уже написано. Существуют и учебники, и министерство с кучей чиновников, которые следят, чтобы соблюдались определённые стандарты обучения, программы и прочее, и прочее. И если я вдруг начну что-то делать своё, никто мне этого не позволит. Я очень жёстко зажат в определенных границах. Если у меня «финансовый менеджмент», то я «отсебятину» могу, конечно, немножко говорить, но – очень немножко! Как вы заметили, наверное. Я вынужден в основном говорить то, что существует в виде стандартизованных норм. Есть много механизмов восстановления нарушаемых норм. Культура – не просто «набор знаний». А ещё она превращена в механизмы

нормирования. Нормирования и подчинения действий этим нормам. И это – очень мощные механизмы.

Вот, рыночные механизмы, которые пытаются сейчас, в очередной раз, внедрять в России, это – слабые механизмы. Существуют гораздо более мощные. Те же американцы нас сейчас пытаются «продвинуть» в рыночные механизмы, а сами от них давно уже ушли. Если рыночная экономика у них и была, то лет 50 или 80 назад.

Г.А. – А как сейчас у них называется?

Берёзкин Ю.М. – А пока никак не называется. Назовут попозже. Пройдёт ещё сто лет – придумают какое-нибудь подходящее слово. Кстати, слово «капитализм» знаете, когда появилось? Маркс, например, не употреблял слово «капитализм». Т.е. в середине XIX века этого термина не было. Был «капитал», были «капиталисты» – владельцы капитала, а «капитализма» как строя, формы организации общества и хозяйства, – не было. Этот термин ввёл в культуру в 1905 году Вернер Зомбарт, выпустив знаменитую книгу, которая называлась «Современный капитализм». Толстенный том, в котором он всё это опредметил. Назвал соответствующим словом. И всё – теперь «капитализм»!

Это, кстати, уже на излёте было. Капитализм уже кончался, а его только назвали. И нашу эпоху назовут. Но попозже. Не знаю, может быть, вы и доживёте до этого момент, если проживете лет по 90. Тогда, может быть, и узнаете про это. Я-то точно не доживу.

Д.Ю. – У нас есть перспектива.

Берёзкин Ю.М. – Ну, да.

(смех)

А.Д. – У меня такой вопрос. Методолог должен мыслить тем, что вне него?

Берёзкин Ю.М. – Безусловно. Я Вам дал сегодня занятный текст. Вот Вы его прочтите обязательно. Там написано: «Категории – это вход в мышление». Если ты не знаешь, как работать с категориями, то для тебя туда вход закрыт. И всё! А если ты своё сознание можешь определённым образом настроить так, что оно сможет работать с тем, что называется «категориями», у тебя появляется возможность входа. Что ты там делать будешь? – это другой вопрос. Но большинство про эти входы даже не знают.

А.Д. – Т.е. получается то же самое: нужно уйти от предметности индивидуального сознания и выйти в те понятийные области, которые едины для всех?

Берёзкин Ю.М. – Да. Конечно. Но дальше, смотрите: если ты туда вошёл, ты можешь «набраться окаянства» (как говорил Георгий Петрович) и в мышлении попытаться построить нечто такое, чего там ещё не было. И тогда для других это будет ещё одним поводом для опредмечивания и всего остального. Можно будет другим «насадить»...

Ну, как Платон и Аристотель – два когда-то живших грека сделали нечто, а всё человечество две с половиной тысячи лет между ними бегает. И никуда вырваться не может. То к одному ближе, то – к другому. И всё время – между ними. А у них – прямо противоположные позиции. И ничего другого люди пока не изобрели. Сколько философов прожило на свете за это время? И все – либо ближе к одному, либо к другому.

А.Д. – Ещё вопрос. Возможность мышления со временем развивается? Или она такая же, как и три тысячи лет назад? Например, во времена Аристотеля не было технического прогресса. А мыслительные средства, которыми он пользовался, были те же, что и сейчас?

Берёзкин Ю.М. – Так он же их и изобретал. Он изобрёл львиную долю мыслительных средств, в которых мыслился тогдашний мир. Смотрите: не сегодняшний мир. Почему от Аристотеля физика ушла? Хотя до сих пор на кафедрах физики полно аристотелианцев, которые думают, что живая, натуральная природа существует. Как Аристотель думал. Хотя никакой естественной природы давно уже не существует. Там уже столько искусственного привнесли! Даже в человеке уже почти ничего от Господа Бога не осталось. Там столько всего! И антибиотиков, и всякой «грязи» искусственной, привнесённой. От естественного биологического организма там мало, что осталось. Теперь это – такая, искусственно-естественная конструкция или смесь. Бог знает, какая. Я уж не говорю про то, что руками делается. 90% того, чем занимаются химики, это – не открытие чего-то «природного», это – синтезирование того, чего нет и не было в природе. И мы в этом во всём живём.

У Аристотеля этого ничего не было. И не могло быть. Его категории, эти 12 категорий, которые он ввёл в метафизику, это – про тот мир, в котором тогдашнее общество жило.

А.Д. – Я понимаю, что сейчас появилось много предметов, которые они не могли знать. А я говорю про мышление как таковое.

Берёзкин Ю.М. – Что значит «как таковое»? Утверждается следующее: когда-то мышление было одно, а потом оно стало расслаиваться. Появилось, например, научное мышление, которое очень сильно отличается от проектного. Проектное мышление, в свою очередь, отличается от философского. А философское – очень сильно отличается от методологического. И все эти типы мышления построены, просто, по-разному. Но базовые вещи в мышлении – все те же самые: категории, понятия, идеализации.

А.Д. – Ну, грубо говоря, если бы сейчас Аристотель родился, у него было бы то же мышление?

Берёзкин Ю.М. – Думаю, что он сейчас не смог бы жить со своим мышлением. Он быстро бы выяснил, что всё вокруг устроено по-другому. Вы поймите, для Аристотеля, например, не было «движения» самого по себе, как мы сейчас думаем. Движение мысли – «движение», движение автомобиля – тоже «движение», движение руки – тоже «движение». Для него было так: вот – вещь и она может двигаться вверх, вниз, в одну сторону, в другую. И это было 4 разных движения. И они были совершенно разными, которые нельзя было путать. И вещь, двигаясь в этих четырех направлениях, всегда стремится занять то место, которое ему положено от природы. Он полагал, что просто так «человека» не существует, а есть «гражданин, есть «раб», есть «плебей» и ещё кто-то. И это было всё разное.

А.Д. – Он мыслил так?

Д.Ю. – Мышление же не его было, оно общее.

Берёзкин Ю.М. – Он, просто, отрефлектировал то, в чём жило тогдашнее общество. Первый шаг мышления – это рефлексия. Вот нечто говорится, нечто делается, а мы должны себя как бы вытащить из этого в тот, верхний, слой, в мышление. Там что-то сконструировать по определённым правилам, очень жёстким. Причём эти наши мыслительные конструкции должны соответствовать этому реальному миру. И, соответственно, мир опредметить с помощью них, чтобы можно было об этом мире артикулировано говорить и осмысленно действовать в нём. Тогда это начинает заимствоваться. Но пока этого не сделано, народ – дикий, цивилизации никакой нет.

А сейчас живут в другом мире, и, следовательно, мышление должно быть другим. Вот утверждается, что современный мир всё больше и больше уходит от субъект–объектных представлений. Нет «субъектов», нет «объектов». И это – давным-давно уже. Соответственно, и мышление уже на других основаниях должно строиться.

Г.А. – Ну, по идее, мышление характеризуется способностью к распредмечиванию. Если человек способен распредмечивать, значит, он способен к мышлению?

Берёзкин Ю.М. – Нет. Нет. Это, знаете...

Г.А. – Ну, большинство же людей...

Берёзкин Ю.М. – Подождите, не торопитесь... Я просто хочу найти какую-нибудь подходящую метафору, чтобы было понятно, о чём здесь речь. Ну, вот, смотрите, может быть это не очень правильно, но – тем не менее: если у Вас есть способность ухаживать за девушкой, это ещё не значит, что Вы можете быть отцом, породить кого-то. Чувствуете разницу? Да? Сколько угодно можете *иметь способность* ухаживать, и из этого может ничего не выйти. И здесь тоже: ну, научились распредмечивать. Первый шаг сделали туда. А до мышления ещё – как до Луны.

Г.А. – Но ведь главное в мышлении – распредмечивание?

Берёзкин Ю.М. – А в мышлении главное – работа с категориями и через категории. Если ты можешь работать с категориями или в категориях, ты можешь иногда мыслить. Если нет – то лучше даже не говорить про это.

Г.А. – Я и говорю: способность людей распредмечивать, работать с категориями. А что, ещё есть что-то?

Берёзкин Ю.М. – Да, просто, наборы категорий в мышлении всё время используются разные. В старых категориях мышление не живёт.

Д.Ю. – Категории развиваются...

Берёзкин Ю.М. – (смеётся) Неизвестно, они развиваются или деградируют. Вот большинство людей считает, что «прогресс» – хорошая вещь, а какой-то американец (забыл фамилию) написал книгу «Катастрофический прогресс», и весь мир за это его зауважал. Там он показал, что везде, где есть прогресс, всё это ведёт к катастрофам. К большим или меньшим. И «развитие» – очень неоднозначная вещь. Например, не факт, что мы сейчас развиваемся. Более того, сам по себе человек развиваться не может. Ну, как говорил Гегель: «Ножка стула не может развиваться». Человек – не самодостаточен, как ножка стула. Развиваться может только некоторая целостность. И в этом – очень большая про-

блема. Либо Вы себя начинаете к этому целому причислять и участвовать в развитии это целого, ну, например, деятельности какой-нибудь, и тогда, по сопричастности, и Вы можете получить развитие. Деятельность может развиваться. Мышление может развиваться. Вы же можете себя только пытаться туда вставлять, а заодно, и себе что-то получать.

Г.А. – Категории – такие штуки, ещё не осознанные...

Берёзкин Ю.М. – Кстати, что Вы понимаете под «категорией»?

Г.А. – Очень интересный вопрос.

Берёзкин Ю.М. – Да, интересный. Если Вы говорите, что «это – такие штуки...», то для Вас это является чем-то предметным, вроде, вещи.

А.Д. – Под «категориями», видимо, разное понимают разные люди, когда пишут: «яйцо 2-й категории».

Берёзкин Ю.М. – Ну, это-то да.

Г.А. – Категория – это мыслительная единица, может быть?

Берёзкин Ю.М. – «Мыслительная единица». Правильнее – «единица мышления». Не «мыслительная единица», а определённый инструмент мышления, но очень специфический. И чаще всего «категории» понимаются неправильно. Даже в вузах неправильно преподают. Я уж не говорю про яйца «первой категории». Или отнесение бомжей к определённой «категории населения».

И.С. – Если мышление культивируется в европейских университетах, то в Китае же тоже есть университеты.

Берёзкин Ю.М. – Ну, там, просто, – другое.

И.С. – Там же есть тоже учёные. Как же это достигнуто?

Берёзкин Ю.М. – Вы знаете, какой главный предмет в американских университетах? Думаете, такой же, как у нас? Не знаете, какой? Во всех, между прочим, американских университетах. Политкорректность! Главный предмет. А что в китайских университетах? – я не знаю. Не был там.

И.С. – «Политкорректность» – как вести себя в обществе?

Берёзкин Ю.М. – Да. И это муштруют так, что даже когда спишь, у тебя – вот такая (показывает) улыбка.

(смех)

И.С. – Этому учат?

Берёзкин Ю.М. – Этому не просто учат. Это муштруют, как в армии. Примерно, так же. А вы думаете, что там «свобода», значит – расхлябанность. Ничего подобного. «Свобода» – вещь очень жёсткая. Кстати, когда есть свобода, нет выбора. Это – очень трудный для понимания наших людей тезис. Если есть выбор, значит, вам его уже кто-то подсунул, и значит, вы уже не свободны. Вас уже «обули», что называется.

И.С. – Это если выбирать из двух вариантов.

Берёзкин Ю.М. – Какая разница? Тем более не свободны, если выбирать нужно из ста вариантов. Значит, вас уже в такую «клетку» загнали, что в какой бы угол вы ни ткнулись, вам это уже приставлено. А вот, когда вы свободны, выбора нет. И мышление задаёт такую траекторию, когда ты абсолютно свободен. А как только тебя начинают с какого-то бока держать, всё! – свобода заканчивается. Мышление – тоже. И появляется выбор.

А.Д. – Мы же зажаты культурными рамками.

Берёзкин Ю.М. – Конечно! Культурные рамки – это такие тиски. Они же ограничивают человека. В буквальном смысле слова. Слово «ограничивают» очень точное. Точно так же ограничивают камень, прежде чем вставить в перстень. Ограничивают с разных сторон. И человека так же со всех сторон «обтачивают». Ограничивают. Культурный человек через определенные границы переступить не может. А у некультурного – «тормозов нет», как говорят, и ему «море – по колено».

А.Д. – А можно «уличную культуру» ввести в общую?

Берёзкин Ю.М. – Думаю, что нельзя. Культура предполагает внешние носители, механизмы трансляции, соответствующие общественные институты. То, что называется «уличной культурой», или «субкультурой», нельзя встроить в это во всё. «Уличная культура» меняется очень быстро. Вот, в моей молодости была одна «субкультура», у нас один был слэнг, на котором на улице разговаривали. Сейчас разговаривают совершенно по-другому. Пройдёт ещё 40 лет и это уйдёт.

А.Д. – А если обеспечить «субкультуре» воспроизводство?

Берёзкин Ю.М. – Вот, если обеспечить, то да. Но это практически невозможно, т.к. все институты работают против этого.

Г.А. – Оно само собой обеспечивается. В литературу попадает...

Берёзкин Ю.М. – Нет. Скажите, Алексей: Вы различаете «язык» и «речь»?

Г.А. – «Язык» – это какая-то совокупность обозначений, символов, звуков.

Берёзкин Ю.М. – Нет и нет. «Язык» – это жёстко нормированная, главным образом, письменная речь, по определённым правилам осуществляемая, и эти правила жёстко контролируются. И есть механизмы сохранения этих правил, их воспроизводства. Такая – трансляция в поколениях. Соответственно, «речь» подчиняется «языку». Но «речь» может отклоняться от требований «языка», быть в значительной степени произвольной. Живая речь существенно более произвольна, по сравнению с языком. Я могу и так сказать, и эдак. В разных ситуациях по-разному говорю. Но когда надо, язык меня ставит на место. Ну, например, я не могу на каком-нибудь дворовом слэнге написать учебник финансового менеджмента. А если я начну на слэнге лекции читать, то меня очень скоро попросят отсюда. Поскольку, как известно, «стены тоже слышат».

Лигвистами-этнографами все подобные вещи были многократно изучены и описаны. Был такой Альфред Вебер, брат знаменитого Макса Вебера. Он – этнолингвист, занимался много лет южноамериканскими племенами. Он много раз туда ездил. Первый раз – в молодости, а последний – будучи уже в преклонном возрасте. Когда он был ещё молодым, он, как Миклухо-Маклай, прожил в одном из племён несколько лет, выучил и описал их язык. А потом туда же приехал лет через 30 и ужаснулся: язык там был совершенно другой. Он ничего понять не мог. Это было зафиксировано тогда как основной аргумент того, чем «культура» от «некультуры» отличается. Он не смог ни с одним соплеменником поговорить на их прежнем языке. Потому что у этого племени не было культуры. Не было фиксации языка, а была речь. Речь течёт, люди меняются,

ситуации меняются, и речь, соответственно, видоизменяется. «Язык» не был зафиксирован на внешних носителях как некий образец. Он изменился.

И с «субкультурой», примерно, то же самое. Куда бы она не просачивалась, есть фильтры, через которые она просочиться не может. Даже если какие-то экстравагантные «писатели» пишут книги на матерном языке, чтобы выпендриться, в культуру это не войдёт. Просто, не войдёт, и всё. Хотя есть любители этого дела.

Так, будем заканчивать. От «жилья» мы ушли. А жалко. Хорошо было бы отрефлексировать это всё: в каких понятийных расчленениях мы пытались это дело обсуждать? Попробуйте, всё-таки, разложить всё наговоренное по полочкам. Вот, Вы, Денис, разные категории упоминали: «единое – многое», действительности разные упоминались: «экономическая», «юридическая» и т.д. Использовалось это в нашем обсуждении или не использовалось? Если не использовалось, почему? А то, что использовалось, это – откуда? И, вообще, что? В каких принципиальных различениях это всё мы обсуждали? Потому что, если это всё не отрефлексировать и на внешние носители – на доску или бумагу – не зафиксировать, то всё пропадёт. Испарится.

А.Д. – На магнитофон же пишется.

Берёзкин Ю.М. – Ну, это само собой. Но он же пишет всё подряд, что мы говорим. А нужно выжимку сделать. Рефлексивную. Попробуйте.

А.Д. – Мы же двигались в предметной плоскости.

Берёзкин Ю.М. – Ну, сначала – в предметной, потом же мы попытались распределить. Мы пытались вернуться к исходным принципам и понятийным различиям. Пытались предмет разложить по разным «полочкам». Если это отрефлексировать, то это было бы очень интересно. Если бы нам это удалось на таком, достаточно простом, примере, хотя бы раз сделать, да ещё и понять, как это делается по принципу, то это же потом можно было бы делать по поводу чего угодно. Т.е. нужно почувствовать сам метод распределения. Потому что мыслить можно только в распределённых структурах.

Так, на этом всё. Всем спасибо.

Прикосновение шестое

Берёзкин Ю.М. – Что будем обсуждать сегодня? У кого есть идеи?

А.Д. – На прошлом занятии было предложено отрефлексировать семинары по «Проблеме ветхого жилья». Я попытался. Не знаю, насколько хорошо это получилось.

Берёзкин Ю.М. – Ну, давайте, насколько это возможно.

А.Д. – В целом мы рассматривали то, как было представлено наше видение этой проблемы. И оно сразу было в корне неверно, поскольку мы предполагали (как бы, по умолчанию), что само понятие «жильё» у нас было задано. И нам казалось, что оно всем понятно, и не требует никакого разъяснения. Поэтому неверно было принято основание доклада.

Во-вторых, о тех ошибках, которые мной были сделаны. Многие различные проявления проблемы ветхого жилья, о которой я пытался сказать, все бы-

ли предметизованные. Я пытался единую картину слепить, вместо того, чтобы обрисовать саму проблему в целом, которая могла бы быть выделена, если бы мы начали рассматривать само исходное понятие «жильё» как таковое. Распредметить его, и сравнить получившееся с тем, что имеется в обывательском представлении. Если бы мы сравнили, тогда получилось бы, что обывательское представление не соответствует действительному, распредмеченному понятию жилья.

Берёзкин Ю.М. – Денис, а как можно представить вот это «распредмеченное понятие», как Вы говорите?

А.Д. – Ну, как я его вижу? Это – на тех же оппозициях: необходимо сначала выделить какие-то смежные понятия, с одной стороны, и противоположные понятию «жильё», с другой. Разграничить их между собой, чтобы было чётко видно, чем «жильё» отличается от «жилища», «дома», «строения», «здания» и т.д. Пытаться какие-то рамки поставить, в которых может существовать данное понятие. А такое мне кажется можно достичь, двигаясь в категории «единое-многое», когда мы одну сторону жилья раскрываем, потом другую, потом третью... И в итоге, на таких противопоставлениях, будет вырисовываться некая общая картина того понятия. Затем, когда мы уже ухватываем целую картину, можно, собственно, и переходить к той проблеме, которая у нас была обозначена в качестве темы. Там массу проблем можно было бы выделить.

Берёзкин Ю.М. – Ну, хотя бы две, давайте, представим.

А.Д. – Если сравнивать обывательское представление о жилье и то понятие «жильё», которое появляется в результате рапредмечивания, то оказывается, что они очень не соответствуют друг другу. Это – первая проблема. И вторая проблема – это то, что зачастую при принятии каких-то решений или законов очень мало уделяется внимания распередмечиванию и очерчиванию исходного понятия, проблему которого пытаются решать. Это – вторая проблема.

Берёзкин Ю.М. – Нет, Денис. Смотрите, Вы говорите: «Распредметить понятие». Если Вы понятие зафиксируете на доске во всех его разложениях – это и будет «распредмеченное нечто». Поскольку «понятие» и есть распредмеченная форма, т.е. предмет раскладывается в разные рамки, выделяется ядерное что-то, рамочное. Когда такая конструкция получается, мыслительная – это и есть «понятие». Т.е. нужен был переход от «схлопнутого», предметного представления именно к понятию. К понятийной структуре смыслов.

А.Д. – Т.е. нужно было рассматривать, за счёт чего мы этот предмет видим?

Берёзкин Ю.М. – Да, да, именно так.

А.Д. – Почему именно «жильё» ассоциируется в обывательском понимании с «домом»? Или с «помещением», где человек находится? В процессе обсуждения было явно видно, что «жильё» у нас отождествлялось и с «жилищем», и с обычным «домом», и со «зданием». Не было этих различий. Поначалу нужно было различить.

Берёзкин Ю.М. – А сейчас Вы можете выделить хотя бы основные структурные компоненты этого понятия? Говорим: «жильё», и что-то у нас в сознании витает. В виде некоего образа. А этот образ нужно разложить на какие-то рациональные конструкции. Тогда это будет построением вот этой понятийной

формы. И если мы это сделаем, у нас появится то, что называется «методом», который позволяет потом по-другому опредметить, но уже осмысленно и со знанием дела. Не просто, случайным образом. Ну, например, начать на самом деле создавать условия для того, чтобы жильё было не ветхим.

А.Д. – Как выяснилось, оно, вообще, ветхим не может быть.

Берёзкин Ю.М. – Слова есть слова! Нужно на доску это положить и показать, откуда что берётся? С чем связано? Ну, например, мы говорили, или я говорил, как это связано с хозяйством. Но ведь не со всяким хозяйством. Поскольку у хозяйства бывают разные формы организации. Некоторые их насчитывают то ли 6, то ли 7, исторически сложившихся форм организации хозяйства. А жильё появляется лишь в некоторых.

А.Д. – Тогда нужно строить типологию хозяйства.

Берёзкин Ю.М. – Да, нужно. Но прежде ещё нужно разобраться, что такое «хозяйство», вообще. Алексей, а что Вы понимаете под «хозяйством»?

Г.А. – Нужно дать определение?

Берёзкин Ю.М. – Не обязательно давать определение, можно работать более грамотно. Это значит, пытаться выделять основные, принципиальные моменты того понятия, которое принято называть «хозяйство». Что за конструкция имеется в нашем сознании, которое мы называем «хозяйством», но сознание, как правило, не видит этого. Хотя словами мы оперируем запросто: «домашнее хозяйство», «натуральное хозяйство», «крестьянское хозяйство», «партизанское хозяйство»...

А.Д. – Здесь обязательно человек должен присутствовать. Даже не человек, а семья, скорее всего, окружение человека, потому что без человека вряд ли хозяйство возможно...

Берёзкин Ю.М. – Ну, без человека – да. Без человека человеческий мир не может существовать. Мы здесь, вообще, говорим только про человеческое.

А.Д. – Хозяйство – это, скорее всего, определённый вид деятельности.

Берёзкин Ю.М. – Почему «вид деятельности»?

А.Д. – Поскольку человек руководствуется некоторыми целями, которые он хочет достичь в результате хозяйствования.

Берёзкин Ю.М. – Человек ведь не всегда руководствуется целями! Есть много разных других ориентаций (мы в прошлый раз это тоже немного затрагивали). Не только на цели можно ориентироваться.

А.Д. – Цель заключается в создании благоприятного окружения, в котором человек может нормально вести свою жизнедеятельность, обеспечивать себя необходимыми средствами существования. Ну, и, так скажем, следование культурным нормам, обеспечивающим постоянное воспроизводство собственного окружения. И плюс – личностные мотивы, чтобы это было комфортно, благоприятствовало для жизни человека в этой хозяйственной среде.

Берёзкин Ю.М. – Пока, Денис, это только слова.

Г.А. – Можно мне сказать? Я тут немного написал с утра. Может быть, не в том контексте, как Вы говорите...

Берёзкин Ю.М. – Заодно скажите, что такое «контекст», в котором я говорю?

Г.А. – Позиция, с которой Вы задаёте вопрос...

Берёзкин Ю.М. – И про «позицию» тоже скажите. У нас здесь слова просто так не произносятся.

Г.А. – Здесь в дискуссии, в частности, задавался вопрос, коррелирует ли слово «жилище» со словом «хозяйство»? Я тут немножко написал по этому поводу. Я прочитаю:

«Когда мы говорим «жильё», то мы подразумеваем не только совокупность материальных условий: здания, отопительную и канализационную системы. Мы также подразумеваем связку этих материальных составляющих с проживающими в них людьми. Есть «жилищный комплекс» – совокупность выше обозначенных материальных элементов, а есть «жилой комплекс» – это та же совокупность, но в неразрывной связке с проживающими людьми. К примеру, и в «жилом комплексе», и в «жилищном комплексе» есть парковая аллея, но в жилом – это не просто мощёная дорожка с клумбами, а дорожка, по которой каждый день прогуливаются жильцы. В «жилом комплексе» также есть квартиры, но не просто квартиры, состоящие из пола, стен и потолка, как это и в «жилищном комплексе», но там постоянно присутствуют проживающие в них люди.

Также существует словосочетание «жилищное хозяйство» – это хозяйство по поддержанию городского жилищного комплекса, в неаварийном состоянии. По крайней мере, в нашей стране это именно так происходит. Т.е. хозяином в этом хозяйстве являются органы местного самоуправления. И, собственно, поэтому оно и называется не «жилым хозяйством», а «жилищным». Потому что оно включает в себя, во-первых, стремление поддержать нормальные условия жизни, а, с другой стороны, хозяином фактически выступает не сам жилец, а органы местного самоуправления. Причём, зачастую, люди, которые проживают в этом помещении, они, как бы, не входят в рассматриваемую совокупность. И это проявляется не только в том, что проживающие люди не являются полноценными хозяевами, но и в том, что в своих действиях фактический хозяин, т.е. орган местного самоуправления, даже не интересуется их мнениями, желаниями, предпочтениями. Потому хозяйство называется «жилищным», потому что основной орган управления, т.е. хозяин над всей инфраструктурой – это орган местного самоуправления, и он ведёт всю деятельность по поддержанию жилья в неаварийном состоянии. А сам хозяин, т.е. жилец квартиры, он не управляет этим процессом. Поэтому у нас так и называют: «жилищное хозяйство», а не «жилое хозяйство».

Ну, а почему люди не являются практическими хозяевами своей квартиры? – потому что это, во-первых, дали знать годы советской власти. Потому что у людей просто отняли ощущение чего-то своего. В частности, в СССР было такое правило, что когда человек умирал, то после него квартира доставалась не родственникам, а государству. Люди жили, как бы, «на птичьих правах». Во-вторых, может ли быть полноценным хозяином проживающий в «пенале»? Думаю, что у человека, который проживает в частном доме, черты хозяина развиты более сильно, чем у человека, проживающего в «хрущёвке».

Может быть, я не очень понятно выразился?

Берёзкин Ю.М. – Это-то всё понятно. Только, если бы Вы это дело рационализировали, хоть немножко. Потому что здесь у Вас только обыденные эмоции и бытовые интерпретации. Перед Вами стоит определенная картинка, которую Вы, собственно, нам и описали. Т.е. такая, предметная вещь. Напоминаю, то, что *пред* Вами находится и как бы *метится*, выделяется Вашим сознанием – это и есть «предмет».

Пусть даже правильно Вы это описали, или неправильно – всё это не очень интересно... Пусть будет правильно всё то, что Вы сказали. Нас же интересует, чтобы Вы начали, хотя бы чуть-чуть, разбирать, в каких контекстах Вы это всё говорили? Какие понятия Вы здесь затрагивали? Как эти понятия устроены? Вот Вы всё время говорите: «хозяин», «в большей мере хозяин», «в меньшей мере хозяин» и т.д. Как в Вашем представлении эти понятия устроены? Потому что сама по себе эта Ваша сборка – она и не хороша, не плоха. Миллион таких. Везде пишут. Я понятно говорю, или не очень?

Г.А. – Не очень. Но я понимаю.

(смех в зале)

Берёзкин Ю.М. – Вот, смотрите (рис. 1): Предположим, что это – Алексей Гриднев (рисует). Перед ним есть некий предмет, который отражается в его сознании в виде образа (на рисунке – на «табло» сознания). Тут он, как бы, «состан» из многих разных характеристик (условно изобразим в виде разных геометрических фигурок). Вы, Алексей, взяли, и этот образ на бумажечку аккуратно перенесли, и нам всё это произнесли.

А теперь стоит задача, чтобы Вы в своей собственной рефлексии (изобразим в виде такого «раздвоения» Вас самого с выходом в мыслительное пространство)...

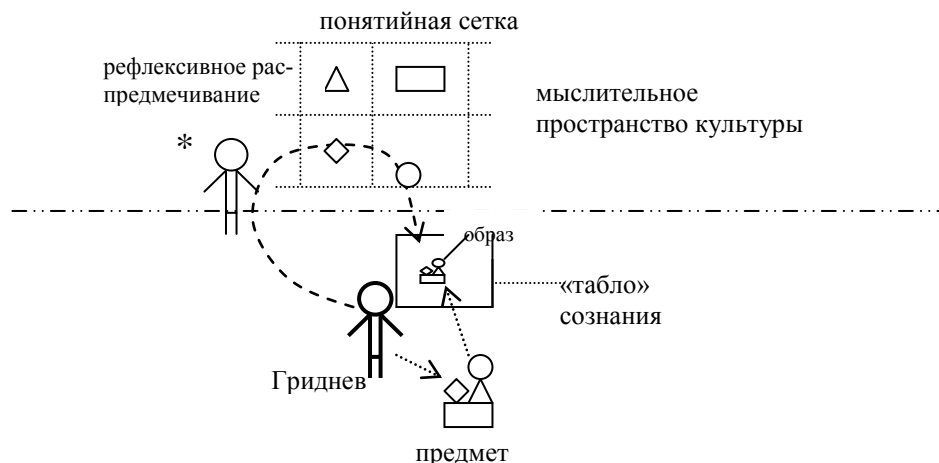

Рис. 1. Схема рефлексивного распределения

Вот так это обозначается (на рис.1 – фигурка со звездочкой)... посмотрели на то, что у Вас имеется в Вашем собственном сознании? И за счёт чего у Вас появился этот образ? За счёт каких понятийных средств? Здесь я вот так нарисую понятийную структуру, или – «сетку понятий», которую Вы затронули. Не Ваши личные образы, а «понятия, вообще», которые в культуре существуют, в истории живут. Понятия, напоминаю, тысячелетиями живут.

В какой понятийной сетке Вы это всё расчленяете? Можете сказать? Не об этом – что «перед» Вами, а об этом – что «за» Вами, за Вашим «табло» сознания стоит!

Я понятно нарисовал? Это – предмет, это – Ваш сознательный образ, а это – Ваше средство – понятийная сетка, которую на этот Ваш образ можно наложить, и сказать нам, что и из каких ячеек этой понятийной сетки Вы использовали в своём тексте?

Вот, спрашивается: каким образом это у Вас в сознании расчленяется? Можете пояснить?

Г.А. – Попробую...

Берёзкин Ю.М. – Потому что вот это расчленение и есть начало мыслительной работы. Если этого расчленения нет, то это... как бы так... только не обижайтесь, мы здесь иногда резкие слова говорим. Это – словесный понос. Когда всё подряд несётся из того, что есть в сознании... Это – ни хорошо, ни плохо. Люди этим делом почти все грешат.

А хорошо бы это всё расчленить, пусть даже на самом простом примере... Ну, вот у Вас текст всего лишь на одну страничку. Его бы вот так разложить по полочкам. Знаете, как было бы классно!

Г.А. – Ну я всё равно на своём стою, что жильё связано с человеком. Не бывает, там, «собачьего жилья», или ещё какого-то. Всегда это – человеческое жильё.

Берёзкин Ю.М. – Ну, хорошо, давайте то, что Вы говорите, зарисуем. Но я буду зарисовывать вот это (показывает на то, что в понятийном слое находится, на рис.1 «мыслительное пространство культуры»), а не вот это (показывает на предметный образ на «табло» сознания).

Итак, Вы говорите, что обязательно должен быть «человек» и должно быть то, что называется «жильё». Но пока это рисуем как «пустое место» (рис. 2), поскольку неизвестно ещё, что это такое.

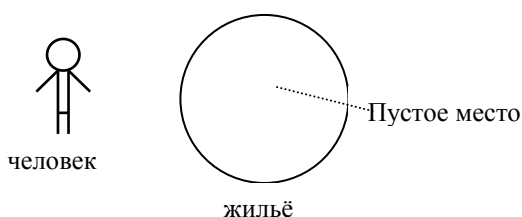

Рис. 2. Зарисовка исходных сущностных моментов текста Гриднева

Так, ещё что Вы говорите?

Г.А. – Жильё не может быть «пустым местом»!

Берёзкин Ю.М. – Подождите, у нас пока только «слово» и обозначено «место» для его содержания. Я и хочу, чтобы Вы какую-то определённую структурную «вещь» туда положили, в это место.

Г.А. – Как говорил Денис, «жильё» даёт определённые условия жизни, которые приносят ещё и комфорт. Которые дают возможность жить, а не просто удовлетворять потребности.

Берёзкин Ю.М. – Хорошо. Какая-то одна из характеристик этого жилья появилась. Это – «условия жизни» (рис. 3).

Пока мы не знаем, что это такое. Да? Вполне возможно, что разберёмся. Ещё что характерно для жилья?

Г.А. – Жильё – это, вообще, реализация творческой составляющей ума. Т.е. человек там строит, обустроивает...

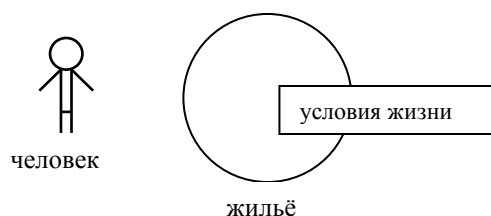

Рис. 3. Первая характеристика жилья

Берёзкин Ю.М. – Так, давайте не будем спешить. «Творческая составляющая» – это специфическая характеристика именно жилья? Она характерна только для жилья? Т.е. если не в жильё, то с творчеством у человека случается что-то совсем не то? Например, можно ли здесь, в университете, не в жилом помещении, заниматься творчеством? Если можно, тогда это неспецифическая черта для жилья.

Г.А. – Я думаю, что в гостях не нарисуете картину. Только – дѐма.

Берёзкин Ю.М. – Вот, обратите внимание на то, что Вы делаете: Вы неконтролируемо берѐте ещё одно «пустое место» и называете «домом». У Вас – это одно и то же, или это разное? Если разное, то, по каким основаниям?

Г.А. – Ну, «дом», если брать схему, которую мы с Вами рисовали, – это предмет. Определенное понятие.

Берёзкин Ю.М. – Ну, почему же? У Вас и «жильё» тоже определенное. Вот у Вас есть некий образ жилья, который Вы нам только что обрисовали словами, а за образом стоит соответствующий предмет.

Г.А. – Ну, мы же не видим «жильё», мы видим только «дом».

А.Д. – «Определенное» – не значит «материальное».

Берёзкин Ю.М. – Конечно. «Определенное» – не значит «материальное». Определенное – это то, что перед Вами стоит и фиксируется сознанием в виде образа...

Г.А. – Но, тем не менее, «дом» мы можем увидеть, а «жильё» никогда не увидим. «Жильё» – это внутреннее наполнение дома.

Берёзкин Ю.М. – Ага! Вот, смотрите: а дальше Вы говорите, что есть некая оппозиция жилью, и она по основанию: «внутреннее – внешнее». Ну, допустим. Пока имеем только то, что Вы тут произносите.

А.Д. – А несогласие можно?

Берёзкин Ю.М. – Можно.

А.Д. – Я так понимаю, что если «дом» – это материальное, то как тогда быть с такими словесными конструкциями: «я дома нахожусь», «я пошёл домой»? Они не означают, что я пошёл в какую-то материальную конструкцию.

Берёзкин Ю.М. – А Вы же не говорите: «я пошёл в жильё».

А.Д. – Нет. «В жильё», нет! Но в любом случае, не обязательно «дом» отождествлять с материальным чем-то!

Берёзкин Ю.М. – А он ничего не говорил про «материальное». Он сказал, что – это «внешнее»...

А.Д. – Нет, он сказал, что «жильё» мы не можем увидеть, а «дом» – всегда можем. Была такая фраза. «Дом» мы тоже вряд ли всегда можем увидеть.

Г.А. – В русском языке «дом» употребляется в двух смыслах. Если, например, «мой родной дом» и «мой дом», как бы, «материальный»...

Берёзкин Ю.М. – А в чём разница? Он и там – «родной», и здесь – «родной».

А.Д. – Согласен. Применяется как этикетка к зданию какому-то, например, говорят «Вот – дом», а говорят: «Я пошёл домой». Два разных, как бы, наполнения.

Берёзкин Ю.М. – А основания? Какое здесь основание для различения?

Г.А. – «Отчий дом», «родной дом»... это связано с «жильём».

Берёзкин Ю.М. – Так.

А.Д. – Тут в одном случае «дом» ближе к «жилью» становится, а в другом случае «дом» ближе к «жилищу».

Г.А. – Да.

Берёзкин Ю.М. – «Дом – жильё» и «дом – жилище». Здесь у Вас, по каким принципам различается? Ну, в первом случае, как я понимаю, «отчий дом», да? А здесь...

Г.А. – «Здание».

А.Д. – Дом с трубой. Деревянный дом, кирпичный...

Г.А. – Да.

Берёзкин Ю.М. – «Кирпичный»... Так. А здесь (в первом случае) чем отличается? «Отчий дом» отличается от «жилья» или нет?

Г.А. – «Отчий дом» всегда индивидуальный, т.е. я могу сказать: «мой отчий дом». Это мы не переносим на «жильё» Дениса.

Берёзкин Ю.М. – Почему? Я же могу сказать, что «у меня есть жильё», или «у меня нет жилья». Я живу в общежитии, и у меня нет жилья. Или, наоборот: у меня есть жильё, удобное или неудобное.

А.Д. – Ну, «отчий дом», скорее всего, именно в таком прочтении, что он не является «собственным» для того человека, который вот это говорит. «Отчий дом» – он там вырос, был воспитан, так скажем, в каких-то культурных нормах, но это не его собственность.

Берёзкин Ю.М. – Зачем Вы здесь «собственность» затрагиваете? Как говаривал когда-то Оккам, «не нужно плодить сущности без надобности». «Собственность» возникает, там, на двадцать пятом месте. «Отчий дом» может быть «жильём» или не может быть?

А.Д. – Конечно, может.

Берёзкин Ю.М. – Всегда?

Г.А. – Нет.

А.Д. – Но, вот здесь, наверное, всё-таки по отношению к тому, кто это говорит. Если «жильё» может быть «отчим домом», например, для детей хозяина,

у меня возникают ещё такие картинки: это не обязательно нечто, привязанное к «жилью». «Отчим домом» иногда называют... как бы это сказать?...

Берёзкин Ю.М. – ...миф! Некий миф. Ну, когда говорят: «И дым отечества нам сладок и приятен».

А.Д. – Да, да! Вот, я и хотел сказать, что совсем другое место может называться «отчим домом», например, «деревня» или...

Берёзкин Ю.М. – Или «дом, где родился».

А.Д. – Да. Здесь нет особой привязки к жилью.

Г.А. – А земля?

Берёзкин Ю.М. – «Земля»? Всё равно нужно сформулировать принцип, по которому это отличается. Либо это совпадает, либо это не совпадает.

А.Д. – Не совпадает.

Берёзкин Ю.М. – «Не совпадает». При каких-то определённых условиях оно может совпадать. Ну, ладно, Бог с ним! Это, как бы, небольшое отклонение.

Давайте всё-таки про «жильё» и те основные, принципиальные характеристики, которые именно «жилью» характерны. В некоторых случаях «жильё» может быть «отчим домом». В некоторых случаях, с какой-то определённой стороны, на «жильё» можно посмотреть как на «дом», «жилище». А вот непосредственно принципиальные характеристики понятия «жильё» в чём? И как это связано, например, с «хозяйством»? Алексей, как это у Вас было связано с «хозяйством»?

Г.А. – У меня? Сейчас вспомню...

А.Д. – Как говорилось на позапрошлом семинаре, «жильё» – непосредственное «условие ведения хозяйства». Оно – «составная часть хозяйства».

Берёзкин Ю.М. – Так. «Условия жизни» и «условия ведения хозяйства».

А.Д. – В жильё хозяйство ведётся? Либо жильё должно наличествовать в хозяйстве?

Берёзкин Ю.М. – И как? Так или так? И почему Вы говорили «ведение хозяйства»? Так, на самом деле, говорят. Но «ведение» – это не деятельностная вещь. А почему-то вот так говорят. И говорят неслучайно. Что здесь понимается под «хозяйством»? Как «хозяйство» можно представить? Хотя бы в самых простейших расчленениях. Что делает тот же «хозяин», когда «ведёт хозяйство»? И в каком месте там «жильё» находится?

А.Д. – В хозяйстве хозяин должен обеспечивать свой процесс жизнедеятельности. Т.е. если брать натуральное хозяйство, например, то обязательно он с помощью этого хозяйства должен какие-то свои потребности удовлетворять. Не потребности даже, а удовлетворять нужды человека, как биологического существа. Например, с помощью хозяйства себе питание добывать, с помощью хозяйства должен ещё какие-то условия создавать. Опять же, чтобы крыша над головой была, т.е. жильё.

Берёзкин Ю.М. – Так, ну, и как я здесь должен это рисовать? Хозяйство – это...

А.Д. – Это более объёмлющая вещь, по сравнению с «жильём».

Берёзкин Ю.М. – (Рисует) «хозяйство»... и здесь много разных «условий»: «условие 1», «условие 2», «условие 3»... «условие n». И в том числе –

условие жизни в виде «жилья». «Жильё» – это ещё одно условие для вот этого человека – хозяина (Рис. 4).

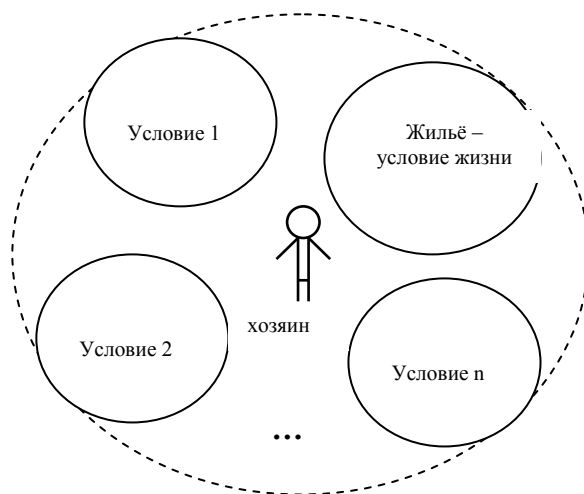

Рис. 4. Простейшая структура хозяйства

Так или не так?

А.Д. – Ну, да.

Берёзкин Ю.М. – Но ведь, на самом деле, вот эти кружочки, что я нарисовал, они же ведь являются... чем? Это же не само «хозяйство»?

Г.А. – Элементы хозяйства?

Берёзкин Ю.М. – Не элементы. Смотрите, с помощью хозяйства создаются условия. Ведь так? Условия для питания, для проживания, для всего остального, и это есть, что?

А.Д. – Но без этого и само хозяйство не может существовать.

Берёзкин Ю.М. – Нет! А вот это вот – не факт! Смотрите: не само вот это вот (показывает на внутренние «кружочки» рис. 4) является «хозяйством». «Хозяйство» мы где-то в другом месте должны каким-то образом нарисовать, например, «под» той сферой, в которой мы изобразили «условия жизни» (рис. 5). И отдельно выделить «результаты» ведения хозяйства: «результат 1», «результат 2» ... «результат n» и т.д. Человек «ведёт хозяйство» и «результатами» ведения хозяйства являются некие «условия», которые нужны для жизни этого человека-хозяина. Одним из таких результатов-условий является...

А.Д. – Наличие жилья.

Берёзкин Ю.М. – «Наличие жилья». А теперь скажите, что значит «хозяйство»? И что значит «вести хозяйство»? Что это значит? «Ведёт хозяйство» – это вот он – «хозяин».

Г.А. – Создаёт эти условия для жизни себе и своей семье.

Берёзкин Ю.М. – А что это значит? Результатами ведения хозяйства являются условия для жизни – жильё и другие условия...

А.Д. – Если какие-то архаичные условия брать, то там, наверное, самые примитивные условия были. Например, первобытный человек обустроил пещеру...

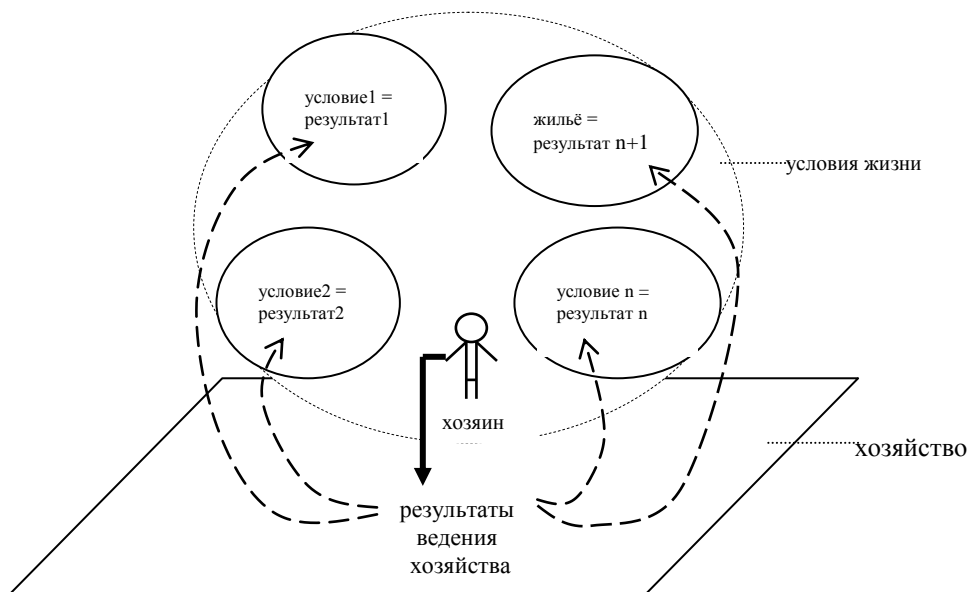

Рис. 5. Хозяйство и результаты его ведения

Берёзкин Ю.М. – Это значит «ведёт хозяйство»?

А.Д. – И ведёт хозяйство. В лесу раскопал землю и высадил там какие-то семена. Потом из всего природного многообразия, там, собаку завёл, мамонта одомашнил...

Берёзкин Ю.М. – «Ведёт хозяйство» – это что значит? «Обрабатывает участок» – и что результатом является?...

А.Д. – Допустим, пища.

Берёзкин Ю.М. – (пишет) «Пища». «Завёл собаку»...

А.Д. – Ну, «охрана стада»...

Берёзкин Ю.М. – (пишет, рисует) «Охрана стада».

(смех в зале).

Берёзкин Ю.М. – Ну, мы пока на таком уровне. Потом мы это дело попытаемся более рафинировано представить, но пока на уровне вот таких смыслов. Чтобы одно с другим не слипалось.

Г.А. – В целом, самодостаточная жизнь получается.

Берёзкин Ю.М. – Ну, да. «Хозяйство» позволяет независимо жить. А из чего состоит «хозяйство»? Грубо, так. Структурная форма у «хозяйства» какая?

Г.А. – Природный план, может быть...

Берёзкин Ю.М. – Во-первых, что-то там с природой делается. Природа...

Г.А. – ...преобразуется.

Берёзкин Ю.М. – Правильно! Природа преобразуется. Ещё что?

Г.А. – Преобразователь – сам человек.

Берёзкин Ю.М. – Да, «человек-преобразователь».

Г.А. – И цель, из-за чего он это делает.

Берёзкин Ю.М. – Почему «цель»?

Г.А. – Ну, зачем он заводит собаку?...

Берёзкин Ю.М. – «Цель» возникает тогда, когда «деятельность» появляется. У пещерного человека не было «деятельности», там бы – выжить! Кстати, и у нас сейчас с «целями» не всё в порядке.

Г.А. – Когда человек преобразует природу...

Берёзкин Ю.М. – Ну, да. Это понятно, он природу преобразует для того, чтобы создавать для себя условия жизни.

А.Д. – В «хозяйстве» важна окружающая среда...

Берёзкин Ю.М. – А что ещё, кроме природы, может быть «окружающей средой»?

А.Д. – Ну, не природа, а социальная среда. Охрана нужна была, не только от волков, но и от тех же людей. Уже социальная составляющая всё равно появляется.

Берёзкин Ю.М. – И как мы должны её написать?

А.Д. – «Другие хозяйства»... так получается. Потом в хозяйство могут вовлекаться какие-то другие хозяйства. Допустим, человек, если те же архаичные формы брать, был вождём. Он других заставлял на себя работать, и то же самое – хозяйство вести.

Берёзкин Ю.М. – Это уже что?

А.Д. – Это уже неприродная составляющая.

Берёзкин Ю.М. – Не природная.

А.Д. – Преобразования...

Берёзкин Ю.М. – Что это значит?

А.Д. – Ну, социализация, может быть?...

Берёзкин Ю.М. – Как это можно назвать?

Г.А. – Он тоже преобразователь, но он не природу напрямую преобразует, а он управляет организационно.

Берёзкин Ю.М. – О, это очень точно! Как это называется?

А.Д. – Организация.

Берёзкин Ю.М. – «Форма организации хозяйства». Что такое «форма организации хозяйства»? Какие были формы? Если «форма», значит, наверняка, не одна.

Г.А. – Феодальная.

Берёзкин Ю.М. – «Феодальная» – это не столько форма организации хозяйства, сколько форма организации более сложного – целого общества. А мы пока про маленькую ячейку – «хозяйство». Что, вообще, любая форма организации задаёт?

Г.А. – Порядок.

Берёзкин Ю.М. – «Порядок» – это правильно. Подумайте... «Порядок» – это что значит?

Г.А. – Ну, т.е. нужно брать...

А.Д. – Сочленение какое-то... как форма преобразуется...

Берёзкин Ю.М. – А как вот эти вот слова я должен нарисовать в виде схемы? Как?

А.Д. – С одной стороны, есть природа...

Берёзкин Ю.М. – Так, с одной стороны есть «природа», есть «природный материал»

А.Д. – С другой стороны, есть человек, как...

Берёзкин Ю.М. – С другой стороны, есть человек.

А.Д. – Противопоставленный...

Берёзкин Ю.М. – Ну, здесь нужно иметь в виду, что это – не обязательно «индивидуальный человек», это – «совокупный человек». Это может быть «семья», это может быть какая-то другая «коллективность»...

Вот – это, как я должен нарисовать? Вернее: куда поместить? То, что, с одной стороны, «преобразуется», а с другой стороны – «преобразователь»?

А.Д. – Ну, как? Стрелку воздействия.

Берёзкин Ю.М. – Да. С одной стороны, человек преобразует. А с другой стороны, ... что?

А.Д. – Природный материал даёт ему некий результат.

Берёзкин Ю.М. – Да. «Преобразованный материал» – это что? Это – вот это вот «условие». Да? У человека появляются «условия». «Условия жизни». И одно из них – «жильё». Так? А вот это вот (показывает на «формы организации»), как на схеме изобразить?

А.Д. – А это то, что человек в процессе преобразования, так скажем, «наслаивает» на этот природный материал.

Берёзкин Ю.М. – А что значит «наслаивает»? А вот, что значит, что Алексей сказал: «порядок задаётся»? Что это значит?

А.Д. – Ну, грубо говоря, некий «трафарет», который, как бы, накладывается на это дело...

Берёзкин Ю.М. – На что?

А.Д. – На природу. На всё окружение. На то, что ему нужно.

Берёзкин Ю.М. – Ну, как на природу можно «трафарет наложить»?

И.С. – На преобразованный материал. Мы же нарисовали там четыре кружочка: 1, 2, 3, 4. На результаты...

А.Д. – Нет. На результаты не накладывается. Ну, вырезались некоторые объекты из природы...

Берёзкин Ю.М. – За счёт чего?

А.Д. – За счёт предметизации, той же самой.

Берёзкин Ю.М. – Но первобытные ничего не знали насчёт предметизации. Но природу переделывали. Просто, брали и переделывали. И определённым, упорядоченным способом переделывали. Ну, я уже почти сказал...

Г.А. – Вот эта, может быть, организация, которая...

Берёзкин Ю.М. – Ну, да. Вот эту форму организации хозяйства я должен нарисовать вот здесь, **поверх**...

А.Д. – Ну, она же находится тогда вне человека?

Берёзкин Ю.М. – Конечно, вне человека. Вот «формы организации», их много разных форм. Человек берёт одну из форм и куда накладывает?

А.Д. – Сначала в сознание.

Берёзкин Ю.М. – «В сознание», да... Всё через сознание, конечно.

Г.А. – Ну, и накладывает на какую-то природную деятельность...

Берёзкин Ю.М. – Нет. Он накладывает на «способ». Форма задаёт, собственно, «способ преобразования». И сколько разных форм, столько и способов схватывания этого природного материала (рис. 5).

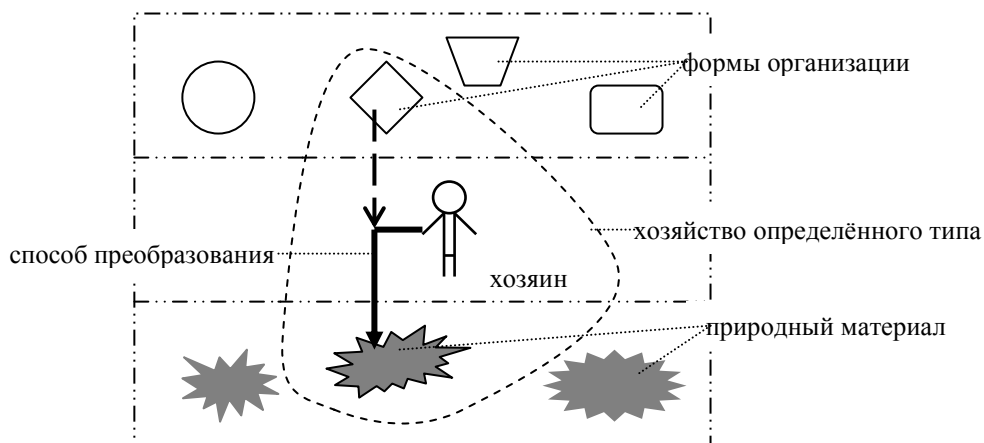

Рис. 5. Трёхслойная структура хозяйства

А дальше мы должны ввести «типологию». Чтобы у нас появилась не абстрактная картинка, а более предметная. Поскольку смыслы появляются относительно того, с помощью каких форм, какими способами он захватывает природный материал и превращает в свои условия жизни.

Типы разные были в истории. Какие типы форм организации хозяйства Вы можете назвать?

А.Д. – Самый простой – «натуральное хозяйство».

Берёзкин Ю.М. – Да, «натуральное хозяйство» – это первый тип. «Натуральное хозяйство». Это что такое? Что за тип?

Г.А. – Это когда с помощью хозяйства создаются все условия жизни.

Берёзкин Ю.М. – А если переформулировать иначе? Это что будет означать?

А.Д. – Это означает, что существует замкнутая организация...

Берёзкин Ю.М. – Да.

А.Д. – ...которая не имеет соприкосновений с другой, какой-то внешней средой. Ей хватает того природного материала, который имеется в её распоряжении...

Берёзкин Ю.М. – Т.е. цикл – полностью замкнут. То, что производится, то и потребляется. То, что американцы называют «prosuming», или «протребление». «Производство и потребление». Производство замкнуто на потребление, а потребление замкнуто на производство.

А, кроме этого, архаичного, натурального хозяйства, Вы можете привести ещё пример протребительского типа организации хозяйства...

А.Д. – Видимо, когда есть уже предприятие, простое производство, когда выделяются простое, расширенное воспроизводство, когда все зарабатываемые ресурсы идут на...

Берёзкин Ю.М. – Ой, подождите, Вы столько уже слов произнесли совершенно из разных мест. Просто, из разных мест!

(в зале говорят все одновременно)

А.Д. – Это похоже на дачу. По такому же типу устроено.

Берёзкин Ю.М. – Ну, «дачное хозяйство», оно только с определенными оговорками подходит: если бабушка не носит клубнику на рынок.

А.Д. – Опять же не факт, что преобразования ведутся только с помощью того, что получено на самой даче. Например, она может закупать какие-нибудь удобрения. Дачу она вряд ли сама построила из материалов с этого же участка. Это уже привнесённое. Замкнутый цикл не осуществляется.

Берёзкин Ю.М. – «Привнесённое» – это да. Но в любом случае, всё равно, есть ещё масса примеров, которые вот таким образом замкнуты на себя.

А.Д. – Ну, тут же задаётся принцип, что они самодостаточно осуществляются.

Берёзкин Ю.М. – Ну хорошо, а домашняя хозяйка, что делает?

Г.А. – Тоже, покупает удобрения, её хозяйство, как бы, с другими хозяйствами пересекается.

Берёзкин Ю.М. – Ну, это там мы потом разложим, как эти типы друг на друга «наезжают» и пересекаются. Это, да. Пока в чистом виде. Я бы пока написал здесь всё-таки «домашнее хозяйство». Поскольку всё то, что хозяйка делает, когда моет полы, стирает, окна моет, белит, в магазин ходит... Понятно, что она приносит продукты других, но сам процесс, который она сама производит – она для себя и своей семьи... Ну, ладно, пока будем считать, что здесь ещё есть какие-то варианты.

Какие еще типы есть? Напоминаю, что мы рассматриваем типологию организации хозяйства.

Г.А. – Когда произошло разделение труда, то есть одни хозяйства стали производить одно, другие – другое, т.е. у всех стал появляться излишек чего-то. Т.е. размыкается хозяйство, оно уже не может быть замкнутым...

Берёзкин Ю.М. – Хозяйство «натуральное» – первый тип. А какое появляется позднее?

Г.А. – Рыночное.

Берёзкин Ю.М. – «Рыночное», это – какое?

Г.А. – Рыночное – это когда появляются излишки, и они их начинают продавать. А другие, например, производят то, что первые не производят. Разделение труда происходит.

А.Д. – То есть здесь хозяйство ведётся не для удовлетворения всех потребностей, как в «натуральном» хозяйстве...

Берёзкин Ю.М. – Смотрите, Вы опять... Вы вспоминайте, хотя бы изредка, о чём мы уже проговорили. Мы сейчас ведём речь о формах организации вот этого взаимодействия человека с природой. Одной из форм организации является так называемое «натуральное хозяйство», или протребительская форма. Какие ещё? Юля, какие ещё?

Д.Ю. – Экономическая.

Берёзкин Ю.М. – «Экономическая». Ещё один тип. Смотрите: «экономическая организация хозяйства». Или попросту: «рынок». Или: «экономика». Это всё – такие, бытовые названия, не совсем правильные. Это «псевдоформы».

А здесь что является главным процессом? За счёт чего это вот организуется? Какой способ организации взаимодействия с природой здесь превалирует? Что является главной организованностью, которая позволяет потребление обеспечить?

Возьмём, к примеру, домашнее хозяйство? Чем оно, вообще, оперирует? Что хозяйка, собственно, производит, когда ведёт свой дом? Своё домашнее хозяйство? Жильё, кстати?

А.Д. – Там, наверное, ценности какие-то начинают играть роль. Т.е. не обязательно материальная база имеется в виду...

Берёзкин Ю.М. – Вот, ценности!... За счёт ценностей, какие уровни здесь схватываются?

А.Д. – Сама форма организации...

Г.А. – Второй, третий...

Берёзкин Ю.М. – Снизу или сверху – третий?

Г.А. – Снизу.

А.Д. – Формы организации схватываются за счёт ценностей.

Берёзкин Ю.М. – А цели здесь могут появляться?

А.Д. – Цели? Если говорить об архаичном хозяйстве, там цели – вряд ли, а вот в последующих могли и цели появляться.

Берёзкин Ю.М. – Цели, на каких (из трёх, рис. 5) уровнях могли появляться? Юля, как Вы думаете?

Д.Ю. – Под «уровнем» что понимается?

Берёзкин Ю.М. – Это речь о рис. 5: здесь, на нижнем уровне, «природный материал». Это первый уровень. Мы имеем в виду, что «хозяйство – это некая преобразованная природа», под человека подстроенная. Здесь (показывает на второй уровень) – человек, необязательно индивидуальный, например, семья, целый клан, со своими способами работы. А здесь (на третьем уровне) – формы организации вот этого способа схватывания и преобразования природы.

Д.Ю. – Вопрос какой был?

Берёзкин Ю.М. – На каких уровнях работают «ценности», а на каких – «цели»?

Д.Ю. – «Цели» – в уровнях организации.

Берёзкин Ю.М. – «Цели», конечно, на третьем уровне. Любая форма организации задаёт деятельностное начало. Здесь цели. Рамка цели. За счёт цели вот это (то, что ниже уровнем) схватывается, и организуются сами способы преобразования природного материала... В т.ч. людей организуют определённым образом, целевым. А вот эти два нижних уровня – за счёт ценностей существуют. И с природой человек имеет дело в рамке ценностей: под себя её преобразует, исходя из определённых ценностных установок. Что нужно – жить, нужно – питаться, нужно – иметь кров над головой и т.д. А здесь (в ценностной рамке) у нас жизнь обеспечивается, а здесь (в целевой) – организационная деятельность.

И «хозяйство» – это жизнедеятельностная конструкция, всегда. А вот эти вот типы организации хозяйства задают разные деятельностные формы вот этого способа организации и преобразования природы. Это, вообще, понятно, или

не очень? Т.е. порядок задают определённый. Что за чем, как и за счёт чего должно состыковываться друг с другом, чтобы в результате появлялись вот эти вот «условия». «Условия жизни» для человека.

Вот, здесь, в «натуральном» хозяйстве, какая организованность является базовой? Когда всё работает на потребление? А, Юля?

Д.Ю. – Я думаю.

Берёзкин Ю.М. – А здесь? В экономической форме?

А.Д. – Наверное, ценности.

Берёзкин Ю.М. – Ценностей здесь вообще нет. Это же деятельностная «машинка» создаётся. Вас расставляют и говорят: ты это будешь делать, ты – это, ты – это... И вас завязывают, закручивают в определенный механизм.

Д.Ю. – «Организованность» к материалу относится? «Материалом» тогда что является? В «натуральном» хозяйстве?

Берёзкин Ю.М. – В деятельностных формах, в любой деятельности всегда есть «организованности». Разные организованности, не обязательно материальные. А что является базовым процессом и базовой организованностью здесь?

(молчание)

Берёзкин Ю.М. – Ну, с чем экономика дело имеет? Вы же экономисты!

Г.А. – С распределением.

Д.Ю. – С обменом?

Берёзкин Ю.М. – С «обменом», конечно. Что в этом обмене должно в обязательном порядке появиться? Иначе обмена не будет.

Д.Ю. – Рынок.

А.Д. – Эквиваленты.

Берёзкин Ю.М. – Ну, а если говорить в деятельностной и методологической манере? Что появляется в экономике в обязательном порядке? И за счёт чего происходит вот эта вот раскрутка, и люди начинают бегать туда сюда?

Д.Ю. – Денежные знаки.

Берёзкин Ю.М. – Конечно. В «натуральном» хозяйстве базовой организованностью является «услуга», которая неотрывна от потребления – производишь и тут же потребляешь. Ну, хозяйка бельё постирала, тут же одели и потребовали эту услугу. Суп сварила – всё то же самое.

А здесь, какая базовая организованность?

Д.Ю. – Может, товар?

Берёзкин Ю.М. – Нет. Здесь «знак». А базовый процесс, какой? Ну, как можно назвать процесс порождения знаков? И их обращения?

Д.Ю. – Семиотика.

Берёзкин Ю.М. – Семиотизация. Порождается экономическая семиотика, т.е. знаковая система, и, соответственно, базовым процессом является процесс семиотизации, или означковывание. И результатом является экономическая семиотика, т.е. деньги.

А следующий исторический тип организации хозяйства, какой?

Д.Ю. – Инфраструктурный.

Берёзкин Ю.М. – «Инфраструктурный» – это попозже, но будет тоже.

Д.Ю. – После рынка, да? После экономики?

Берёзкин Ю.М. – Вообще-то, к экономике мы тоже перескочили через... Сначала после «натурального» хозяйства не «экономическое» было.

Д.Ю. – Может быть, колониальный, да?

Берёзкин Ю.М. – Был такой, «колониальный». Колониально-освоенческий, точнее. Типология (если смотреть в историю) такая: первый – «протребительский», второй – «колониально-освоенческий», третий...

А.Д. – Экономический.

Берёзкин Ю.М. – Нет. Экономика надстраивается уже «над» чем-то.

Третий – «производственно-технический», четвертый – «экономический», пятый...

А.Д. – Финансовый.

Д.Ю. – Это и есть экономический.

Берёзкин Ю.М. – «Финансовый» – он, конечно же, не экономический, а типично какой? Нет, не «производственный». «Финансовый» к «производственному» не имеет никакого отношения. Кстати, можете привести пример производственного типа организации хозяйства?

Д.Ю. – СССР.

Берёзкин Ю.М. – СССР. Народное хозяйство СССР было организовано вот таким, производственно-техническим способом. «Деньги» там были, но такие, фиктивные.

Д.Ю. – А базовая организованность в производственном типе, какая? (пауза)

Берёзкин Ю.М. – Машина! Базовые организованности в производственном типе организации хозяйства – машины, или механизмы. В экономическом – семиотика, или знак. А дальше какой? Ну, какие ещё бывают формы организации хозяйства? Форд-то что придумал?

И.С. – Конвейер.

Д.Ю. – Технологический.

Берёзкин Ю.М. – «Технологический». Конвейер – это не самое большое его изобретение. Самое большое – другое. Он придумал, фактически, общественную технологию. Технологический. Что является базовой организованностью в технологическом способе? За счёт чего все начинают «дёргаться»? И, вообще, что такое «технология»?

А.Д. – Процесс-механизм, наверное. Процесс организуется...

Берёзкин Ю.М. – За счёт чего?

А.Д. – ...сообразно технологии.

Д.Ю. – Воспроизводство, по-моему, да?

Берёзкин Ю.М. – Ну, а за счёт чего воспроизводство обеспечивается? Технология на чём строится?

И.С. – На описании.

Берёзкин Ю.М. – На описании. А «описание», в виде чего в технологии задаётся?

А.Д. – В виде знаний.

Берёзкин Ю.М. – Знаний, конечно. Вот здесь в «экономическом» были знаки. Знак – это более простая форма. А здесь – знания. Поскольку технология

за счёт знаний, что делает? Технология появляется тогда, когда есть цепочка производящих структур, и эту цепочку можно воспроизводить в другом месте только по её знаниевому описанию.

Возьмите любую немецкую стиральную машинку, например «Bosch», там каждая деталь детальнейшим образом описана, зафиксирована в стандартах и, соответственно, превращена в знаниевую форму. Не просто некая система знаков, которая, крутится, люди друг другу знаки передают, и за счёт этого у кого-то появляется больше, а у кого-то меньше... А здесь преобразование идёт за счёт знаниевых структур.

Всё это – формы организации хозяйства, т.е. способы состыковки человека с природным материалом. Вот эта вот связь (показывает, на рис. 5 – изображено стрелочками) совершенно разными способами устраивается.

Ещё какие формы организации хозяйства человечество придумало?

И.С. – Постиндустриальный.

Берёзкин Ю.М. – «Постиндустриальный» – это какой? Это правильно.

А.Д. – Информационный.

И.С. – Сервисный, может быть? Услуги? Там, где услуги преобладают.

Берёзкин Ю.М. – Ну, это называется «инфраструктурная форма». Или её ещё называют «постиндустриальная», или «сетевая». Сюда же входит финансовая составляющая.

Д.Ю. – А базовая организованность там какая?

Берёзкин Ю.М. – Что является базовой организованностью в инфраструктурной форме организации?

А.Д. – Информация.

Берёзкин Ю.М. – «Информация», конечно. А основной процесс, который должен быть организован, чтобы информация циркулировала, какой?

А.Д. – В общении учёных. В коммуникациях.

Берёзкин Ю.М. – Ну, у меня же тут, на доске, уже всё написано: сети нужно строить, господа! Нетизация, можно так сказать. Сети энергетические, сети транспортные, сети финансовые, сети информационные. Всё, в конце концов, наверху замыкается на информацию.

Ещё говорят, есть седьмая форма. Но она пока больше под вопросом... Какая?

И.С. – Где всем уже хорошо! Коммунизм!

(смех в зале)

Берёзкин Ю.М. – Пётр Щедровицкий обсуждает эти формы хозяйства и говорит, что в Европе уже создаются экологические деревни. Туда принимают на прожитьё только тех людей, которые сознательно ограничивают свои потребности. В соответствии с потребностями сознательно ограничивается производство: сознательно исключают всякое производство, которое вредит экологии. Её называют «моральной» формой организации. Или так: «морально-ценностная».

Д.Ю. – Она приживётся?

Берёзкин Ю.М. – Бог её знает. Приживётся или не приживётся? Причём, ценности такого, негативного плана. Т.е. не те ценности, которые считаются

«хорошими», и которые нужны людям. Ограничениям подвергаются те «антиценности», которые ими не признаются. Тем самым отсекаются от всех способов преобразования природного материала, которые не входят в тот круг... Ну, хозяйство организуют за счёт того, что отсекается всё вредное с точки зрения определенных ценностных установок.

И.С. – Т.е. там уже ни науки, ни медицины нет?

Берёзкин Ю.М. – Если это чему-то вредит, значит, это всё должно быть отсечено... Например, в Израиле некоторые киббуцы (т.е. их колхозы) устроены таким вот способом.

А.Д. – И не переходят в первую стадию?

Берёзкин Ю.М. – Вот! А дальше кто-то там написал, что первая и последняя форма, как бы, смыкаются, но с другого конца, и на совершенно другом уровне...

И.С. – В пещеру?

Берёзкин Ю.М. – Нет, не в пещеру, а уже на базе и экономизации, и технологизации, эти формы надстраиваются друг над другом, и каждая следующая не отрицает предыдущую, не полностью её уничтожает, а трансформирует... Ну, например, переход к производственно-технологической далеко не всегда уничтожает протребительскую форму организации. Или какая-нибудь технологическая, или рыночная – то же самое.

Так. Ну, и где здесь «жильё» появляется? Мы ради чего всё это рассматривали?

А.Д. – Жильё в первой форме появляется.

Берёзкин Ю.М. – «Жильё» только в первой и вот здесь – в последней. А все остальные формы организации – во вред жилью. И они жильё превращают либо в «пенал», как, например, производственно-технологическая организация. Когда человек туда втягивается, превращается в «рабочую силу», которую нужно восстанавливать. Ну, так же, как на лошади, можно пахать, но обязательно кормить её надо – иначе сдохнет. Вот точно так же и с «рабочей силой» в производственно-технологической форме организации.

Экономическая форма тоже далеко не всегда порождает «жильё». Ну, например, супер богатые люди предпочитают жить в каких-нибудь пентхаузах за супер бешеные деньги, где там всё будет, но... не «жильё»!

Есть показательный в этом отношении американский фильм «Красотка», который считается культовым. Вот там про одного такого, который всю жизнь живёт в пентхаузах. Вы знаете, что такое «пентхауз», да?

И.С. – Который ему не принадлежит?

Берёзкин Ю.М. – Конечно, он снимает самые дорогие апартаменты, иногда целый этаж большой гостиницы. Одна большая квартира, съёмная.

А.Д. – А всё-таки...

И.С. – Это же жильё, он же живёт!

Берёзкин Ю.М. – Какое же это «жильё»? Жить-то я могу где угодно!

А.Д. – Получается всё-таки, что критерием, когда разделяем на «жильё» и «нежильё», будет являться собственность?

Берёзкин Ю.М. – Почему собственность?

А.Д. – Ну, нет, хорошо, если человек – не собственник, разве он может устроить нечто как «жильё»?

Берёзкин Ю.М. – Вы в юридическом смысле?

А.Д. – Нет! Я в смысле, как бы, «принадлежности».

Берёзкин Ю.М. – В смысле, распоряжения ресурсами, да?

А.Д. – Да.

Берёзкин Ю.М. – Тогда – да. Если ты можешь своими хозяйственными ресурсами распоряжаться сам, и под себя этот природный материал подстраивать... Пентхауз он не может под себя переделать. Просто, не может и всё!

И.С. – Может, если деньги есть.

Берёзкин Ю.М. – Но всё равно не делает.

А.Д. – А если делает?

И.С. – Ему, может быть, и не надо?

Берёзкин Ю.М. – Они для этого там и живут, чтобы вообще ничем подобным не заниматься. Они занимаются, просто, совсем другим! Вот в этом фильме он занимается рейдерством. У него, вообще, мозги только в одну сторону направлены: кого бы ещё купить, расчленив и продать. А это для него удобное «жилище», которое за него другие делают, обустривают и подсовывают ему.

Г.А. – Тогда, может быть, на этих пяти исторических этапах ценность «жилья» теряется. То есть ему уже не надо, там...

Берёзкин Ю.М. – Ну, в общем, да.

И.С. – Т.е. у него всё «жильё» в компьютере, может быть?

Берёзкин Ю.М. – Я недавно вытащил из Интернета занятную подборку статей, называется «Жадная путина». Не читали? Подборка статей одного интернетовского эксперта, в которой на пяти или шести случаях показывается, как виртуальная реальность, в буквальном смысле, слова срачивается с натуральной реальностью. С одной стороны, там игры устраиваются. Но игры, хоть и виртуальные, но с выходом на реальность... Ну, например, ты в какую-нибудь «войнушку» играешь, но для того, чтобы у твоих виртуальных воинов появились доспехи, танки и т.д., ты должен за реальные деньги их покупать, и тебе присылают эти доспехи, но виртуальные... И не понятно уже, где ты в реальности, а где ты – в виртуальном пространстве... Когда, например, политическая кампания по выборам наполовину – в виртуальности, а наполовину – в реальности. Там создаётся уже вторая реальность, которая так и называется «second life», и где уважающие себя фирмы, типа IBM, General Motors, регистрируют свои предприятия. У них почти реальный оборот, собственная валютная система. Ну, в общем, такая, занятная вещь.

Д.Ю. – И своё Интернет-правительство, со своими законами...

Берёзкин Ю.М. – Да, да, и это тоже. Очень занятно, когда вот эта инфраструктурная, постиндустриальная форма организации приводит к таким вещам, когда и «жильё» становится виртуальным.

А.Д. – Нельзя ли говорить о том, что виртуальная реальность появилась не в результате компьютеризации и появления Интернета, а гораздо раньше? Почему нельзя относить к этой «виртуальной реальности» какие-нибудь...

Берёзкин Ю.М. – Вы имеете в виду экономическую семиотику?

А.Д. – Да!

Берёзкин Ю.М. – Все игры, на всех биржах, все финансы – это такая же, не компьютерная, конечно, но, в общем, такая же мифическая игра. Некоторые методологи говорят: в России не будет в ближайшем будущем экономической формы организации хозяйства и полноценных финансов по одному простому пункту – русские люди, точнее – постсоветские, не умеют играть. А экономическая форма организации – это, прежде всего, игра. Игра в «бирюльки», называемыми «денежными знаками».

И.С. – А перескочить нельзя?

Берёзкин Ю.М. – Перескочить нельзя. Попытались однажды перескочить через несколько этапов. Ничего не получается. Сколько производственные процессы не механизировать – технологий не появится. Сколько ни вводи рынок – экономической реальности не появится, поскольку вот эти «значки», которые у нас сейчас по рукам ходят – это, на самом деле, пока «потребительские карточки», главным образом. Поскольку наши люди этими карточками в 99% не склонны рисковать и играть в них. Даже видно по нашим бизнесменам: все деньги вбухивают в какой-нибудь один дорогуший «амбар на колесах», который при этом является ещё и предметом гордости.

Так. Ну, и что? Какой «сухой остаток» всего разговора? Алексей?

Г.А. – Я хотел спросить. Может быть, недостаток жилья у нас по другим причинам. Потому что я не думаю, что наши люди будут создавать какую-то другую реальность, жить в Интернете. У русского человека всегда другие ценности... Родина!...

Берёзкин Ю.М. – Как Вы считаете, начнись завтра война... Не дай Бог, конечно. Пойдёте воевать?

Г.А. – Я – да.

Берёзкин Ю.М. – А как Вы думаете, сколько процентов пойдёт?

Г.А. – Ну, я не знаю. У нас сейчас политический кризис...

Берёзкин Ю.М. – А в 1941-м году только свистнули, и вся страна полезла под танки! Просто, полезла под танки!

Г.А. – Всегда так было! И в 1812-м так же было!

Берёзкин Ю.М. – А вот сейчас, с Вашей точки зрения, Россия нужна многим? У меня такое подозрение, что очень многим она как раз не нужна.

И.С. – В мире?

Берёзкин Ю.М. – Нет. Среди нас. В нашей России.

Г.А. – Ну, вот, если брать политические процессы в мире, то всё равно наша страна проявляет солидарность... с той же самой Эстонией...

Берёзкин Ю.М. – Ну, Вы как этот самый... «страна проявляет солидарность»... Дали указание начальники, и всё...

Г.А. – Ну, я не на политическом уровне, а само понятие «солидарность», вообще...

Д.Ю. – Ценности же формируются, их же можно менять, наверное, в течение какого-то времени.

Из зала. – Ну, у нас же государство очень часто к нам, как к собакам, буквально, относилось.

Берёзкин Ю.М. – 80 лет мы прожили вот в этой производственно-технической форме организации хозяйства. И, между прочим, до сих пор продолжаем, в большой мере, либо там «сидеть» – в производственно-технической форме организации хозяйства, либо тосковать по этому полуразрушенному укладу. В этой производственно-технической форме, где основная базовая организованность – машина, и человека в машину превращают, в придаток машины и, соответственно, жилище для него – это, примерно, как гараж для машины. Не больше, не меньше, лишь бы не «ржавел», до поры до времени!

В этой производственно-технической форме организации хозяйства прожили пять поколений людей. Тех, которые жили в настоящем жилье, уже давно нет. Просто, вообще, нет. Ушли в мир иной. А те, которые пытаются сейчас «жильё» построить, они всё равно всё воспроизводят, как в машинно-производственной форме организации хозяйства. И в результате, например, у меня сейчас дома нет горячей воды, как и у вас, во всём городе. И вы с этим ничего сделать не можете! Вот, смотрите: там, где есть жильё и есть соответствующая форма организации хозяйства, там этого быть не может! В принципе!

Д.Ю. – Ну, как в частных домах...

А.Д. – А самому можно сделать?

Берёзкин Ю.М. – Да, некоторые пытаются самостоятельно. Но всё равно, если ты пытаешься самостоятельно это делать, то либо дорог нет к этим коттеджам, либо там школа чёрт знает где, либо близко, но совсем не та, что тебе надо. Всё это обустроивается не так и не таким образом, как это должно было бы быть в тех формах организации хозяйства, где может существовать «жильё». Мне так представляется.

А.Д. – А внутри одной формы организации может другая существовать?

Берёзкин Ю.М. – Может. Вот, как она может? Давайте обсудим. Как она может существовать?

А.Д. – Ну, в качестве примера. Сейчас «моральная форма» повсеместно распространяется и от инфраструктурной она обособливается...

Берёзкин Ю.М. – Конечно.

А.Д. – Тут, наверное, уже не природа преобразуется? Вот то, о чём я говорил раньше: тут ещё надстраивается какая-то социальная составляющая...

Берёзкин Ю.М. – Это же – типы. Их можно вот таким образом ещё изобразить (рисует): это – первый тип, это – второй, это – третий...

Они друг над другом надстраиваются, частично трансформируя предыдущие. Но и эти (нижние) задают определённые требования, грубо говоря, «выгораживают», насколько это возможно, себе место для жизни (рис. 6).

А.Д. – И получается, что в современном мире «жильё» можно организовать только в деревне?

Берёзкин Ю.М. – Почему в деревне? Вообще-то говоря, в современном мире, нормальные люди, с нормальным жильём живут за городом.

А.Д. – Ну, да, получается, что не в городе. Там, где нет этих коммуникаций.

Берёзкин Ю.М. – Нет. Коммуникации подтягиваются туда, куда надо, и такие, какие надо, а не такие, какие случились. И если в историческом процессе

эти слои постепенно надстраиваются: здесь четвертый тип, здесь пятый тип, там будет шестой тип и т.д., то вот этот, первый тип, где было «жильё», тоже продолжает существовать, только он начинает пользоваться и другими возможностями.

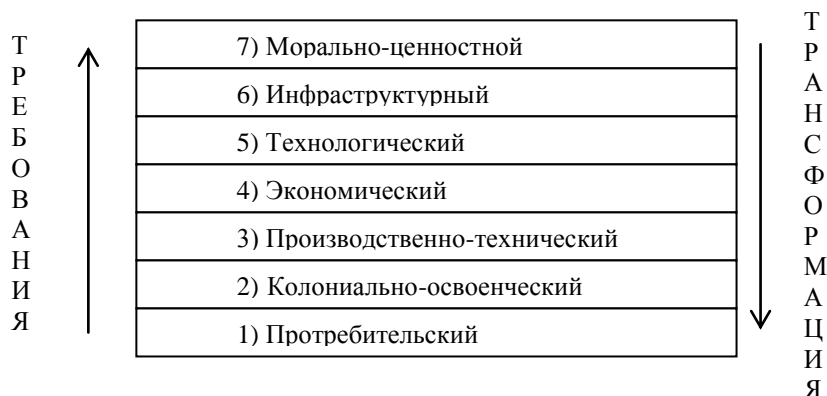

Рис. 6. Типы организации хозяйства

А теперь смотрите: у нас что сделали? У нас взяли и вот это вот (первый тип организации) полностью снесли. Производственно-техническую форму организовали. И вместо того, что было, построили то, что вообще-то «жильём» назвать нельзя. Под эту, производственно-техническую форму.

Д.Ю. – Это в городах, а деревня-то осталась.

Берёзкин Ю.М. – Частично осталась, но в таком, убогом виде! Если в другом мире, в котором последовательно надстраивали и изменяли форму организации хозяйства, внутренние (нижележащие) структуры наполнялись дополнительными возможностями, то здесь, у нас – наоборот! То, что осталось у людей, отбиралось: либо физически, напрямую, либо за счёт создания таких условий, что человек сам вырубал сады, сам вырезал своё стадо. В результате возникла ситуация: наши люди про жильё практически ничего не знают и не понимают.

И какая, исходя из всего сказанного, основная проблема возникает? Где здесь, собственно, проблема?

И.С. – Жилья-то и нет!

Д.Ю. – Выходит, человека нужно открепить от этих производств.

Берёзкин Ю.М. – Вот! И основная, говорят, проблема состоит в том, что то, что у нас является главенствующим, жильё породить в принципе не может. А вот этого (где жильё может появиться) совсем ещё нет. Мы даже экономическую форму организации пытаемся встраивать вот сюда, в слой производственно-технической организации. «Рынок», якобы, строим! Ну, например, берём и экономизируем инфраструктуры. Или каких-нибудь монополистов, типа газиков-нефтяников. Да? Которые в принципе не могут в рынке жить, поскольку – монополисты. Но мы всё равно экономизируем! Какая здесь сразу, в связи с этим, возникает проблема?

Д.Ю. – В связи с чем?

Берёзкин Ю.М. – Чтобы появилось «жильё», которое было бы «не ветхим». Перманентно – не ветхим.

А.Д. – Необходимо вот эти внутренние слои восстановить.

Берёзкин Ю.М. – А чтобы «внутренние слои» восстановить, нужно что?

И.С. – Кучу времени.

Берёзкин Ю.М. – «Кучу времени» – это да.

А.Д. – Нужно какие-то ценности передать. Сейчас практически архитектуры нет. Создавать нужно.

Берёзкин Ю.М. – А Вы создавать-то где и чего будете?

С.Г. – Приватизировать нужно. Землю передать в частную собственность.

Берёзкин Ю.М. – Ну, передали... Начали у нас в Иркутске строить коттеджи по Байкальскому тракту. Половина коттеджей не достроена. Как бросили в 1998 году (в связи с «обвалом» рубля), так и стоит всё, почти что в том же виде. Наполовину уже всё захоронено.

А.Д. – По-моему, здесь необходимо человеку предоставить возможность организовать своё жильё. И при этом, чтобы не терялись возможности человека пользоваться достижениями, которые есть в более высоких уровнях организации. Сейчас же, что происходит? Если человек хочет организовать жильё, он должен уехать в глушь, отгородиться от всего, и там для себя жильё создавать...

Берёзкин Ю.М. – Или в Испанию!

А.Д. – Ну, или так. Фактически, он должен вырваться из этого производственно-технического типа организации

Берёзкин Ю.М. – Да, да.

А.Д. – Сейчас, видимо, вся проблема в том, что существующий тип организации хозяйства не позволяет организовать жильё...

Берёзкин Ю.М. – Каким должен быть первый шаг для того, чтобы появилось нормальное жильё? Которое бы не ветшало за счёт вот этого непрерывного ведения хозяйства.

А.Д. – Возможности нужно создать.

Берёзкин Ю.М. – Какие? Какая возможность должна быть?

И.С. – Возвращаться в прошлое...

(смех)

Берёзкин Ю.М. – А чтобы «возвратиться», что нужно сделать?

И.С. – Возвращаться к нажитому опыту. У нас же как? Всё, что было – отрицают. Всё, что было – это плохо.

Берёзкин Ю.М. – Да, нет! Вопрос не в том, что «всё плохо»! Вопрос – совершенно, в другом.

А.Д. – Сейчас у человека нет выбора, и даже самой возможности выбирать «жильё» и «не жильё»

Г.А. – И понятия жилья нет.

Берёзкин Ю.М. – И понятия жилья нет! (смеётся)

А.Д. – Как тут выбрать, если понять не можешь?

Д.Ю. – Ну, может быть, ценности общественные мешают?

А.Д. – Дать какую-то возможность, чтобы человек захотел – выбрал, допустим...

Берёзкин Ю.М. – Вы всё правильно говорите. Только самый первый шаг, который, собственно, всё блокирует, всему препятствует, вы пропускаете.

Д.Ю. – Блокирует, что?

Берёзкин Ю.М. – Блокирует создание того, что здесь вы сами и производите: создание возможностей, чтобы у людей появлялось жильё.

А.Д. – Может быть, закрытость вот этого производственного типа. Он не открыт для других типов.

И.С. – Может быть, есть кто-то, кто блокирует специально? Чтобы ничего не получилось.

Берёзкин Ю.М. – Обратите внимание на то, что Вы, Сергей, сейчас говорите. Вы сейчас говорите с того же места, с которого утверждается, что «все репрессии организовал Сталин». Сталин, конечно, не святой, но и репрессии не только Сталин организовывал. Далёко не только Сталин. Люди сами друг на друга доносили, и друг друга убивали. Была специальная такая организация общества. А Сталин, кстати, очень многих ставил на место и говорил: «Нельзя перегибы делать, товарищи!»

И.С. – Нет, ну, это же был организован специальный механизм. Не просто же так они начали друг на друга доносить! Специально был организован.

Берёзкин Ю.М. – С одной стороны, да. Но смотрите. Если останется эта старая форма организации хозяйства, исторически полумёртвая, она и будет «тащить» любую... Вот, начнёшь здесь чего-нибудь создавать... возможности, например... Что произойдет?

Г.А. – Втянется в старую.

Берёзкин Ю.М. – Конечно! Это всё туда будет втянуто и уничтожено. Либо впрямую, либо косвенно. Например, за счёт того, что просто воды не будут подавать. Или крыши будут сыпаться, или ещё... Это хорошо, что у нас ещё Байкал под боком! Мы в таком, хорошем месте живём. Между прочим, на всей остальной территории России, особенно в европейской части, из открытых источников воду пить давно уже нельзя! Просто, вообще, нельзя. Т.е. попил – и помер!

Д.Ю. – Освободить место нужно – получается?

Берёзкин Ю.М. – О! И, следовательно, нужно в качестве основного организовывать процесс ликвидации старого, отжившего. И это сейчас важнейший проблемный пункт: освобождение места. Захоронение вот этого всего, отжившего. Мы не знаем, как от этого избавляться! От того, что тянет назад... И место не освобождается.

И.С. – Какое место?

А.Д. – «Место» здесь имеется в виду не в материальном смысле...

Берёзкин Ю.М. – «Место» вот в этих вот формах организации хозяйства (показывает на рис. 6). Мы не освобождаем у себя в мышлении и в своей деятельности такие лакуны, где бы это могло создаваться заново. «Место» не в натуральном мире, т.е. не за городом, где дали участок, и говорят: «строй!». Поскольку выясняется, что того нет, этого нет. А начнёшь строить – на тебя ещё столько обрушится! Что тебе не захочется. Начиная с вымогательства взяток, которые с тебя будут брать на каждом шагу. К примеру, в БТИ, чтобы просто тебе нарисовали примитивный «планчик» участка, коттеджа...

И всё! Просто, полный тупик!

И, между прочим, никто не обсуждает, как избавляться от того, что отжило. Вот с этими остатками производства, которые стоят полумёртвые, и которое превращается сейчас в «Фортуны» по всей стране. Это ещё – в лучшем случае, ... а то и в развалины. У нас в советское время в Иркутске было ещё мало производств... Смотришь на их остовы: как будто – только что после бомбардировки. Например, взгляните «незамысленным» взглядом на то, что называлось когда-то «заводом им. Куйбышева»... А если бы вы проехали по Новосибирску, особенно по левому берегу, где, там, завод на заводе был когда-то. Так вот, весь левый берег – это такая «бомбардировка, вчера случившаяся». И это Новосибирск – столица Федерального округа! То же самое и в других местах. Во всех этих воронежах, тамбовах, курсках и т.д. В этих условиях ни про какое «жильё», особенно в массовом порядке строящееся, говорить в принципе нельзя. Вообще.

Д.Ю. – А как можно освободить место?

Берёзкин Ю.М. – Это нужно специально обсуждать. Вот вы и подумайте над этим вопросом.

Д.Ю. – А если перенести в другое место?

Берёзкин Ю.М. – Что перенести? Форму организации? Как Вы «форму организации» перенесёте, если у нас всё организовано однотипным способом? Просто, всё организовано однотипным способом. До сих пор. Если раньше у нас было «производство», то всё – производство! Даже в научных коллективах были «производственные совещания!» «Производственные собрания». Если «рынок», то всё в «рынке». Хотя, очевидно, что рынком далеко не всё должно семиотизироваться, или означковываться деньгами. Есть вещи, например, ценностные, которые, вообще, не должны подпадать под коммерческие отношения... А у нас: либо – так, либо – эдак! И вообще, по идее, надо было бы обсуждать и смотреть: что должно в какой форме (из существующих в мире) и каким образом организовываться? Вот, где, например, должны появиться инфраструктуры и сети? И как они должны встраиваться? Что они должны, соответственно, организовывать? Какой природный материал они должны захватывать и преподносить человеку в качестве «условий»? Что должно, например, экономизироваться? Как экономическая семиотика преобразует этот материал? И что для этого нужно? Ну, например, как людей учить этому? У нас же здесь, в экономическом вузе, считают, что финансы должны быть везде одинаковые. С чего это ради? А может, в каких-то местах, вообще, не должно быть финансов?

А.Д. – Неужели такие вопросы не задаются?

Берёзкин Ю.М. – Кем? Вами задавались? Вы, между прочим, одни из самых лучших представителей российской молодежной элиты. Если вами такие вопросы не задавались, считайте, что другие об этом просто не знают. Даже и во сне не видели!

А.Д. – Сейчас мы уже знаем. Мы тут в этой аудитории не знали, но где-то всё-таки такие вопросы задаются?

И.С. – Мало ли кто тебе, какие вопросы задаст!

Берёзкин Ю.М. – Нет ответа! Проблема – это когда нет ответа! Есть вопросы, а ответов нет. Это и есть проблема. Поскольку, если мы проблему пыта-

емся поставить, то должны выйти на вопросы, которые в принципе не имеют ответов.

Итак, мы говорим: «Проблема ветхого жилья». Да? Так в чём проблема?

Г.А. – Выяснилось, что нет проблемы!

(смех)

Берёзкин Ю.М. – Как это, нет!? Выяснилось, во-первых, что люди даже не понимают, о чём говорят, когда говорят про «ветхое жильё», поскольку понятия нет. И как это понятие людям «вставить», неизвестно!

Во-вторых, выяснилось, что формы организации хозяйства, где может или не может появляться «жильё», в истории человечества были разные. У нас даже про это не говорят. «Жилищно-коммунальное хозяйство» – и привет!

Д.Ю. – Все и не должны говорить, по большому счёту.

Берёзкин Ю.М. – Все, может быть, и не должны говорить. Но обратите внимание: политика существует только тогда, когда можно говорить всем, но нельзя всем действовать. И когда есть возможность любому сказать на всю страну о чём угодно. В этом смысле, у нас до сих пор нет ни «жилищной политики», ничего такого. Ни «политики доступного жилья». Не обсуждается же это всё! А где-то в кабинете, несколько кремлёвских начальников придумали проект «Доступное жильё». И на всю страну! Без всяких обсуждений! В результате, я не знаю, через три-четыре года про него забудут, и вся «доступность» на этом кончится!

Г.А. – У нас нет лишнего жилья, исключать нечего.

Берёзкин Ю.М. – Ну, да. У нас есть ветхие дома – «деревяшки», но это уже давно не «жильё, поскольку жить там нельзя. И неизвестно, что делать с этими «деревяшками». То ли сохранять, то ли, наоборот, снести? И, кстати, ни сохранить нельзя, ни снести нельзя. И в этом тоже проблема. Снести нельзя, потому что, как только начнёшь сносить, по нашему законодательству, население каждой этой «деревяшки» увеличивается в разы, и, следовательно, каждому нужно предоставить хотя бы жилище с соответствующим метражом.

Г.А. – Например, на улице К. Либкнехта два дома стоят, полусгоревшие... И никто их не сносит.

Берёзкин Ю.М. – Вот! И их не сносят только из-за того, что небольшие фронтоны у этих домов – резные, с деревянными «кружевами». И, соответственно, из-за того, что там вход резной, дом относится к памятникам истории и архитектуры. Снести его нельзя. Денег на восстановление нет.

И.С. – Так это специально...

Берёзкин Ю.М. – А люди ещё этот хлам специально жгут в надежде, что их переселят. А им говорят: «Восстанавливайте!» Восстановить невозможно.

Г.А. – «Памятники» – это что такое? Нужно тоже обсуждать, какую функцию памятники должны нести? Вот, допустим, взять что-нибудь, специально сломать, и сказать, что это – «памятник».

Берёзкин Ю.М. – Был когда-то такой Салацкий, председатель Иркутского горисполкома. В его бытность составили длинный список вот этих вот старых «деревяшек». По-моему, тогда ещё к 300-летию Иркутска готовились... И совершенно сумасшедшее количество (несколько тысяч) объектов в городе

внесли в список «памятников»... Думали, видимо, что будет, как у японцев: если это будет внесено в список исторических памятников, то посыплется «бюджетный дождь» из Москвы. Но «бюджетного дождя» не случилось. В списки внесли, в том числе – в соответствующие реестры в московских конторах. И теперь, пока в Москве не изынешь из соответствующих реестров, здесь тоже нельзя вычеркнуть. А пока здесь не вычеркнешь, ничего трогать тоже нельзя. Можно только жечь. Вот такой механизм. И с ним неизвестно, что делать. С этим действующим механизмом. Как отменить его действие – неизвестно.

И.С. – А порядок изменения прописан?

Берёзкин Ю.М. – Прописан, но он очень сложный. Нужно через Думу проводить законопроект, через Федеральное собрание, через Министерство культуры... В общем, замучаешься туда возить кейсы с миллионами, чтобы через все эти кабинеты пройти.

И.С. – Получается, что это всё специально, чтобы город стоял в таком хламье, как стоит сейчас?

Берёзкин Ю.М. – Всё, что делается в нашей жизни, всё делается специально кем-то. Поскольку само собой ничего не делается. Если кто-то чего-то делает, то это для чего-то нужно. Кстати, если бы вот эти все помойки народу надоели, их давно бы не было! А мы с ними свыклись, и их, как бы, «не видим».

Г.А. – Ну, это низкий образовательный уровень...

Берёзкин Ю.М. – Алексей, вдумайтесь в то, что Вы говорите. Ведь дальше возникает вопрос: если это вопрос об «образовательном уровне», то как этот уровень поднять? Кто будет учить, если люди такие, какие они есть? А не такие, какие нужны?

Ну, допустим, была бы моя воля, или, если бы я был волшебник, я бы попробовал перестроить вот этот университет. Но я совершенно чётко знаю, что по-другому этот вот контингент преподавателей (кстати, не самый плохой среди всех вузов страны, а, может быть, даже один из лучших) делать по-другому ничего не может. Может только то, что может. А в других (вы бы посмотрели, как в политехе учат) – это просто жуть! Я уж не говорю про какой-нибудь барнаульский... Захудалый, заштатный...

И куда ни ткнишь – везде нужно вот эти лакуны освободить и по-другому организовывать. Для этого нужны совершенно другие представления, совершенно другие понятия, совершенно другие люди и совершенно другие временные интервалы. Не на 15 лет, как сейчас пытаются, а нужно строить стратегию лет на 50.

Ну, как японцы после войны. Они же не исходили из того, что президента переизберут в следующем году, и «новая метла» будет по-новому «мести». Нет. Просто, совсем по-другому действовали. И они не поддались на «удочку» демократизации (хотя американцы очень сильно давили на то, чтобы и у них тоже была «демократия» по американскому образцу). Они сказали: «Извините, вы там у себя делайте по-своему, а мы, как-нибудь, у себя – по-своему».

А.Д. – Тогда вопрос по поводу освобождения «пустых мест», которые необходимо очищать. Это должны делать откуда-то «сверху», или, может быть, другой какой-то человек сможет на своём месте?...

Берёзкин Ю.М. – Вот, Денис, скажите: Вы знаете, что такое «демократическое государство», если мы демократию строим?

И.С. – Власть народа.

Г.А. – Когда всё по закону.

Берёзкин Ю.М. – В Советском Союзе когда-то Вышинский приговоры выносил, всех подряд к стенке ставил, и всё при этом делалось по закону. «По закону» – не значит «по праву»... В этом всё дело. «Демократическое государство» – это не когда – «всё по закону». А когда... Что?

(молчание)

Берёзкин Ю.М. – ...когда государство само себя сознательно начинает ограничивать. И не вмешиваться.

А.Д. – «Государство» – в лице кого?

Берёзкин Ю.М. – В лице государственных чиновников, в лице государственных и правовых механизмов. А у нас пока – всё устроено почти так же, как оно было в Советском Союзе... Обозначили, например, что теперь у нас «федеративное устройство государства», а делают всё так, чтобы превратиться снова в унитарное (с его бюджетным распределением из центра). Обозначили, что у нас «демократическое государство», а делают всё, чтобы выстроить жёсткую вертикаль власти. Сверху донизу и чтобы во все дыры обязательно «щупальца» государственные были встроены. И не дай Бог, чтобы дёрнулся кто-то сам. Просто, по каждому пункту идёт такая, доморощенная «реставрация 18-го Брюмера», как когда-то во Франции было... Но называется всё другими словами: «демократия», там, «право» и т.д.

Г.А. – Интересно, в западных странах демократия откуда взялась? Там люди чувствуют, что «государство» – это их организация, т.е. они её и организовали для себя.

Берёзкин Ю.М. – Конечно!

Г.А. – А у нас, как будто-то извне.

Берёзкин Ю.М. – Да, у нас оно «извне» и создавалось. Там государство было результатом инициативы «снизу». Поскольку отдельные маленькие князьки друг другу глотки рвали, воевали без конца, и надо было их как-то усмирить. Люди объединились и выдвинули вот эту новую организованность, которая получила государственный статус, и которая бы на них (а не против них) работала.

У нас же государство создавалось как внешний проект. Византийский проект. Т.е. прямо наоборот. С тех пор прошло 1000 с лишним лет, но всё до сих пор идёт «сверху». И это – буквально в позвоночник людям вставлено. Что бы ни задумали делать, тут же вопрос возникает: «А что там, в Москве, скажут?»

Г.А. – Даже можно по себе судить... Знаем, что такое жильё, но никто не хочет стать инициатором, какое-нибудь заявление внести... Вот мы так и рассуждаем: «Я лично ничего не могу изменить. Я знаю, что плохо, но что я сде-

лаю?». А вот, например, в Англии, поднялись цены на топливо, и там сразу начинаются пробки, машины начинают гудеть, люди протестуют...

Берёзкин Ю.М. – Да, там, просто, по-другому. Они на мир смотрят совсем по-другому. Я сам был свидетелем... Вот показательный пример.

В 1988 году здесь, в Иркутске, точнее – на Байкале, в Листвянке, проходила так называемая «Байкальская общественная социально-экологическая экспертиза». Её методологи проводили, московская команда во главе с Сергеем Поповым и Петром Щедровицким. Это всё длилось 18 дней. У меня сейчас есть толстенный том, полная стенограмма этого мероприятия. И там присутствовало несколько американцев. Их специально пригласили. Американских экологов. Они немного понимали по-русски, и ещё переводчик у них был. Они первые 4 или 5 дней сидели молча, слушали и всё время прислушивались, что переводчик синхронно говорит. Не ввязываясь. Потом, то ли на пятый, то ли на шестой день, один из них руку поднимает и говорит: «Я слушаю-слушаю, и ничего понять у вас не могу. Если бы у нас вот так вот всем было понятно, что мы со всех сторон уничтожаем такую жемчужину, как Байкал, мы бы мэру написали письмо. Или я сам взял бы и позвонил ему. И он тут же принял бы меры!» Все как – захохотали! А там, в зале, 300 человек сидело. Он ещё больше ничего не понял, над чем они смеются. А нашему любому человеку понятно: пиши туда, звони туда, хоть что делай – всё бесполезно!

А.Д. – Опять же, с другой стороны, если все понимают, что мэр должен быть проводником...

Берёзкин Ю.М. – Но Вы же понимаете, что все понимать, во-первых, не могут, во-вторых, большая половина людей живёт всё время «на подсосе», все 90 лет, только что, слава Богу, не помирают... Это означает одно: по 100 долларов дай – и все они проголосуют за что угодно! У таких людей ценностей быть не может, в принципе. Не может, и всё! Они по мелочёвке могут изменить «своё» мнение с точностью до наоборот двадцать раз в неделю. И этим, просто, пользуются! Реально. Не только на выборах. Но если надо заткнуть – тут же заткнут. И способов для этого – масса.

Г.А. – А, интересно, например, все мэры, губернаторы, они же фактически тоже из нашего общества выходят. Они это тоже понимают. Но как только встраиваются в систему управления – тут же становятся, соответственно, другими...

Берёзкин Ю.М. – Вы правильно говорите. А скажите: что из этого следует? Вывод-то какой? Вот почему, я, Вы, любой другой хороший человек встраивается вот в это, и начинает действовать по-другому? Что это значит?

И.С. – Какой-то эффективный механизм там.

Берёзкин Ю.М. – Правильно! Это означает, что работают организационные «машины», которые имеют в соответствующих местах функции (назначения) для людей, их заполняющих – f_1, f_2, f_3 , и т.д. (рис. 7).

Смотрите: она сидит на вас! Не внутри вас, а вы в неё вставлены! Вот так – головами. Вы, я и все остальные! И эта «машина» заставляет нас определенным образом действовать. Это есть объективность! А не то, что человек хотел бы там, или не хотел бы чего-нибудь...

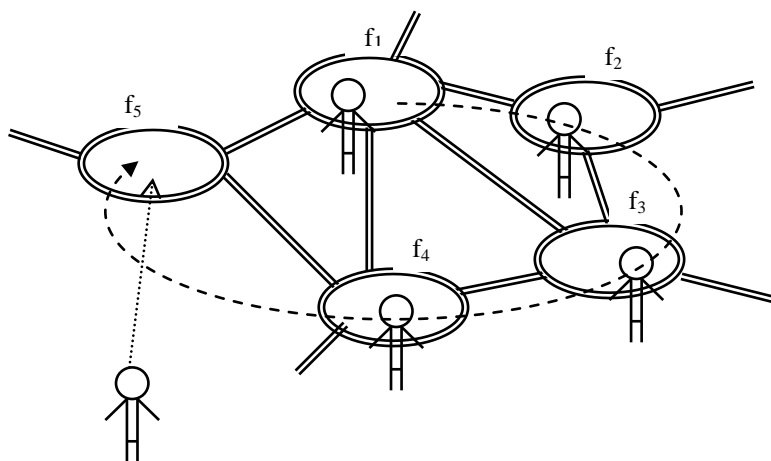

Рис. 7. Организационная «машина», использующая людей

И, соответственно, нужно, во-первых, видеть эти «машины», а во-вторых, искать способы, как эти «машины» трансформировать и менять под цели развития. В этом, собственно, и есть проблема. Мы это и обсуждаем! Вот как эту организационную машину, штампующую жилища для «винтиков», изменить так, чтобы у людей стало появляться полноценное жильё? А если нет, то Вы правильно сказали: создай здесь что-нибудь – либо втянет и преобразует на свой лад, либо вообще уничтожит, либо сделает таким же, как всё остальное. И обсуждать нужно не людей с конкретными фамилиями, а то, как устроены эти организационные «машины», которые людьми ворочают. И даже если ты – трижды честный, тебя всё равно они поставят в такие условия, что ты вынужден будешь определённые вещи делать.

Г.А. – Получается, что если берём схему управления, то те люди, которые в этой схеме управления задействованы, не могут эту схему поменять...

Берёзкин Ю.М. – Изнутри не могут. Изнутри точно не могут!

Г.А. – А как это делать?

Берёзкин Ю.М. – А как это делать – это большущая проблема!

С.Г. – Может, свезти всех начальников... со всех городов и заняться их просвещением.

Берёзкин Ю.М. – Ганбаяр, ну, как Вы себе это представляете?

А.Д. – Попробуй, вывези хотя бы одного!

Берёзкин Ю.М. – Да. Хотя бы одного! Я уж не говорю про шестьсот тысяч чиновников, которые имеются в стране.

С.Г. – Можно увеличить налоговые нагрузки, чтобы им невозможно было, вообще...

Берёзкин Ю.М. – Ганбаяр, либо Вы, просто, над нами смеётесь, либо Вы на самом деле такой наивный? Люди как не платили налоги, так платить не будут. Особенно чиновники. Увеличивай нагрузку, не увеличивай – они всё равно платить не будут. Кстати, будет лишний повод не платить. И совесть будет чиста. Будут говорить: «Ишь, сволочи, нагрузку увеличили! Тут и так не продохнуть...».

Д.Ю. – У меня тоже был пример. Когда я смотрела, как устроена американская инвестиционная система, то выяснила следующее. Там дают определённую оценку банкам на предмет возможности их участия в инвестиционной деятельности. И там написано, что критерий оценки устанавливается директором какого-то департамента. А у нас устанавливает департамент.

Берёзкин Ю.М. – Ну, кстати, они хоть и пишут, что «начальником департамента устанавливается», на самом деле, этот начальник мало чего может, сам по себе. Его специально отбирают определённым образом. Он очень жёсткое «сито» отбора проходит. И он, на самом деле, тоже встроен в определённую организационную машину. Она у американцев немножко по-другому работает, но всё равно – очень жёстко...

Социальные механизмы – гораздо более мощные, чем всякие рыночные. Работать с социальными механизмами чрезвычайно сложно. Тем более, что у нас никто с ними и не работает, в отличие от Запада.

Г.А. – А вот интересно, на Западе стоит проблема жилья?... Например, в Америке, на какой стадии эта проблема находится?

Берёзкин Ю.М. – Я думаю, что в Америке есть всё. Все семь уровней организации хозяйства. Ну, в большей или меньшей степени. Но проблемы жилья у них точно нет. Если там муниципальное жилище, то того, кто там живёт, вообще не колышет состояние жилища... Состояние всегда одинаковое. Кто живёт в пентхаузах, того тоже не колышет. Там тоже всё всегда стандартно. «American standard» – везде такие таблички висят.

А.Д. – Я вот хотел такой вопрос задать. Все эти «жилминимумы» и т.п., дома, которые строятся для бедных слоёв, муниципальные дома – это всё обусловлено необходимостью производственно-технической формы организации?

Берёзкин Ю.М. – С этим, Денис, надо конкретно разбираться.

А.Д. – Ну, просто, если, допустим, строят дома, которые предназначены не для продажи, а именно для того, чтобы люди снимали. Муниципальное жильё.

В той же Америке это же очень распространено. То получается это...

Берёзкин Ю.М. – ...для определённого слоя. Вы поймите, почему, например, в Европе, или в Америке нет проблемы жилья? Первое, что там было сделано, это – сегрегация, или расслоение общества. Она делалась исторически, длилась очень долго и, в этом смысле, не очень была заметна. А вот, например, в Южной Корее это было сделано за короткий промежуток времени. Это было очень заметно и было очень болезненным мероприятием. Сделали сегрегацию общества быстро и насильственно. Поделили людей на страты, и каждая страта должна теперь жить отдельно друг от друга в совершенно разных типах жилья и жилища. Мой знакомый рассказывал, как он был в Сеуле и его, просто, потрясло зрелище, когда сегрегация видна невооружённым взглядом. Говорит: по Сеулу идешь от центра к окраине, буквально два километра проходишь и видишь: трущобы, и по улицам помои текут. Ещё чуть-чуть проходишь, а там ограда и туда полицейские никого не пускают... Точно так же в Вашингтоне вы на Пятую авеню не пройдёте с соседней улицы: полицейские не пустят. Так же, как теперь на Рублёвку в Москве: попробуйте зайти! Там это уже всё скопиро-

вано. Сидят охранники: «Вы к кому? Позвони». Если действительно так, «проходи», а нет – «извини, делать нечего».

А Сеуле контрасты ещё более разительные. Проходишь пару километров от помоек, и начинаются фешенебельные особняки, где на оградах позолоченные дракончики, везде камеры наблюдения, колючка и полицейские регулярно по этим улицам ездят. И если ты там случайно оказался, то тебя, просто, даже не спрашивая, садят в машину и отвозят, куда надо.

И вот, в этих условиях проблемы жилья нет. А у нас, с одной стороны, это всё одинаково было сделано. Для всех. Общество за 90 лет перемешалось настолько, что, вообще, всё выровнялось... Ну, как говорили, между «мышлением» советского министра и «мышлением» бомжа разницы почти никакой. Если и есть, то чуть-чуть, в нюансах. Совсем не так, как на Западе: между тем, кто Гарвард закончил, и тем, кто закончил какой-нибудь университет в Майами – там между ними, просто, бездна! А у нас, такое... среднестатистическое...

(смеётся)

А.Д. – Это не смешно.

Берёзкин Ю.М. – Смешно – не смешно, но факт!

И.С. – И страшно.

Берёзкин Ю.М. – Тем не менее, у нас много таких «страшностей». В таких условиях жить мы уже привыкли.

А теперь представьте себе, чтобы решить проблему жилья, возьмут и начнут насильственную сегрегацию. Как это сделали за несколько лет в Южной Корее. Вы на какой стороне будете? «За» или «против»?

И.С. – Сегрегации?

Берёзкин Ю.М. – Да.

(говорят все сразу)

И.С. – Ну, а какие они плоды пожинают? В Южной Корее. Что, они довольны этой системой?

Берёзкин Ю.М. – А никто никого не спрашивает. «Довольны – не довольны?» Человек, у которого есть нормальное жильё, не должен страдать от бомжей! Ну, не должен, и всё! Вот я, например, переехал недавно в дом, где сейчас живу, напротив центрального рынка. Буквально через неделю меня попытались ограбить. Я вынужден был железную дверь на подъезд поставить, решетку на четвертом этаже, сигнализацию установить... Поскольку от бомжей и наркоманов, просто, отбою нет! Ну, просто, нет! Если бы была возможность голосовать, я бы за сегрегацию проголосовал. Даже если бы жил не в самых богатых кварталах, но чтобы «этих» не было рядом. Пусть живут где-нибудь, но чтобы не мешали.

Кстати, каждый сам выбирает свой путь в жизни. Если ты выбрал такой путь, то ты должен жить не где придётся...

И.С. – Ну, у некоторых и выбора нет особо.

Берёзкин Ю.М. – Если выбора нет, значит, он свободен. Если есть выбор – тогда человек не свободен. А выбора у них, к сожалению, нет. Но свободой они пользоваться не умеют.

А.Д. – Получается, что жильё, может существовать при определённых условиях. У меня фантом такой остался. Не знаю, создалось впечатление, что жильё может существовать только в загородных условиях...

Берёзкин Ю.М. – В «загородных-то» оно не потому, что слово «за городом» красивое, а потому что там соответствующие условия для жизни есть. Поскольку нормально жить в такой загазованности, как в наших городах, нельзя. Это, на самом деле, очень вредно. Это одно из условий.

А.Д. – Для меня непонятным осталось: может ли быть жильё в многоквартирном доме?

Берёзкин Ю.М. – Если многоквартирный дом Ваш.

А.Д. – Весь?

Берёзкин Ю.М. – Весь, вместе с коммуникациями. И у Вас есть соответствующее хозяйство, которое обеспечивает функционирование всего, что есть внутри этого дома. Если нет, тогда Вы на другом уровне находитесь, и Вы должны довольствоваться определённого класса жилищем. А если у Вас и этого уровня нет, тогда Вы – бомж. Газетку постелил и – на скамеечку. Или в подъезд, как они к нам, как тараканы, лезут.

А.Д. – «Жильё» должно характеризоваться признаком возможности полного контроля...

Берёзкин Ю.М. – Вы поймите: это *Ваше* жильё, условие *Вашей* жизни!

Условием Вашей жизни являются, например, дыхание. Вы должны дышать свежим воздухом. Вы должны жить в нормальных домашних условиях, чтобы сверху не текло, чтобы вода была всегда, чтобы не было так, как сейчас – во всём городе нет горячей воды.

Кстати, в Лондоне есть соответствующая инфраструктура: водоканалы продублированы. И всегда работает либо одна система, либо другая. Но это бывает только там, где есть инфраструктурная организация хозяйства. Если одна система отключается (мало ли что, у них тоже бывают и сбои, и аварии, и т.д.), просто, автоматически включается другая система подачи воды. И всё! Человек не должен от этого страдать. Инфраструктура для этого и существует. Она всегда должна быть избыточной, и должна предоставлять условия и возможности людям. А вовсе не быть источником наживы, как у нашего «Водоканала».

А.Д. – Но ведь и при такой организации, в любом случае, существует зависимость от внешних факторов.

Берёзкин Ю.М. – Денис, ещё раз повторяю: если Вы претендуете на жильё, у Вас должен быть способ пользоваться природными составляющими для своей жизни, превращать их в условия своей жизни. И должны быть соответствующие формы организации вот этого. И это от *Вас* должно зависеть. Это *Ваши* условия жизни. Это *Ваше* жильё. А вовсе не от «Водоканала», который превратил инфраструктуру в добычу прибыли. Чего нигде в мире нет. У нас всё экономизируется, в том числе и инфраструктура. Но она (инфраструктура) не должна работать ни по производственному принципу, ни по экономическому. Т.е., если ты башмаки произвёл, продал – дай прибыль. Это – нормально. Если же речь об инфраструктуре и ты в ней занят – воду подаёшь или тепло, то ты не должен (не имеешь права) ради прибыли работать. То же самое с электроэнер-

гией и с другими сетями. Почему? По простой причине: ты монополист и если ты начинаешь включать экономические механизмы, то ты просто всех держишь за «кадык». В любой момент раз – и пережал! И всё, привет! Поскольку ты можешь каждому «пережать кадык», выключив вентиль, ты всех держишь за определённое место. И они все у тебя в кулаке. И это, на мой взгляд, неправильно. Как и на взгляд всех нормальных людей в мире.

Тут по-другому можно поставить вопрос: нужно ли современному человеку жильё? А может быть, это, вообще, уже отжившее нечто? Вон, живут себе в пентхаузах...

Г.А. – В Америке нет проблемы жилья?

Берёзкин Ю.М. – Там нет проблемы жилья. Если ты хочешь иметь жильё – флаг тебе в руки, и имей! А не хочешь – тоже без проблем. Ты можешь снимать, можешь «сесть на вэлфер», как они говорят – на «социалку», получить муниципальное жилище, и вообще, не платить за него. Муниципалитет тебе будет и белить, и красить.

И.С. – Дом?

Берёзкин Ю.М. – Конечно. Это же муниципальное жилище.

И.С. – Дом на колесах.

Берёзкин Ю.М. – Да. Бывает и такое. Когда мы ездили в Париж с группой преподавателей, нас специально водили и показывали: «Вот здесь знаменитый Пьер Ришар живёт, в барже на Сене». Баржа стоит у берега, носочки висят на веревочке. Баржа ржавая, но с крышей. Жильём назвать нельзя, но он, говорят, им доволен.

Г.А. – А вот, например, Бьюкинен написал, что в Америке в начале 1950-х, якобы, ценности стали утрачиваться: ценности «семьи», ценности «жилья»... Они до сих пор продолжают постепенно утрачиваться. И он приходит к тому, что упадок западного общества неизбежен.

Берёзкин Ю.М. – Да оно давно уже пахнет «трупным ядом», на мой взгляд. Воняет на весь мир. Особенно американское.

Г.А. – То, что ему не нужно жильё, не нужна семья – это же не позитивно.

И.С. – Тогда заменой, что может быть? Пентхауз?

Г.А. – Юрий Михайлович говорит, что пентхауз себе нельзя построить.

А.Д. – На Западе начинается уже такое, что и институт семьи утрачивается, и необходимое воспроизводство нарушается...

Берёзкин Ю.М. – В нашей стране институт семьи ещё в большей степени утрачивается, чем у американцев. Хотя у них тоже «не фонтан».

А.Д. – Там, по крайней мере, этот процесс нормирован юридически...

Д.Ю. – На самом деле, жильё содержать намного дороже, чем, например, квартиру.

Берёзкин Ю.М. – Не просто дороже, там – на три порядка дороже.

Д.Ю. – Я спрашивала у моей подруги: «А зачем тебе коттедж?» Она говорит: «Я хочу построить родовое гнездо». Говорю дословно. У нее вот такая мысль: «чтобы приезжали наши дети, внуки, чтобы они знали, что они здесь родились, и это наше родовое гнездо». Хотя экономически это – жутко невыгодно. В квартире проще.

Берёзкин Ю.М. – Проще, но если ты не сильно требователен.

Д.Ю. – Я про хорошие квартиры, где решены все эти вопросы.

Берёзкин Ю.М. – Вы бы мне ещё показали, где эти «хорошие квартиры» в городе Иркутске? То, что сейчас новое строят, так лучше жить в этом старье!

Г.А. – Мы тратим деньги на книгу, на картину тоже тратим, так же и на жильё – это же культурная потребность...

Д.Ю. – Действительно. У меня муж готов на огороде около дома, просто, пропадать. Ему нравится. Для него это – образ жизни. Я говорю: «Зачем тебе это надо? Ты меня не трогай, пожалуйста, не приставай с этим огородом!» Я вот теперь понимаю, в чём разница: он относится к дому как к «жилью», а я – как к «жилищу».

Берёзкин Ю.М. – И при этом Вы в коттедже живёте?

Д.Ю. – Да.

Берёзкин Ю.М. – И за городом?

Д.Ю. – Да.

Берёзкин Ю.М. – Итак, я не знаю, насколько вы хоть чуть-чуть ухватили, в чём состоит проблема?

Д.Т. – Можно вернуться ещё раз к самому первому рисунку?

Берёзкин Ю.М. – К первому? Ну, про это Алексей нам должен рассказать. Сейчас вернёмся. Попробуем. Но сначала я напомним для Юлии Фёдоровны, которая немного опоздала к началу разговора. Алексей прочитал нам некий свой текст про то, как он понимает жильё и т.д. Некий образ нарисовал из своего сознания. И ему был задан вопрос: как можно из рефлексии обсудить, в каких понятийных расчленениях он нам этот свой образ преподнёс? Алексей, Вы что-нибудь можете сказать по этому поводу, исходя из того, что мы два с половиной часа уже о чём-то говорим?

Г.А. – Жильё – это условие жизни человека, самое основное.

Берёзкин Ю.М. – Так, вот, я обозначаю – у нас одна понятийная «клеточка» есть: «условие жизни». Ещё что?

Г.А. – Хозяйство туда же входит.

Берёзкин Ю.М. – «Хозяйство» является условием создания условий. Т.е. является, как бы, условием следующего порядка. Или можно сказать так: механизмом порождения этих условий и, соответственно, их воспроизводства. Ещё что из этого следует? Хозяйство – это вторая понятийная ветвь.

Д.Ю. – Первое – «жильё», второе – «хозяйство», да?

А.Д. – Жилищно-коммунальное хозяйство, которое предоставляет условия...

Д.Ю. – Они являются типовыми, да?

Берёзкин Ю.М. – Нет, Юля, подождите. Пусть Алексей скажет.

Г.А. – Жильё – это какая-то укоренённая ценность. Если её нет, если она не сформировалась, то говорить о жильё бессмысленно.

Берёзкин Ю.М. – «Ценности» обязательно здесь должны присутствовать. Если у человека нет ценностей, то там, дальше, всё бессмысленно. Так, ещё что?

(пауза)

Вы думаете над тем, что Вы говорили? Или над тем, как это можно теперь по-другому сказать? Вы сейчас по-другому написали бы про это, или нет?

Г.А. – Ну, конечно, по-другому. Я теперь не знаю, что у меня получилось бы. Тут ещё интересный момент был, например, если формированию культурных ценностей мешает какой-то тип сознания человека, в частности, производственно-технический...

Берёзкин Ю.М. – Это – не тип сознания, а тип организации хозяйства... И что?

Г.А. – Да. И эту типологию нужно коренным образом менять, а не приспособливать. Потому что, если мы будем вносить какие-то элементы в неё, то сама типология проглотит эти элементы.

Берёзкин Ю.М. – Так. Типология, конечно, ничего «проглотить» не может. Но проблема состоит в том, что эту типологию, действительно, нужно как-то менять. А менять её невозможно, поскольку нет ни людей, ни знаний, ни самих механизмов по изменению этих типов. В этом-то и проблема.

Теперь давайте, как бы, шаг в сторону сделаем и из рефлексивной позиции посмотрим, что же мы сейчас делаем. В процессе всего нашего уже длинного разговора я постоянно помечаю понятийные «точки», или смысловые реперы обсуждаемого понятия «жильё»...

Смотрите, не определение формулирую, что такое «жильё», а пытаюсь из вас «выдавить» с помощью разных способов, чтобы вы увидели, что у понятия «жилья» есть много разных понятийных реперов, задающих, как бы, такой разносторонний «кристалл» понятия. Т.е. нельзя просто, двумя словами сказать про жильё, что это такое. Впрочем, как и про всё остальное: про деньги, про экономику... Что бы мы ни обсуждали... Про хозяйство... Берём слово «хозяйство», а там выясняется, что за ним – много разного и разнопланового. С одной стороны смотришь – одно, с другой стороны смотришь – совершенно другое. Выясняется, что и с природой есть связь, и с формами организации, и с ценностями, и с целями деятельности.

Г.А. – Ещё интересный момент, что «жильё» – это самодостаточная и замкнутая единица. И когда она начинает взаимодействовать с другими подобными единицами, то само понятие, как бы, разрушается.

Берёзкин Ю.М. – Ну, понятие-то не разрушается... Понятие у отдельного человека может быть разрушено, а в культуре-то понятие живёт, развивается, меняется, обогащается.

А Вы бы, Тимур, что сказали?

Д.Т. – По поводу чего?

Берёзкин Ю.М. – Ну, как же, Вы же чуть раньше сказали, что про это ещё поговорить надо.

Д.Т. – Мне хотелось разобраться.

Берёзкин Ю.М. – Ну, и в чём-нибудь разобрались? Где непонятно? И что?

Д.Т. – Хотел увязать с категориями. Т.е. понять, что такое «категория»?

Берёзкин Ю.М. – Так. «Категория». А Вы сами, как думаете? Что делает категория? Зачем категория нужна?

Д.Т. – Для мыслительного процесса.

Берёзкин Ю.М. – Для мыслительного... Да. Но для мыслительного процесса многое, что нужно: «понятия», «рефлексия», например, обязательно нужна. Без этого, просто, не бывает мышления. И есть ещё «категории», да? Вот мы здесь, какие категории задействовали?

Д.Т. – Какие?

Берёзкин Ю.М. – С Вашей точки зрения, какие?

(молчание)

Берёзкин Ю.М. – Денис, какие мы категории здесь задействовали?

А.Д. – Единое – многое...

(смех)

Берёзкин Ю.М. – Вы всё про своё: чуть что – «единое – многое»! В обязательном порядке использовались категории «искусственного – естественного» и их сочленения. Ещё, какие категории? Вот это вот что означает: «формы»?

А.Д. – «Форма – содержание».

Берёзкин Ю.М. – «Форма – содержание». Полярные категории. «Форма организации» и то, что организуется – это «содержание». Вот эта вот хозяйственная реальность, которая возникает, этой «формой» выделяется определенное «содержание». Оно – разное может быть. Ещё?

Д.Ю. – Тип.

Берёзкин Ю.М. – «Тип», да. Но можно даже так: «тип – варианты». Поскольку категориальная пара «род – виды» из родовидовой классификации. Типология же предполагает, что всегда одному «типу» соответствует много разных «вариантов». Ну, например, я вам даю задачи одного «типа», но в разных «вариантах». То же самое и здесь.

Ещё какие категории здесь были задействованы?

А.Д. – Можно сказать, что «форма – материал» тоже здесь затрагивали?

Берёзкин Ю.М. – Да. «Форма – материал» обязательно, поскольку...

А.Д. – ...формы накладывали на материал, природный.

Берёзкин Ю.М. – Да. И разные «формы» по-разному этот «материал» преобразуют. И «преобразованный материал» становится условием жизни. Да?

Ещё какая?

Д.Ю. – Деятельность.

Берёзкин Ю.М. – «Деятельность» – это категория. «Деятельность – жизнь». Антиподы.

А.Д. – У Малиновского, насколько я понял, «деятельности» категориальный статус ещё не придали?

Берёзкин Ю.М. – Нет, он говорил про схему мыследеятельности. Это у него схема была.

Д.Т. – А как придают категориальное значение?

Берёзкин Ю.М. – Это если какое-то понятие начинает работать как категория. Категория что делает? Для чего категории нужны?

И.С. – Помогают.

Берёзкин Ю.М. – Чему?

А.Д. – Категория объединяет определённые понятия.

Берёзкин Ю.М. – В этом смысле Вы правильно фиксируете одну из функций категории... Если используется какая-то категория, то она, как Гегель говорил, удерживает целую «гроздь понятий». Целая «гроздь понятий» одной категорией ухватывается. Ну, а сама «категория», что делает? Для чего она нужна? Кстати, как переводится? Откуда взялось слово?... (пауза)

«Категория» по-гречески «приговор». В буквальном смысле слова приговор, который в суде выносится. А что делает приговор? С одной стороны, он задаёт «способ действия». С преступником и с оправданным действуют по-разному. И приговор это чётко прописывает. «Категории» точно так же. Это – раз. Ещё что?

А.Д. – Реальность будет другая.

Берёзкин Ю.М. – «Реальность» – это вообще из другой «оперы»! Самое главное назначение категорий, в том числе назначение приговора... Какое?

А.Д. – Отделить нечто от всего остального.

Берёзкин Ю.М. – Так, отделить нечто, и это нечто – объявляется как ... что?

И.С. – Ну, вот эти понятия, которые...

Берёзкин Ю.М. – Нет, «понятия» – это средства, которые помогают работе категории во всяких смысловых оттенениях, так скажем. Смыслы задают дополнительные.

А.Д. – Объект, сущность.

Берёзкин Ю.М. – «Объект»! Категория всегда выделяет некий «объект». Не было бы «категорий» – не было бы и «объектов». И «категория» в этом смысле – это такой метафизический инструмент, который позволяет то, что мы мыслим, превращать в объективность. Т.е. выносить в мир. Интендировать, как говорят феноменологи. Нечто помысленное мы превращаем в то, что мыслью не является. В то, что отделено от мысли и является объектом, как бы, независимым от нас.

И.С. – Например?

Берёзкин Ю.М. – Например? Хоть один «объект» назовите. Какой здесь объект? (показывает на нижний слой рис. 5). С чем работает физика?

А.Д. – С природой.

Берёзкин Ю.М. – С «природой». Объект – природа. Вы думаете, вот этот объект, называемый «природа», там существует?

И.С. – Где, там?

Берёзкин Ю.М. – За окном.

И.С. – Ну, там же есть физические процессы?

Берёзкин Ю.М. – Что физика понимает под «природой»? Поясните мне, пожалуйста. Вот, есть наука физика и у неё есть объект изучения, называемый «природа». Отсюда естественные науки, поскольку «естество» – это и есть «природа».

И.С. – Как процессы протекают в природе?

Берёзкин Ю.М. – Какие процессы?

И.С. – Всякие!

Берёзкин Ю.М. – Какие, «всякие»? Физика не всякие изучает.

А.Д. – Процессы движения.

Берёзкин Ю.М. – «Процессы движения», ещё что? А «процессы» в реальности есть?

И.С. – Есть.

Берёзкин Ю.М. – Где?

И.С. – Там же есть движение!

Берёзкин Ю.М. – До Аристотеля никакого «движения» не было. Почитайте «Физику» Аристотеля, есть такая книжка, не очень толстая... Аристотель продумал понятие «движение» и его прописал. А до этого было разное: кто-то ходил, кто-то ползал, кто-то ездил, кто-то прыгал и т.п. Общего понятия, которое бы объединяло всё это в одном понятии «движение», не было. Теперь у нас и движение физического тела, и движение мысли – в одно и то же понятие «движение» входит.

И смотрите: за счёт категоризации он нечто помыслил, а затем вынес во внешний мир и сказал: «Вот там, в мире, есть движение. Это есть объект физики». Смотрите: 100%-ная «мистика»! Не так ли?

И.С. – Ну, на самом деле, яблоки же падают вниз!

Берёзкин Ю.М. – Где падают, где не падают. Если взять то яблоко, которое космонавт взял с собой на орбиту, то оно там не падает. И что? Ну, яблоко и яблоко. Движение-то, где?

И.С. – Это сам процесс падения.

Берёзкин Ю.М. – Нет. Вас Ваше сознание обманывает. Это **Вы** мыслите падение как «процесс движения». **Вы** (!) мыслите то, что происходит с яблоком, как некий «процесс движения». «Процесс движения» – это изменение состояний падающего яблока: состояние 1, состояние 2, состояние 3 и т.д. (на рис. 8: S_1, S_2, \dots). Именно это называется «процессом». И он всегда, вдобавок, фиксируется относительно чего-то неизменного. Нечто фиксируем как постоянное (на рис. 8 «неподвижная опора», отражаемая сознанием извне), и относительно него происходят изменения – в реальности, например, падение яблока. И это называется «процесс движения».

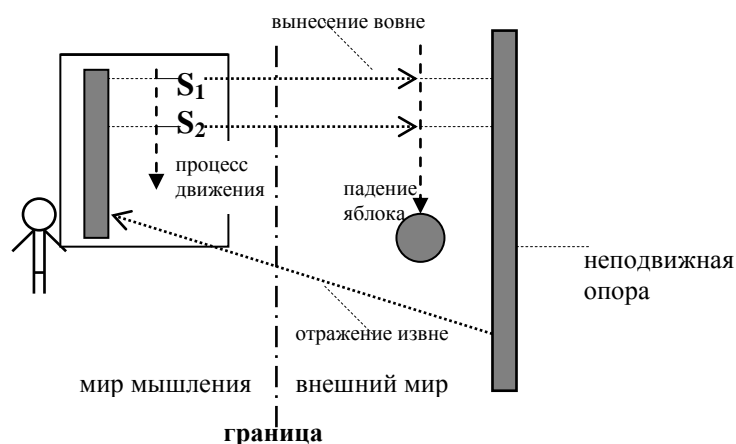

Рис. 8. Схема «процесса движения»

Вот в этом, внешнем, объективном мире нет никаких «процессов». Но «процесс» – это категория. И за счёт такой категоризации мышления мы свои собственные, внутренние суждения и представления выносим в мир. И говорим: вот так мир устроен! Категории, в общем-то, для этого и существуют. Поскольку, если Вы не можете работать с категориями, то Вы не можете с объективностью иметь дело. Это всё Ваши «фантомы» будут.

И.С. – Какие?

Берёзкин Ю.М. – Какие? «Глюки» сознания. И отличить то, что действительно есть, от «глюков» будет нельзя. Вот греки и придумали для выделения объективности такой способ мышления, и назвали его «категоризацией». С тех пор мысль движется по категориям и в структуре категорий. Отсюда иногда упрекают: «Категорично говоришь!» А мысль не может быть не категоричной! Она не может и туда, и сюда. И нашим, и вашим.

И смотрите, человек мыслит ровно в той мере, в какой его думанье организуется вот таким образом – за счёт, или точнее – в рамках категорий. При этом надо понимать, что категории существуют вне людей. И насколько каждый человек оказывается способным своё сознание подстраивать под те или иные категории, настолько он способен мыслить об объективном мире.

Если человек даже не слышал про это, он может всё, что угодно, думать про что угодно... Ну, как в песне поётся: «Мои мысли – мои скакуны». Туда-сюда... К мышлению это не будет иметь никакого отношения. Мышление всегда очень жёстко организовано, и организуется оно, прежде всего, категориями. А под каждой категорией ещё и «гроздь понятий» выделяется и удерживается. И мы здесь тоже кучу всяких понятий обсуждали в рамках каждой используемой категории.

А.Д. – Это всё – системно получается? Т.е. «категория» – она целиком «объект» захватывает, а каждое «понятие» может при этом вырезать какой-то «предмет» из этого «объекта»?

Берёзкин Ю.М. – Да. «Понятия» вырезают, как говорят, «регион этого объекта». Мыслительный регион.

Д.Ю. – Ещё там была система понятий. Да?

Берёзкин Ю.М. – Нет, Денис спрашивает, что системно организовано? Он может сам повторить.

А.Д. – Я сказал, что всё это системно устроено. Т.е. категория вырезает «объект», а понятия вырезают ещё и «предмет».

Берёзкин Ю.М. – А потом мы берём какой-то материал, который тоже существует вне нас, наполняем этой материальной субстанцией выделенный за счёт категории «объект», и у нас появляются уже внешние объекты, которые мы называем «эмпирическими» и «материальными». Т.е. не будь вот этой категории мышления, у нас бы всё на свете сливалось, смешивалось и мы бы, вообще, ничего не различали.

А.Д. – Как узнать, что эти «объекты» предельными являются? Что это не «предметы», а именно «объекты»? Как задавать более объемлющее?...

Берёзкин Ю.М. – Нет, это не по силам отдельному человеку. Представлениями о предельных объектах являются «онтологии». Онтологии складываются

исторически, и их всего несколько. Вот «природа» является одним из таких предельных объектов, или «онтологией природы».

А.Д. – Я имел в виду, что, например, почему это именно «объект», а не «предмет», входящий в часть какого-то «объекта»?

Берёзкин Ю.М. – «Предмет» не входит в часть «объекта». «Предмет» не является частью «объекта». «Предмет» является проекцией «объекта». Вот мы с помощью определённой категории выделили объект «природа». Это – один взгляд и один способ категоризации – для вычленения одного из предельных объектов-онтологий – «природы». И у нас получается одно мыслительное пространство. То, что в методологии деятельности метафорически называют «объектно-онтологическая доска». Но мы не можем со всей «природой» иметь дело сразу. Поэтому мы должны перейти в другое пространство – деятельностное (на другую, ортогональную к первой, «доску»), где мы будем иметь дело уже с предметными проекциями выделенного объекта. И этой проекцией «объекта» будет являться «предмет». Ну, например, предмет науки физики.

А.Д. – Т.е. подвести некоторые основания и, как бы, снять «срез» объекта?

Берёзкин Ю.М. – Да, да. Это – некая проекция и своего рода «сечение» этого объекта (рис. 9).

Физика вычленяет один предмет. Химия вычленяет из того же объекта «природа» другой предмет. Биология – третий. И возникают разные предметные проекции: здесь – физика, здесь – химия, здесь – биология, вот здесь – астрономия. Таким образом возникают разные предметные науки. Предметным образом организованные. Когда мы имеем дело с «предметом», он, во-первых, уже означкован всякими формулами, понятиями, терминами («сила», «скорость»... и прочее). А во-вторых, он от нас, как бы, закрывает «объект». Мы «объект» не видим! Мы о нём можем говорить только за счёт того, что в мышлении мы используем определенную категорию, которая нам задаёт этот «объект». Но работаем мы, как говорил Кант, исключительно только с тем, что сами создаём в виде предметов.

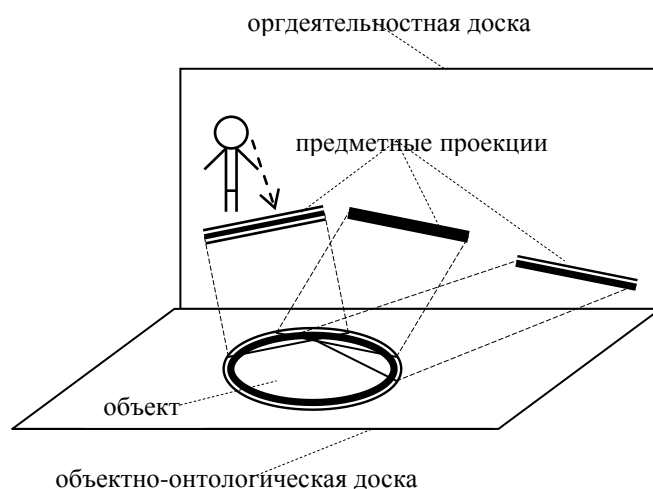

Рис. 9. Объект и его предметные проекции

А.Д. – В мире, который в науке существует, идеальный объект один или их несколько существует?

Берёзкин Ю.М. – «Идеальный объект»? Они все «идеальные». И никаких других нет. А «реальность» возникает совсем в другом месте. Когда вот эти понятия, с одной стороны, оестествляются в Вашем сознании, и это для Вас становится привычным. Ну, например, смотрите на дерево и говорите: «природа» или «поехали на природу, в лес». С другой стороны, Вы в соответствии с этими понятиями начинаете действовать. И у Вас происходит, как говорят, «реификация» вот этих понятий. Вы своими действиями фактически порождаете эту реальность. У кого одни понятия – у того одна «реальность», у кого другие понятия – у того совершенно другая «реальность». Но «реальность» – вещь субъективная. И «реальности» могут меняться у человека.

Вот эта «объективация», которая за счёт категорий получается – она для всех одинакова. В этом их главное отличие. «Реификация» всегда завязана на некоторые ценностные ориентации. Ведь что такое «ценность»? Это некая установка, которую ты не подвергаешь сомнению. Ты вот считаешь, что это так! И всё! И независимо ни от чего, тебя не переубедишь.

А.Д. – А действительность?

Берёзкин Ю.М. – «Действительность» возникает тогда, когда Вы работаете с «категориями» и с «объектами». Как говорил Гегель: «Всё действительное разумно и всё разумное действительно». И он был прав.

«Реальность» же не всегда разумная. «Реальность» всегда очень далека от «действительности». Тем более, что «реальностей» много. Я думаю, что, сколько здесь человек сидит, столько разных «реальностей» здесь присутствует, поскольку у всех у вас они разные. Вот, Ганбаяр всё время толкует нам про землю... Для него это, видимо, важно. Кто-то про другое. Алексей, там, ещё про что-то говорит. Он текст прочитал, и совершенно определенную реальность нам преподнёс. Она перед ним стоит.

А.Д. – Если понятия не оестествлять, то «реальности» у человека не будет?

Берёзкин Ю.М. – Да. Или, например, можно быть одновременно в разных реальностях. Фантасты это могут делать чисто технически. Они прорисовывают одну реальность, потом «сбрасывают» с себя и «одевают» другую. А в современном виртуальном мире уже, просто, конструируется конгломерат реальностей. Приглашают каких-нибудь проектировщиков с определенными убеждениями, фантастов – с другими, учёных – с третьими... И всё это в одном виртуальном мультике комбинируют. И возникает совершенно сумасшедшая реальность, ориентированная на молодых сумасшедших.

А.Д. – А действительность будет, когда ты всё это поймёшь, почему так возникает?

Берёзкин Ю.М. – Нет, а «действительность» будет, когда ты из реальности вытащишь себя «вверх» и прикоснешься к критическому мышлению... Можно так сказать: категории, если хотите знать, – это «ворота в действительность». А ценности, наоборот, – это «ворота в реальность». Когда привычное не подвергается сомнению.

А.Д. – Это может совмещаться между собой?

Берёзкин Ю.М. – Да, делаются такие попытки совместить эти несовместимые пока вещи. Я Вам недавно послал несколько файлов. Вы, Юля, наверное, тоже получили, да?

Д.Ю. – Да.

Берёзкин Ю.М. – Это – доклады с последних чтений, посвященных Георгию Петровичу. Каждое 23 февраля, в его день рождения, в Москве устраиваются чтения его памяти. На этот раз уже были 13-е чтения. Так вот, у Павла Малиновского там был очень занятный доклад, как раз с попыткой задать пространства для переходов из одного мыслительного пространства в другое.

Он рисует такую картину (Рис. 10):

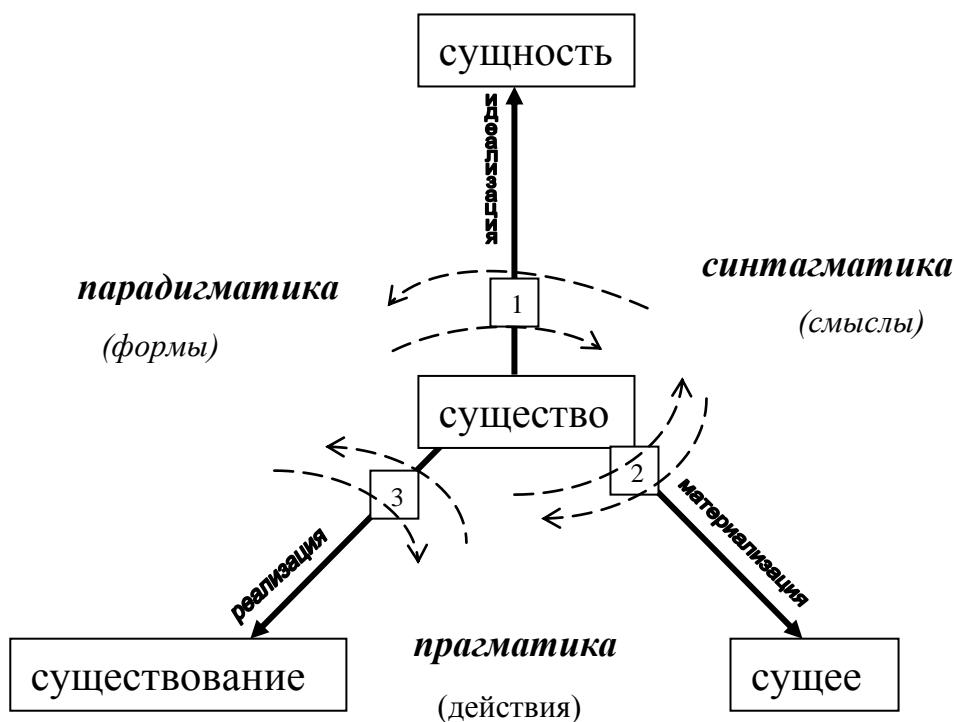

Рис. 10. Трёхмерное пространство мыслительных переходов

Если мы представим такое трехмерное пространство, это будет то, что он называет пространством «онтономии». А дальше, смотрите: один вектор этого пространства – «идеализация» (или как он говорит: прескриптивное, т.е. предписывающее, задание «эталонов»), другой – «реализация» (аскриптивное, т.е. неписанное, задание «канонов»), третий – «материализация» (или дескриптивное, т.е. описанное, задание «шаблонов»).

Вот эта плоскость (между вектором «идеализации» и «реализации») – это плоскость парадигм – это организованные формы, фиксированные (на рис 10 – парадигматика). Вот здесь (между «идеализацией» и «материализацией») – это синтагмы. Здесь – вся синтагматика. Синтагматика – это вот те смыслы, которые в сознании у нас витают, неоформленные смыслы. Смыслы про то, смыслы про сё. А здесь (в пространстве между векторами «реализации» и «материализации») – прагматика (пространство прагм, или действий).

Если какое-то существо начать реализовывать, то получится нечто «существующее». Если это же существо материализовывать, то получится нечто «сущее». А если существо идеализировать, то получится... что? «Сущность».

А переходы из «синтагматики» в «парадигматику» и назад (т.е. когда мы смыслы оформляем, и потом оформленным формам придаём смыслы) – задают разные «онтологии» (на рис. 10 – обозначено цифрой 1). Это процессы онтологизации. Переходы из «прагматики» в «синтагматику» и обратно – задают «онтики» (на рис. 10 – цифра 2). А переходы из «прагматики» в «парадигматику» и обратно – задают «онтономику» (цифра 3).

А.Д. – Прагматика, это, то, что существует?...

Берёзкин Ю.М. – «Прагматика» всегда связана с человеческими действиями. Когда ты некие смыслы или формы превращаешь в материальную силу, в действие. Действовать может только «материальное». Вот всё пространство между «материальным» и «реальным» – это пространство для прагматики. Так пишут классики прагматизма, американского.

Ещё раз, смотрите: если мы смыслы, т.е. «синтагмы», связываем с «прагмами», т.е. с некими действиями, то возникает особая форма работы, которая называется «онтика», т.е. получаем частные, онтические срезы объекта. Помните, у нас был о них разговор? (см. Прикосновение первое). Частные срезы. Если же мы замыкаем идеальные мыслительные «формы» на «прагмы» (на прагматические действия), и, соответственно, движемся по вектору «реализация» – то появляется другой тип работы, которую он называет «онтономикой».

Вот такая красивая картина вырисовывается. Вся «идеализация» – здесь, вверху. Вся «реализация» – здесь, слева, ничего общего с «идеализацией» не имеющая. Вся «материализация» – здесь, справа. И это всё – разное. Малиновский пытается развести все эти вещи.

Дальше он говорит, что классическая схема мыследеятельности, состоящая из трёх слоёв – чистое мышление, мыслекоммуникация и мыследействие – ещё не доведена до уровня категории. Чтобы эту схему категоризовать, превратить в некую категорию, нужно слои схемы мыследеятельности замкнуть друг на друга. И для этого, фактически, он и вводит вот этот новый элемент, точнее, способ работы – «онтономику». Сейчас пока здесь (в схеме мыследеятельности) разрыв. А он, фактически, берёт и соединяет за счёт этого процесса онтономики верхний и нижний слои схемы мыследеятельности. Но будет ли это иметь продолжение, или это методологи раздолбят критикой в очередной раз, как это уже много раз бывало с другими, – это мы посмотрим.

Но картина получилась занятная! Во всяком случае, она всё, как бы, растаскивает по своим «квартирам», и не позволяет, например, путать «действительность» с «реальностью». «Реальность» вот здесь (показывает на рисунке). Здесь «действительность». А здесь «материальность». «Материальность» сама по себе имеет только возможность материального действия.

Д.Ю. – Игры?

Берёзкин Ю.М. – Ну, почему игры? Господи... Вот авторучка, нажимаешь – она пишет! А Святой Дух нажать не может. Поскольку у него силы нет!

А.Д. – «Реальность» – это когда на материал какие-то формы наложены?

Берёзкин Ю.М. – Нет, когда «формы» наложены на «действия», и Вы в соответствии с этими «формами» начинаете строить свои действия определённым образом. Вы тем самым вырезаете определенный регион «реальности». Если Вы определённые «смыслы» придаёте своим «действиям», то Вы некие «онтики», частные объекты получаете. Если же Вы «смыслы» оформляете, то у Вас возникает «идеальный объект», или в пределе – онтология. Например, идеальный объект – «природа», или идеальный объект – «денежный поток». Идеальный объект. Его же нет ни в природе, нигде. Только у нас, в мышлении.

А.Д. – А за счёт какой категории выделяется объект «денежный поток»?

Берёзкин Ю.М. – Давайте об этом поговорим позже. Вы подумаете, а потом поговорим, в следующий раз.

А.Д. – «Объект» должен вычленяться обязательно за счёт какой-то категории?

Берёзкин Ю.М. – Ну, конечно. Какой-то «объект» в основании должен лежать, а, следовательно, должна быть задействована какая-то категория, которая «вырезает» этот «объект».

А.Д. – Самое простое, что можно предположить, это категория «финансов»...

Берёзкин Ю.М. – Это не категория, а понятие.

А.Д. – Ну, она же может, при определенных условиях, принимать форму категории?

Берёзкин Ю.М. – Ну, нет... «Финансы» – нет. Это очень сомнительный тезис. Когда Вы берёте предмет финансов, то Вы уже допускаете некий подлог. «Финансы», на самом деле, предметизировать очень сложно, или – вообще невозможно. Это, скорее всего, «дисциплина», нежели «предмет». Т.е. не срез какого-то объекта, а способ работы. В этом смысле «финансы» – это дисциплинарная вещь. Тысячу раз я пытаюсь это говорить студентам, но они это, напроць, не слышат! Что это – инструментальная вещь, что она организует определённым образом мысль и действие. И в этом смысле – это немного другое, нежели любой классический научный предмет.

Г.А. – А категория «движение» может быть в основе «финансов»?

Берёзкин Ю.М. – Нет, категория «движения» здесь вряд ли уместна. Тем более, что «движение» – это не категория. Категория – это «процесс». Вот в этой связке – все соответствующие понятия. Не всякое понятие является (и может быть) категорией. Категорией является предельное понятие. Т.е. это – предельная форма мыслимости.

А.Д. – Может быть, я неправильно понял, но такой вопрос задавался: если через финансы как категорию, предельную, начинать мыслить... через предельное понятие начинать мыслить, то...

Берёзкин Ю.М. – Ну, да. Так поступают все науки. Они отказались от философии. Сказали: «Философы, вы нам больше не нужны, у нас у каждого своя предельная онтология». Вот здесь у физиков – «природа»...

А.Д. – Это превращенные формы?

Берёзкин Ю.М. – Да. В этом смысле, да.

А.Д. – Тогда «предмет» мыслится как «объект». Получается так?

Берёзкин Ю.М. – Нет, не «предмет мыслится как объект». «Предмет» в науке – это не просто срез объекта изучения. Это – такая «машина» по производству знаний. В «предмет», помимо вот этого объектного среза, входят «проблемы» и «задачи», «метод» и «факты»... И ещё там целый «комбайн», в котором всё друг к другу должно быть притёрто. Например, «метод» должен быть соразмерен «объекту» и т.д. Только тогда получается вот такая «машина», которая непрерывно вырабатывает предметные знания.

А.Д. – Я имел в виду, что наука начинает видеть вот именно эту проекцию объекта, а объект уже сам не может там быть задействован.

Берёзкин Ю.М. – Да, в этом смысле физики давно уже забыли, как вводил онтологические представления о «природе», например, тот же самый Ньютон. Он говорил, что «природа это – чувствилище Бога». Кто теперь помнит, что природа – это чувствилище Бога? Они с Декартом спорили. Декарт говорил, что природное пространство – это вместилище Бога, а Ньютон стоял на том, что это – чувствилище Бога. И оба были очень религиозными людьми. Т.е. и тот, и другой поместили Бога в природное пространство. Не отдельно его рассматривали, как раньше это делали схоласты, а в «природу» поместили, но по-разному. Если бы победила декартовская линия, то физика была бы совершенно другой. Но этого не случилось, в т.ч. благодаря Вольтеру. Это – особая история. Про неё можно у Копылова почитать.

А.Д. – «Вместилище» – это там, где Бог существует, получается. А «чувствилище» – это что?

Берёзкин Ю.М. – «Чувствилище» – это, как бы, «рецепторы» Бога, обеспечивающие реакции на взаимодействия в природе. То, что планеты друг к другу притягиваются, и всё остальное. Ты фонариком посветил, и где-то там отозвалось. Ты силу приложил – моментально передалось. Это происходит за счёт того, что «природой» является Бог со своими «рецепторами», который мгновенно ощущает, но ни в чём не участвует.

Это уже все забыли. Просто, все, особенно физики, напрочь! Но при этом считается само собой разумеющимся всё то, что от самого Ньютона идёт. Например, разложение силы на векторы. Когда нам нужно силу вычислить, мы рисуем, если вы помните, параллелограмм. Пишем А, В, и определённым образом вычисляем, чему равно С. Да? Ньютон взял чисто мыслительные средства организации своей мысли и объективировал это, представив, как будто, это всё – на самом деле так в природе и происходит. И через 100 лет после этого Гегель, просто, издевался над Ньютоном! Есть тексты (в Прелегоменах к его философии), где Гегель говорит, что «наука без конца занимается подлогами», что вот Ньютон считается классиком, а смотрите, какие выкрутасы делал: взял, и собственные фантомы объективировал: сказал, что «силы есть в природе». И говорят, что «это всё – объективно».

Д.Ю. – Чтобы понять, какая категория порождает денежный поток, нужно сначала строить понятие, да?

Берёзкин Ю.М. – Ну, конечно, нужно всю сетку понятий построить, а потом посмотреть, что за этими понятиями стоит, какая категория.

Д.Ю. – Тут не одна категория может быть?

Берёзкин Ю.М. – Может быть несколько. Категории – инструмент очень важный, и с ними нужно учиться работать. Как говорил Гегель, «категории действуют по инерции из-за спины сознания». И нужно каждый раз пытаться ухватить то, что действовало у вас «из-за спины» вашего сознания в том или другом случае.

Ну, что, на этом закончим? Всем спасибо.

Прикосновение седьмое

Берёзкин Ю.М. – Сегодня у нас семинар должен быть посвящен проблеме схематизации. Сначала я два слова скажу по этому поводу, потом нам Денис ещё что-нибудь попытается рассказать. А мы это дело обсудим.

Если методологией заниматься более-менее серьёзно, то эта тема, связанная со схемами и схематизацией, окажется не просто одной из центральных, а, я думаю, вообще, самой главной. Поскольку методология изначально, со времен Аристотеля, ставит перед собой задачу изучения и организации мышления людей, то вот в этом контексте схематизация и схемы оказываются самым центральным местом. Поскольку, опять же со времен Аристотеля, и, особенно со времен Канта, известно, что мышление работает в схемах, с помощью схем, и, главным образом, при создании и конструировании разного рода схем, или схематизмов.

Иными словами, можно сформулировать достаточно жёсткий тезис: если человек не понимает, что такое «схема» и «схематизация», их не видит и ими не пользуется, то он фактически и не мыслит. Чтобы он там про себя ни думал, какое бы образование он при этом ни имел.

Вот в этом пункте расходится бытовое представление о думанье, или сознании человеческом, и о мышлении. Если сознание может себя так организовать, что будет способно работать в схемах, конструировать схемы, использовать схемы, то, соответственно, оно тем самым, как бы, «подключается» к общечеловеческому мышлению. Если этот инструментарий не освоен каким-то индивидуальным человеческим сознанием, то оно (сознание) может даже и не подозревать, что такое мышление.

Мы на протяжении всех наших занятий довольно часто касались разного рода схем, но саму эту тему непосредственно, сколько-нибудь серьёзно, не обсуждали. Только вскользь. Я это старался делать намеренно, потому что для этого нужно было, чтобы аудитория немножко созрела. И вот сегодня и, наверное, ещё несколько занятий до конца учебного года, мне бы хотелось, чтобы мы попытались «пощупать» эту тематику. Во-первых, что такое «схемы»? Чем схемы отличаются от разного рода других инструментов мысли? Ну, например, от «алгоритмов», от «договоров», от «моделей» и т.д. Что схема может, чего она не может? Что она, например, позволяет делать и какие возможности открывает? И наоборот: что она делать не позволяет, и что она, вообще, закрывает?

Это – с одной стороны. Это такой, как бы, теоретический залог: какие схемы бывают, вообще, в принципе? Какую-нибудь типологию схем хорошо бы

рассмотреть и т.д. Это всё – теоретические представления о схемах. Это ещё не методология. Это «теория схем», если так можно выразиться. Просто, знакомство с неким явлением, которое тоже обладает определёнными особенностями. И эти особенности хорошо бы сначала прояснить.

Но это даже не самая главная часть тематики, которая касается схематизации и схем. Куда более важная составляющая этой темы – практическая часть, связанная не с результатом схематизации – той или иной схемой. Схема – это результат того, что уже осуществилось. А вот процессы создания схем, их употребления, а также выделения схем из текстов, предположительно содержащих мысль – гораздо более важные аспекты сегодняшней темы. И если даже человек будет отличать схемы от того, что схемами не является, но не будет при этом способен осуществлять практическую работу по схематизации, то это всё будет происходить, опять же, в таком, псевдообъективистском смысле. Схемы будут рассмотрены, в лучшем случае, в научном плане, т.е. там, где схемы практически не работают.

Вот, хорошо бы нам каким-то образом попытаться зацепить сами способы построения схем, вычленения схем, и то, что называется «схематизацией». При этом я сразу могу сказать, что есть два прямо противоположных хода на схематизацию: с одной стороны, люди создают, конструируют схемы для того, чтобы потом задействовать в какой-то ситуации. В этом случае схемы делаются, как бы, «из ничего», за счёт работы мысли – это один ход. И другой ход – прямо, обратный: когда известно, что уже кто-то, где-то какие-то схемы создавал и их соответствующим образом использовал, и этот процесс использования схем зафиксирован, например, в текстах. Собственно, для этого я и попросил вас прочитать небольшую статью Георгия Петровича¹. Там, за всем этим текстом совершенно чётко проглядывается определённая методологическая схема. Это – как раз обратный ход, когда уже кто-то схемой пользовался для чего-то, но это в явном виде не описано и не представлено, а только, как бы, «стоит» за неким текстом, определённым образом устроенным. Поэтому вторая работа над схематизацией – это попытка рефлексии или выделения той схемы, которая за текстом находится (была у автора текста).

Я не знаю, дойдём мы сегодня до текста ГП или не дойдем, но если не дойдем, то, соответственно, на следующем занятии мы этим непосредственно займёмся. Но сразу начинать с этой части, я думаю, тоже не очень осмысленно, по той простой причине, что прежде чем начать вычленять схему, нужно понять что вычленяешь, как это всё устроено и т.д.

Вот примерно такой план, во всяком случае, я перед собой вижу. Не знаю, может быть, Денис что-нибудь другое собирался нам рассказывать? Если, вообще, собирался...

А.Д. – Я так понимаю, что от меня требовалось как раз по данному тексту доклад делать.

¹ Г.П.Щедровицкий. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодейственно-го подходов // Избранные труды. – М: ШКП, 1995

Берёзкин Ю.М. – Ну, если можете по данному тексту, пожалуйста, по данному тексту... Если можете нам сказать по первой части, допустим, чем схемы отличаются от несхем? Какие бывают схемы? Какие возможности схемы открывают перед человеком, перед людьми?

А.Д. – Я пока теоретически не задавался,... я пытался проработать текст... Не знаю, как это получилось.

Берёзкин Ю.М. – Всё равно, когда Вы работали над этим текстом, Вы же подразумевали, что такое «схема»? Как она должна быть устроена? В каких ситуациях схемы могут возникать? И там возникают. Какие ситуации, наоборот, не предназначены для того, чтобы в них пользоваться таким инструментарием? Может, примеры какие-то приведёте? Вы можете это?

А.Д. – Может быть, это будет куце...

Берёзкин Ю.М. – Ну, давайте «куце», потому что лекция в этом деле не очень хорошая вещь. Я, конечно, тоже что-нибудь скажу, но мне бы хотелось чего-нибудь от Вас сначала услышать. Ваши представления на этот счёт по любому из пунктов, которые я сейчас перечислил. Понятно, что это разговор не на один семинар, но с чего-то надо начать...

А.Д. – Ну, попробую...

Берёзкин Ю.М. – Давайте.

А.Д. – Может быть, это не будет правильным...

Берёзкин Ю.М. – А здесь нет «правильного» и «неправильного».

А.Д. – На мой взгляд, насколько я попытался вникнуть, принципиальным в «схеме» как в средстве является ситуация, когда мы говорим о двух «досках», одна – объектно-онтологическая, другая – мыслительная или методологическая. Это – так называемые ортогональные «доски» мышления... (рис. 1)

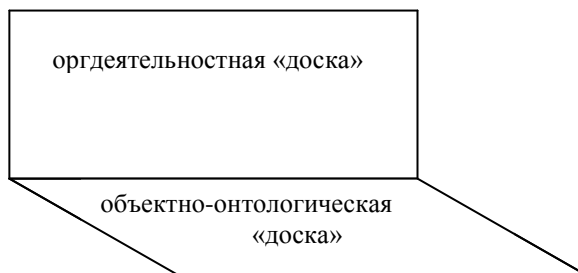

Рис. 1. Схема ортогональных «досок» мышления

И схема помогает стянуть именно эти две «доски» между собой. Т.е. она является средством, которое, с одной стороны, берёт некие объекты, которые находятся на онтологической доске, а, с другой стороны, она выделяет некие средства, которые на оргдеятельностьной «доске» присутствуют. Она их между собой неким образом стягивает, и позволяет с помощью такой вот комбинации тех или иных средств и объектов достигать определённых результатов. Что позволяет методологу с помощью данной схемы двигаться в нужном направлении.

Берёзкин Ю.М. – Вопросы есть к Денису?
(пауза)

Берёзкин Ю.М. – Нет вопросов? Тогда у меня вопрос: то, что Вы говорите – это всего лишь одна из конкретных схем, которых, в общем, существует достаточно большое количество. Это всего лишь одна. А, вообще, просто, про схемы Вы можете что-то сказать? Как схемы устроены (причём – все на свете)? Что они из себя представляют? Какие возможности создают?

А это у Вас – всего лишь одна из конкретных схем. Так называемая «схема ортогональных пространств мышления».

(пауза)

Берёзкин Ю.М. – Ну, тогда, какие Вы ещё схемы знаете?

А.Д. – Если это является верным, то, например, схема рефлексивного выхода (рис. 2).

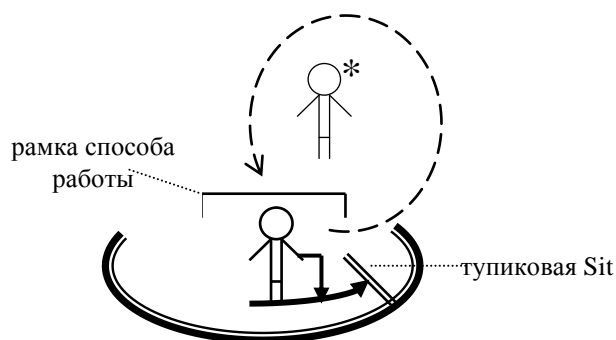

Рис. 2. Схема рефлексивного выхода

Берёзкин Ю.М. – «Схема рефлексивного выхода». Да, есть такая.

А.Д. – Когда человек находится, например, в некой критической, тупиковой ситуации, и он, как бы, рефлексивно «поднимается» над этой ситуацией, чтобы....

Берёзкин Ю.М. – ...разобраться, с чем он имеет дело и как он работает (на рис. 2 рефлексия направлена на собственный способ работы). Да, такая схема есть. Одна из классических. Ещё, какие схемы Вы знаете?

А.Д. – Сейчас, пытаюсь сообразить. Вполне возможно, например, схема работы тех же самых категорий или понятий. Когда, опять же, исследователь для того, чтобы вычленил определённый объект из реальности, пользуется категорией или связкой понятий и достигает требуемого, т.е. выделения объекта. Это тоже является схемой.

Берёзкин Ю.М. – Так. Ну, пока допустим, хотя здесь требуются уточнения.

А.Д. – Схемой можно назвать, например, связку...как же она называется? Там, где «знаковое» относится к «объективному наполнению».

Берёзкин Ю.М. – «Знаковая форма» и «объективное содержание». Эта схема как называется?

А.Д. – Схема элементов мышления?

Берёзкин Ю.М. – Нет. Это – «схема знания». Знания так устроены. Всегда к некоему «объекту» привязывается определенная «знаковая форма», которая его обозначает и замещает действия с ним...

А.Д. – Это называется «замещение» и ...

Берёзкин Ю.М. – Да, на схеме знания вместо одной стрелки, рисуется полустрелка вверх, полустрелка вниз, и называется – «замещение» (знаковой формой действия на объект) – «отнесение» (преобразованной знаковой формы к преобразованному объекту замещения)» (рис. 3).

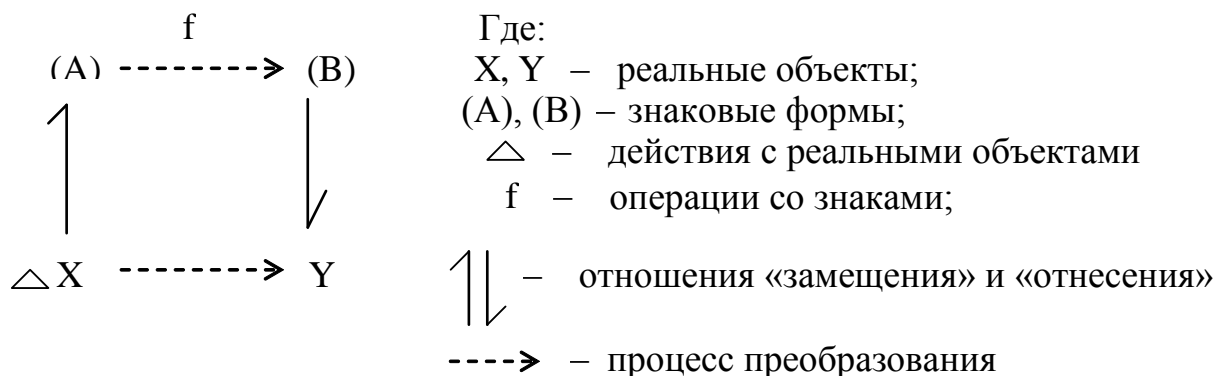

Рис. 3. Схема знания

А.Д. – Ещё можно назвать «схему языкового мышления». «Значение» и «объективное содержание». Как-то так.

Берёзкин Ю.М. – Ну, это практически, одно и то же. Может быть, ещё кто-нибудь что-нибудь может назвать?

(пауза)

А.Д. – «Схема организационного движения». Это когда человек себя организует...

Берёзкин Ю.М. – Это – то же самое (показывает на схему ортогональных «досок», рис. 1)...

Ну, хорошо, предположим у нас есть некий набор схем. Можете ли Вы сделать какое-то обобщение, и сказать, в каких ситуациях и для чего создаются схемы? Эти и им подобные. И какие особенности у этого средства или инструмента мышления? Какие характеристики можно выделить?

А.Д. – В целом, я считаю, что схематизация помогает осуществлять некую мыслительную работу, которая происходит по типовому принципу. Обобщить и предоставить уже непосредственно использующему её человеку вот для такого повторения. Когда, например, в одной схеме непосредственно обобщается множество действий, необходимых для достижения какой-то цели.

Берёзкин Ю.М. – Понятно ли то, что он сказал?

И.С. – Для достижения цели?

(смех)

А.Д. – Схемы обобщают какие-то единичные ситуации, что ли.

Берёзкин Ю.М. – Вы говорите такую вещь: если человек сталкивается со сложной ситуацией и не знает, как в ней действовать, то возникает необходимость построения некоего схематизма, или схемы, которая позволит эту ситуацию пройти. Цели достигнуть, или ещё что-то, ценности реализовать, или просто торговую комбинацию осуществить – в этом смысле, без разницы. Если возникает сложная ситуация и не известно, как двигаться, то включается мыш-

ление. Мышление может заработать, лишь построив соответствующую схему. И, если схема построена, то ситуацию можно пройти.

Что же касается «обобщения»... «Обобщение», в каком здесь смысле?

А.Д. – В том плане, что если есть уже накопленный опыт, если проходили, допустим, подобные ситуации, то все эти единичные случаи накапливаются и обобщаются в одной схеме, для того, чтобы их можно было использовать в дальнейшем. Здесь это не к «проблеме» больше относится, а к «задаче». Если есть какая-то задача, и были известны пути её решения, то всё это обобщается в определённой схеме. Если, например, необходимо охватить ту ситуацию, в какой исследователь находится, в таком случае уже известно, что нужно применить «схему рефлексивного выхода». Если, например, необходимо вычленение какого-то объекта из реальности – тогда «схему категории» применяют. Т.е., когда речь идёт не о построении схемы, а об её использовании в дальнейшем.

Берёзкин Ю.М. – Так. У кого-нибудь есть вопросы? Или соображения на этот счёт? Или, может быть, возражения?

Г.А. – Если, например, действовать по какой-то определённой схеме, в которой мыслит целое поколение людей, т.е. она не просто помогает выйти из какой-то ситуации, а она вырабатывает ещё и акт замещения. Вот, допустим, та же самая Евклидова геометрия. Просто, когда-то появилась единичная потребность посчитать какую-то площадь, а сейчас все люди мыслят по этой схеме.

Берёзкин Ю.М. – Денис, что Вы по этому поводу скажете?

А.Д. – Здесь был приведён пример того, что когда-то было разработано эффективное средство для организации мышления, и оно было принято на вооружение. Потом было разработано ещё более эффективное средство, например, в виде геометрии Лобачевского.

Берёзкин Ю.М. – Так. И где схема начинается, где она заканчивается? Вот в этом примере?

А.Д. – Сама схема была непосредственно пройдена только Евклидом, когда он разрабатывал данную геометрию. А затем она в виде «отпечатка», так скажем, уже просто транслировалась.

Берёзкин Ю.М. – И там схема работает, или не работает?

А.Д. – Там, наверное, можно сказать, что это уже не схема.

Берёзкин Ю.М. – А что? Как отличить: где и до какого момента мышление схематично устроено? И вообще, где мышление осуществляется с использованием схем? А где уже мышление не требуется? Где достаточно обыкновенного рассудка?

А.Д. – Ну, наверное, в той ситуации, когда не было известно, как рассчитать ту же площадь фигуры. И Евклид с помощью схематизации разработал знания, которые в виде геометрии отпечатались. В дальнейшем уже мышление не присутствовало. В дальнейшем эти знания уже, просто, по определённой матрице использовались коллегами. Там уже не было схемы. Схематизация – это мыслительная работа.

Берёзкин Ю.М. – Схематизация – это мыслительная работа. Это – не просто думанье, или использование какого-то трафарета. Вы можете привести примеры, где чётко видно, что вот до сих пор работает мысль, а потом уже, со-

ответственно, применяется какой-нибудь формальный трафарет, который уже не требует никакой мысли. Где требуются просто обыкновенные навыки и следование правилам.

А.Д. – На упрощенных примерах могу показать. Если, например, организуется какая-нибудь предпринимательская деятельность. Непосредственно создаётся какая-то новая комбинация. Ну, например, новый автомобиль создаётся. Это всё фиксируется на внешних носителях, делаются необходимые расчёты и т.д. Создаётся технология и в дальнейшем она передаётся для использования. Вот, до того момента, как это всё закончено и апробировано, что это будет работать – это будет схематизация. В дальнейшем же, когда она передаётся кому-то, и есть образец, по которому это можно делать, то тогда это будет уже не схема....

Берёзкин Ю.М. – У Вас сложный пример и в нём не всё так очевидно, как Вы говорите. Вот совсем простой пример: на ветке сидело сколько-то птичек, улетело 5, осталось 3. Спрашивается: сколько сидело птичек? Задача из первого класса. Где, до какого места здесь мышление будет работать? И где этого уже не требуется?

А.Д. – Мышление будет работать сначала, когда осуществляется расшифровка речи, или когда мы узнаём суть задачи и то, что требуется от нас? Затем мышление будет продолжено в части замещения этих «птичек» некими значками, числами, которые следует подсчитать, и что позволит сделать перевод этой задачи в типовое состояние. Т.е. соотнести «птичек» с любыми типовыми предметами, которые мы можем посчитать, пользуясь принципом замещения. Ещё требуется способ, по которому мы будем решать данную задачу, определённая логика. А потом уже мышления не требуется. Там уже будет срабатывать типовой образец, который накладывается на эмпирический материал.

Берёзкин Ю.М. – Вы можете изобразить схематично то, что Вы сейчас сказали на словах? Нарисовать самым простейшим способом. С минимальным количеством изобразительных средств.

А.Д. – Ну, ставится некая задача перед человеком...

Берёзкин Ю.М. – Здесь про «человека» ничего не говорилось. Вы сами-то не сочиняйте...

А.Д. – А кому задача-то ставится?

Берёзкин Ю.М. – Вот то, что Вы сейчас произнесли, нарисуйте это. И скажите, где, в каких местах требуется мышление и, соответственно, схематизмы? А где оно уже и не требуется?

А.Д. – Наверное, первое, это, всё-таки, будет соотнесение полученного текста, непосредственного его восприятия, и расшифровки значений, которые за словами стоят (рисует). Это получается так (рис. 4). Может быть, неправильно...

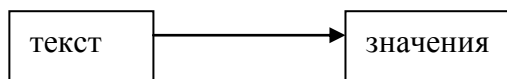

Рис. 4. Текст и его значения

Берёзкин Ю.М. – Вот, смотрите, схемы же ведь не словами пишут. Слова, в частности, плохи для схематизации тем, что за каждым словом стоит масса смыслов. А «схема» – это такая вещь, которая все смыслы убирает. Убирает, и всё! Если есть схема – она смыслы, просто, закрывает. И дальше вопросов уже не остаётся.

Д.Ю. – Помочь можно?

Берёзкин Ю.М. – Помогите. Что он сказал? Как нарисовать? Не словами сказать, а с помощью минимальной графики.

Д.Ю. – Сначала надо выделить мыслительное пространство...

А.Д. – Что получается? Здесь знаковая форма. А там объективное содержание...

Берёзкин Ю.М. – Так. Ещё кто-нибудь хочет сказать?

И.С. – Можно, я?

Берёзкин Ю.М. – Да.

И.С. – Сначала была ситуация, а потом – непонятно, что... Надо выделить «мышление» и ещё что?

Берёзкин Ю.М. – Не знаю. Не знаю. Нам сейчас нужно выделить то, что он, по сути, сказал, и это на доску положить.

И.С. – Сначала идёт мышление, а потом мы уже...

Берёзкин Ю.М. – Нет, Сергей, пока неизвестно, где «идёт мышление». Чтобы сказать, где «идёт мышление», нужно нарисовать и сказать: «Вот здесь есть мышление, а вот здесь его уже нет».

И.С. – Вот здесь у нас «методы нахождения», а вот здесь – сама «ситуация». Мышление будет вот здесь, на переходе от «ситуации» к «методам» (показывает на рис. 5). Думал-думал... Навыки нам не помогают до того, пока мы не знаем, как это делать – здесь требуется мышление. А когда мы уже «знаем, как...», там мышление уже не требуется.

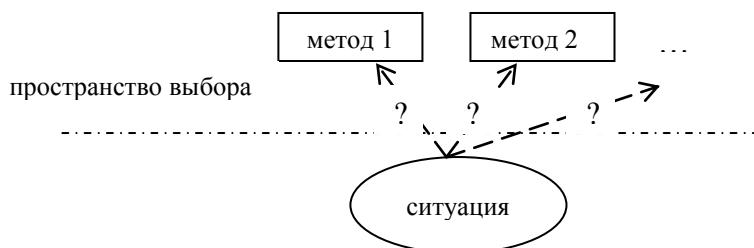

Рис. 5. Условие возникновения мышления

Берёзкин Ю.М. – Это точно. Очень точно! Мышление находится вот в этом пространстве выбора (на рис. 5 – при переходе в верхнее пространство). Там, где нужно выбрать и что-то задействовать – там требуется мышление.

А.Д. – Ну, а само пространство выбора, откуда берётся?

Берёзкин Ю.М. – Подождите. А вот то, что «до выбора» и «после выбора», это как можно изобразить?

Д.Ю. – Там формулы: $A+X=B$.

Берёзкин Ю.М. – Да. Там формулы. Там уже нет мышления. Там «про птичек» уже забыли. Там, просто, уже «иксы», «цифры» и т.п.: определённые, заранее известные операции – сложил, умножил, подытожил.

Здесь мы затронули один очень принципиальный момент: то, что делает схема. Он, фактически, здесь нарисован. Только нужно это акцентировано выделить, и артикулировано произнести.

А.Д. – Схема позволяет из множества предоставленных вариантов выбрать требующийся для правильного решения поставленной задачи.

Берёзкин Ю.М. – Вот, смотрите. Никто варианты может не представлять. Схема создаёт, во-первых,... что?

А.Д. – Возможно, она собирает различные варианты и создаёт некие мыслительные средства, которые помогут в дальнейшем в решении поставленной задачи. Т.е. она...

Берёзкин Ю.М. – ...создает некую «принципиальную возможность». «Возможность» для чего?

Д.Ю. – Для движения.

Берёзкин Ю.М. – «Для движения». Для «движения»: откуда и куда?

А.Д. – Для движения от поставленной задачи и к решению.

Д.Ю. – От проблемы?

Берёзкин Ю.М. – Нет, нет! Это всё потом: там и «проблемы» появятся, и «задачи». Вот самая простая и элементарная ситуация. Она, фактически, ещё раз повторяю, здесь нарисована, только не в очень явном виде. И здесь ещё много разных «лишностей», так скажем, которые внимание приковывают, а суть, наоборот, затемняют. А нужно выделить самую суть.

Д.Ю. – Выделение содержания?

Берёзкин Ю.М. – Нет, не обязательно. А вообще, по принципу? Это Вы говорите про один из вариантов. А что, вообще, любая схема делает?

А.Д. – При попадании в ситуацию обеспечивает возможность движения и выхода из неё.

Берёзкин Ю.М. – «Ситуация» – тоже частный случай. Вот это, и вот это (показывает на разные пространства рисунка 5), как можно назвать?

И.С. – Когда мы знаем ситуацию: что известно и что – неизвестно...

А.Д. – Грубо говоря, вход и выход?

Берёзкин Ю.М. – Само назначение схемы – в чём? Схема – это будет, фактически, вот (показывает на стяжку двух пространств на рис. 5). Что это значит?

Г.А. – Предмет и метод.

А.Д. – Она направляет мысль по определённому пути.

Берёзкин Ю.М. – Мысль, где присутствует? И что значит, «направляет»?

А.Д. – Видимо, от человека...

Берёзкин Ю.М. – Здесь ситуация, здесь – метод (показывает на рис. 5). Или лучше сказать: «способ». Но это, ведь, – конкретный случай. Могут быть и другие случаи...

А.Д. – Ну, видимо, от мышления человека, она движет мысль...

Берёзкин Ю.М. – Я хочу, чтобы у вас отфиксировался один из важнейших принципов: где, и в связи с чем всегда возникает необходимость схем? И вообще, собственно, мысли. Поскольку мысль без схем не движется. Схема – это и есть то, что задаёт метод продвижения. Путь мысли задаёт.

Г.А. – «Метод», получается, не эти прямоугольнички (рис. 5), а стрелки?

Берёзкин Ю.М. – Ну, я здесь не очень правильно назвал. Это так нарисовано, чтобы вас слова не путали.

Д.Ю. – А вопрос в чём?

Берёзкин Ю.М. – Вопрос состоит в следующем: в чём состоит самая принципиальная, самая элементарная ситуация, в которой всегда возникает необходимость мышления, и, следовательно, – возникновения схемы, т.е. пути для мысли. Ещё раз повторяю: здесь всё нарисовано. Как это в явном виде, просто, произнести? Нарисован конкретный, частный случай (рис. 5). А – в общем? Для всех всевозможных схем, которых сотни?

А.Д. – Сейчас, что-то крутится...

Берёзкин Ю.М. – А что крутится? Вы смотрите на то, что нарисовано, и попытайтесь перерисовать по-другому: не для этого конкретного «случая с птичками», а вообще, для всего на свете. И твёрдо сказать, что для всего, где возникает необходимость мышления, и возникает необходимость, соответственно, схематизации, должно быть...Что? И где этого нет, там, соответственно, мышление и не нужно.

(длинная пауза).

Берёзкин Ю.М. – Скажите, а что Вам мешает? Почему Вы, глядя на нарисованное для конкретного случая, не можете сказать то же самое, но для общего?

(пауза)

Берёзкин Ю.М. – Вот это (показывает на «птичек», рис. 5 – «ситуация»), где находится?

А.Д. – Это, получается, в реальности.

Берёзкин Ю.М. – А это? (показывает на формулу счёта, рис. 5 – «метод»)

А.Д. – В мышлении, т.е. в сознании.

Берёзкин Ю.М. – Почему «в сознании»? Формулы и в учебнике могут быть, который к сознанию никак не относится. И что? Что это значит? Вы называли два разных...Что называли-то?

Д.Ю. – Объекты?...

А.Д. – Пространства.

Берёзкин Ю.М. – Пространства разные. Да. А что значит, разные пространства? (рис. 6)

Рис. 6. Первое свойство схем

А.Д. – В одних пространствах одни эталоны...

Берёзкин Ю.М. – Как это нарисовать?

А.Д. – Т.е. это вот здесь мышление...

Берёзкин Ю.М. – Подождите про «мышление».

А.Д. – Вот так: схема находится между двумя пространствами, она нужна, чтобы два пространства соотнести.

Берёзкин Ю.М. – Да. Я бы так сказал: схема, в обязательном порядке, связывает вместе нечто «разнородное». Здесь – одно, а здесь – совсем другое (показывает на разные пространства, рис. 6). «Разнородное», которое лежит просто в разных местах, по-разному живёт и никогда в одном месте не бывает. Мышление возникает только тогда, когда нужно связать разнородные вещи. Как только мы вошли в какое-нибудь пространство (например, на рис. 6 в пространство 1), где вещи живут однородным способом – всё! На этом мышление заканчивается. Там есть правила, есть соответствующий предмет, там можно действовать формально. И здесь тоже (показывает на другое пространство). А вот на переходах от одного к другому, когда нужно стянуть совершенно разнородные вещи, там возникает необходимость мышления. И, собственно, мышление только здесь и существует. По этому поводу Кант говорил так: есть понятия и категории – это «рассудок». Есть «чувственная реальность», «вещи». И между ними – разрыв. Между «чувственной вещью», которую мы можем созерцать, и «рассудочными понятиями». Схема возникает где?

А.Д. – При отнесении понятий к эмпирическим вещам...

Берёзкин Ю.М. – Да. Схема возникает на стычке между «вещами реальности», которые мы можем созерцать, и соответствующими «понятиями и категориями». Одно – в чувственном мире, а другое – совершенно в другом мире. Там, где чувства, вообще, не работают, где чистые понятия, чистые категории живут. Кант говорил, что «схема – это условие чувственности чистых понятий». Мы не можем почувствовать понятие «стола» только непосредственно созерцая этот «эмпирический стол». Мы можем понять, что эта вещь – «стол», только «привязывая» наши ощущения к чистым понятиям рассудка. Вот на этом переходе между совершенно разнородными пространствами. При таком переходе из одного в другое и возникает необходимость построения схем. Или «схематизмов сознания», как Кант говорил. И если схемы нет, то человек не может это проделать. Человеческое сознание в этом случае не работает.

Так, но это всего лишь одна из особенностей схем, и, соответственно, ситуаций, где возникает необходимость в них. Ещё, что можно сказать про схемы?

(пауза)

Берёзкин Ю.М. – Можно ли ещё что-нибудь сказать? Кстати, все схемы, которые здесь нарисованы (рис. 1, 2, 3), они, в общем-то, про одно и то же. Нечто разнородное связывается. И в этом смысле, если мы входим в какой-то предмет, где всё – однородное и всё устроено одинаковым способом, на этом мышление заканчивается. Начинает действовать рассудок, где можно формально вычислять, писать, делать выводы. Мышление здесь отсутствует, напрочь. Оно, просто, не нужно. Достаточно человеку вдолбить в голову определённые

правила манипулирования с какими-нибудь количественными характеристиками, правила использования каких-то построений, понятий, и всё на этом заканчивается.

А ещё что схема позволяет делать? Где она, собственно, нужна?

А.Д. – На мой взгляд, она нужна при проблематизации.

Берёзкин Ю.М. – «При проблематизации»... Это Вы что имеете в виду?

А.Д. – Когда действующая стяжка, действующая схема, которая используется в качестве основной, подвергается рефлексии. И создаётся другая схема, которую принимает действующая позиция. Схемы нужны для улучшения эффективности мышления.

Берёзкин Ю.М. – Ну, из того, что было сказано (рис. 6), Вы пока не выходите. Там, например, проблематизируемый «натуралистический подход» переходит к «деятельностному подходу». И всё то же самое, сюда же укладывается. А что ещё новенького можно сказать про схемы? Что схема позволяет делать?

А.Д. – Она позволяет организовывать мышление и деятельность.

Берёзкин Ю.М. – Ну, здесь опять же: на одной плашечке «мышление», на другой – «деятельность», и нужна схема соответствующего перехода. А когда уже сочленено, что там дальше схема позволяет делать?

Г.А. – Щедровицкий в одной из книг выделяет «схему традиционного мышления», а есть ещё «схема содержательно-генетической логики». И то, что я понял: он там говорит, что «схемы традиционного мышления», якобы, не включают в себя механизмы их применения.

Берёзкин Ю.М. – Да. Именно так. А можете привести пример такой схемы?

Г.А. – Там он говорит, что механизм применения традиционной схемы берётся из интуиции, из знаний. А схемы содержательно-генетической логики, они, якобы, сами в себя включают механизмы применения. И – человеку можно на себя схему «одевать» и работать уже в ней.

Берёзкин Ю.М. – Всё точно Вы произнесли. Как будто наизусть выучили! Можете примеры привести, где вот то, что Вы сказали, было бы явно видно. Назовите сначала «схемы» из традиционного, научного их употребления, когда пишут, там, в диссертации: «схема № 1», и рисуют картинку какую-нибудь...

Г.А. – Там же, в своей книге ГП пишет, что любая схема, так или иначе, включает в себя действующего субъекта. Вот, например, когда есть схема сборки шкафа, то она обязательно предполагает, что есть человек, умеющий работать по этой схеме.

Берёзкин Ю.М. – Это – да.

Д.Ю. – Традиционные схемы изображают объект. А в методологических – изображается деятельность и способ движения...

Берёзкин Ю.М. – Ну, это всё тоже пока не очень понятно.

А.Д. – Например, когда ту же самую задачку с птичками решали. Здесь традиционная схема применялась, поскольку она не осмысливалась понятийно.

Берёзкин Ю.М. – Где здесь схема? Словами было написано условие задачи. Нет здесь схемы.

А.Д. – Но ведь там же просто заменяли ситуацию формулой для решения.

Берёзкин Ю.М. – Ну, всё равно, Вы можете пример привести, чтобы у людей это отпечаталось на сознании, и в явном виде «слепилось» с тем, что сказал Алексей? Или вот то, что Юля сказала: традиционное применение схемы – это когда схема изображает «объект». Какие Вы можете назвать схемы, которые изображают «объект»?

А.Д. – Схема Солнечной системы.

Берёзкин Ю.М. – Да. «Схема» Солнечной системы! Рисуют солнышко и семь кругов вокруг с точечками. «Схема» Солнечной системы. Это – не методологическая схема, и вообще, это – не схема, по понятию! Это некая картинка, условно изображающая некий «объект», который, предполагается, что если мы отлетим далеко от Солнечной системы, то издалека мы можем вот такую картинку увидеть. А если ближе к нам? Солнечная система далеко. А если ближе? То, что каждый человек может увидеть, выйдя на улицу. Где там «схемы», которые являются «традиционными», и они не несут на себе вот этой методологической нагрузки?

(пауза)

Берёзкин Ю.М. – Смотрите, например: Вы заходите в любой автобус, а там написано: «Схема маршрута» и нарисована линия с точками-остановками. Это «схема» не методологическая. Ничего разнородного она на себя не стягивает. «Методологическая схема» в обязательном порядке должна стягивать принципиально разнородное. И мысль возникает только там, где трудности с переходами возникают. Как попал в однородное пространство – всё! Приехали. Там уже мысль не работает и совершенно не нужна.

Г.А. – Там происходит отнесение вот этой картинке к тем знаниям, которые мы знаем без всякой схемы.

Берёзкин Ю.М. – Вот! Алексей дополнил словами Г.П.Щедровицкого. Он сказал, что то, что Вы сейчас произнесли – это у Вас в голове, а вовсе не на «схеме». «Схема» – сама по себе, например, «схема маршрута», а у Вас в голове правила: где выйти, когда зайти, что Вас на этой «кривой линии» будет интересовать, а что не будет интересовать. На самой схеме этого нет. И утверждается, что «методологическая схема» в себе самой содержит свой способ употребления. Тем и отличается от традиционных научных «схем».

А.Д. – Но ведь мы употребляем эту «схему», когда выходим на нужной остановке. Мы же её соотносим...

Берёзкин Ю.М. – А как Вы её употребляете? Вы что, в виде цилиндра её на голову одеваете? Вот, на нарисованной картинке «Схема маршрута», где там способ её употребления (рис. 7)?

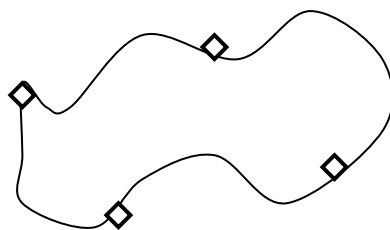

Рис. 7. «Схема» маршрута автобуса

А.Д. – Сам по себе рисунок не является схемой.

Берёзкин Ю.М. – Не является.

А.Д. – Рисунок становится схемой, когда мы его начинаем сопоставлять с чем-то другим, что находится у нас в сознании.

Берёзкин Ю.М. – Ну, это да, если у Вас, на самом деле, есть необходимость построения такой схемы. Вполне возможно, что у Вас в голове есть некий трафарет, и Вы, глядя на название рисунка, уже точно знаете, что дальше делать. А пример Вы можете привести, где сама схема показывает, как её, собственно, употреблять?

А.Д. – Например, схема сборки.

Берёзкин Ю.М. – Так. И где там способ сборки?

А.Д. – Там показывают, где, какие детали. Что сначала нужно делать. Что – потом.

Берёзкин Ю.М. – Ну, это тоже – не схема. Это – инструкция. Можно, конечно, её превратить в схему. Но этого не видно в явном виде. Там просто много картинок и последовательность перехода от одной картинке к другой. Последовательность уже вам прописана: сначала это делай, потом другую картинку бери и смотри, что там нарисовано...

И.С. – Например, в схеме финансового менеджмента. Когда мы смотрим на схему, там есть «позиция» финансового менеджера. Мы встаём в «позицию» и действуем соответствующим образом.

Берёзкин Ю.М. – Так, «встали в позицию». Что дальше?

И.С. – Там нарисованы переходы между пространствами. И мы должны работать с этими пространствами в определённом порядке. Действовать то в одном пространстве, то в другом.

Д.Ю. – Ведь никакого перехода нет.

И.С. – Там же есть порядок действий в разных пространствах.

Берёзкин Ю.М. – Ну, Вы тоже правильно говорите, а можете изобразить то, что Вы сказали?

И.С. – Попробую нарисовать.

Берёзкин Ю.М. – Нет, «рисовать» – это одно. Просто, нужно отличать «схемы» от..., как это говорят, «методологической живописи». Это разные вещи. Или говорят ещё «наскальная живопись».

А.Д. – Ну, например, вот так можно? (рисует) Это – «объект», это – «человек» и у него в сознании сидит «схема», которая задаёт его «способ действия» с данным «объектом» (рис. 8).

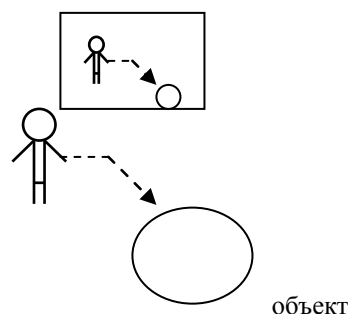

Рис. 8. Способ действия в сознании человека

Берёзкин Ю.М. – Ну, Вы тоже это достаточно абстрактно рисуете. В общем, возможно, оно и правильно. Но нужно понять принцип. Как сама схема задаёт способ своей работы?

А.Д. – Может быть, так: есть много «функциональных мест» и «человек» со своим отношением. И человеку именно схема задаёт порядок встраивания в эти функциональные места...

Берёзкин Ю.М. – «Встроился». Дальше что?

А.Д. – Дальше задаются определённые...

Берёзкин Ю.М. – Подождите. Смотрите: ...и та же самая схема должна ему говорить, что дальше делать?

А.Д. – Ну, она ему задаёт определённый набор средств, которые он может использовать, и способ движения между данными функциональными местами.

Берёзкин Ю.М. – Нет. Всё равно Вы произносите не очень точно, поскольку в явном виде не выпячивается, то что здесь требуется... Ну, так же, как вот здесь (показывает на рис. 6). Да? Много разных правильных слов было сказано про эту картинку, а нужно было просто сказать: «должны стягиваться разнородные вещи». Если однородные, то не работает.

А здесь, как? Схема должна изображать некий «объект», но, как только ты в него вошёл, та же самая схема должна показывать, что дальше делать. Та же самая! Она превращается в «средство». Пока она перед тобой – она «объект». Ну, так же, как «схема маршрута». Но ты в эту схему вошёл – и эта же схема говорит тебе, что дальше делать. Можно даже так сказать: она открывает перед тобой некие «окна». И ты видишь, куда дальше двигаться? И как?

Как это нарисовать? И показать на какой-нибудь схеме в явном виде? Потому что, пока то, что Вы нарисовали, этого не говорит. Вот я, допустим, вошёл в эту схему (показывает на рис. 3), и эта же схема должна мне показать, что я увижу.

А.Д. – Каким образом можно войти, можно выйти?

Берёзкин Ю.М. – Да, можно войти, можно выйти...

А.Д. – И что можно получить с её помощью, чего можно достигнуть?

Берёзкин Ю.М. – Да. Но, «что можем получить?» – не всегда, поскольку она же путь задаёт. Она на каждом шаге открывает новый горизонт, или «окно», если хотите.

А.Д. – Это как бы иерархическая структура...

Берёзкин Ю.М. – И что? Иерархическая...

Д.Ю. – Алгоритмы...

Берёзкин Ю.М. – Нет, «алгоритмы» появляются после того, как схема уже построена. Схема задаёт массу возможностей. И каждая из таких возможностей может быть отдельным алгоритмом. Схема же содержит сразу все на свете алгоритмы, которые для данной ситуации возможны.

А.Д. – Получается что-то типа «лабиринта», где много путей и выходов из него...

Берёзкин Ю.М. – Знаете, мне всё это напоминает одну байку... Был объявлен конкурс в школу экстрасенсов. Знаете такую байку?

Из зала – Нет.

Берёзкин Ю.М. – И было сказано: «Чтобы учиться в этой школе, желающие должны пройти тестирование. Для этого нужно было прийти в такой-то день к такому-то зданию, войти в такой-то подъезд, там будет коридор, и нужно идти по этому коридору».

Заходит человек: действительно, коридор, двери туда, двери сюда, подходит к последней двери в торце коридора, на которой написано: «Здесь для Вас выход». Он открывает дверь и выходит опять на улицу. Другой заходит – то же самое!

Написали организатору письмо с нехорошими словами, дескать, пригласили, а на самом деле... Тот им говорит: «Это как раз и был тест. Можете, или не можете? Вошли, а там двери. За дверьми сидят экстрасенсы, которые вас мысленно приглашают зайти. Если бы вы чувствовали, вы бы зашли. Если же вы не чувствуете, вам здесь делать нечего».

Ну, так вот и Вы нарисовали: сюда зашел, оттуда вышел! Ничего не увидел!

И.С. – Схема должна предполагать две разные позиции. Сначала человек продаёт на рынке 1, а другой – покупает. Потом, наоборот, он на рынке 2 покупает, а другой ему продаёт.

Берёзкин Ю.М. – И что?

И.С. – Когда он смотрит на эту схему, то должен действовать как арбитражёр.

Берёзкин Ю.М. – Тогда у Вас две разных схемы. Сначала Вы здесь арбитражёр, а потом туда пришли, и Вы там просто покупатель, а вовсе не арбитражёр.

И.С. – Предполагается, что здесь мы должны продавать, а покупать – здесь.

Берёзкин Ю.М. – Ну, это только тогда, когда Вы выйдете из неё вот в эту позицию, поглядеть на это дело со стороны, опять туда войти и там что-то делать. Но делать уже другое. Сама схема Вам не говорит, что Вам делать.

(тишина)

Г.А. – Мне кажется, что любая схема, так или иначе, говорит, что делать. Например, схема маршрута. Если не брать человека, она просто картинка. А если какой-нибудь человек «наденет» её на себя, и поставит определённую цель, например, добраться из одного района в другой, которые впрямую не связаны между собой, то эта схема задаёт способы, все возможные способы, как можно из одной точки попасть в другую.

Берёзкин Ю.М. – Правильно Вы говорите. Так люди и делают. Но утверждается-то, ведь, что? Утверждается, что есть схема маршрута. Есть разные остановки. Есть человек. У него в сознании есть правила выбора остановок. Схема маршрут – это одно, а правила – совсем в другом месте находятся. И человек руководствуется не этой схемой, а своими правилами, которые у него в голове. Щедровицкий так и говорит: «Это – традиционная схема: отдельно правила и отдельно изображение объекта». А в настоящих методологических схемах сама схема задаёт правила её же употребления.

И.С. – Вы здесь говорите, видимо, о вторичных схемах, которые задают правила употребления.

Берёзкин Ю.М. – Почему о «вторичных»?

И.С. – Т.е. это – не схема, а прасхема.

Берёзкин Ю.М. – Смотрите, давайте такой рассмотрим пример, тогда, может быть, вы почувствуете, как схемы работают.

Самая первая из известных схем, которая была зафиксирована человечеством, это – так называемая «схема Сократа». Она была впервые сформулирована Сократом. Можно у Платона об этом почитать. В общем, это известная вещь. Сократа спросили: «Почему Вы так много знаете, но при этом Вы говорите, что ничего не знаете? А вон там – много людей, которые ничего не знают, но при этом говорят, что они всё знают. Как это объяснить?» И Сократ нарисовал схему. Эта схема объясняет данный парадокс, что человек, который много знает, на самом деле, чем больше знает, тем ему больше кажется, что он ничего не знает. И, наоборот, тот, кто ничего не знает, думает, что вообще всё знает.

Как это схематизировать и показать, что сама схема вам позволяет двигаться. Знаете, Юлия Фёдоровна? А Вы, Денис?

А.Д. – Догадки.

Берёзкин Ю.М. – Какие «догадки»? «Догадки» – это и есть вот те способы переходов (показывает на переходы между разнородными пространствами). Без воображения и без догадок о таких переходах мысли не бывает.

А.Д. – Схема, которой можно пояснить ту ситуацию, когда Сократ говорит, что ничего не знает, может быть, так выглядит (рисует). Есть Сократ и есть...

Берёзкин Ю.М. – ...грек! Простой, обычный грек.

А.Д. – Не знаю, может быть, здесь в сознании всё получается как-то. У одного много всего есть, у другого – мало. И Сократ знает всё, что у него есть в сознании...

Берёзкин Ю.М. – Ну, хорошо, а как из этого можно сделать вывод, что незнания у Сократа больше, а у этого грека – меньше?

А.Д. – Ну, допустим, что грек вот эти свои три элемента знания может охватить, и он знает всё то, что он знает. Грубо говоря, то, что у него в сознании есть, он это всё и знает...

Берёзкин Ю.М. – И Сократ про своё знание в сознании всё знает.

А.Д. – Я думаю, что из-за массовости знаний, он же может...

Берёзкин Ю.М. – Нет, если человек что-то знает – он знает это. Сократ – тем более. Думать, что Сократ был полудурок или олигофрен – это очень сомнительно.

А.Д. – Я к тому, что большой набор знаний...

Берёзкин Ю.М. – Почему большой набор знаний? Сама схема должна вам показать это. Она вам показывает, что если знаний много, то и незнаний становится больше.

А.Д. – Каждое знание, так скажем, за собой тащит ещё и другие... Открывает новые возможности... Знание может быть на что-нибудь направлено, ну, допустим, на... возможности какие-то, для дальнейшего движения мысли...

Берёзкин Ю.М. – Нарисуйте, чтобы схема показала, что большое знание, соответственно, говорит о большом незнании, а маленькое знание говорит о малом незнании...

А.Д. – От каждого знания могут существовать «ответвления», что ли, которые приводят к накоплению нового незнания. Как бы, если есть знание об объекте, то можно предположить что-то, и можно дальше продолжать накапливание...

Берёзкин Ю.М. – Денис, ну, Вы же сочиняете. Нет этого в притче про Сократа. Там говорится, ещё раз повторяю: подошёл грек и спрашивает: «Сократ, почему ты так говоришь? Ты так много знаешь, а говоришь, что ничего не знаешь, а вон тот, который ничего не знает, наоборот, утверждает, что он всё знает. Как это объяснить?» Сократ нарисовал схему. Она считается одной из первых, или самой первой, которая была построена и зафиксирована в культуре.

Юля, как нарисовать? А заодно и объяснить.

Д.Ю. – Если то, что «я знаю» – это внутри круга, а то, что «я не знаю» – вне круга, тогда площадь соприкосновения с незнанием будет разная. Если «я знаю» меньше, она, соответственно, меньше. Если же я знаю больше, она – тоже больше. Таким образом, чем меньше я знаю, тем меньше я не знаю, а чем больше я знаю, тем больше я не знаю (рис. 9).

Берёзкин Ю.М. – А как быть с тем, что схема сама говорит о следующем ходе в рассуждении? Смотрите: первое, что Сократ сделал, он сказал: «Представим себе, что вот это моё знание, Сократа, а вот это – знание того грека». Представили. Как дальше сама эта схема говорит о следующем, вот этом выводе?

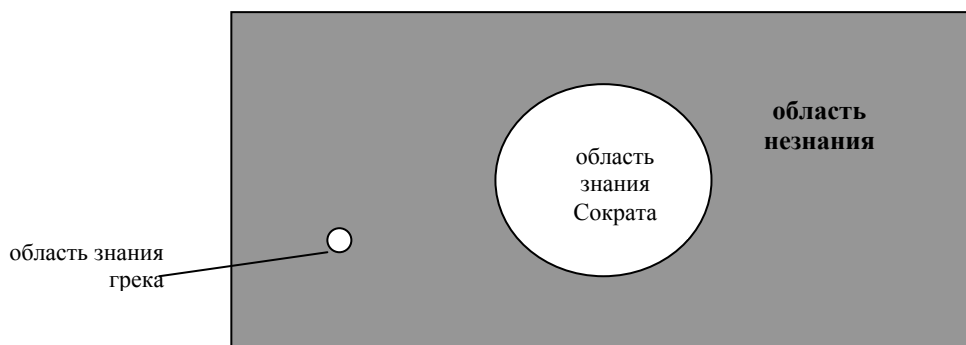

Рис. 9. Схема Сократа

Д.Ю. – Она делит эти два пространства...

Берёзкин Ю.М. – Делит. Разнородное – стягивает, да. А как она говорит о своём употреблении?

А.Д. – Ну, видимо, если существует большая черта знания, соответственно, она, как бы, больше видит, что за знанием находится...

Берёзкин Ю.М. – Смотрите, Вас эта схема начинает «тащить», но Вы не очень рефлектируете то, что она Вас заставляет делать. Она, сама схема, заставляет Вас вот этот вывод делать. Вы произнесли правильные слова, но просто нужно здесь указать на главное в явном виде.

Д.Ю. – Нужно сопоставить разные знания, которые нарисовали...

Берёзкин Ю.М. – Ну, нарисовали. Где здесь способ употребления? Способ употребления, который говорит о следующем выводе. Об объяснении этого парадокса.

И.С. – Вот та окружность, которая соприкасается с незнанием. Она и является вторым шагом.

Берёзкин Ю.М. – А почему?

(молчание)

Берёзкин Ю.М. – Правильно Вы говорите. Вас эта схема тоже «тащит», Ваше сознание определенным образом конфигурирует, Вы это видите, но произнести почему-то не можете. Чётко так, чтобы указать пальцем и сказать: почему такой вывод? Странный и, в общем, парадоксальный.

А.Д. – Приходит в голову идея о длине окружности...

Берёзкин Ю.М. – Нет. Да нет! Вы всё время скачете. Нарисовали, а дальше-то что?

А.Д. – Дальше сопоставили...

Берёзкин Ю.М. – Нет. Дальше, смотрите: вот Сократ сюда входит, и... что? (рис. 10)

Д.Ю. – ...и видит, сколько не знает.

Берёзкин Ю.М. – Что видит? Между прочим, он видит... что?

А.Д. – ...границу знания.

Берёзкин Ю.М. – Он видит границу! И схема сразу открывает новую возможность... Спрашивается, какую? Он наталкивается на границу. А раз она – «граница», то она имеет... что?

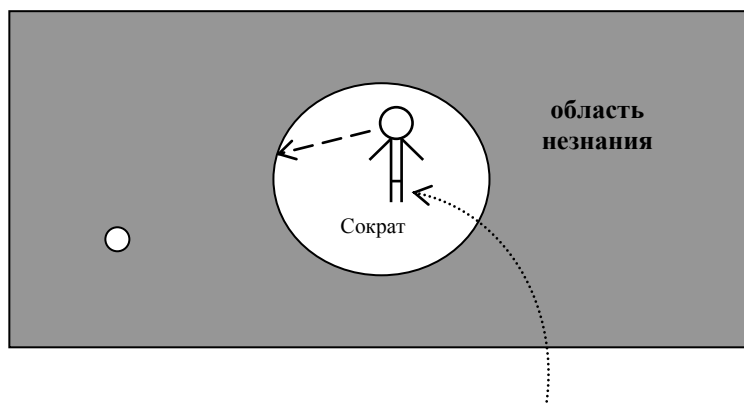

Рис. 10. Вход в схему

А.Д. – ...протяженность.

Берёзкин Ю.М. – Она имеет протяженность. И смотрите: Вы просто попадаете в совершенное в другое... Сначала ни про какую геометрию речи не шло. Он, просто, говорит: «представьте себе, что это моё знание, а это – его». И дальше сама схема ведёт. Её на себя «одеваешь», и физически видишь совсем другое: ты видишь геометрическую границу. А в геометрическом языке это будет означать, что эта длина больше, чем вот эта. И, следовательно, длина соприкосновения с незнанием становится тем больше, чем больше знания. Непонятно?

А.Д. – Понятно.

Берёзкин Ю.М. – И это, между прочим, действительно практически по поводу любой схемы. Ну, к примеру, возьмём схему знания.

Вот схема научного знания (показывает на рис. 3 в начале данного обсуждения). Вот объект **X** и, соответственно, действия с ним ΔX замещаются знаковой формой (**A**), и потом то, что на знаках (в ходе операции **f**) получаешь (**B**), ты относишь к этому же (но изменённому в результате действия Δ) объекту **Y** (повтор схемы на рис. 11).

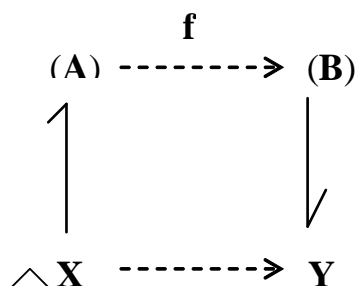

Рис. 11. Схема атрибутивного знания

Любые знания, получаемые, например, с использованием формальных расчётов, по такому принципу и построены. Я, допустим, Вас спрашиваю: какова площадь этой крышки стола? А Вы что делаете, чтобы ответить на мой вопрос? Вы измеряете стороны реального объекта (на схеме это соответствует ΔX), переводите результаты измерения в формулы (полустрелка вверх и обозначение измеренных сторон (**A**)), перемножаете одно на другое (формальная операция со знаками **f**), получаете результат вычисления и говорите: «Площадь, вычисленная мной по формальным правилам, равна стольким-то квадратным метрам (**B**) и эта величина относится вот сюда (полустрелка вниз)». И показываете на эту (уже измеренную – **Y**) крышку стола.

Так устроено обычное знание. А дальше что? Как эта схема знания позволяет дальше работать? Где в этой схеме механизм, который говорит об её употреблении?

А.Д. – Обязательно должен быть выделен объект.

Берёзкин Ю.М. – Ну, допустим, выделен. Способ употребления где?

А.Д. – Нужно соединить объект и значки.

Берёзкин Ю.М. – Если бы то, что Вы говорите, было, наука давно бы заглохла! А она всё развивается и развивается! Вы бы вот так (показывает на схеме) зациклились и ходили бы по кругу.

А.Д. – Можно выделить знаковую форму и работать с этой знаковой формой. Затем, при необходимости, – обратно относить.

Берёзкин Ю.М. – А где способ употребления? Как Вы вот эту схему используете для дальнейшего получения новых знаний?

А.Д. – В дальнейшем мы берём эту знаковую форму и дальше над ней надстраиваем такие же точно цепочки.

Берёзкин Ю.М. – А вот – и не такие же!

А.Д. – Т.е. с ними работаем, с этими знаковыми формами.

Берёзкин Ю.М. – С какими? Вот – схема (показывает на рис. 11), схема знания, так называемого «атрибутивного знания», научного. «Атрибутивного» – это значит, «внутренне присущего» этому объекту.

Г.А. – Когда я посчитал, то говорю: «Это знание – об этом объекте».

Берёзкин Ю.М. – Да, вот я измерил, высчитал на бумажке и «пришпилил» результат сюда: сказал, что площадь этой доски – половина квадратного метра.

Д.Ю. – Может быть, схема задаёт способ познания?

Берёзкин Ю.М. – Вот, смотрите: сама схема стягивает разнородное – это то, что мы уже раньше обсудили. Да? А теперь: как сама схема содержит в себе способ её употребления? Это – схема знания. Это уже не конкретный расчёт площади вот этой доски, а схема атрибутивного знания. Следовательно, так любое знание может (и должно!) быть устроено. Любое! Не только по поводу площади столешницы, но и по поводу чего угодно: финансового рычага, там, крепости брони...

Д.Ю. – Можно нарисовать?

Берёзкин Ю.М. – Ну, нарисуйте.

Д.Ю. – Нужно отдельно смотреть на объект, отдельно – на знаковую форму. А потом их соотносить.

Берёзкин Ю.М. – Нет. Так Вы не выйдете за рамки того, что мы уже получили.

А.Д. – Работать начинают со знаковыми формами и говорят, что это – «объекты». Не с «реальными объектами» начинают работать, а со «знаковыми формами». И считают, что «знаковые формы» есть «объекты», или выражение этих объектов.

Берёзкин Ю.М. – Нет. Вот мы получили схему знаний (она давно известна) и эта же схема должна являться средством для учёного, который изучает мир, по определенной схеме. Она становится для него механизмом работы.

И.С. – Он заходит в схему, смотрит и видит «объект». И начинает его изучать.

Берёзкин Ю.М. – Как нарисовать?

И.С. – Учёный берёт вот этот трафарет, и вот так вот кладёт. Там, где видит «объект», там работать начинает.

Д.Ю. – Может быть, он создаёт эту новую знаковую форму и накладывает её...

Берёзкин Ю.М. – Ну, почти правильно говорите, только нарисовали неправильно.

Все предложения кончились? Или ещё у кого-то есть какая-то версия? Как в явном виде показать, что, с одной стороны, вот, я стою здесь, смотрю и говорю: «Схема знания». Любое знание об объекте устроено вот так. И показываю на схему, интерпретируя её как «устройство объекта». А теперь эта же схема мне может сказать, как я вообще могу мир исследовать и получать знания. Как?

(молчание)

Почти же уже... Я не знаю, что вам мешает?...

А.Д. – Образовать новые объекты, и получать из них знания?...

Д.Ю. – Между ними...

Берёзкин Ю.М. – Между этими, что ли?

Д.Ю. – Да.

Берёзкин Ю.М. – Нет, это же «устройство объекта». Оно на бумажке нарисовано, или на доске...

А.Д. – Выделять новый объект и создавать новые знания...

И.С. – Задавать знаки.

Берёзкин Ю.М. – Нет, Сергей. Сказав так, Вы сейчас, ни много, ни мало, разрушили саму основу знания... «Знание» в обязательном порядке содержит объект и знаковую форму. Если знаковой формы нет, то, соответственно, и знаний нет! Знаковая форма может быть не обязательно в виде формул. Она может быть в виде геометрических фигур, она может быть в виде текста. Вот сюда текст поставили, который прописывает, как устроен объект.

Д.Ю. – Вот так и так (рисует).

Берёзкин Ю.М. – Ну, почти правильно. Только...

А.Д. – Получается предметное рассмотрение одного и того же объекта?

Берёзкин Ю.М. – Да, предметное рассмотрение. Но Вы всё равно не выходите за пределы этого... Всё равно одно и то же. Про один и тот же объект могут быть разные знаковые формы построены. По поводу площади – одни формулы, по поводу веса – другие формулы, по поводу дизайна – третьи. Получаются разные науки, но всё равно это сводится к одному. По принципу, это всё устроено одинаково. И схема нам показывает, как?

А как сама эта конструкция может превратиться в средство работы учёного?

А.Д. – Непосредственно, может быть, вот так...

Берёзкин Ю.М. – Нет. Смотрите: вот это (показывает на схему атрибутивного знания) – «знание», которое показывает нам устройство объекта. Вот оно здесь (рис. 12), на объектно-онтологической «доске».

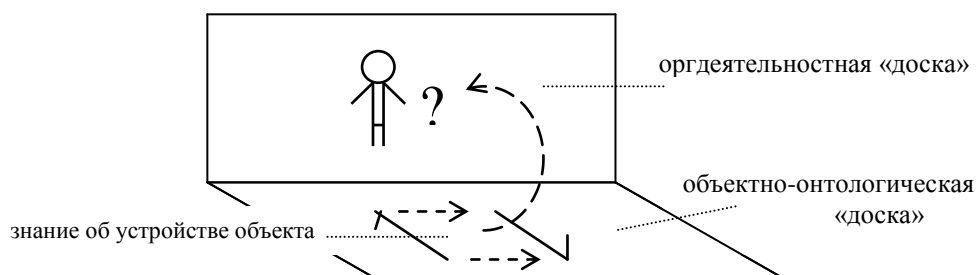

Рис. 12. Перефункционализация схемы знания об устройстве объекта

Нам нужно эту схему превратить в средство учёного. Для этого надо перейти на оргдейательностную «доску», чтобы сама схема нам сказала, как работать в этом мыслительном пространстве? Мы же не можем действовать в онтологическом пространстве. Там показывается, как мир устроен. Там людей нет. Поэтому мы должны перенести это знание об объекте изучения на «доску», где мы можем действовать, работать, исследовать. И превратить его (знание) в средство своей работы.

А.Д. – Может быть, вот так вот: с одной стороны, существует эта схема, «одетая» на человека, с другой стороны – некая реальность, и он эту схему должен наложить на реальность для того, чтобы строить новые знания.

Берёзкин Ю.М. – Вот, дальше Вы неправильно... Поначалу, вроде, мысль правильная была...

Д.Ю. – А вот ещё ... Может быть, нарисовать ещё одну такую же схему?

Берёзкин Ю.М. – Нет. Всё равно не так. Я даже принцип уже показал.

Д.Ю. – Может, знаковая форма вверх должна подниматься?

А.Д. – Получать объекты и обратно их превращать в знание?

И.С. – Нужно перефункционализировать знание...

Берёзкин Ю.М. – Конечно. Конечно. Правильно, Сергей. Мы должны вот это и сделать. Как переинтерпретировать то, что здесь называется «схемой знания»? Вся эту конструкцию.

И.С. – Взаимодействие?

Берёзкин Ю.М. – Нет. Мы должны сказать, что всё это (знание об устройстве объекта изучения), перенесённое из объектно-онтологической «доски» на оргдеятельностную, взять целиком (обозначено квадратными пунктирными скобками) и назвать новой «знаковой формой» (рис. 13).

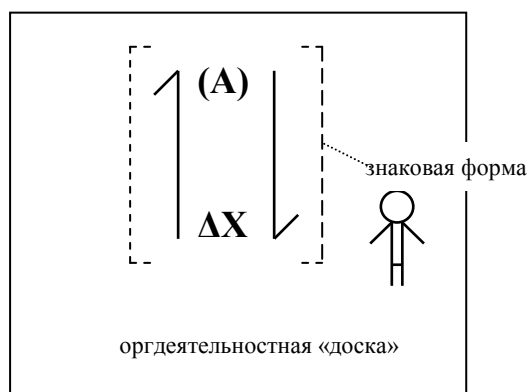

Рис. 13. Переинтерпретация устройства объекта в новую знаковую форму

А дальше что?

(молчание)

Берёзкин Ю.М. – Дальше (как схема знания и диктует) отнести её к новому «объекту реальности». «Наклеить» на реальность, вон туда!

Смотрите: не на эту, оргдеятельностную «доску», не на бумажку, а вынести в мир объективной реальности. Туда, буквально *за* доску. За окно, если хотите (рис. 14).

Вот мы знаем, как считать площадь, и умеем это делать. Посчитали. А потом говорим: вся вот эта конструкция, которая у нас является «знанием об устройстве объекта», знание площади, снова должна стать знаковой формой, «трафаретом» для исследования других объектов реальности. И относим теперь её (новую знаковую форму) вот к тому объекту реальности (показывает). Вон к тому, который за окном...

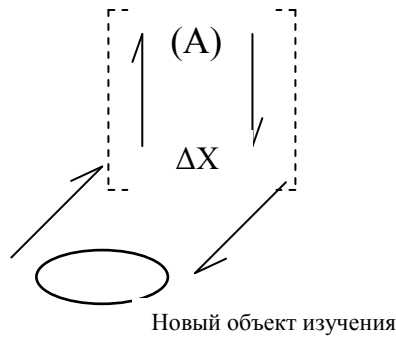

Рис. 14. Отнесение знаковой формы к объекту реальности

И мы там должны, соответственно, действовать так же: выделить то, что там является «объектом», позволяющим измерять площадь. Там, между прочим, всё перемешано. Нет там никаких «объектов». Мы там должны выделить объект за счёт нашего «шаблона» (того, что условно показан в квадратных скобках): сказать, что объект устроен так, как устроена наша знаковая форма. И это нужно эмпирически (экспериментально) проверить.

Но если у нас не будет получаться ухватить всё существенное в объекте нашей знаковой формой, мы должны следующий, точно такой же (как и диктует схема знания) шаг сделать: найти объект, который можно было бы выделить и описать с помощью знаковой формы, включающую всю конструкцию последнего шага. Для этого проделываем всё то же самое, что и вначале: выносим всё, что на рис. 14 на оргдеятельностную «доску», переинтерпретируем всё это в новую знаковую форму, и опять ищем объект реальности, который можно было бы такой знаковой формой адекватно описать (рис. 15). И опять проверяем на действие – строим эксперимент с новым объектом и смотрим, насколько точно результаты эксперимента совпадают с тем, что мы получаем на знаковых формах соответствующего уровня сложности.

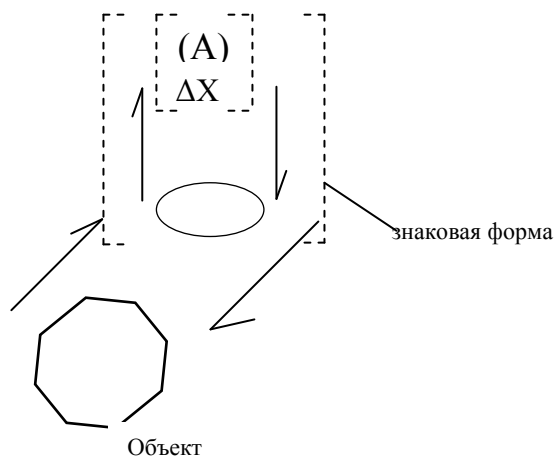

Рис. 15. Третий шаг научного исследования

Так мы строим всё более и более сложные знаковые конструкции-формы для описания и объяснения объектов реальности. Сама схема знания нас заставляет двигаться и работать по определенным правилам. Каждый раз преды-

душую формальную конструкцию превращать в гипотезу устройства объектов реальности, а затем проверять, что так «оно» там и устроено. И если получается не совсем так, как надо (как требует форма), тогда то, что мы получаем, надо снова превращать в гипотетическую знаковую форму и искать новый объект эмпирической реальности, более подходящий под наши формальные (а значит, теоретические) конструкции.

Наука на протяжении последних четырехсот лет вот так только и движется. То туда, то сюда, то туда, то сюда. То, чего она достигла, превращает в накопленные знания, и на основании этих накопленных знаний ищет возможности для следующей «крупницы». Смотрите: сама схема задаёт способ работы!

Это называется «научное исследование». И никакого другого исследования в науке не бывает. Если вы действуете не так, как говорит нам схема знания, вы, просто, не занимаетесь исследовательской работой.

Ну, вот, примерно, так. Может быть, вопросы какие-то есть?

Алексей, Вам понятно, чем методологическая схема отличается от обычных, традиционных? Например, когда рисуют квадратик и говорят: «вот финансовая система», и дальше под ней – ещё несколько квадратиков: «финансы предприятия», «кредит», «страхование» и т.д. Это то, что в любом учебнике легко найти. Это традиционная схема. Она нам не показывает способ употребления и способ работы с ней. У нас он (способ работы) отдельно должен быть в голове: вот сюда (в квадратик «финансы предприятия») войдём – у нас должны быть правила финансовой работы на предприятии. Но они в голове, а не в схеме. Сюда (в квадратик «кредит») войдём – и у нас должны быть в голове правила работы с банком. Вас так и учат: отдельно вдабливают правила, говорят: «Вот туда придёшь, там кредитное учреждение есть, вот там ты и применишь, всё, что выучил здесь». А методологическая схема устроена по-другому. Мало того, что она разнородное стягивает, она ещё в себе содержит свой способ работы.

Что вы так замолчали?

(молчание)

Так. Ну, два момента, касающихся схем, мы выделили. Давайте ещё попытаемся что-нибудь про схемы сказать. Чем ещё «схемы» отличаются от «не схем»?

(очень длинная пауза)

Про эту схему атрибутивного знания есть текст Георгия Петровича, называется «Понимание и интерпретация схемы знания», журнал «Кентавр», №1 за 1993 г. В нём всё подробно и детально прописано.

Так, ещё что можно сказать про схемы?

(пауза)

Ну, давайте, тоже на примере, попытаемся вычленить ещё некоторую общую суть про схемы. Это, в частности, написано у Мрдуляша. Есть такой Павел Брунович Мрдуляш, известный схематизатор среди методологов. Он даже книгу написал про китайские стратагемы и их схемы. Слышал кто-нибудь про китайские стратагемы? Это то, что породила китайская цивилизация. Китайские стратагемы известны давно, самые первые из них появились примерно 2000 лет

назад. А вот в таком, уже современном виде, они сложились 500 лет назад. Стратегемы задают принципиальные схематизмы действия в разных типовых ситуациях. По сути дела, китайцы за 500 лет до европейцев всё это уже изобрели. Ну, имеется в виду до возникновения в середине XX века методологии, когда европейцы напрямую стали работать со схемами. За 500 лет до европейцев они, фактически, предугадали вот эту вот тенденцию, куда Европа выйдет. На деятельностные схематизмы. И сейчас европейцы очень интенсивно пытаются освоить, что же китайцы породили, причём – давным-давно. И, кстати, они очень хорошо этим делом владеют. Иконография, т.е. письмо с помощью иероглифов, тоже в значительной мере основана на принципе стратегем.

«Стратегема», как описывает Мрдуляш, – это четыре иероглифа. Обязательно четыре. Четыре иероглифа, которые целиком задают всю ситуацию и, соответственно, говорят, как действовать в этой типовой ситуации. Стратегема – всегда графическая. Их всего 36.

Одна из них в переводе на русский язык звучит так: «Обмануть императора, чтобы переплыть море». Суть такая. Полководцы хотели воевать за морем, а император, который в то время правил, страшно боялся воды, и всячески сопротивлялся плыть. Без императора война не могла состояться. Император боялся моря, и не хотел на корабле плыть через море. Тогда полководцы придумали такой трюк: построили огромный плот, на этом плоту возвели дворец для императора, дворец оборудовали, как следует, сделали улицы, людей там поселили, бедноту. Пригласили туда императора на новоселье, он начал есть, пить, закусывать, а в это время плот двинулся и они переплыли море. Император даже и не заметил.

Можете схематизировать? Т.е. не иероглифы построить, конечно, как это у китайцев – в виде четырех иероглифов, а с помощью вот такой методологической схемы. «Обмануть императора, чтобы переплыть море».

Можете нарисовать схему действия в данной ситуации? Если вы эту схему нарисуете, вы потом про всех китайцев, императоров и полководцев можете забыть, а построенную схему применять где угодно: в финансах, в целом ряде других ситуаций, которые у вас в жизни возникают. Можете сказать, как нарисовать?

А.Д. – Я попытаюсь. Здесь император, у которого существует своя определенная потребность, что ли. Это исходная ситуация, как бы, получается... Действия полководцев, которые вот эту всю ситуацию целиком...

Берёзкин Ю.М. – Вы, Юля знаете это дело?

Д.Ю. – Я не видела, как это рисуется,... Но я знаю, что...

А.Д. – Для того, чтобы привести императора в движение, не заставляя его, необходимо в другом месте создать такие условия, которые будут удовлетворять его потребности. Т.е. более широкая, как бы, ситуация, для того, чтобы переплыть. Например, здесь необходимо создать место, которое будет удовлетворять его потребности. В таком случае, в данной ситуации он здесь будет находиться, а эта часть будет передвигаться, т.е. включить его в более сильную (широкую) организованность.

Берёзкин Ю.М. – Ну, ладно, будем считать, что это версия №1. Есть у кого-нибудь ещё версии? Как это можно схематизировать? Смотрите: схема должна быть устроена так, чтобы можно было стереть всех императоров и, вообще, всех действующих лиц. Т.е. их даже не упоминать. И схема должна быть приложимой к чему угодно, где возникает, по принципу, подобная ситуация. К любой области деятельности, где может возникнуть сама вот эта «кристаллизация» ситуации. Сам принцип. Как только возникает принцип, так схема даёт способ его разрешения.

А.Д. – ...ещё идея такая... Если невозможно, чтобы император двигался по собственной воле, необходимо создать условия, чтобы...

Берёзкин Ю.М. – Там прямо и говорится: обман построить.

А.Д. – Окружить, изолировать человека, который не хочет двигаться, и вместе с этим местом его двигать.

Берёзкин Ю.М. – Мы чуть позже специально поговорим о том, как вообще рисовать схемы, какие значки употреблять. Но вот так вот, наперёд, чтобы было понятно: не везде нужно «человечков» рисовать. «Человечки» – это некие живые активности, от которых неизвестно, чего ждать. А если известно, чего ждать, можно просто квадратиком изобразить. Ну, как этот стол. Понятно, что от стола можно ждать. Вот, если бы я Вам сказал: «Выйдите из этой аудитории», а столы взяли, и подножки бы Вам начали ставить, Вы бы стали обращать на них внимание не просто, как на мебель. Они для вас стали бы источниками активности, с которой нужно было бы считаться. Это была бы некая активность, которая может, ни с того, ни с сего, Вам подножку поставить. Поэтому там, где фигурка «человечка» – там, в обязательном порядке, активность, в которую можно «войти». На себя «одеть» и представить, как бы ты действовал в подобной ситуации. А если император – просто пешка, которая воду не любит, у него есть такая боязнь воды, то он на схеме и не должен присутствовать.

Ну, так как?

(пауза)

Хорошо, давайте сначала топику нарисуем.

Поясню немного. «Топика» всегда противопоставляется «логике». Это ещё со времен Аристотеля. «Топика» – это совокупность тех смыслов, которые содержатся за данным текстом. Вот текст, который из четырёх иероглифов, и который я на русский манер произнёс. Какие там смыслы? Какие там ключевые понятия присутствуют? Чтобы схему построить, нужно, прежде всего, выделить вот эту топическую конструкцию, т.е. разные места с разными смыслами, а потом попытаться их связать друг с другом.

А.Д. – Есть цель: «переплыть море», есть только одно средство – это обман императора...

Д.Ю. – Ещё есть попытки плыть за море...

Берёзкин Ю.М. – Так, есть «реальные попытки», которые неудачны. Убить императора нельзя. Т.е. это было выше всяких культурных принципов тогдашних китайцев... Есть ещё «фальшивка», которая в данном случае – вот этот плот.

Но, если вы, к примеру, в финансах начнёте подобную ситуацию искать, чтобы какие-нибудь налоги, например, не заплатить... Да? И, соответственно, сюда должна быть какая-то фальшивка вставлена, чтобы эту ситуацию пройти. Которая без этого непроходима. Так, ещё что здесь должно присутствовать?

(молчание)

Ну, очевидно, есть активно «действующая сила». И она здесь в виде «человечка» должна быть нарисована. Что ещё есть?

А.Д. – Есть император как препятствие.

Берёзкин Ю.М. – Да. Есть «препятствие», которое непреодолимо впрямую, и есть «фальшивка», которая должна быть предварительно вставлена, чтобы закрыть часть препятствия...

Если мы это всё нарисуем, то получается схема, которая может быть применимой к любым ситуациям, в любой области деятельности, как только возникает такое принципиальное устройство.

А.Д. – Получается нечто в виде цели, которую нужно достичь...

Берёзкин Ю.М. – Нет. Про «цель» там вообще ничего не говорится. Там говорится про «препятствие».

А.Д. – Если впрямую невозможно, то нужно обход совершить...

Берёзкин Ю.М. – Нет, обход – это обход. А там же говорится: «обмануть императора...»

Д.Ю. – Можно попробовать?

Берёзкин Ю.М. – Да.

Д.Ю. – Может быть, что-нибудь такое, смотрите: как-нибудь изобразим цель и фальшивку, закрывающую эту цель.

Берёзкин Ю.М. – Но, ведь смотрите: фальшивка должна быть, конечно, но она должна закрывать препятствие, а вовсе не ту цель... Вы немножко по-другому рисуете. Но уже близко. Уже близко, но пока неточно.

А.Д. – Ну, тогда так: если закрывать, значит, фальшивка должна находиться не на месте препятствия, а перед ним.

Берёзкин Ю.М. – Ну, да.

А.Д. – Т.е. получается вот так – препятствие. Перед препятствием – фальшивка.

Берёзкин Ю.М. – Ну, а как проходить-то? У Вас всё время трафарет на обход.

П.О. – Может, часть препятствия?

Берёзкин Ю.М. – Да. Часть препятствия – Оля правильно говорит.

И.С. – А вот это – препятствие. Нам нужно от этого перейти сюда.

Берёзкин Ю.М. – Да.

Г.А. – Мы знаем, что «квадратик» переходит туда без проблем. А другой (обозначим как «треугольник») вот сюда не переходит. Т.е. «треугольник» может быть вот здесь... Т.е. при использовании фальшивки он, соответственно, может перейти туда, где должен быть.

Берёзкин Ю.М. – Ну, по смыслу-то понятно, в общем-то, близко к правильному, но слишком уж много всего... Схема должна быть максимально лаконичной. Ничего лишнего в схеме не должно быть.

И.С. – Получается вот так: если это дело можно занести туда, внутрь фальшивки, тогда всё проходит...

Берёзкин Ю.М. – Ну, в общем, похоже. Но, всё равно...

И.С. – Ещё две важных вещи: «препятствие» – это одно, через «препятствие» проходит другое... Соответственно, вот это в это не может перейти, но вот это может сюда, а это – сюда. Т.е. можно соединить три места. Т.е. «треугольник» сюда не может перейти, а «квадрат» может...

(смех)

Берёзкин Ю.М. – Ну, кстати, зря смеётесь, так схемы и строятся. Потому что, как только схему построил, все конкретные смыслы можно просто убрать, и это станет принципом работы в типовой ситуации. Т.е. схема вычленяет принцип.

Ну, я бы вот так нарисовал... с использованием методологического языка графики: есть некое «препятствие» (его, обычно, рисуют в форме кривой линии, которая ситуацию задаёт)...Есть «активность». Прямая попытка перейти препятствие («действие» обычно изображается стрелкой) оказывается неудачной (1). Для этого нужно внести фальшивку (2) и с помощью этой фальшивки ситуация разрешается (3) (рис. 16).

А теперь уберите всех императоров, всех на свете полководцев и всё остальное, что упоминается в тексте стратагемы. Возьмём, например, обыкновенную финансовую ситуацию. Если вы не хотите платить налоги... Или, наоборот, хотите, чтобы вам вернули НДС, а вы не являетесь экспортёром, у которого присутствует толлинг... Или ещё что-нибудь такое же.

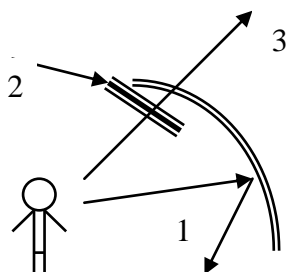

Рис. 16. Стратагема «Обмануть императора, чтобы переплыть море»

В случае с НДС нужно сделать так, чтобы вас признали (фиктивно) в качестве «экспортёра»...И такие схемы строили и осуществляли реально. Вы занимаетесь обыкновенной торговлей, но вам ещё и НДС возвращают. И принцип данной стратагемы работает, просто, впрямую!

Если вы столкнулись с болотом, и перейти просто так не можете, вам нужно найти либо бревно, либо плот, либо слеги постелить. Как во время войны, знаете, маршал Жуков придумал прорыв через белорусские болота? Ну, в кино показывали. Фильм назывался «Освобождение». Там настелили слеги и по этим следам танки прошли через непроходимые болота Белоруссии. Просто, по этой схеме, впрямую!

Так, какой вывод отсюда можно сделать? Что схема делает? Как она должна быть устроена?

Помимо того, что она разнородные вещи стягивает, помимо того, что она показывает способ работы...

А.Д. – Она должна обобщать ситуации.

Берёзкин Ю.М. – Да, она должна снимать всякую конкретику и применяться по любому поводу, как только соответствующая ситуация возникает. Т.е. она должна задавать некий принцип. Принцип действий в гигантском множестве ситуаций. И схема, если она правильно построена, во-первых, снимает все смыслы, и все вопросы, которые могли бы быть заданы, или могли бы задаваться, пока схема не построена. Как только схема построена – всё всем становится ясно, как действовать.

Кстати, помните, Алексей, когда Вы по бумажке зачитывали, а я Вам потом нарисовал такую маленькую схемку того, как у Вас думанье устроено (схему отражения по Локку), и у Вас все вопросы сразу исчезли. Просто, сразу – раз, и схема просто отрубает это всё. Не так было?

Г.А. – А-а-а, про «жильё»?

Берёзкин Ю.М. – Да.

Вот это ещё одна такая важная вещь. И схемы, в общем, все такие. Если она уже построена, то, соответственно, ещё и таким свойством обладает...

Ещё что можно сказать про схемы?

Д.Ю. – Ну, что у них всегда вход есть.

Берёзкин Ю.М. – «Вход» – это всегда «позиция». «Человечек» рисуется. Ты себя на место этого «человечка» ставишь, как бы, «надеваешь» на себя эту схему. И она тебе показывает, что ты видишь перед собой. Ты видишь препятствие, которое впрямую ты преодолеть не можешь. А если сначала ещё сделаешь такой фальшход, то потом легко решаешь свою задачу...

И, соответственно, смотрите: что она позволяет? Как только ты понял, что впрямую пройти ситуацию не можешь, ты задаёшься вопросом: а как должно быть устроено то, что здесь называлось «фальшивка»?... Ты заходишь с другой стороны и начинаешь думать уже совсем про другое: как должна быть устроена вот эта фальшивка? В одном случае в виде плота, в другом – в виде следи, в третьем – в виде фальшивого векселя, в четвёртом – ещё как-то. И каждый раз схема тебе сначала показывает один путь. А потом, когда ты упёрся в препятствие, вот это место даёт возможность войти во что-то другое, и там открывается совсем другой «коридор» для движения мысли. Мысль должна начать работать уже по-другому. И на всех вот этих ходах мысль работает по-разному. А схема это всё стягивает.

И если всего этого у человека (у людей) нет, и подобные вещи не выстраиваются, то и мышления у них тоже нет.

Так, ещё что? Какими ещё особенностями схемы обладают?

А.Д. – То, что схема задаёт то, что мы видим, это же не есть... объект?

Берёзкин Ю.М. – Нет, конечно.

А.Д. – Получается, что схемы никаких объектов не создают?

Берёзкин Ю.М. – Есть схемы, которые создают объект.

А.Д. – Частные схемы, как бы, да?

Берёзкин Ю.М. – ...которые специально для этого предназначены. Ну, например, схема атрибутивного знания. Она просто вычленяет объект из реальности. Кстати, давайте поговорим по поводу «реальности» и «возможности». Что здесь делает схема? И где?

Д.Ю. – Она иллюстрирует, видимо, реальность и...

Берёзкин Ю.М. – Что *делает*?

Д.Ю. – Иллюстрирует.

Берёзкин Ю.М. – Почему «иллюстрирует»?

А.Д. – Выделяет все реальности, которые необходимо...

Берёзкин Ю.М. – А вот то, что она все на свете ситуации такого типа, все варианты схватывает – это что означает?

А.Д. – Ну, это действительно нужно, полезно, как бы...

Берёзкин Ю.М. – Нет.

Д.Ю. – Обобщает?

А.Д. – Ну, в результате работы схемы реальность начинает быть...

Берёзкин Ю.М. – В каком пространстве, в каком модальном пространстве?... Есть несколько модальностей: «долженствование», «возможность», «необходимость»... В каком из этих мест схемы живут?

Д.Ю. – В возможности.

Берёзкин Ю.М. – Да. В возможности. Схема всегда задаёт возможности. Причём, сразу все. Все варианты. С одной стороны, она живёт в возможности, но тогда, когда схема построена, тогда она превращается... во что? Она превращается в механизм реализации того, что замыслено. И я даже некоторые вещи выписал, чтобы зачитать, поскольку это Иммануил Кант написал, и его просто так пересказать непросто.

Вот, смотрите, что он пишет в «Критике способности суждения»: «Для того, чтобы доказать реальность наших понятий, всегда требуется созерцание».

Если нет созерцания, понятия реализовать нельзя. Ты их просто не видишь, они в другом месте. В реальности никаких понятий нет. Чтобы понятие реализовать, нужно созерцание.

Дальше Кант пишет: «Если это – эмпирические понятия, то созерцания называются примерами».

Например, эмпирическое понятие «стол». Ты видишь и это конкретный пример вот этого самого понятия «стол».

Дальше: «Если это чистые рассудочные понятия, то созерцание называется схемой».

Т.е. для того, чтобы реализовать рассудочные понятия (а он относил к ним категории и другие понятия), нужна схема. Схема является механизмом реализации вот этих понятий. Пока схема не построена, ты ни категории, ни понятия ухватить не можешь. У тебя нет способов схватывания. Ты обязательно должен созерцать схему, и тем самым ухватывать то, что называется понятием или категорией.

Дальше он говорит: «Категории реализуются, либо могут быть реализованы, в виде схем, но если требуется, чтобы была доказана объективная реаль-

ность понятия разума, т.е. идеи, то мы касаемся чего-то невозможного, ибо никак нельзя дать какие-то созерцания, которые бы соответствовали этим идеям».

Иными словами, он всё то, с чем имеет дело человек, делит на три уровня: первый – то, что можно ощутить органами чувств. Этому соответствуют «эмпирические понятия», которые можно соотнести с эмпирическими объектами, их увидеть, пощупать, измерить и, соответственно, отнести к их конкретному экземпляру, конкретному примеру.

Второй «этаж», с чем имеет дело человек – это «рассудок». В рассудке существуют категории и понятия. Он их называл «категориями чистого разума», но они существуют в рассудке. Их разум создаёт и в рассудок, как бы, «вставляет» человеку. И для того, чтобы эти понятия и категории удерживать, понимать, нужна схема.

А на третьем «этаже» находится то, что он называл «разумом». В этом пространстве разума, по Канту, находятся только этические и эстетические понятия...

Д.Ю. – А воображение?

Берёзкин Ю.М. – «Воображение» нужно, чтобы схемы строить. Чтобы понятия увидеть и почувствовать, нужно соответствующее воображение для построения вот этих вот разнородных стяжек. И он говорит, что понятия или идеи, которые в пространстве разума существуют – это этические и эстетические понятия. Их ни увидеть, ни почувствовать нельзя. Для этого нужны совершенно особые «механизмы действий». Когда люди начинают действовать, они каким-то «внутренним чувством», совестью, или ещё чем-то (об этом он не говорит) люди их сразу схватывают. Таковыми являются идея права, идеи морали, нравственности... Вот, например, известный методолог О.И. Генисаретский утверждает, что «классовое чутьё большевика» – это эстетическое понятие. Любой большевик сразу видел: враг или не враг. Ему не нужно было никаких обоснований... Вот эти вот вещи сразу чувствуются и схватываются в процессе действий людей.

Но дальше, смотрите, как он интересно пишет...

Д.Ю. – «Эстетический» – это «красивый»?

Берёзкин Ю.М. – Нет. «Эстетис», по-гречески – «восприятие». Вот то, что мы сейчас называем «эстетикой», или «учением о красоте» – это такое историческое, я бы сказал, недоразумение. Потому что «эстетис» – это восприятие чего угодно. Но поздние греки ввели представление об эстетике как «учении о красивом», прицепив к этому учению слово – «эстетис». В этом смысле, они считали, что воспринимать можно только красивое: красивое тело, красивые фигуры, красивые статуи, и всё остальное, что красиво изначально. И это всё отнесли к эстетике. Всё, что было некрасивым, греками не воспринималось. Считалось безобразным и, вообще, подлежащим уничтожению.

Но, в принципе, эстетика – это всё то, что человек сразу схватывает чем-то внутренним. Например, глянул человеку в глаза и увидел, что у человека радость. Или, наоборот, горе. Никаких доказательств для этого не требуется. Для этого у всех нас есть специальный механизм «схватывания». Кант его называл хитрым словосочетанием «априорная апперцепция». «Априорная» – это «до

опытная», врождённая. «Апперцепция» – это «целостное схватывание». Соединение несоединимого. Причём, сразу, целиком.

Дальше Кант интересно пишет, что он различает «схематическое чувственное воплощение» и «символическое чувственное воплощение», и говорит: «Схемы – это прямые изображения понятий, а символы – это косвенные изображения понятий». И приводит пример. Он говорит, что можно сказать: «государство – это такое понятие, которое напоминает машину». И некоторые так, примерно, и говорят: «организационная машина для перемалывания людей» и т.д. По Канту – это косвенное схватывание этого дела, и непосредственно к понятию «государство» отношения не имеет. Это всего лишь символ. В понятии «государство» всегда имеется схема. Это – одно, а символ с определёнными смыслами – это совершенно другое. Для того, чтобы схватить само понятие «государство», мы его должны схематизировать каким-то образом. И тогда мы поймём, что такое государство.

Как можно схематизировать понятие «государство»? Ну, например, так.

Сначала нужно положить какой-нибудь исходный принцип, на котором будет строиться схема понятия «государство». Например, такой: «государство» и «общество» – вещи разные, но взаимосвязанные: общество противостоит государству, а государство отвечает за целостность жизни общества.

В «обществе» есть много разных структур, где люди живут и действуют: одна, вторая, третья, четвертая... Совершенно разные виды и способы действия, уклады жизни разные и т.д. (на рис. 17 показано стрелочками, направленными в разные стороны). Чтобы представить, как может возникнуть «государство», отвечающее за целостность жизни общества, нужно выделить какую-то одну из ячеек «общества», вывести её за пределы «общества», придав ей функцию ответственности за целое. В результате появляется первичная государственная ячейка с «правителем» во главе (рис. 17).

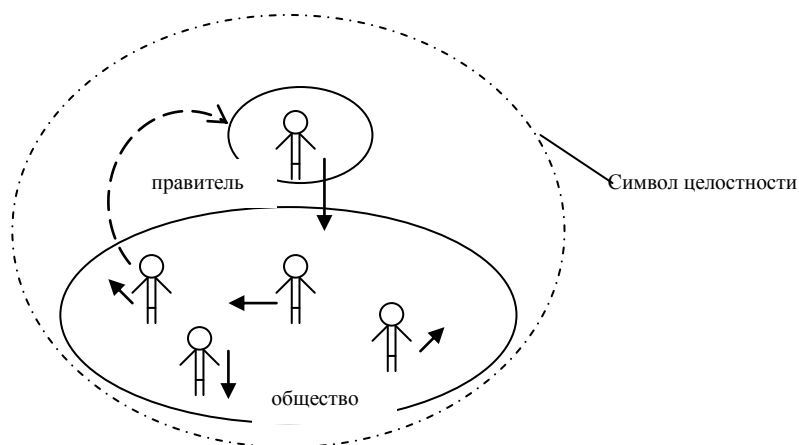

Рис. 17. Исходная ситуация возникновения государства

А дальше можно рассуждать, как «государство» вот в этой схеме развивалось. Если «государство» отвечает за целое, то дальше, рано или поздно, выяснится, что оно вынуждено будет подчинить себе все частные структуры активности и жизни. Но, с другой стороны, как только люди это почувствовали и стали сопротивляться произволу правителя, то неизбежно встал новый вопрос:

а как должна быть устроена эта ячейка государства, которая должна отвечать за целое, но при этом не подавлять отдельные частные структуры жизни? Как вы думаете?

А.Д. – ...гражданское общество построить.

Берёзкин Ю.М. – Погодите. До «гражданского общества» – ещё как до Луны, и там вообще другая идея.

Г.А. – Мораль создать?

Берёзкин Ю.М. – Нет. Как сохранить принцип, что государство за целое должно отвечать, но чтобы люди друг друга не перегрызли, и чтобы тот, кто главнее, их не уничтожил? Т.е. целостность сохранялась бы, а люди были бы свободны. И правитель больше бы ни во что не вмешивался!

А.Д. – Может, не из одной ячейки, а из каждой в равной части нужно брать туда, наверх?

Г.А. – Установить очередность и сменяемость правителя.

(все говорят одновременно)

Берёзкин Ю.М. – Вот, в результате подобных рассуждений и споров дальше был сделан следующий шаг развития понятия «государство». На той же самой идее ответственности за целое. Выход был найден следующий: должны быть выделены некие сферы, которые нужны обществу в целом, но содержать которые не под силу никому в отдельности. Их ещё называют «инфраструктурами». Например, «армия», «полиция», «образование» и какие-то другие. И «государству» должны быть приданы только функции сохранения и развития этих общих систем. Чтобы «государство» во что попало, вообще, не вмешивалось, а только занималось этими общими для всех вещами, которые обеспечивали бы целостность общества (рис. 18).

Если так всё организовать, какой вопрос дальше неизбежно возникнет? Какая возникает проблема, задающая дальнейший ход на развитие «государства», но в той же самой идее? Где возникает здесь, например, необходимость демократии?

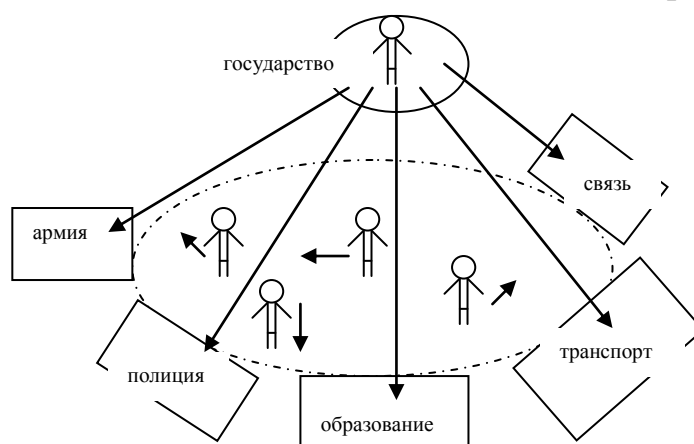

Рис. 18. Государство и общие системы общества

И.С. – В общих системах могут появиться люди, которых не устраивают действия государства.

Берёзкин Ю.М. – Почему не устраивают? Государство занимается только общими структурами, которые нужны для всех.

И.С. – Значит, плохо занимаются, поэтому...

Берёзкин Ю.М. – А что значит «государство плохо занимается»?

Г.А. – Должно обо всех заботиться.

Берёзкин Ю.М. – Если начинать заботиться обо всех, то неизбежно всех надо будет «выстроить». Это уже было в истории много раз. И в Советском Союзе – в очередной.

А.Д. – Может, не устраивает форма ограничения, и они хотят как-то перестроить эти границы?

Берёзкин Ю.М. – Нет. Смотрите, даже фактически нарисовано уже! С одной стороны – это полезно (занятие общими системам). А, с другой стороны, оказывается страшно опасным. В чём опасность-то состоит?

А.Д. – Схлопнуть может.

Берёзкин Ю.М. – А что значит, «схлопнуть»? В каком смысле?

Д.Ю. – Самоограничивание?

А.Д. – Запрет на ограничение. Они, с одной стороны, полезными могут быть, а с другой – злоупотребления тоже могут быть.

Берёзкин Ю.М. – В чём они могут быть со стороны государства?

А.Д. – Ну, что государство влияет на все эти рамки.

Берёзкин Ю.М. – Это не рамки. Это структуры, которые должны работать совершенно определённым образом. Здесь, в обществе, много-много всего. Да? Условно показано, что все движутся в разные «стороны», своей жизнью живут. А вот в этих (показывает на общие системы)?

А.Д. – Там – закон один для всех.

Берёзкин Ю.М. – «Един для всех» – это что значит?

А.Д. – Государство защищает права каждого гражданина...

Берёзкин Ю.М. – Может, защищает, а может ещё что? Схема все возможности должна предусматривать.

Г.А. – Нарушает!

Берёзкин Ю.М. – А может, нарушает! Нарушение в чём может состоять?

И.С. – Ну, кто-то хочет выехать туда, а ему не дают.

Берёзкин Ю.М. – Если ты хочешь выехать отсюда, ну, и поезжай, там, в Америку или ещё куда. И живи! Вопрос не в этом! Ещё раз повторяю: схема должна задать общий принцип, и, соответственно, все ситуации покрывать сразу. И вот то, что я выделил, в качестве прерогативы государства, его главную функцию – оно, с одной стороны, нужно и важно для общества. Понятно, что если не будет полиции – они все передерутся, и некому будет порядок поддерживать. Но, с другой стороны, эти структуры...какие? Они даже нарисованы здесь совершенно определённым образом, в противопоставлении этому множеству разных укладов жизни общества...

Г.А. – ...однообразны?

Берёзкин Ю.М. – Нет. Они монопольны. Монопольны! Т.е. двух полиций не может быть. Десять полиций тоже не может быть. Она одна. Да? А раз она монопольная, то...

А.Д. – ...не ограничена ничем.

Берёзкин Ю.М. – Вот! Она может «взять за кадык», и жаловаться будет некому. Любая монополия – этим всегда плоха. Почему, например, в экономике запрещают монополию? Потому что она может разрушить рынок. И превратить обмен в простое насилие. И точно так же здесь: как только эти монопольные структуры были созданы, быстро выяснилось, что у них есть такой недостаток. Всякая монополия чревата тоталитаризмом и, следовательно, насилием.

Отсюда, какой напрашивается логически следующий ход на развитие государства?

Д.Ю. – Создание общественных структур контроля за действиями государства.

Берёзкин Ю.М. – Конечно, нужно, наряду с государственной «исполнительной властью», образовать определённое государственное пространство для «представительной власти» (рис. 19).

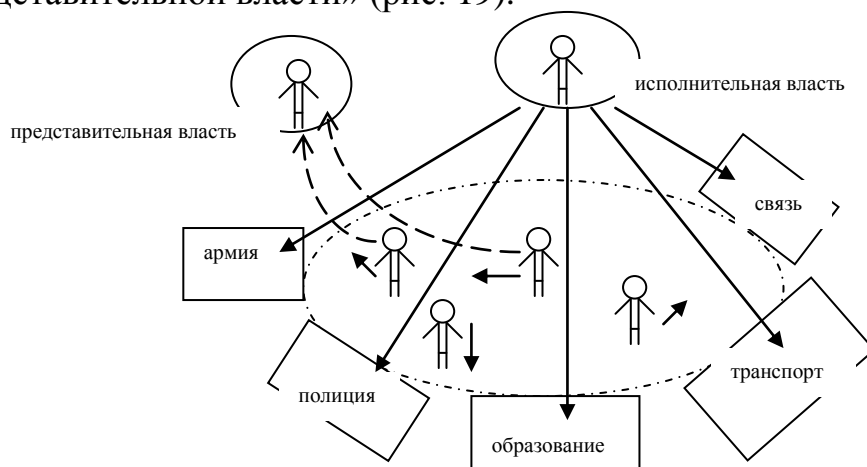

Рис. 19. Появление представительной власти

Сюда по определённым принципам должны попадать представители разных структур общества. Они разные на разных исторических этапах были: по определённым квотам, через разные формы выборов, или ещё по какому-то принципу. И что эти люди должны делать?

Д.Ю. – Делить власть с исполнительной.

Берёзкин Ю.М. – Смотрите: у них (у представителей) прямой власти нет, но у них есть какая возможность? Для чего же эта структура тогда создавалась?

А.Д. – Ограничивать власть.

Берёзкин Ю.М. – Конечно. Их задача: построить вот здесь вот такую «узду» (показывает на рис. 20) на то, что делает государство в лице исполнительных органов.

В результате оно не может теперь произвольно строить, допустим, образовательную систему. Полиция также должна быть определённым образом устроена, и что-то она должна иметь право делать, а что-то – принципиально не имеет права. И т.д.

А следующим ходом, если вот такая вот «машина» начнет работать, какой недостаток возникнет?

А.Д. – Они, представители, будут ограничивать, с одной стороны, как бы, положительно, а, с другой стороны, как бы, чрезмерно.

Берёзкин Ю.М. – Конечно!

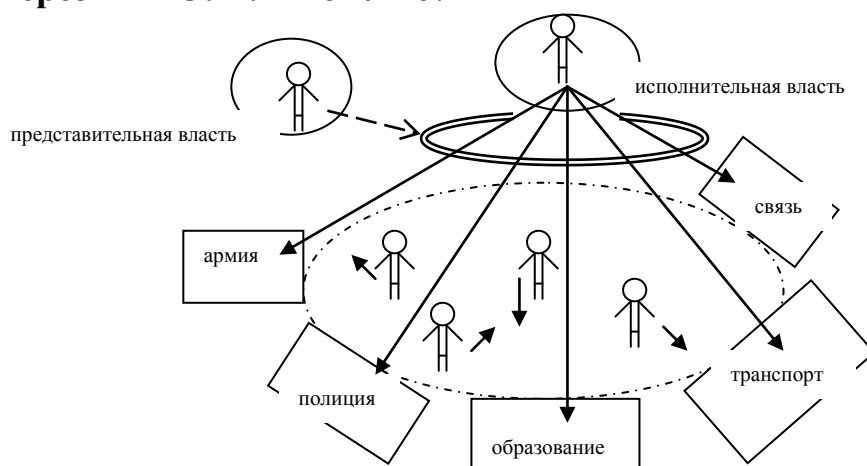

Рис. 20. Установление рамок на действие исполнительной власти

А.Д. – Неправомерно?...

Берёзкин Ю.М. – Конечно! Поскольку у них оказывается в руках такая власть, которая повыше вот этой государственной исполнительной. И что нужно сделать, чтобы этого не возникало?

А.Д. – Надо и их тоже как-то ограничить...

Берёзкин Ю.М. – Надо и их ограничить!

Г.А. – Создать систему сдерживания.

Берёзкин Ю.М. – Да. А чем задаётся система сдерживания? Это теперь мы знаем. Но это всё постепенно формировалось. Эта схема устройства современного государства медленно разворачивалась.

Г.А. – Надо их взаимно друг другом ограничить.

Берёзкин Ю.М. – Нет. Государство в лице исполнительных органов не может приказывать депутатам. Не может! Наоборот, депутаты устанавливают законы, которым должна подчиняться исполнительная власть.

Д.Ю. – Депутаты должны быть подотчётны народу.

Берёзкин Ю.М. – «Подотчётны» – это да. Но, они же подотчётны – постольку, поскольку... Когда выборы наступают – они как-то отчитываются о том, что делали... Но в повседневной жизни – всё совсем по-другому...

Г.А. – Определённого типа право создаётся....

А.Д. – Что-то типа конституционного суда устанавливают...

Берёзкин Ю.М. – Вот! Конституционный суд. Но это вещь, как бы, следующего порядка. Это – логически следующий ход. А до этого должно быть выделено особое пространство для Конституции. Отдельное (рис. 21).

То, что я здесь шрих-пунктирную черту провёл – это совершенно случайно, поскольку Конституция отделена от всех на свете – и от исполнительной власти, и от законодательной, и от народа, вообще, от всего. Само слово «Конституция» означает «совокупность констант», т.е. то, что должно быть неизменным. Это – некие неизменные принципы жизни для всех на свете. А эта черта – что означает?

А.Д. – Какое-то препятствие.

Берёзкин Ю.М. – «Препятствие». А препятствие чем задаётся? Это можно на рисунке черту нарисовать, а в реальности это же в какой-то механизм должно быть воплощено.

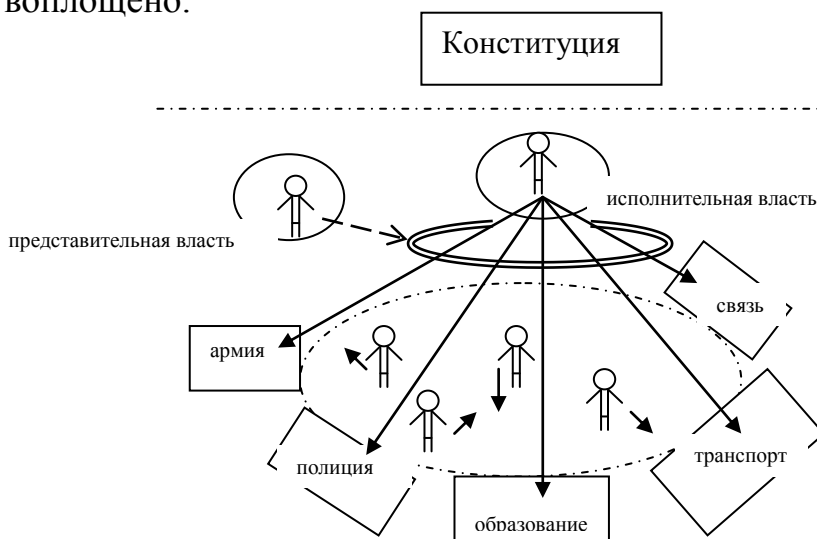

Рис. 21. Появление конституционного пространства

А.Д. – Т.е. ограничивание в рамки...

Берёзкин Ю.М. – Нет. Пишется сложная-сложная процедура изменения хотя бы одной буквы в Конституции. Да?

Вот, допустим, в Соединенных Штатах, чтобы изменить даже одну строчку в Конституции, примерно, лет пять требуется: чтобы во всех штатах рассмотрели, чтобы и в парламенте приняли, чтобы там ещё выборщики чего-то сделали... В общем, на 25 рядов, миллион согласований, и это всё делается по определённой строгой процедуре: ни ускорить, ни замедлить нельзя... Глядишь, пока 5 лет пройдёт, проблема рассосётся. Но если не рассосётся, тогда делают поправку. А если рассосалась – ну, туда ей и дорога.

А дальше: кто-то за этим всем должен следить? И возникает вот здесь, как бы, на границе, такая, промежуточная (между Конституцией и Властью) инстанция – «Конституционный суд», который следит за тем, как исполняются вот эти конституционные положения (рис. 22).

Кроме того, поскольку вся эта громоздкая демократическая государственная «машина» неизбежно работает медленно, в ряде стран появилась идея создать государственную структуру, что называется, «быстрого реагирования». Так возникла президентская власть, которая в сложных ситуациях, не допускающих промедления, способна «прорезать» все эти структуры и осуществлять быстрые действия. Но и эта ветвь власти должна находиться под конституционным контролем.

В результате возникает вот такая вот «машинка». С одной стороны, символ «государство – машина» (о котором говорил Кант) – он, вроде бы, всего лишь символ, который только некую смысловую аналогию задаёт. Но пока вот так вот не развернёшь схему самого понятия государства, ты про государство ничего толком сказать не сможешь.

Вот, например, говорят: «Живу в государстве Россия». Не живут в государстве! Государство – вообще, в другом месте находится, не там, где люди живут. Оно вообще отделено от людей и их жизни. Если такого понятия нет, то демократическое государство построить нельзя. Ну, что мы, собственно, и наблюдаем сейчас.

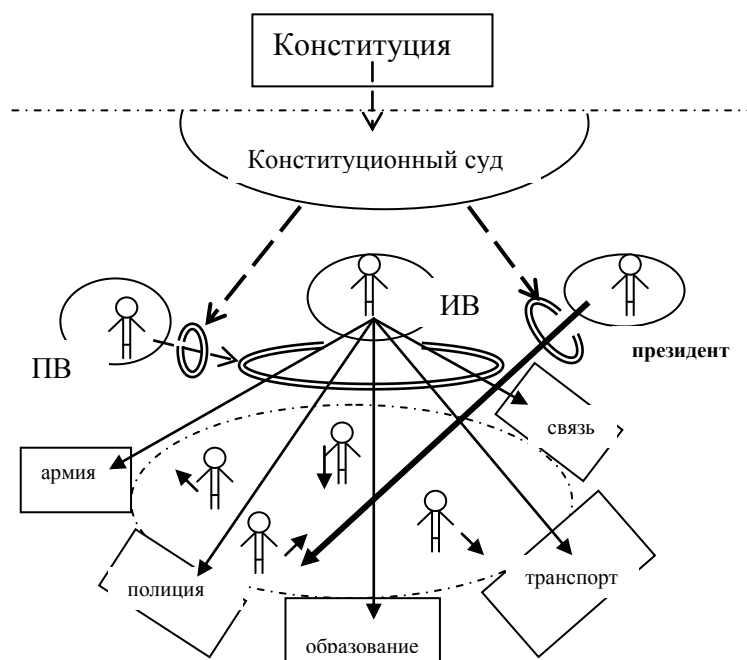

Рис. 22. Устройство современного демократического государства

А.Д. – Понятие государства можно было строить на других основаниях?

Берёзкин Ю.М. – Конечно. Но исторически так складывалось европейское государство. Когда стали племена друг другу глотки рвать, понадобилось вот такое разворачивание госструктур.

А.Д. – Можно взять и другое основание?

Берёзкин Ю.М. – Ну, да. И построить что-нибудь другое. Например, на Востоке государство на других основаниях построено. Но это касается не только государства. Вот, допустим, говорим: «Справедливость, справедливость...». Пока вот так вот не развернёшь, никакой «справедливости» не будет: у одного одно представление о «справедливости», у другого – другое.

Вывод какой из всего этого? В том числе из Канта?

И.С. – Нужно нарисовать хотя бы схему какую-то... А то понятия нет.
(смех)

Берёзкин Ю.М. – Понятия нет – это точно!

А.Д. – Схемы на сегодняшний день – некие предельные вещи, которые можно практически задействовать?

Берёзкин Ю.М. – Да. Вот смотрите: все категории, все понятия внутри себя содержат какие-то схемы. И если этих схем не видишь, не можешь выделить, и впрямую представить созерцанию, то ты толком ничего ни про понятия, ни про категории сказать не можешь. В диссертациях, когда про них пишут, чего только не называют «категориями»! Абсолютно даже без всякого смысла! Но

надо понимать, что смыслы – смыслами, но в структуре любой категории и внутри любого понятия лежит определенный схематический каркас.

И когда мы говорим, допустим, понятие «право», или идея Права, внутри самой идеи Права лежит совершенно определенный мыслительный каркас. Если этот каркас не воспроизводится, то правового общества создать нельзя. А он с помощью специальной штуки воспроизводится, с помощью специальной «машины» особого типа, называемой «институтом». Это касается, в особенности, таких синтетических понятий, как «право», «справедливость», та же «демократия» и т.д.

Вот, римляне придумали сначала понятие «право», схему построили. А потом практически создали организационную «машину», или институт, внутри которого в каждом конкретном случае идея Права полностью восстанавливается заново. Ну, то, что называется судом.

«Суд» имеет вот такую сложную конструкцию (рис. 23).

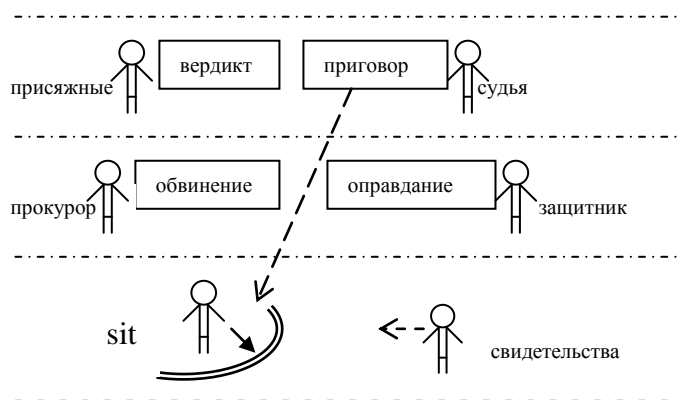

Рис. 23. Устройство суда

Если это настоящий суд, а не большевистский и не инквизиторский, то он всегда трехслойный. Трехслойная, такая, организационная «машина». Нижний слой – это «слой ситуаций и свидетельств»: здесь рассматриваются, собственно, конфликтные ситуации и приглашаются свидетели, которые эту ситуацию либо наблюдали, либо им что-то известно об этой ситуации.

Второй слой – это «слой суждений». Здесь осуществляется специально организованное словоговорение и выносятся суждения. В этом слое действуют две принципиально разные позиции: «обвинитель» и «защитник». Они в процессе словоговорения между собой пикируются, обсуждая саму ситуацию. Один должен предъявить все обвинения потенциальному виновнику этой ситуации, а другой – вскрыть все возможные доводы его невиновности.

Третий слой – это слой «квалификации и приговора». «Приговор» – это, фактически, категоризация ситуации, поскольку «категория» и «приговор» по-гречески – это одно и то же. Здесь – две позиции: «судья» и «присяжные заседатели». Присяжные выносят вердикт: «виновен – не виновен», а судья квалифицирует обвинительный вердикт (если он вынесен), т.е. подводит его под определенную норму Закона.

Как только такая организационная «машина» начинает раскручиваться, идея Права восстанавливается. И если ситуация до этого была неправовой, то в

результате восстановления идеи Права она становится правовой. Находят виновных, находят невиновных. Устанавливают компенсации и все необходимые возмещения... Всё расставляется по полочкам.

Поэтому просто так идею Права сформулировать нельзя! До тех пор, пока вот такую организационную «машину» не построишь и пока не запустишь её в действие. И она на каждом конкретном случае, в каждой конкретной ситуации заново, как бы, «расцветает»: всем становится понятно, что такое «Право».

Но если такого нет, то, соответственно, законы могут быть, но они будут носить неправовой характер. Примерно, как то, что мы с Юлией Федоровной недавно наблюдали на одном из заседаний Фонда регионального развития Иркутской области. Там я слегка пикировался с одним местным юристом Скуратовым. Так вот, он явно – не правовик. Он легист, или законник. Легисты – это не юристы. Есть законы правовые, а есть законы неправовые, когда их можно, как он говорил, административным способом за три дня менять. Ну, как у нас и делают иногда. Он там такой показательный пример привёл. С определённой гордостью за нашу «Фемиду» говорил: «Где сейчас ЮКОС? Захотели – за три дня состряпали дело, и провернули его». Т.е. речь шла о деле, которое в правовой ситуации должно было рассматриваться, минимум, несколько лет, а, может, и десятилетие. Пока бы это всё раскрутили, пока бы это всё рассмотрели, много воды бы утекло. А так – за 3 дня. И на девять лет! И всё по закону! Но не по правовому.

Так, возвращаемся снова к нашим «баранам» – к схемам. Ещё кто-нибудь может что-нибудь дополнить? Что делают схемы, какие у них возможности и ограничения? Или, может быть, кто-нибудь сделает резюме, и перечислит всё то, что мы наговорили, только в виде такого списка.

И.С. – Схема изначально, как бы, упрощает всё. Намного. Вот реальность – она всё усложняет и человек не может охватить всю эту ситуацию целиком. Поэтому он для себя всё, как бы, предельно упрощает, максимально, насколько возможно...

Берёзкин Ю.М. – «Самое простое», Сергей, – это и есть «самое сложное». Попробуй-ка, упрости нашу сложную жизнь! Чтобы выделить оттуда вот это вот зерно, которое, собственно, и схематизируется в виде некоего принципа, нужно, на самом деле, ой-ой-ой как потрудиться...

Поэтому схемы чаще всего исторически складываются. Ну, как, например, схема государства, или схема Права. Это никогда не происходит так, что кто-то сел и придумал. Чаще всего, если ты сядешь и задумаешься, то ничего всё равно не будет.

Есть ещё и другой путь, когда схему очень долго согласуют с разными заинтересованными сторонами... Например, есть такая фирма «Faberlik». Чья она? Шведская, по-моему? В общем, косметикой занимается. Во всяком случае, Мрдуляш об этом говорит. Он говорит, что в этой крупной компании взято за правило следующее. Там у них завелись умники, которые способны придумать какой-то новый способ продвижения товара, или что-нибудь ещё, но тоже принципиально новое. Затем они первичным образом схематизируют способ работы с этой новинкой, а потом долго ходят и согласуют её со всеми подряд: с

налоговиками, с парламентской структурой, ещё с кем-то. Т.е. под неё (новинку и операции с ней) законы специальные инициируют, договоры заключают с разного рода контрагентами и теми заинтересованными лицами, которые будут так или иначе вовлечены в это дело. Причём, с каждым – по отдельности. Не всех собирают вместе и обсуждают скопом. Нет. Вот если всех собрать, тех, кто в этом будет участвовать, то ни с кем не договоришься. Будет один большой бардак, как на том форуме по поводу агломерации. Вот, будет, примерно, то же самое.

Поясню. Речь идёт о том, что мы с Юлией Федоровной недавно участвовали в одном обсуждении по поводу Иркутской городской агломерации. Собрались 20 человек и вывалили 20 мнений... Кто, во что горазд... Типичный пример того, как нельзя обсуждать серьёзные дела.

А «Faberlik» всё это по отдельности с каждым согласовывает, как эта схема будет работать в тех или иных, принципиально разных ситуациях. Под каждую конкретную ситуацию реализации этой схемы составляются новые юридические нормы, новая совокупность договоров заключается и всё остальное прочее.

К слову, «договор» – это всегда вторичная социальная интерпретации какой-то первичной мыслительной схемы.

И только после того, когда всё это будет завершено, начинают работать по новой схеме. Какой от этого эффект? Своими подготовительными действиями они всех на себя стянули, всё делают законно, всё делают правильно. Все думают, что всё хорошо. Но при этом основной эффект, ради чего это всё делалось, ни для кого не виден, кроме тех, кто эту схему разработал и запустил.

Из зала – Она не видна?

Берёзкин Ю.М. – Да, она не всегда простая. Чаще всего её никто, кроме создателей, не видит и не удерживает. И, повторяю, схема либо исторически складывается, либо вот за счёт таких специальных трюков.

Ещё, что есть у схемы?

И.С. – Она иллюстрируют...

Берёзкин Ю.М. – Нет. Схема – не иллюстрация!

А.Д. – Она позволяет работать в ситуации неопределенности, т.е. когда мы непосредственно не знаем, что это то за ситуация, в которой предстоит действовать?

Берёзкин Ю.М. – Да, схема нужна тогда, когда есть неопределенность. Когда же мы определились, уже построили схему, положили её на доску, остался всего лишь след от этой схемы. След мысли на доске. Сама схема умерла. У тебя появился трафарет для действий, но это уже не схема.

Д.Ю. – Схема – она же ситуативная?

Берёзкин Ю.М. – Да, вот Денис правильно говорит, что схема возникает только тогда, когда есть ситуация неопределенности или проблемная ситуация, или ситуация непроходимости чего-то, либо ещё что-то подобное. В общем, когда требуется включать мысль. Когда всё известно и задано, как задачу решать, т.е. налицо – задачная ситуация, там уже трафареты действуют. Трафареты и правила.

Д.Ю. – Схематизировать задачу нельзя, да?

Берёзкин Ю.М. – Её когда-то уже схематизировали, когда задача ставилась. Как только она превратилась в задачу, схема умерла, остались только нормы, правила, всякие формулы и известные способы решения. Это уже не схема. Это уже следы от схемы.

А схема – это тогда, когда у вас мысль работает, и вы не знаете, что с чем соединить, чтобы ситуацию пройти. Что такое нужно ещё придумать? И как, что, с чем сопоставить и стянуть? Пока живая мысль работает – идёт процесс схематизации. Нарисовали – всем всё стало ясно: налоговикам – сколько они получают налогов. Правовики, там, свои галочки поставили: что ещё один закон, нужный для общества, ввели. Контрагенты тоже своё уже посчитали. Все довольны!

А.Д. – Получается, что конкретная схема оживает, когда она реализуется. А вот такие (типа схемы государства), они же всё равно схемами являются, когда некие принципы задают...

Берёзкин Ю.М. – Сейчас же ни один парламентарий не думает о том, как государство устроено. Есть уже это «тёплое» место. Он уже думает, как в это место попасть и как, вообще, охмурить людей, чтобы они проголосовали за то, чтобы его туда на четыре года вставить... Всё! У него горизонт – четыре года, и он знает, чем он там будет заниматься: иногда будет ходить на заседания, а большую часть времени будет заниматься лоббированием и т.п., за что платят большие деньги.

Это уже «севшая», умершая схема.

А.Д. – Т.е. когда нужно строить...

Берёзкин Ю.М. – Да, когда заново возникает такая необходимость... Но тоже не всегда. Вот, например, с идеей Права новую схему построить практически невозможно. Она (идея) каждый раз восстанавливается для каждого конкретного случая. То же самое с идеей Справедливости. То же самое с идеей Рынка. Вот, как только появились люди, которые начали таскать баулы, торговать, считать деньги, заключать договоры купли-продажи и т.п., и как только это стало массовым, идея Рынка стала восстанавливаться в сознании людей...

В Советском Союзе это тоже было, но подпольно. Поэтому рынка никакого не было. А сейчас, как только это всё легализовали, и это стало массовым, все стали говорить: «рынок». И он (рынок), действительно, только вот таким образом и возникает. За счёт такой организационной «машинки», внешне напоминающей бестолковую суету с товарами, сделками, договорами, деньгами и прочим.

А если просто так взять, и рынок схематизировать – это будет теоретическая картинка. И там никакого рынка не появится. Там будет, в лучшем случае, как у яйцеголовых «научников»: «спрос», «предложение», «равновесная цена»... То ли он есть, этот «спрос», то ли он придуман? Вообще, непонятно. «Точка равновесия» какая-то... Хотя давно известно, что никогда это равновесие не наступает. Ни при каких обстоятельствах!

Так, всё-таки «сухой остаток» нашего обсуждения надо выделить, прежде чем закончим сегодняшний семинар! Что мы сегодня обсуждали? И что зафик-

сировали по поводу схем? Без такой рефлексивной фиксации всё быстро улечу-чится.

Д.Ю. – Схема связывает разное.

Берёзкин Ю.М. – Да. Во-первых, схема связывает разнородные вещи, т.е. то, что живёт в совершенно разных пространствах. Во-вторых...

А.Д. – ... показывает, как действовать.

Берёзкин Ю.М. – Да, схема сама задаёт способ своего употребления: её можно рассматривать как объект, а можно туда (в схему) войти и она задаёт систему «коридоров», «лабиринтов» и показывает, что и где надо делать. Это два. Ещё что?

Д.Ю. – Ситуативна.

Берёзкин Ю.М. – Да. Всякая схема снимает конкретику и задаёт тип ситуаций, в которых она, вообще, употребима.

Д.Ю. – Имеет вход.

Берёзкин Ю.М. – Да. Она имеет вход...

И, кстати, там, где рисуется активность, там же во всех случаях рисуется и пассивная вещь. Рисуется активная фигура, куда можно «войти» и начать что-то с этой пассивной вещью делать. Тем самым в схеме сразу задаётся и активность, и пассивная вещь. Это разные вещи. И если вы это дело каким-то образом стягиваете, задаёте некий принцип работы с этой вещью – это фактически и задаёт схематизм. Ещё что?

А.Д. – Создает возможности.

Берёзкин Ю.М. – Да. Схема, с одной стороны, живёт в пространстве возможностей. Не должного, не необходимого, а именно, возможного.

Например, когда строили метрополитен, и, соответственно, кто-то когда-то придумал схему метрополитена, то тем самым придумывалась система возможностей – со всеми переходами и со всеми возможными переездами, чтобы, не выходя из-под земли, можно было в любую точку проехать. Но когда она реализовалась в камне, мраморе, железе и во всем остальном, она перестала быть схемой, а стала просто системой переходов. Но, в принципе, если её держать в уме, то она это дело задаёт.

Ещё что?

А.Д. – Механизм реализации.

Берёзкин Ю.М. – Да. С одной стороны – возможности, а с другой – механизм реализации. Пока она создаётся – она в пространстве возможностей. Мы должны все возможности перебрать. Если мы не все возможности перебираем в этой ситуации, то это и не настоящая схема. Как только нам воображение подсказало, как выделить самые принципиальные моменты, и как их завязать друг на друга, на этом схема заканчивается. Она закрывает все смыслы, и она становится механизмом реализации. Как только такой сдвиг появляется, и ты способен воспроизводить его у себя, у тебя появляется образец для реальных действий. И здесь уже схемы нет. Здесь уже «схема маршрута», например.

Ещё что схема задаёт?

А.Д. – ...предельное устройство.

Берёзкин Ю.М. – Это, да. Это мы обсуждали на примере государства. Всякое понятие, всякая категория всегда имеет схему в качестве своего мыслительного «каркаса». И пока ты этот «каркас» каким-то образом – либо в виде схемы, либо в виде организационной «машины» – не продумаешь и не построишь, то, соответственно, для тебя понятия и категории будут находиться в одном месте, а реальность – будет совсем в другом.

И у нас в большинстве случаев – посмотрите сами – безобразия в стране происходят по той простой причине, что идеи, понятия, категории – в одном месте находятся, а в реальности у нас не развернуто ничего. В т.ч. те же самые механизмы государства, права, демократии и др.

Г.А. – Не развернуты?

Берёзкин Ю.М. – Нет, конечно. Не развернуты, во многом – во многом. А как может быть иначе? Европа две тысячи лет их поступательно разворачивала. Даже две с половиной! А мы хотим – за несколько лет, а лучше – мгновенно.

Так, ещё что?

А.Д. – Схема – не вечна.

Берёзкин Ю.М. – Да. Схемы возникают и умирают в разного рода организационных механизмах.

Ну, например, говорят: «индивидуальный человек» или «индивидуальный гражданин». До Французской революции никаких «индивидуальных граждан» не существовало. Но была построена схема «гражданина». Эта схема была переложена в законодательные нормы и появились «индивидуальные граждане», которые «надевают» на себя эту схему и могут отличаться от «коллективов» и всяких разных других общественных образований. До конца XVIII века этого не было, до Французской революции.

То же самое можно сказать про «справедливость», «коллективизм», про «классы». То же самое – про всё остальное: это всё когда-то было разными организационными схемами, которые теперь просто «сидят» на людях и заставляют их определённым образом двигаться.

А сами по себе «человеки» (то, что здесь, в аудитории, у нас присутствует) – это такой, человеческий, биологический материал, на котором «сидит» много-много разных схем, которые когда-то были мыслительными вещами, а теперь просто превратились в трафареты вашего сознания и поведения.

Схема всегда открывает новые горизонты. «Вошёл» в схему, и там сразу видно, куда дальше надо двигаться и что делать. Сделал, «вынул» из неё и опять смотришь, какие ещё ходы открываются. И так – каждый раз.

Схема позволяет очень многие вещи анализировать. Ну, например, классическая схема, очень часто методологами обсуждаемая, схема, которая лежит в основе деятельности, любой деятельности. Это так называемая «схема воспроизводства деятельности и трансляции культуры». Мы её уже обсуждали как-то (см. рис. 3 в третьем Прикосновении).

Как выглядит эта классическая схема, которая, как утверждается, лежит в основе любой деятельности? Всякая деятельность всегда культурно нормирована. Всегда есть образцы этой деятельности, которые в отдельном пространстве от этих ситуаций живут: описаны в учебниках, в стандартах, в разных других

местах. И есть специальные люди, которые эти нормы на себе воспроизводят, например, в вузах. Есть механизмы превращения этих образцов в нормы для разного рода деятельности.

Схема позволяет многое анализировать: например, что будет с обществом, если, к примеру, какого-то конкретного механизма (например, механизма реализации норм культуры) не будет? Что станет с обществом в этой ситуации? Или, например, за счёт чего, за счёт каких механизмов эти образцы могут передаваться людям и превращаться в нормы деятельности в конкретных реальных ситуациях? Или, например, а за счёт чего появляются новые культурные образцы, более совершенные? Какой вот здесь должен быть механизм перевода изобретений вот в то, в культурное, пространство? А во-вторых, откуда они (образцы новинок) берутся?

И любая схема может отвечать на массу таких вот вопросов. Взяв, например, одну такую схему, можно написать целую книгу. Это тоже схемы позволяют делать.

А.Д. – С другой стороны, чтобы такую схему построить, нужно на все эти вопросы уже ответить.

Берёзкин Ю.М. – Конечно. Собственно так и складывалось. Сначала долго, долго обсуждалось, а потом – раз, и, как у нас вот с той схемой китайской стратагемы, сложилось...

А.Д. – Получается, что схема вбирает в себя всё то, что для её создания использовалось.

Берёзкин Ю.М. – Да, конечно.

А.Д. – А в последующем при её рассмотрении она позволяет восстановить ту ситуацию, в которой складывалась?

Берёзкин Ю.М. – Конечно.

В общем, мы многие вопросы по поводу схематизации сегодня рассмотрели. Но ещё раз повторяю: то, что мы с вами обсуждали два с половиной часа – это всего лишь теоретическая подоплёка. Самое сложное – как, вообще, всё это делается практически? Как появляются схемы?

Здесь есть два хода: с одной стороны, схемы появляются, когда появляется ситуация неопределённости, или проблемная ситуация. И под эту ситуацию строится схема, чтобы её пройти. Как, например, схема про китайского императора.

А есть, своего рода, «обратная схематизация»: как выделить схему, если она уже была известна какому-нибудь автору, и она двигала (организовывала мысль) этого автора при написании какого-нибудь текста. Но текста культурного, мыслительного и хорошего, например, такого, как статья Георгия Петровича, которую я просил Вас почитать. Здесь проблема заключается в том, чтобы, прочитав этот текст, попытаться «вычленить» ту схему.

Если вы оба эти хода, хотя бы нащупаете и зацепите, можете считать, что вы чуть-чуть прикоснулись к методологической работе.

Ну, и к следующему семинару давайте сделаем так: каждый прочитает эту статью и попытается схему, «спрятанную» в ней, отрефлектировать, помня при

этом всё то, что мы сегодня обсуждали. Вот в той схеме, которая стоит за текстом статьи, всё это (что мы сегодня обсуждали) должно быть.

Если это научиться делать, то можно романы писать по одному в месяц... Все эти «донцовы» и прочие современные графоманы поступают именно так. У них есть (наработаны) определенные схематизмы. Садится такой «писатель» и за месяц – толстенный роман. Нет проблем, если есть соответствующий схематизм. То же и с диссертацией: если есть схема, то всё превращается в рутину, в следование шаблону.

Ну, всё, наверное. Всем спасибо!

Послесловие

Г.А. – Юрий Михайлович, я хотел спросить, почему данный подход не получил своего развития? То есть, насколько я понял из прочитанного, из дат, которые в текстах Георгия Петровича Щедровицкого стоят, эти разработки велись всю жизнь, начиная с 1950-х годов. Почему же тогда его подход не получил своего развития? В чём состоит трудность? Почему этот автор до сих пор не очень известен? Возможно, дело в том, что трудно у себя выработать данный способ движения? Или ещё почему-то?

Берёзкин Ю.М. – Нет, Алексей, тут не так. Понимаете, в качестве глобальной установки, которую методологи перед собой с самого начала поставили, ещё в 1950-х годах, была установка: научиться технически работать с живым мышлением. Т.е. с таким, которое каждый раз восстанавливается, и каждый раз порождается заново. В отличие, например, от науки. В науке можно выработать метод, некие трафареты исследовательской работы, выбрать определённую предметную или объектную область, и дальше всю жизнь применять эти трафареты, накапливая и накапливая знания. Так наука, собственно говоря, и работает в любой предметной области.

Методология же, в отличие от научного подхода, может включаться только в том случае, если она наталкивается либо на то, что вообще неизвестно, либо на трудно понимаемое, либо на совсем непонимаемое. К примеру, есть некая область и совершенно непонятно, как в ней действовать? Чему она соответствует, чему не соответствует? Во всех таких случаях, когда возникает либо какой-то логический парадокс, на который люди впервые наткнулись, либо конфликт позиций: одни делают одно с одними средствами, другие делают другое с другими средствами и это – несовместимо, сразу возникает вопрос: как можно организовать то, что в принципе несовместимо? Или третья ситуация, когда возникает своего рода «пустое место», обнаруживается некая лакуна, которая не имеет средств своего осмысления и, соответственно, способов работы в этой области. Во всех таких случаях может работать только то, что называется чистым мышлением. Мышление имеет дело всегда только с совершенно новыми вещами, которые раньше не обсуждались и не осмыслялись.

И ответ на Ваш вопрос, Алексей, следует из этого. Слишком мало людей, которые ставят перед собой задачи, например, найти смысл жизни, или разрешить какой-либо совершенно неразрешимый парадокс. Например, доказать ка-

кую-нибудь теорему, которую тысячу лет не могли доказать. Либо каким-то образом совместить способы работы, которые взаимно исключают друг друга.

Во-первых, таких людей, просто, мало. Чтобы до этого уровня дойти, нужно лет сорок над собой очень сильно «издеваться», заставляя себя работать на износ, но не за зарплату... Как в одном из журналов написано... Есть такой антропологический журнал «Человек.ru», там написано: «Труд постоянно быть человеком и наслаждение быть обезьяной». Люди чаще всего любят наслаждаться и в этом смысле всё время скатываются туда, где методология вообще не работает! Особенно это касается западной цивилизации, ставшей в Новое время гедонистической («гедонизм» – это наслаждение)... Всё строится на том, чтобы человеку было комфортнее, удобнее, веселее, спокойнее...

Почему и говорят, что на Западе мышление давно кончилось. Кончилось и всё! Там мышление уже не живёт. Мышление живёт только вот в таких местах, где неизвестно, как из какого-нибудь «болота» выбраться. Например, во время Великой отечественной войны в нашей стране был очень мощный всплеск мышления. Когда «припёрли» к стенке, и – либо конец всей стране, либо, соответственно, каким-то образом надо переламывать этот ход катастрофических событий. Вот тогда мышление работало, причём, очень эффективно работало. И, собственно, победили вовсе не за счёт «пушечного мяса», как некоторые говорят. Немцы перемололи бы и оставшихся 150 миллионов человек. Победили за счёт мысли.

Поэтому неправильно говорить, что это – неизвестные вещи, это всё давно известно. Просто, подобный прорыв, который сделал ГП со своими коллегами-методологами, в истории укореняются всегда медленно. История, как говорится, никогда никуда не спешит.

Нечто подобное произошло когда-то с Аристотелем. После того, как он умер, прошло всего лет 100 и про него абсолютно все забыли. И забыли на тысячу лет! Это потом всплыло снова лишь уже в тысяча каких-то годах новой эры. Средневековые схоласты о нём вспомнили, «подняли на щит» и т.д. И теперь он – великий.

Когда человеческий Дух на самом деле достигает значительных высот, такие события – не массовые, изначально. Вообще, настоящих философов и методологов за всю историю человечества по пальцам можно посчитать. И с этой методологией, которую Георгий Петрович со своими коллегами породил, всё то же самое. Просто, один к одному! Поэтому это никогда не будет профанироваться, хотя и пытаются это делать. «Профанация» – это распространение на массы того, что массовым в принципе не может быть. Оно изначально, можно так выразиться, элитарное.

Г.А. – Получается, что в России всегда был плацдарм для развития?

Берёзкин Ю.М. – Да, тяжелая жизнь заставляет работать мысль. Мысль может работать только, во-первых, над чем-то неизвестным... Вот, если что-то известно, там не мышление, там нужны всего лишь уже готовые мыслительные действия, отработанные мышлением ранее. Там, где предметизация, там мыслительные действия должны быть формальные, по определенным правилам установленные, вплоть до математических формул. Там это уже не мышление.

Это к мышлению не имеет никакого отношения. Это уже оформившаяся мыслительная работа или мыслительная деятельность. Она, как бы, уровнем ниже. Это уже «выпавшая» из мышления субстанция.

Г.А. – Прояснить немножко можно ещё такой вопрос? Например, получается тогда, что если ГП был всё-таки методологом, то тогда, так скажем, тот системоделятельный подход, который у него «вывалился» в каких-то текстах, в виде, так скажем, какого-то предметного **видения**, получается, что ему было безразлично: будет ли он потом кем-то взят?

Берёзкин Ю.М. – Безразлично, конечно.

Г.А. – Он его просто выработал, выработал новое средство и пошёл дальше?

Берёзкин Ю.М. – Да.

Г.А. – То есть получится, если это так можно назвать, что профессиональная деятельность методолога (хотя она у методологов и непрофессиональная), это – двигаться по новым средствам. А вот то, что «вываливается» – это уже не их задача. Как это будет, допустим, восприниматься кем-то, их мало волнует...

Берёзкин Ю.М. – Абсолютно точно.

Г.А. – То есть могут абсолютно бесполезные вещи «вываливаться» в ходе методологической работы? Бесполезные и никем не востребованные?

Берёзкин Ю.М. – Есть такой методолог С.В. Попов и был такой методолог Г.Г. Копылов...

Д.Ю. – Почему «был»?

Берёзкин Ю.М. – Потому что он умер осенью прошлого года от рака. Они говорили, что мысль движется, примерно, так: возгонка, свеча и здесь вот – срыв... У Копылова в одном из текстов такой рисунок есть (рис. 1).

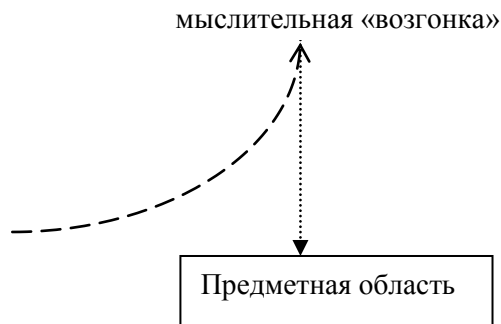

Рис. 1. Движение мысли

Затем помысленное «вываливается» в какую-нибудь предметную область. Потом мысль может снова возникнуть по какому-нибудь другому поводу.

Методолог, как Мюнхаузен, себя «за волосы тащит» туда, вверх. До тех пор, пока сил хватает. Но всё время находиться вот в этой, верхней точке методологической позиции ужасно трудно. Очень тяжело! И это могут быть только эпизодические вспышки.

У Георгия Петровича было за всю жизнь три или четыре таких «свечи»... Сначала речь шла об устройстве науки и проблематизации знания. Это всё привело к содержательно-генетической логике. В науке, как известно, логика фор-

мальная. А они породили новый инструментарий, связанный с содержательно-генетической логикой, когда не только движешься в форме, но ещё и постоянно рефлексивно контролируешь, как содержание при этом меняется.

Когда новая логика была построена, началась прямо обратная работа: стали критически разбирать и проблематизировать ими же созданную новую логику, и тем самым породили теорию деятельности. Пару десятков лет создавали теорию деятельности, пока тоже не дошли до предела. После этого «вывалился» деятельностный подход.

Тогда встал вопрос: а деятельностный подход, он – что такое? Как устроен? Где его можно применять, где нельзя?... В результате был порожден системомыследеятельностный подход. Выяснилось, что деятельностный подход – всего лишь частная конструкция системной мыследеятельности, когда и мышление, и деятельность ещё системным образом должны быть рефлексивно завязаны друг на друга.

Перед *самой* смертью Георгий Петрович пытался (но уже сил не хватило) проблематизировать свой же системомыследеятельностный подход. И у него был заход на понимание. Он пытался показать, что понимание – это более широкая вещь, более широкое пространство, чем мыследеятельность, где внутри – и деятельность, и всё остальное. Но на эту «свечку» сил уже не хватило.

Методология только вот там, в верхней точке живёт, пока ты себя там удерживаешь. Когда полностью всё в своём сознании разоформишь, и за счёт совершенно невероятных усилий складываешь нечто принципиально новое.

Поэтому-то человек, отдельный человек и не может это всё удерживать. Для этого и нужны группы людей, которые одновременно над одним и тем же бьются. И за счёт того, что их много, один – одно продвинет, другой – что-то другое, третий, соответственно, что-то третье, глядишь, и нечто получается... Но как только силы иссякают, и уже не можешь удерживать себя в состоянии постоянной рефлексивной «возгонки», в том числе вот в такой, коллективной организации мыслительной работы, всё начинает «проваливаться» в ту или иную предметизацию. И оттуда вываливаются: «теория деятельности», «теория знака», ещё, там, что-то... какая-то «эпистемология», «схематизация» или ещё что-то подобное.

Ну, вот, примерно, так. И как показывает исторический анализ (над этим тоже многие методологи пытались работать, пытались историческую реконструкцию проделать того, как оно, вообще, в истории всё возникает), практически все великие примерно так и работали.

Вот, допустим, то, что сейчас мы склонны приписывать Декарту, на самом деле это вовсе не его (не только его) личное порождение. Это достоверно установлено. Был так называемый «мерсеновский колледж» или «невидимый колледж». Это была довольно большая группа европейских интеллектуалов, которые постоянно переписывались друг с другом. И все письма шли через друга Декарта по фамилии Мерсен, который сам не был ни философом, ни методологом. Он был организатором. Через него шли все письма, и он со всеми философами Европы переписывался. И все мысли ходили по кругу. Соответственно,

была порождена определённая философия, которая впоследствии стала называться «декартовской».

То же самое можно сказать и про Ньютона. Он был главой Королевской Академии, которая тоже состояла из довольно большого количества людей. Они многое, что сделали. Но почти всё это потом приписали Ньютону. Сейчас разобраться, что сказал сам Ньютон, а что – какой-нибудь безвестный теперь Смит, очень трудно.

И в ММК было воспроизведено, практически, всё то же самое. Поэтому и методологические схемы порождаются только вот там, на самом верху мыслительной «возгонки», когда возникает такое, как бы, «замыкание»: вдруг ни с того, ни с сего, возникают некие работоспособные формы организации, либо способы принципиально новой работы. Их не было, а тут – раз! И этот способ, который вживую родился, оказывается, обладает удивительным свойством: его можно прикладывать к разным вещам для решения тех, или иных задач, которые раньше не решались.

Когда это всё вот так порождалось – это и было тем моментом живой мысли и возникновения новой методологической схемы. А как только это всё «вываливалось», когда мы нарисовали схему на доске, то это уже – «экскременты» – следы мысли, не более того. Уже материализованный, предметизованный след мышления, но не оно само.

Г.А. – Когда мы пытаемся реконструировать чье-то мышление, мы находимся, как бы, на правой стороне и пытаемся заглянуть в левую сторону, каким образом это происходило?

Берёзкин Ю.М. – Ну, в общем, да. То есть схематизация без вот этой проблематизирующей «возгонки» невозможна. Фактически, невозможна. Можно, конечно, как попугай, повторять те, или иные схемы, которые когда-то были кем-то порождены, но это совсем другая работа. Отнюдь, не та, которая, собственно, относится к методологической, по принципу...

А.Д. – А такое можно со 100-процентной точностью делать? Ну, имеется в виду, допустим, когда уже есть некий текст, он уже предметизован, и через него реконструировать те средства, которыми этот текст порождался? Или реконструировать вот ту проблему, которая тогда ставилась?

Берёзкин Ю.М. – Ну, при определенной тренировке, наверное, можно. Как тот же Попов несколько раз говорил... Он говорил, примерно, так: когда ты долго-долго-долго бьёшься над чем-то не решаемым, а потом – раз! И что-то происходит в сознании! Это начинает решаться. А поэтому, если долго-долго такими вещами заниматься, то, наверное, можно. Если же эпизодически и случайно, то, скорее всего, нет.

А.Д. – Происходят же попытки этому обучать?

Берёзкин Ю.М. – Да. Было несколько попыток. Но это... как бы, такое «ремесло». Александр Прокопьевич Зинченко (есть такой известный методолог – тоже ученик ГП) даже употребляет этот термин, очень часто. Он в ряде своих текстов утверждает, что методология – это некое ремесло, и как всякому ремеслу, ему можно научить. Но научить этому ремеслу можно только вживую... Не по учебникам, а вот так, примерно, как в старых средневековых цехах обучали.

А там было так. Четырнадцать лет подмастерье должен быть подмастерьем, который обязан смотреть, тщательно изучать, как работает мастер, и пытаться повторить, как он что-нибудь делает. Четырнадцать, не меньше! Лишь потом ему давали возможность сделать шедевр. Если шедевр не удавался с первого раза, то практику подмастерья продляли ещё на год. Потом снова давали возможность сделать шедевр. Как только он шедевр делал, и консилиум мастеров признавал, что это действительно шедевр, и ничего подобного раньше ни у кого не было, ему присваивался статус мастера, или магистра. Он получал лицензию, или право работать самостоятельно и иметь собственных подмастерьев. Вот, примерно, так же и здесь должно быть обучение поставлено.

В отличие от этого, наука всё технологизировала. Формальные методы перекладываются в учебники, учебники раздаются ученикам, всё вдалбливают им в голову, а потом просто спрашивают, как у магнитофона: «воспроизведи то, что ты заучил».

Г.А. – Местами до такого и доходит.

Берёзкин Ю.М. – Ну, так оно и есть.

Г.А. – Вот, что интересно: начиная от самой школы, детям вообще не прививают мышление. Им, например, дают задачу: посчитать площадь треугольника, и они, как автоматы, считают по формуле. Лучше бы им давать некую проблемную ситуацию. Т.е. взять пример из практики – нужно посчитать площадь куска земли какой-нибудь, условно говоря. Чтобы они из множества способов сами выбрали формулу площади треугольника и считали. Чтобы они соотносили то, что они делают, с какой-то неразрешимой задачей.

Берёзкин Ю.М. – Да. Георгий Петрович примерно два года работал в Академии педагогических наук и пытался вот то, что Вы говорите, на специально придуманных педагогических экспериментах с детьми разного возраста осуществлять. Там была у них целая группа: Георгий Петрович, Якобсон (я с ней не знаком) и ещё несколько человек. Они интересные эксперименты проводили. В них выяснилась масса очень любопытных вещей. Примерно в возрасте трех-четырёх лет у ребенка максимальные способности к рефлексии и к сочленению несочленимого. То, что взрослый человек никогда не сообразит, как можно одно с другим соединить – у ребенка это соединяется запросто. А это, собственно говоря, и есть живое мышление. И вот эта, как говорил Кант, способность к воображению, она и является главным механизмом порождения схем и, собственно, мышления.

К первому классу дети ещё сохраняют некоторые способности к рефлексии. Но уже первый класс частично убивает эти способности. К выпускному же классу – рефлексия у детей уже максимально уничтожена. Максимально! Человек – уже автомат, готовый вот к этой жизни в машинной цивилизации. Думанье – минимальное, ориентация на наслаждение – максимальная, а о мышлении – там, вообще, даже не слышали никогда. Если теперь перед таким выпускником обычного десятого класса ставить какую-нибудь серьёзную проблемную ситуацию или новую задачу – никаких шансов на её решение!

Из зала – Это же хорошо! Зато у нас больше шансов появляется!

(смех)

Г.А. – То есть это делается вполне осознанно? Значит, такие семинары по методологии должны быть преследуемы, что ли? По идее, не должны приветствоваться в обществе?

Берёзкин Ю.М. – Да. Это в обществе, мягко говоря, не приветствуется. Если бы Вы взяли серьёзно изучать это, например, книги читать, того же самого Георгия Петровича или других методологов, а не просто так, эпизодически, раз в неделю, в течение 2-3-х часов про это слушать, Вы бы во многих местах нашли, например, такие вещи, когда Георгий Петрович говорит: «Если вы выбрали эту стезю, то вы должны быть твёрдо уверены, что вас будут отстреливать, как шестиногих воробьёв».

Методологи в этом обществе являются «шестиногими воробьями», которые никому не нужны, на самом деле.

А.Д. – Тут же возникает такой провокационный вопрос: если человек – действительно методолог, то он может выработать такие средства, которые бы позволили ему в этом обществе работать. И вполне нормально.

Берёзкин Ю.М. – Конечно. Это не Щедровицким, тем более не мной, придумано, это давным-давно известно... Есть такая, давным-давно сказанная фраза: «Дух живёт там, где сам считает нужным жить». Это и Гегель говорил, и до Гегеля ещё говорили. То, что Гегель называл «Духом» (а в немецком языке «Geiste Wissenschaft» переводится, как «Наука о Духе», или на русский язык – «гуманитарные науки») касается и методологии... И, вообще, прикоснуться к мышлению вот в той точке рефлексивной «возгонки» можно только в том случае, если ты абсолютно свободен. Если тебя какая-то необходимость заставляет что-то другое делать – искать, например, большую зарплату, пытаться понравиться девушке или ещё чего-то подобного добиваться – любая такая прагматическая цель приводит к тому, что Дух оттуда уходит.

В этом смысле, Георгий Петрович был марксистом. И он не скрывал этого, часто Маркса цитировал и считал, что то, что сделали с нашей страной – это не марксисты сделали. И у нас на самом деле не марксизм был. Это – плод действий «марксидов». Были такие существа, которые в действительности не были марксистами, а были своеобразными уродами-мутантами от марксизма... Такая мутация марксизма произошла в своё время в нашей и некоторых других странах.

А Маркс говорил очень мудрые вещи. Он говорил, например, что высшее назначение человека – вырваться из царства необходимости в царство свободы. Свободным же человек может быть только тогда, когда прикасается к мышлению. Во всех остальных случаях, особенно в этой социальной жизни, человек никогда не бывает свободным, независимым от общества. Он всегда принуждён очень многими разными обстоятельствами, придавлен со всех сторон и вынужден делать не то, что он сам желает, а то, к чему его государство и всякие разные другие организационные механизмы принуждают.

Георгий Петрович говорил, что, поскольку мы все зажаты разными механизмами, нужно умудряться жить в «порах» этого общества. Т.е. там, где нет этих зажатостей. Для этого, собственно, вот такие семинары и проводились, где ничто никого не регламентировало, кроме самой мысли. Если ты поставил пе-

ред собой такую задачу, то, с одной стороны, ты должен понимать, что со стороны вот этих организованных всё это не будет приветствоваться. И это – в лучшем случае. В худшем же случае, если ты начнёшь слишком большую активность проявлять и, например, деятельностный подход пытаться распространить на своё рабочее место или на общество в целом, то дальше неизбежно начнётся реакция. И очень жёсткая. Георгий Петрович, например, из-за своей прямооты и честности больше двух лет ни в одной организации не задерживался. Работал за свою жизнь, наверное, в десятках двух-трёх из них: и в школе, в Академии педагогических наук, и в Спорткомитете, и в Институте дизайна, и в Институте философии, и ещё... Бог знает, в каких других организациях.

Г.А. – Значит, этим нельзя заниматься?

Берёзкин Ю.М. – Нет, почему же? Денис правильно сказал: если ты «правильный» методолог, или пытаешься, во всяком случае, хотя бы временно им быть, хотя бы иногда, то ты должен уметь вырабатывать такие защитные средства или «противоядия». Сделаться невидимым, например, для цензуры.

Г.А. – Но ведь те тексты, которые у него написаны, на первый взгляд, не противоречат официальной идеологии.

Берёзкин Ю.М. – Абсолютно не противоречат. Если ты можешь отрефлексировать, до какого уровня доходит цензура, и что она, вообще, в пределах фиксирует, то и не касайся этих вопросов, а рассматривай всё, хотя бы на шагочек, выше уровнем.

Ну, это, примерно, как в военной области. Если ты знаешь, что зенитка стреляет на 3 км, сделай самолет, чтобы он летал на высоте 4 км. Тебя никакая зенитка не достанет. Был даже реальный случай из этой «оперы».

В конце войны Молотову надо было лететь в Англию. А у немцев уже были реактивные самолеты. И что сделали? Сделали четырехмоторный самолет и ещё один специальный мотор – для того, чтобы он нагнетал воздух в эти четыре мотора. За счёт этого, просто, подняли потолок до 8 км, и он без помех пролетел над всей Германией. Его сколько ни пытались сбивать, так и не сбили.

Вот это вот, собственно, и означает: сработала мысль. Там, где у тебя необходимость принуждает делать что-то такое, что делать либо ты не хотел бы, либо это смертельно, включается мысль и находится нужный инструментарий (или средство), который позволяет эту задачу решить.

И.С. – Кстати, всё подходит под ту схему стратагемы, которую мы на прошлом семинаре рисовали.

Берёзкин Ю.М. – Да, подходит. И таких – очень много. Поэтому, когда Горький говорил: «рождённый ползать, летать не может», он, на самом деле, был неправ. Если тот же уж сообразит, что хотя он и рождён ползать, но придумает, что нужно, просто, заползти в самолёт, он полетит. Он самолёт при этом использует в качестве средства преодоления своей природной ограниченности.

А люди постоянно это и делают. Если, скажем, известно, что звук распространяется в воздушной среде со скоростью 330 м/сек, а нужно больше, придумывается средство, например, лазер, благодаря которому звук можно модулировать по частоте лазера. В результате оказывается, что звук возможно пере-

мещать со скоростью света. Более того, при определенной настройке лазера, звук может перемещаться, вообще, с любой скоростью, которая нужна. Необходимость отпадает, возникает свобода. Хотя бы локальная, но задача решена. И опять же – за счёт работы мысли.

Эта методология, чем отличается от других видов интеллектуальной деятельности: от философии, от науки? Тем, что ставит перед собой задачу инструментального отношения к жизни, к мышлению, к деятельности людей. Не так, как Кант считал, что категории – от Бога, что они – априорны и человеку заданы изначально Господом Богом. Здесь, просто, совершенно другое отношение: почему это, вдруг, они заданы? А может быть, с ними можно работать инструментально и технически? И возникает вопрос, решение которого под силу только мышлению. Вот, собственно, этим методология и занимается все 50 лет. В результате методологи нашли способы, как категории конструировать. И всё остальное подобное.

Жизнь вот в этом направлении и движется испокон века. Если бы этого не было, если бы не было мышления и таких вот прорывных вещей, то мы бы и жили в пещерах до сих пор.

Г.А. – Интересно, ещё вопрос возникает: откуда же оно тогда взялось? Когда появилось?

Берёзкин Ю.М. – Что?

Г.А. – Мышление.

Берёзкин Ю.М. – Тут ответ очень простой, хотя, на самом деле, очень сложный. Либо мы считаем, что существует только видимое. Ну, только то, что глазами можно увидеть и руками пощупать, и ничего другого нет – тогда это одна ситуация. Тогда мы, просто, обречены «ползать» и «пресмыкаться». Либо мы предполагаем противоположное, что, собственно, и сделали древние греки две с половиной тысячи лет назад, и с этого европейская цивилизация началась. А, допустим, китайская, индийская и другие восточные цивилизации ещё раньше к этому пришли.

И другая альтернатива следующая. Утверждается, что есть видимый мир и есть мир невидимый. Это – раз. Предполагается такое разделение. То есть, есть нечто такое, что никакими органами чувств пощупать, потрогать, ощутить нельзя. И второй шаг, вторая посылка в этом направлении: невидимый мир считается главным, а видимый мир, всё материальное, ощущаемое должно подчиняться и подводиться под то, как устроен невидимый мир (рис. 2).

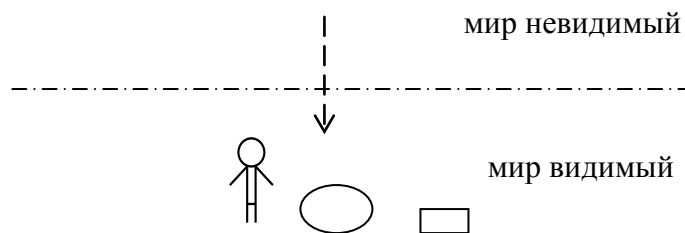

Рис. 2. Дуальность человеческого мира

В европейской культуре это было сделано, начиная с Аристотеля, который в качестве невидимого мира задал «Метафизику» (потом она превратилась в разного рода онтологии). На этом же предположении построены все религии: есть нечто такое, что за пределами видимого и осязаемого. Это – Бог. И в буддизме так, и в христианстве, и во всех других религиях.

И в методологии считается, что есть человеческое Мышление, которое существует само по себе, а есть люди со своими слабенькими сознаниями. Но иногда некоторые из людей могут вот в эту область Мышления себя вытягивать. Хотя бы временно. А Дух человеческий живёт сам по себе. И он может иногда на людях «сидеть», иногда, как у Лема в его фантазиях, на железках. Иногда, в других мирах, может – на каких-нибудь «пингвинах», как говорил Георгий Петрович, или, например, на каком-нибудь сложно устроенном интернетовском сайте, как говорил Копылов.

А.Д. – Ну, ведь, так или иначе, мы же знаем, откуда религии брались. Хотя бы по историческим реконструкциям. Откуда, например, реально появилась та, или иная религия.

Берёзкин Ю.М. – А откуда она появилась?

А.Д. – Ну, по крайней мере, в виде гипотез это возникает, что люди пытались объяснить некоторые природные явления. И, таким образом, за счёт того, что из мира природы...

Берёзкин Ю.М. – Если бы Вы это сказали любому религиозному деятелю, неважно, какому: христианскому, иудейскому, буддийскому, что вот именно вот так религии возникают, он бы после этого с Вами разговаривать не стал, и посчитал бы Вас за убогое существо, наподобие лягушки. Не более того.

Г.А. – Те, кто в этом живут, они же принимают всё это на веру.

Берёзкин Ю.М. – А что значит: «на веру»? Вот Вы, когда наукой занимаетесь, Вы ничего на веру не принимаете? Что есть «объекты» какие-то. Что есть истина. Точно так же! Просто один к одному! Я уже как-то говорил здесь, что был такой знаменитый философ Ричард Коллингвуд. Он считается классиком в области аналитической философии. То есть, как понятия строятся, как они развиваются и т.д. У него есть книга «Философия истории» и в ней же – «Автобиография». Возьмите, почитайте. Там очень любопытные вещи есть. Он пишет, что как-то прочитал книгу «Психология религии». Написал её английский психолог в начале XX века. Так вот, Коллингвуд пишет: «Когда я прочитал эту книгу, я ужаснулся». Там этот автор пытался вывести религию из психологических переживаний людей. Что-то там не ладилось, кому-то хотелось пожаловаться – вот и «придумали Бога»! И после этого Коллингвуд написал, и это повторяется теперь в очень многих работах, в т.ч. у методологов, как такая «цитата века». Он написал: «Психологизм – величайшее мошенничество XX века». То есть выводить из психологических феноменов такие вещи, которые онтологически укоренены в мире людей – это «величайшее мошенничество». Онтологически – это значит: в мире вне нас и без нас. Есть мы, нет нас – то, в чём религия живёт – оно всё равно есть. И оно всегда было.

Либо ты считаешь, что есть только человек с его слабеньким сознанием, и всё «вытекает» из этого слабенького сознания. Как из тюбика с зубной пастой:

надавил – мысль вылезла червячком. Или религия. Или ещё что-нибудь. Ну, и тогда всё это просто обречено, потому что теряются всякие основания жизни. Тогда максимальным образом нужно всё брать от жизни сейчас. Некоторые слои людей так себя и ведут.

Но если бы это было так, то человеческий мир давно бы кончился. И проблема состоит в том, что есть вот то, что там нарисовано за штрих-пунктирной линией (рис. 2), и есть то, что вот здесь, внизу – материальное, телесное, осязаемое и всё остальное, подобное. Между ними разрыв. И просто так этот разрыв, который принято называть в философии «трансценденцией», «трансцендентальной границей», не преодолеть. По одну сторону – одно, по другую – принципиально другое, просто так это пройти невозможно. Либо ты за счёт специальных усилий, специально организованных мыслительных действий пытаешься прорваться через вот эту вот границу в то, что тоже существует точно так же, как и ты сам. Либо – «дело – труба».

Как Декарт говорил: «Одно протяжённое, а другое – длящееся». Две совершенно разные субстанции. Они были всегда и они от людей не зависят. Просто, человек (и то не всякий) иногда туда может попадать, а абсолютное большинство человечков живут только вот в этом, осязаемом мире. Их и «стригут», как овец.

Рекомендуемая литература

1. Аристотель С. Метафизика / Пер. с греческого А. В. Кубинского. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 608 с. – (Антология мысли).
2. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 736 с. – (Антология мысли).
3. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М.: Шк.Культ.Полит., 1995. – 800 с.
4. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология / Редакторы-составители А.А. Пископель, В.Р. Ракитянский, Л.П. Щедровицкий. – М.: Шк.Культ.Политики. – 1997. – 656 с.
5. Щедровицкий Г.П. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология. Курс лекций / Из архива Г.П. Щедровицкого. Т. 4. – М.: Изд-во «Путь». – 2000. – 384 с.
6. Щедровицкий Г.П. Я всегда был идеалистом... – М.: Изд-во «Путь». – 2001. – 368 с.
7. Щедровицкий Г.П. Организационно-деятельностная игра. Сборник текстов (1) / Из архива Г.П. Щедровицкого. Т. 9. (1). – М.: Изд-во «Наследие ММК». – 2004. – 288 с.
8. Щедровицкий Г.П. Организационно-деятельностная игра. Сборник текстов (2) / Из архива Г.П. Щедровицкого. Т. 9. (2). – М.: Изд-во «Наследие ММК». – 2005. – 320 с.
9. Розин В.М. Мышление и творчество. – М.: ПЕР СЭ. – 2006. – 360 с.
10. Громыко Ю.В. Мыследеятельность: курс лекций. – В 3-х кн.: Кн. 1. Введение в теорию мышления и деятельности. – М.: Пушкинский институт. – 2005. – 384 с., ил.
11. Громыко Ю.В. Мыследеятельность: курс лекций. – В 3-х кн.: Кн. 2. Введение в методологию. – М.: Пушкинский институт. – 2005. – 480 с., ил.
12. Попов С.В. Организация хозяйства в России. – Омск: Изд-во «Курьер». – 1999. – 288 с.
13. Берёзкин Ю.М. Проблемы и способы организации финансов. 2-е изд. – Иркутск: Изд-во БГУЭП. – 2006. – 248 с.
14. Методология в России. [Электронный ресурс]. Режим доступа – www.circleplus.ru .

Научное издание

Берёзкин Юрий Михайлович

СЕМЬ ПРИКОСНОВЕНИЙ К МЕТОДОЛОГИИ

Издаётся в авторской редакции

ИД № 06318 от 26.11.2001

Подписано к печати 23.12.09. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная.

Печать трафаретная. Усл. печ. л. 16,0. Тираж 200 экз.

Заказ

Издательство Байкальского государственного университета экономики и права
664003, Иркутск, ул. Ленина, 11.

Отпечатано в «ООО Репроцентр А1»
666023, Иркутск, ул. Ал. Невского 99/2 (цоколь)
Тел. +7(395)254-09-40